MATONA

ПАРИЖ

Nº13

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Nº 13

www.glagol.jimdo.fr

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Владимир Сергеев
Наталья Черных
Татьяна Громова
Андрей Балабуха
Главный редактор — Елена Кондратьева-Сальгеро

Обложка:

Фото: Веры Бортник (1 стр), Марины Милинкович (4 стр)
Стихи на обложке — «Близорукое время» Елены Копытовой
Рисунки — художника Андрея Карапетяна
Дизайн макета — Татьяны Громовой
Корректура — ООО «Группа МИД»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ОЖИДАНИЯМ

Сли вы раскроете этот журнал и положите его себе на колени обложкой вверх, — в разделённых корешком фотографиях вы увидите настоящее и будущее.

Настоящее справа. Будущее — на последней странице. Связь между ними каждый считает с картинок сам.

«Близорукое время»: одними этими строками поэта Елены Копытовой можно было бы заполнить и закончить предисловие, но я из вредности кое-что добавлю.

Мы переживаем горе, хаос и абсурд. Почти как всегда, но много решительнее обычного.

Мы ещё больше разругались, испугалсиь и разделились. На этот раз, не по вкусам и не по идеологиям, а по самому мощному и самому больному: мы разделились по вере. Мы разделились на тех, кто поверил в страх и подчинился страху. И тех, кто усомнился в страхе и почувствовал другую беду, за той, которой напугали.

Нам обещают «новый мир», где всем будет сыто и одинаково, откуда никому и ни в коем случае не позволят вернуться к старому. Обещают, собственно, не впервой. Но на этот раз как-то уж слишком настойчиво и размашисто. Что само по себе осаживает и настораживает.

Осаживают нестыковки и недоговорённости. Настораживают умолчания. Обескураживают преувеличения, дикие, несоразмерные, противоречащие воочию наблюдаемой действительности. Ошеломляют спешные и односторонние решения. Огорошивают бессмысленные запреты.

Но по-настоящему пугают только люди: не объявления прошедших и грядущих катастроф, не действия управителей, а внимающие им люди и их реакция на происходящее. И они же, люди, вдохновляют и укрепляют. Можно сказать, хранят надежды в ежовых рукавицах.

Потому что не все, кого напугали, сдались и начали сдавать. Многие не сломились, хоть и отступили в невидимые миру катакомбы, где продолжили творить историю и охранять память.

В сущности, нам ведь и это знакомо, по разным эпохам, с разными нюансами. Мы ведь и это переживём и выживем, может быть, даже скорее, чем предполагалось.

И любой «новый мир», если его продолжит населять человечество, когда-нибудь снова станет прежним. Не всегда приятным, во многом несправедливым и часто порочным, зато не асептизированным, а пыльным и родным, как любимая в детстве песочница, и иногда чудесным — местами и моментами.

Главное — не отчаиваться, ожидая развязки, и продолжать делать своё дело.

Мы делаем.

Елена Кондратьева-Сальгеро, главный редактор литературного альманаха «Глаголъ»

СОДЕРЖАНИЕ

я)	4
О вредности жизни в эпоху прогресса	8
История и прогрессизм	
ика).Солнечный удар	16
* *	
Последний поцелуй	
Половина меня	32
я)Вне сюжета	35
Такие, как я	51
На заснеженных поездах	57
Забыв про корни в гуще трав	84
Изолит	88
Петербург и Москва	99
Загробная месть императора (окончание)	104
Подавляющее меньшинство, или Разгон	
Усадьба утрачена. Россия далеко	159
Миф об Эль Греко у Мальро и Кокто	
Несвятые святые Латвии	180
Вилфред Ромоли: «Он был диктатором,	
но паинек не признавал»	202
«Поэзия — дело тихое»	
(интервью с Валерием Дударевым)	208
ытий	
А.В.Е. Суматра	220
Мастер Амаркорда	
	258
2 2	260
	ма). Солнечный удар

Людмила Шабалина (Россия)	.Бабушке	261
Галина Магола (Россия)	В изменённом сознании дня	261
Елена Наильевна (Россия)	.Лети! Мама велит надевать потеплее шапку	262
Александр Шведов (Россия)	. Портрет отца	263
Александр Рашковский (Норвегия)	.Неудивительно	263
Светлана Андроник (Украина)	.Ветреное	264
Валерий Поланд (Россия)	.В Санкт-Петербурге двадцать	265
Дмитрий Шунин (Россия)	.Остановка	265
Анна Горелова (Россия)	Мальчик	266
Андрей Медведев (Россия)	.Пальто	266
Анатолий Столетов (Россия)	.Сон о дожде	267
Кира Скиба (Россия)	.De Pālīs	268
Виктор Шендрик (Украина)	. Сбитыйлётчик	271
Кира Марченкова (Россия)	.О людях и деревьях	272
Софья Швец (Россия)	.Пехорка. Июнь	273
Отражения		
Вера Бортник (Франция)	.Церкви, мыши и коты	276
Владимир Сергеев (Россия/Франция)	Женщины в небе войны (перевод с французского,	
	отрывки из книги Мартин Гей)	293
И конечно — фантастика!		
Елена Арифуллина (Россия)	Пополнение	312

Наши иллюстраторы

Андрей Карапетян (Россия)

Художник-график, поэт, прозаик. Живёт в Санкт-Петербурге. По образованию инженер-конструктор.

НАШ ВЗГЛЯД

© Художник Андрей Карапетян

Александр Дубровский (Россия, Москва)

Родился в 1961 г. в Саратовской области. С детства мечтал об авиации, поэтому закончил МАИ, планировал долго и плодотворно трудиться над конструириванием новых авиационных двигателей. К сожалению, жизнь распорядилась иначе, и в настоящее время являюсь владельцем многопрофильной группы компаний. Писать начал в начале нулевых, веду свой блог «Иррациональность правит миром», публикуюсь в ведущих интернет-изданиях России.

О вредности жизни в эпоху прогресса

Жизнь — вредная штука. От нее все умирают» C танислав Eжи Ле μ

Снекоторых пор не даёт покоя мысль о вредности жизни, которая усилиями научно-вирусного сообщества мгновенно возросла чуть не по экспоненте, устремившись в бесконечную высь. Тут ещё масла в огонь регулярно подливают близкие, озаботившиеся здоровым питанием: это, мол, употреблять можно, но дозированно, а это нельзя, причём категорически. Не помогает даже классика: лучше тридцать лет питаться мясом, чем триста — падалью.

Шутки шутками, но если откровенно, я и сам сильно недолюбливаю ГМО и туалетную бумагу в колбасе, а также безвкусные ярко-красные помидоры, равно как и все прочие фрукты-овощи, приобретшие идеальные калиброванные формы и одновременно потерявшие способность к порче в разумные и привычные с детства сроки. Что уж говорить про всю остальную отраву в неимоверной красоты упаковке с сомнительным содержимым, подробно расписанным мелким шрифтом.

В общем, одно расстройство, так и норовящее оборвать жизненный цикл, либо, как минимум, сильно его сократить, причём с мучениями и побочными эффектами, в том числе от продукции фармакологов, стоящих, естественно, на страже нашего драгоценного здоровья и счастья в придачу.

И это только часть жизненной вредности, употребляемой внутрь, где она производит свою незримую, но весьма ощутимую и болезненную работу. Во всяком случае, так говорят люди сведущие и понимающие толк в правильной и здоровой жизни.

Добавим сюда атмосферную катастрофу, напичканную ПДК всевозможных техногенных выбросов, грозящих смертью всему живому, в том числе самой планете со всеми её ещё вчера вечными ледниковыми шапками, тающими на глазах изумлённой публики.

Да, чуть не забыл о свежем гвозде в гроб цивилизации: это всякие разные искусственные излучения от коротко- до длинноволновых, в которых мы уже совсем задыхаемся, не имея возможности спрятаться нигде, разве что в гробу и в белых тапочках, отчего становится совсем грустно.

Короче, доигрались, устроив бизнес из всего, в том числе из жизни и смерти. В результате на повестке во весь рост встала тема высокотехнологичных аватаров с полноценным искусственным интеллектом, индифферентных к состоянию убитой биосферы и даже к полному её отсутствию, что вовсе ставит вопрос о ненужности хронически больных двуногих организмов, страдающих в объятиях цивилизационных достижений и неспособных без масок и перчаток противостоять даже элементарным вирусам, сопровождающим человечество всю историю.

На этом свою бытовую апокалиптику завершаю, ибо отягощать её подорванной психикой, стрессами и статистикой спонтанно растущего количества смертельных недугов уже будет перебором. Потому просто задаю один элементарный вопрос:

Почему, при условии начисто убитой биосферы, люди сейчас живут много дольше и здоровей, чем их предки?

Скажем так: лично я знаю гораздо больше людей здоровых, так же, как и я, живущих полноценной жизнью, вообще не знакомых с больничной койкой и избегающих малейших контактов с медициной, чем людей хронически больных и не доживающих до пенсионного возраста.

Понимаю, что вторых немало, как их много было во все времена, но от фактов никуда не уйдёшь: средний возраст человечества за пару-тройку столетий увеличился чуть не в два раза. И чем дольше живут люди, тем больше информации, что вот-вот мы все умрём, потому как жить и дышать стало невыносимо вредно, и надо бы всем самоизолироваться, а если приспичило выйти на воздух, то по пропускам и желательно в скафандре. А чтобы никто не скучал и не вспоминал о правах человека, в том числе неотъемлемых, информационная лента тут же подбросит уже высоконаучную апокалиптику с графиками, диаграммами и формулами конца света.

Так что, прав Станислав Ежи Лец: жизнь вредна, от неё умирают. Зато чертовски интересно: чем же всё-таки закончит взбесившийся коллективный разум? Неужто так же коллективно потеряет чувство юмора и способность понимать шутки, в которых только доля шутки:

«Мой дед до самой смерти в сто пять лет во время каждой трапезы ел икру и пил хороший французский коньяк. Пять раз в неделю ел полукилограммовый стейк и выпивал бутылку старого итальянского красного вина. Раз в неделю по его просьбе мы заказывали ему двух проституток и четыре дорожки кокаина...

- Отчего же он умер?
- Мы его убили. Невозможно было дальше тянуть такие расходы...».

Эльвира Дюбуа-Ильина (Франция)

Родилась в Чебоксарах, закончила филфак Чувашского госуниверситета (ЧГУ), преподавала в школе, затем в университете. Живу на юге Франции, занимаюсь переводами и пишу о своей любимой стране.

История и прогрессизм

есколько дней ездили по Провансу. Благословенные места, щедрая плодородная земля, ровные ряды виноградников, лавандовые поля, очаровательные провансальские рынки... Одна сплошная лепота. Душа возносится и блаженствует.

Но хочу написать о другом — о том, что так здесь было не всегда. О том периоде истории, который постарались забыть, замазать, опустить над ним занавес. О том времени, когда весь юг Франции от Испании до Италии был под властью сарацинов, или мавров, в общем — мусульман. Но сегодня этого эпизода — трех столетий! — в сознании французов как бы вообще не существует.

Дело в том, что сразу после покорения Испании сарацины двинулись на Францию. Уже в начале восьмого века они захватили Безье, Агд, Нарбонну, Ним, Каркассон, Монпелье и даже чуть не взяли Тулузу! Все эти города на побережье, которые оказались под сарацинами, получили свое арабское название. (Кстати, сегодняшние мусульмане по-прежнему их так и называют). Потом сарацины завоевали Прованс: Марсель, Ницца, Экс-ан-Прованс, Арль, Антиб, Фрежюс... Недалеко от Сен-Тропе находился мусульманский форпост под названием Фраксинет, который служил стратегическим местом для нападения на другие города, вплоть до Италии. Арабо-мусульманское присутствие в этих местах осталось и в географических названиях — об этом, например, свидетельствует Массив Мавров (Massif des Maures).

Вот, например, как писали об этом в хрониках того времени:

«Они захватили этот край, не пощадив ни одного города, ни одной деревни; вскоре вся область к югу от реки Вердон была под их властью...» Почти все население Экс-ан-Прованса было отправлено в рабство в Африку. Мужчин кастрировали (евнухи у них стоили в четыре раза дороже некастрированного раба), женщин, понятное дело, насиловали, отправляли в гаремы, с сопротивляющимися жестоко расправлялись. (см. «Европа и ислам: 15 веков истории»¹).

¹L'Europe et l'islam: 15 siècles d'histoire. Odile Jacob, 2009.

Лангедок и Прованс таким образом регулярно подвергались разграблению, а население — уничтожению. Есть на побережье один портовый город, который заплатил наибольшую человеческую дань. Это городок Мартиг, что рядом с Марселем. Его население из года в год угоняли в рабство, но вот что-то никто об этом не вспоминает.

Кто знает сегодня имена освободителей от жестоких сарацинов и мавров? Кто знает Карла Мартелла (во французском произношении Шарль Мартель) и Гийома Освободителя? Практически никто. Если и слышали имя Карла Мартелла, то только в том смысле, что это «герой правых экстремистов», потому что «крайне правые выдумали про войну с исламом». Которой «на самом деле не было и нет». То есть французы знают, что знать про это нехорошо. Что сразу начинает «дурно попахивать», что «надо быть осторожным», что надо «рассматривать факты под правильным углом зрения», иначе фашизьм!

Взаимоотношения европейской цивилизации с исламом давно уже интерпретированы во Франции в «мультикультурном» ключе, согласно которому никаких арабо-мусульманских нападений и порабощения французской территории не было, а было «сосуществование», или «присутствие». Или, что еще лучше — «встреча» двух цивилизаций, так сказать, «первый контакт».

Большинство современных историков (яркий тому пример — недавняя «Всемирная история Франции» под руководством Патрика Бушерона¹) отказывается от прежнего изложения истории страны в парадигме так называемого «национального романа». История Франции традиционно излагалась как последовательность событий, имеющих высокий смысл — сотворение французской нации. Это была история великой нации, и ее герои — предводитель галлов Верцингеториг, победитель сарацинов под Пуатье Карл Мартелл, расширитель христианского мира и император Запада Карл Великий, спасительница Франции Жанна д'Арк и другие — вызывали почтение и восхищение.

Но вот уже полвека как «национальный роман» заменен национальным самобичеванием. Францию стало принято обвинять в «преступлениях против человечности» — рабовладения, колониализма, депортации евреев и т.д. Поэтому для современных историков, для которых уже не существует понятий «народ» и «нация», а существует только безличное «население», совершенно логично, что мусульмане не были завоевателями. Ведь не записано же на этой земле, что она принадлежит французам? И это несмотря на то, что травма, нанесенная арабомусульманскими завоеваниями, была так сильна, что в течение многих последующих веков любой жестокий враг ассоциировался у французов

¹ Patrick Boucheron. Histoire mondiale de la France. Seuil, 2017

© Художник Андрей Карапетян

с сарацинами, и тому есть многие свидетельства в произведениях литературы и живописи.

Как им удалось перелицевать историю, поменять минус на плюс и плюс на минус? Как им удалось представить захватчиков-рабовладельцев, жестоких мучителей — жертвами, а Францию, покончившую с рабовладением в бассейне Средиземного моря — страной «рабовладельцев», «колониалистов» и «системных расистов»?

Дело в том, что над этим серьезно поработали. Вот несколько манипуляционных схем, позволивших «деконструировать» историю, а значит, настоящий смысл тех событий.

- 1.Попытки морально дискредитировать Карла Мартелла и вообще подчеркивание «жестокости» французских королей и феодалов, а также «агрессий» со стороны европейских соседей, чтобы на этом фоне забыть про жестокость мусульман.
- 2. Сопоставление даты победы Карла Мартелла над сарацинами при Пуатье (732) и дату поражения французов в 1356 году в битве против англичан в «другой битве при Пуатье» (sic! ну ничего уже не стесняются!), которая произошла в рамках Столетней войны чтобы таким образом стереть понятие цивилизационной войны с исламом и покончить с «легендой о христианском спасителе Карле Мартелле».
- 3. Одновременное описание тех событий и с французской точки зрения, и с арабо-мусульманской («для объективности»), чтобы привести к мысли, что «они хорошие» и «нам не стоит воевать».
- 4. «Обе армии были "разнородные", то есть «состояли из представителей разных этний» для отрицания того факта, что это была битва между христианством и исламом.
- 4. Вкрапление выдуманной «истории про любовь» арабского военного предводителя и захваченной им дочери французского феодала (когда на самом деле последняя просто-напросто оказалась военной добычей) для того, чтобы за псевдоромантической историей люди забыли, кто здесь враг. Без стеснения предлагается версия алжирского писателя Салаха Гемриша (у которого даже нет исторического образования), который вводит в своей книге «Абд эр-Раман против Мартелла» издевательски снижающее понятие «синдрома Пуатье».
- 5. Карл Мартелл таким образом оказывается «героем крайне правых», и чтить память битвы при Пуатье сродни «фашизму».

Что и требовалось доказать.

Итак, мысль Шатобриана о том, что Карл Мартелл спас Францию от исламской опасности, оказывается ошибочной! Впрочем, роялиста и христианского писателя Шатобриана предпочитают совсем не упоминать, тем более что классика из школьного образования и культурного пространства практически изгнана.

Открытая дезинформация и демонизация патриотических тем позволяют насаждать новую, выдуманную историю, ничего общего не имеющую с тем, что было в реальности. История, преподаваемая с сегодняшних кафедр, приведена в соответствие с доминирующей идеологией прогрессизма — в нее вписали исламофилию, «освободительную борьбу» меньшинств, феминизм, презрение к прошлому, пацифизм и отрицание национальной идентичности.

Поэтому неудивительно, что французы в большинстве своем не знают истории своей страны.

Они не знают, что Франция колонизовала Алжир в 1830 году в первую очередь для того, чтобы покончить с угоном европейцев — в основном итальянцев и французов — в рабство в Африку! Чтобы прекратить пиратство барбаресков на Средиземном море! Они не знают, что в Средние века мусульманами было угнано в рабство три миллиона европейцев!

А жить на южном побережье Франции было опасно вплоть до 1880 года.

Макрон сказал ничтоже сумняшеся, что «Франция совершила в Алжире преступление против человечества». И Олланд говорил то же самое, и Ширак. Франция не перестает виниться и ненавидеть себя, и многие поколения выросли на этой идее преступности своей цивилизации.

А вот мусульмане, живущие сейчас в этих самых городах на побережье, прекрасно знают о том, что эта земля была когда-то мусульманской, и знают, что она вскоре опять будет принадлежать им. Если французы не проснутся.

© Художник Андрей Карапетян

О ВАЖНОМ В ПРОЗЕ И В СТИХАХ

© Художник Андрей Карапетян

Юрий Ковальчук (Луганская Народная Республика)

Журналист, начинающий писатель, автор цикла рассказов о боевых действиях на Донбассе в 2014 году. После начала конфликта проживает в Луганской Народной Республике. В прошлом ополченец и военнопленный.

Солнечный удар (психоделический рай в шалаше)

ачальство, как всегда, чудило. Сначала, после ночного бдения на блокпосте, не дав даже перекусить, скомандовали грузиться в трофейную шишигу и ехать одному Богу известно в какие дебри. В шишиге болтало так, что Туз опасался, как бы кто-то не нажал нечаянно на спусковой крючок и не застрелил себя или товарища. Салаг, не научившихся ещё ставить оружие на предохранитель, хватало.

Долго прыгали между какими-то полузаброшенными аулами и раздолбанными фермами, между терриконов и глубоких балок, продирались через кустарник и дубовый подлесок. А потом внезапно шишига встала просто посреди степи. Выгрузила свою начинку и уехала. На прощание водитель, которого тщетно вопрошали о смысле своего пребывания в этом месте, выдал пулемётную очередь ругательств и был таков.

Рация молчала, изредка подавая признаки жизни лёгким потрескиванием. Бойцы посидели некоторое время, лениво переговариваясь, а потом привычно плюнули на всё и расползлись под сень кустарника и громадных валунов, торчащих из хрящеватой донбасской спины подобно позвонкам.

Дремали, ели тушёнку, курили до горечи омерзительные солдатские сигареты, опять дремали. Наконец, как следует отдохнув, отъевшись и заскучав, решили чем-нибудь развлечься.

- Окоп, что ли, выкопать?
- Давай, родненький. Ты погляди, какая тут жесть лопату разве что сломать.
  - Стрелять будут руками выкопаешь.
  - Ну, так пока и не стреляют...

С горем пополам выдолбали несколько лёжек и обложили их камнями. Обустроили наблюдательный пункт. Даже некоторое время полежали каждый на своём месте, как будто ждали боя. Потом надоело, и все собрались у расщелины между двух валунов, где развели скрытно небольшой костерок.

Вот уже завыла где-то вдалеке выпь, разгулялись ледяные, какие бывают только в степи, сквозняки, но никто так и не появился. Устав от безделья, привычные спать при первой возможности — в любое время,

в любом месте и в любой обстановке, бойцы один за другим проваливались в сон. Время от времени кто-то просыпался, вздрогнув, от собственного храпа, затем опять засыпал. Выспались так сладко, как не спали, пожалуй, с самого начала войны. С рассветом проснулись, вновь наелись тушёнки, потом просто бессмысленно валялись на выбранных позициях.

Около восьми утра вернулась шишига. Водитель, ещё более осерчавший от бездорожья, привёз подкрепление и железяки. Гаркнул, укутав всех, как пледом, витиеватым матом.

— Разгружай, мне ещё тащиться...

И много ещё чего сказал, всё по матушке.

Сухие, в жёлтых слитках мозолей, жадные до работы мужские руки в один миг расхватали цинки с патронами, улитки для автоматического гранатомёта и прочий скарб. С особым почётом вытащили наружу ПТУР.

— Охренеть! Танки ждём? А кто стрелять будет?

Новоприбывшие, растерянно озиравшиеся вокруг, пожали плечами.

— ПТУРщики тут есть?

Снова тишина.

Пытались вернуть ПТУР водителю, но тот лишь взвизгнул от злобы и поскакал по ухабам куда-то, ругаясь, наверное, в своей раскалённой душегубке на чём свет стоит.

Новоприбывшие смысла происходящего не знали — их тоже сдёрнули с какого-то наблюдательного пункта и отправили загружать шишигу, а потом в качестве довеска отправили вместе с боекомплектом и оружием в белый свет как в копеечку.

© Художник Андрей Карапетян

Спать было скучно, поэтому увидев, что приехавшие только что бойцы начинают дремать, зашикали на них.

— Давайте окапываться, а то теперь точно кто-то появится, а мы тут с голой жопой — x...я получится.

Туз весомо добавил.

— Особенно если Вымпел с тылу зайдёт...

При упоминании нелюбимого буйного и дурноватого комбата все расхохотались.

На этот раз изучили место как следует; использовали все возможности — ложбинки и складки почвы для того, чтобы максимально замаскировать позиции. И всё же к полудню закончили и опять стали скучать. Ели, курили, изредка переругивались беззлобно, ходили друг к другу в гости.

После обеда где-то невдалеке начали постреливать. Из-за посадки на холме, перерезающей блеклое небо, потянулся трубой чёрный дым. Разговоры прекратились, все разошлись по местам в сотый раз проверять и перепроверять оружие.

Когда Туз выбирал себе место для лёжки, оно казалось ему идеальным, но теперь солнце стояло в зените и нещадно барабанило своими липкими лапами по его голове. Он жадно впитывал в себя порывы весёлого степного ветерка, пробегавшего порой мимо, потел и мечтал, чтобы всё это нелепое, залитое жужжанием насекомых и давящим небом «ничего» поскорее закончилось.

От скуки Туз стал вспоминать.

Ветер волновал ковыль, и тот клубился перед ним зелёным варевом. Туз вспомнил, как в детстве очень похоже смотрел на зелёную муть тёплой речки, лёжа на горячем носу отцовской моторки. Заскрежетал где-то фазан, чирикнула какая-то птица. Всё почти как тогда, два десятилетия тому назад. Как будто истончилась реальность — того гляди порвётся. Натянулась, вздулась пузырём, так что, если как следует ткнуть в неё чем-нибудь, ну, вот, например, стволом противотанкового ружья, мир лопнет и повиснет лоскутами, а Туз поплывёт вперёд и вперёд, рассекая эту тёплую зелёную воду.

И если вдохнуть как можно больше воздуха и нырнуть туда, вниз, где ил и страшные усатые сомы под корягами, которые, если верить рассказам старших пацанов, запросто могут утащить туда, к себе, неосторожного ныряльщика и потом долго питаться его протухшими останками; если как следует проталкивать себя всё глубже и глубже, там будет совсем темно и прохладно...

Бессознательно Туз вытянулся и начал извиваться, как будто плыл под водой, и укололся об острый стебель щекой. Машинально потёр лицо, вытер пот, заливающий глаза, и вновь принялся заглядывать сквозь прицел ружья в манящий зелёный омут.

Постепенно он стал осознавать где-то очень глубоко внутри себя ритм, в котором двигались волны ковыля. Весь подбирался, следуя за ритмом... Вскоре он постиг всю картину разнонаправленных движений

травяного моря и с необъяснимым восторгом снова и снова угадывал, куда на этот раз двинутся волны.

Треск перестрелки и грохот взрывов нервировали даже больше, чем едкий пот. Казалось, что всё вокруг расплавилось и жарится, как на сковородке, на этой костлявой спине с глупыми валунами позвонков. Это солнце — оно жжёт так, что всё вокруг трещит, как мясо на противне. И сам Туз, конечно, трещит, потому что тоже жарится. Просто он этого не слышит. Чтобы удостовериться в том, что он жарится, Туз поднёс к глазам свою руку и посмотрел на неё. Рука была большая и красная, с оспинами, выдавленными камнями и щепками.

Если Туз смотрел поверх ковыля, он мог видеть, как солнечные лучи тянутся полупрозрачными венами сквозь дикое поле и по ним толчками вспыхивают какие-то блики, может быть, даже образы.

Что-то очень сильно ухало рядом, отдаваясь болью в висках, будто колотили тяжёлой палкой по сырой резине. Туз понял, что это солнце бьёт его, толкает в затылок и макушку, заталкивает ему в сосуды что-то жаркое, как будто нелюбимые мягкие игрушки, которыми мама обкладывала его, когда он болел. Обкладывала их жаркими и пыльными телами, а потом ещё укрывала одеялом. Таким же тяжёлым и жарким, а посреди ночи влажным от пота.

Впереди начали расцветать огненные цветы. Это плевки солнца, приземляясь, расплёскивались. Это его жирные медовые слёзы капали, разбиваясь. Это толстые ломти старого сала. Старое солнце. Больное ватное солнце...

Из-за деревьев на холме напротив зелёной соплёй выдавило бронетранспортёр. На нём, словно на жабе с названием из детства Суринамская Пипа, как детёныши, сидели враги. Соплю передёрнуло на ходу, и она тоже плюнула жарким.

Туз не мог стерпеть ещё больше жары. Он увидел жабу в прицел и плюнул жаром в ответ. Она присела на задние лапы, задрала морду и рыгнула огнём. Её детёныши смешно, по частям, вверх тормашками, разлетелись во все стороны.

Туз задрал потный студень лица в белое небо и бешено захохотал от увиденного.

Из-за деревьев уже лезли новые жабы, зелёные, лысые, ощетинившиеся сочащимися жиром жалами, брюхатые своей смешной икрой. Туз подвывал и вспарывал им животы, вгоняя в них солнечные лучи, как осколки стекла.

Весело было ему. Жарко и весело. Тепло и жирно, умытому едким потом, в объятьях старого толстого солнца.

Кожа на руках пошла волдырями. Ружьё раскалилось и перестало стрелять. Туз бросил его. Он встал. Пошатываясь и хрипя что-то пересохшим своим нутром, пошёл, размахивая руками, как будто пытался вспугнуть ворон.

Солнечные плевки лопались вокруг, но он шёл и шёл, грозя кулаком то волнам ковыля, то солнцу, то слепому небу.

Наталия Юркевич (Латвия, Даугавпилс)

Закончила филологический факультет Латвийского университета. Долгое время занималась внеклассной работой в Даугавпилсском техникуме. В данный момент на отдыхе.

Полюбите меня лягушкой

Босоножка и сапог

Часы всё так же: тик-и-так, неторопливо, понемножку. Не знаю, может, неспроста в моей прихожей босоножка Лежит, загадочно искрясь, вся в мелких камешках и стразах. Не только снег, но даже грязь она не видела ни разу. Не показали ей траву и лес, и речку, и болото. Она не знает, как живу, как добираюсь на работу, Чем утоляю аппетит и успокаиваю нервы... Она блестит себе, блестит, себя воображая первой. А тот, кто к ней излишне строг, наверно, прав, но лишь отчасти. Она не вышла за порог. И что? Возможно, в этом счастье. Она свежа, она чиста и никогда не будет старой. Вся жизнь понятна и проста. К тому же... можно жить без пары.

Лежит, забившись в уголок, всё в тех же камешках и стразах, И на резиновый сапог слегка косит лиловым глазом. А он и бровью не ведет (Допустим, что имеет брови). Но мне уже не первый год он служит верой и любовью С другим таким же, только он всегда себя считает правым, Хотя у них один фасон. А в остальном — имеет право. И снова время: тик-и-так. Под старой лампой вьются мошки. Всё хорошо, но мне никак не обойтись без босоножки, В которой толку — ровно грош. (Она у нас невыездная). И если ты сюда придешь, что делать, обе мы не знаем. Волнуясь, слушаем шаги. Торчим у скважины замочной. Не спим... И только сапоги стоят уверенно и прочно.

Невеста клоуна

Она, наверно, заколдована. Кто расколдует?

Кто спасёт?
Смешно-то как: невеста клоуна.
Ну неужели это всё?
И дальше ждать от жизни нечего —
Ни взлётов, ни весенних гроз,
А лишь смотреть с утра до вечера
На этот круглый красный нос
И на потешные движения,
И на улыбку в сто карат,
И всё оправдывать служением,
Да так и есть... на первый взгляд,
А на второй — ну что тут нового?
Была великих планов тьма.
Но стала ты невестой клоуна,
Без принуждения, сама.

А жизнь везде обыкновенная: То суета, то маета. Летают птицы над ареною, Но им до неба не достать. Грустить заведомо не хочется. Вот потому и не грустим. Но как же здорово хохочется, Когда наложен плотный грим. Какие взгляды зачарованно Следят за ним из года в год! Теперь он стал

не просто клоуном. Он дышит так. Он так живёт. И открывает представление, Как сотни тысяч дней назад, Найдя глазами на мгновение Второе место. Первый ряд.

Как надо...

Природа никогда не врет. Ей просто хочется полета. Снег падал задом наперёд В ночь с воскресенья на субботу. Он до сих пор ещё летит И затихает постепенно. Теперь по небу не пройти — Лежат сугробы по колено. Укрыли каждую звезду Уютным тёплым слоем ваты. Но скоро дворники придут, Возьмут огромные лопаты. Начнут дорожки расчищать, Короче, наводить порядок. И снег посыплется опять, С небес на землю. Так, как надо.

Музыка

Мы тащим на себе грузы, как Верблюды, ишаки, кони. Проснитесь, госпожа Музыка. Не стыдно быть такой соней? Пройдите лабиринт вычурный, Простите, что у нас сложно. Но мы Вас не хотим вычеркнуть, Мы тихо посидим. Можно? За Вами не всегда следуем, Мешает вечно нам что-то. А Вы опять с утра бледная. А может быть, не с той ноты Сегодня встали Вы?.. Надо же! Не плачьте... Просто так вышло. ...А в вазочке звенят ландыши. Но только их едва слышно...

Гончие псы

Какая из сов — Сова?
Да та, что мудрее.
На чаше весов слова
Стремительно зреют,
Чтоб чаша упала вниз
Под тяжестью слова.
Да ладно, подвинься, плиз...
Какие мы совы?

Мы два бестолковых Пса Случайной породы. Пусть будет тепло носам В любую погоду. И если несётся лай, Пугающий звёзды, В нём десять процентов зла, Тепла — девяносто.

А мудрость придёт потом, Внезапно... однажды... Ты ловишь снежинки ртом. Для смеха? От жажды? И больше не нужно слов. И так всё известно. В Созвездии Гончих Псов Держу тебе место.

От и до

От забора до забора — Мой участок. И дорожка от крылечка До калитки. Эти вечные «не скоро» «И не часто», Ни привета, ни ответа, Ни открытки.

От печали до печали — Два притопа, И распахнутое небо В пятнах белых. Ошибаемся в начале, Копим опыт, Только вот потом не знаем, Что с ним делать.

От начала до финала — Путь не длинный, Если быстрыми шагами, Без оглядки. Кто-то грустный и усталый Смотрит в спину, Убеждается, что с нами Все в порядке.

Что нам стоит дом построить На контрастах? Дождь загадочный на окнах Чертит знаки... От забора до забора — Мой участок. И табличка: «Осторожно. Нет собаки».

Солнечный свет в фонтане

Я не громко. Шепну на ушко Всем, кто близко

и слышать может:

Полюбите меня лягушкой, Всю такую в зелёной коже, Всю такую — с зелёным взглядом Пучеглазых очей бездонных. Мне от вас ничего не надо. У меня бриллиантов — тонны. Их дают иногда на сдачу, Если мелкой монеты нету. Не ношу. Раздаю и трачу, И транжирю по белу свету.

А повсюду несутся визги, Уличающие в обмане: «Это блеск, мишура и брызги! Это солнечный свет в фонтане! Он дешевый, пустой, поддельный И другим никогда не станет». Всем незрячим скажу отдельно: Это солнечный свет в фонтане!!! И летят золотые мушки. И плывет золотая пена. Полюбите меня лягушкой. Это сложно. Зато бесценно.

Захолустье

Нас тут знает каждый кустик, Каждый камень у реки. Потому что в Захолустье Все по-своему близки. Строго рядом — домик к дому, Этажей не больше двух. Вон идёт соседка Тома. Вон в углу сидит Лопух. Дядя Фёдор хлещет пиво, И поэтому живой. А вдоль улицы крапива — Вечный уличный конвой. Ну а как же без конвоя? — С ним как будто веселей. Ночь нагрянет, и завоет Пёс Аркашкин Бармалей. Нет ума — считай калека. Впрочем, если по уму: Лишь бы он не кукарекал.

Без него тут есть кому. Тот взлетит легко и гордо На рассвете на забор И такое выдаст «forte», Что созреет помидор, Огурец раскинет плети, И картошка сбросит цвет. Никому поспать не светит. «Просыпайся, старый дед», -Сам себе сказал и вздрогнул. (Разговаривать-то с кем?) И поплёлся дергать свёклу У сарая в холодке. Вроде силы на пределе. Но пошёл — и понеслось. Не валяться же в постели И копить на сердце злость. Жизнь вцепилась — не отпустит. Ухватилась, как репей: Воздух сладкий в Захолустье. Хочешь — ешь, а хочешь — пей.

Конечная — вокзал...

Города — колыбели, купели, прокрустовы ложа — Пеленают полотнами улиц и вяжут узлом. Мы мечтаем о том, что когда-нибудь вырваться сможем. И себя утешаем, что время пока не пришло. Да и что горевать, если так нам удобней и проще: Все маршруты изучены, я закрываю глаза... Вот сейчас промелькиёт институт, театральная площадь, И... замкнётся кольцо на конечной... Центральный вокзал.

Только я не пойму, почему называют конечной Эту точку, с которой начать бы... рвануть... унестись... Да, конечно, мы временны... не бесконечны... не вечны... Но ещё остаётся над нами прозрачная высь... И... возможность полёта, и неуловимое что-то, То, о чём я сейчас не осмелюсь, не буду пока... Начинается день... мы банально спешим на работу. Бесконечное небо над нами несёт облака.

По-русски

В саду растёт И пыжится репей. Прошёлся ветер Чуть заметной дрожью. Не бойся жить. Смелей проснись... и пей. Малейший градус Лучше бездорожья. Нам ничего Не скажут лопухи. У них тоска. Они глядят понуро. Да ведь ты сам Читал им вслух стихи Ещё вчера, С похмелья или сдуру. А там тоски — На двадцать две доски. Любой лопух Не выдержит нагрузки. Так соберись, Махни рукой и скинь, Что накопил, Спокойно и по-русски. Куда бегут Сегодня облака? Да как всегда, — Неведомо, незнамо. Как ни лети, Твоя Земля близка. И виден Дом. И смотрит в небо мама. Но вот сегодня Смотришь в небо ты. И мир большой

Вдруг стал предельно узким.

Не убежать
От этой красоты.
А только петь,
Как водится, по-русски.
И провожать на Запад облака.
И ждать чего-то нового с Востока.
А наша жизнь по-своему легка.
Лишь иногда по-своему жестока.
Так разберись, подумай и отсей
Всю мишуру и мусор посторонний.
На свете больше нет

других Расей,

В живой росе И в колокольном звоне...

Мона Лиза?

В городе все уснули. Час предрассветный близок. В раме окна бабуля. Явно не Мона Лиза. Что-то увидеть хочет? Или лежать устала? Что она ищет ночью В чёрной дыре квартала? Даже не шелохнётся, Будто и впрямь картина. Ждёт не дождётся солнца? Или встречает сына? Или в стекле оконном Видит, глазам не веря, Образ, такой знакомый, Тот, что давно потерян?

Что её душу гложет Ночью слепой, незрячей? Странно... а я ведь тоже В раме окна маячу.

Там, где раньше жили мы

Там, где раньше жили мы, От зимы и до зимы, И спасались неподъёмным одеялом, Кто-то новый ждёт весны, Все прекрасно влюблены В мир, которого для нас уже не стало.

Этот наш уютный мир... Всё зачитано до дыр: Две берёзы под окном и шум трамвая. Дышат ровно и легко Кухня, комната, балкон. И опять... температура нулевая.

Где-то бродит кошкин дух. Но не ловят взгляд и слух Всё, что здесь ещё по-прежнему витает. Время. Скорость. Суета. Арифметика проста: Почему-то мы всё чаще вычитаем.

Вычитаем этажи, Совершаем виражи, И рискуем, но со временем всё реже. Вот бы с чистого листа. Но квартира занята. Уходите. Здесь не жалуют приезжих.

Да мы просто посмотреть,
Посмотреть и умереть...
В смысле, жить, но никого не беспокоить.
Просто, как тут ни крути,
Трудно начисто уйти...
Легче быть... на всякий случай... под рукою...

В горных ботинках

Легкая поступь мне больше по нраву Или полет накануне рассвета. В горных ботинках не ходят по травам. В горных ботинках не ходят по лету. День начинается ровно в двенадцать, И никаких тебе контрреволюций. Как бы удачней взлететь и подняться, Чтобы высокой сосны не коснуться, Чтобы в прозрачное небо смотреться, Думать о том, что не сбудется скоро? В горных ботинках не ходят по сердцу. В горных ботинках — пожалуйте в горы...

Глазу пока недоступна вершина, Плотно укутана пухом лебяжьим. Тяжесть носить нет особой причины, Плечи насиловать лишней поклажей, Ноги ломать об отвесные скалы, Чтобы стоять наверху истуканом. В горных ботинках не пустят в Ла Скала, В горных ботинках не спляшешь канкана. Кажется, жизнь — это просто разминка. Льются дожди...кто кого переплачет... ...Ты приходи ко мне в горных ботинках, Если никак не выходит иначе.

© Художник Андрей Карапетян

Татьяна Громова (Россия, Санкт-Петербург)

Родилась в Ленинграде. Окончила дошкольное педагогическое училище с красным дипломом, затем — факультет дошкольной педагогики и психологии ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Работала воспитателем, методистом, психологом в детских садах и Доме ребёнка, техническим редактором в журнале «Медный всадник», газете «Земля русская»; ответственным секретарём в журнале «Невский альманах» и газете «Собственное мнение». В настоящее время — руководитель издательства «АураИнфо». Член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Многонационального Союза писателей, ответственный секретарь Совета Беляевского фонда поддержки и развития литературы.

Корректор

Вы можете принимать любые формы, но не имеете права скрывать свое имя.

Из инструкции неофитам

о календарю давно уже наступила зима, гололед и ветер сменялись ветром и слякотью, а снега всё не было.

Изольда с тоской смотрела на заклеенное по периметру широкими бумажными полосками (чтоб не дуло) окно.

Девочку третью неделю как перевели в отдельную палату и запретили посещения. Всё вокруг сияло чистотой: ни одной пылинки, ни одного микроба. Полная стерильность. Даже игрушек ей не полагалось. Даже кормили через какие-то специальные дурацкие приспособления. Но зато в стену был вмонтирован большой экран, и, нажав на кнопку, больная могла смотреть видео. Больше всего ей нравилась «Золушка».

Дважды в день на экране появлялась мама. Она улыбалась, произносила ласковые бодрые слова, но глаза... В них читались такие боль и отчаянье, что Изольда чувствовала себя в чем-то виноватой и начинала плакать...

«Пошел бы снег, — думала Изольда, — я бы превратилась в снежинку и улетела на небо...».

Но снега всё не было. За окном корчились под ветром черные голые деревья, Изольде было жалко их, замерзающих на холоде.

В ту ночь вдруг стало совсем нечем дышать, но не успела она испугаться, как в палате вдруг откуда-то появился мальчик, одетый точь-вточь как паж из любимого фильма.

— Меня зовут Ас, — сказал он, — а ты, я знаю, Изольда. Какое красивое имя! Королевское. Я, когда вырасту, буду королем. Хочешь стать моей королевой?

- Да, в восхищении выдохнула Изольда.
- Я не волшебник, я только учусь, промолвил Ac, но вот тебе в залог нашей дружбы...

Он щелкнул пальцами, и в руках у него появилась небольшая изящная корона, ажурного плетения, щедро украшенная бриллиантами, рубинами и сапфирами...

— Возьми, запечатываю тебя, — Ас надел корону девочке на голову. Никогда еще Изольда не была так счастлива.

Такой и увидел ее вошедший утром в палату профессор — с застывшей улыбкой на худеньком личике.

— Отмучилась, — пробормотал он, — Царствие ей Небесное... Но... Позвольте! Откуда это? — с недоумением воззрился на корону, венчающую Изольдино чело, потом на экран дефибриллятора, и челюсть эскулапа медленно отъехала в сторону.

* * *

— Ну вот, еще одна смена закончилась, — Ас удовлетворенно и очень по-человечески потер ладони. — Кому там суждено завтра?

Он потянулся к толстой книге и раскрыл ее на нужной странице. Лицо стало серьезным, взгляд сосредоточенным.

— Священник... монах-схимник Иосиф... Тут уж придется работать по-серьезному, всю смену... Больше никого брать не буду... Та-а-ак... В каком бы обличии предстать перед ним... Радугой? Золотым сиянием? Святым старцем? Богоматерью? Нет, такого сложного перевоплощения мне не потянуть... Так и должности лишиться можно... Упекут куда-нибудь в Неприкаянные... — Ас нервно передернул крыльями, отгоняя неприятное наваждение, нежно погладил перья, пересчитывая их. Он явно гордился своей крылатостью. — Остановлюсь на золотом сиянии, и, возможно, мы скоро встретимся с Иосифом уже как коллеги...

Но это — завтра. А пока надо узнать вердикт начальства по сегодняшним достижениям, — и Ас нажал кнопку вызова.

- Неувязочка у тебя вышла, неожиданно появившийся Ах лучезарно улыбался. — Изольда-то будет жить!
- Этого не может быть! Я все делал точно по инструкции, в соответствии с записями в Книге Судеб... И наложил печать...
  - А я ее снял.
- Как ты посмел?! Перья на крыльях Аса встали дыбом от возмущения.
- Дорогой коллега, да будет тебе известно, что со времен сотворения мира не родилась еще книга, в которой не было бы ни одной опечатки или ошибки. Но именно поэтому испокон веков существует служба корректоров, которые при необходимости вмешиваются. Даже в Книгу Судеб. Причем сотрудников этой службы набирают исключительно из людей, ибо ангелам такого серьезного дела доверять нельзя. Корректоры редчайшая порода днем с огнем не сыщешь. Они непременно

должны жить по законам Любви... Девочке повезло. За нее молился корректор отец Иосиф. А я — ее Ангел-хранитель. Ей разрешили жить. Надеюсь, ты не против? — Ах испытующе взглянул на младшего коллегу.

- То есть она восстанет из мертвых?
- Ну да, ведь сам знаешь, она умирала, потому что родители не могли оплатить дорогостоящую операцию. Ты же оставил ей драгоценную корону. Она не исчезла, как обычно происходит с другими предметами при запечатывании, вот вопрос и решился.
  - Я рад, конечно... Но только... Что делать с пером?
- Ты свою работу выполнил. Перо тебе зачтется, и Ax удалился, усмехнувшись.
- Господи, и бывают же чудеса на небесах! воскликнул Ас. Он, морщась, не без труда, вытащил из крыла перышко, внимательно осмотрел и уложил на ладони. Он знал, что когда количество вырванных перьев достигнет числа Зверя, высший Совет рассмотрит его просьбу о переводе.
- Если предложат выбор, попрошусь в Ангелы-хранители... он мечтательно закрыл глаза и дунул на ладонь.

Перо, легко и бессистемно кружась, начало медленное движение к земной поверхности.

...В городе пошел снег.

Последний поцелуй

Ах, Саша Петров! Мальчик лет пятнадцати, высокий, стройный, большеглазый, с темными вьющимися волосами... Картинка, а не мальчик! Он идет по платформе тбилисского вокзала вдоль состава с крупной надписью «Ленинградец», поравнявшись с серединой седьмого вагона, останавливается и заинтересованно вглядывается в заоконный купейный мир. Видно не так чтоб очень — стекло грязное, да еще и двойное: зима. Но девушку, скучающую у окна, трудно не заметить.

Эта девушка — я. Четырнадцатилетняя и самая младшая из всего состава, под завязку наполненного туристами-старшеклассниками. Папа достал путевку — на все зимние каникулы тур по десяти городам Кавказа. Ежедневные экскурсии, никаких тебе гостиниц, ночные перегоны из города в город, и сон, и питание — прямо в поезде. На каждый вагон по два воспитателя, для них отдельное купе, а дети размещены четверками, и, безусловно, девочки отдельно от мальчиков. В копилке впечатлений уже плотно утрамбованы порт пяти морей Ростов-на Дону, встреча Нового года в вагоне-ресторане, сугубо безалкогольная, в отличие от предыдущей, когда я, шестиклассница, в удаленном от родителей подлужском зимнем пионерском лагере умудрилась остаканиться портвейном, а потом еще имела неосторожность рассказать о своих подвигах маме. Зато

теперь — ни-ни. Никаких рассказов. Гриф — совершенно секретно на долгие годы. После Ростова — Пятигорск и Кисловодск с Провалом и сероводородным запахом, горный серпантин и скупые водопады с романтичными названиями «Девичьи слезы», «Мужские слезы», в Баку — вид издали на Каспийское море с башни, которая тоже почему-то Девичья. Будто других названий нет. Но зато запомнить легко, не ошибешься...

И вот — Тбилиси. Утренняя экскурсия и ужас фуникулера уже позади, диво дивное — чурчхела — обнюхана, облизана, надкушена и уложена в дорожную сумку как сувенир, но сердце все еще ёкает от животного страха при воспоминании, как болталась подвешенная на ниточке между небом и землей хрупкая кабинка... (И ведь не зря паниковала, словно чуяла, что лет эдак через двадцать произойдет-таки обрыв каната, а тормоза не сработают, и кабинки покатятся вниз, врежутся в стену и развалятся на части, но это уже вне моего присутствия.) Может быть, поэтому, от избытка впечатлений, решаю после обеда отказаться от самостоятельной прогулки по городу и остаюсь одна в купе, вагоне, а может, и во всем составе. Сижу на нижней полке у окна в обнимку в эмалированной кружкой, глотаю приторно-сладкую с мерзким привкусом микстуру от кашля, перевариваю полет над бездной...

И вздрагиваю, услышав стук в окно. Ладонями и носом к стеклу прижался, пытаясь привлечь мое внимание, Саша Петров. Я, конечно, не знаю, что он Саша, тем более, что — Петров. Вообще ничего о нем не знаю, впервые вижу. Отодвигаюсь от окна, смотрю исподлобья и бормочу: «Сними противогаз». Это шутка такая. Для отпугивания местных приставальщиков. Нам воспитатели строго-настрого запрещают общение с аборигенами. А я — послушная. А он — настойчивый. Он, конечно, не слышит, куда я его посылаю — окно-то закрыто, и рамы двойные. И я открываю форточку: надо же узнать, чего мальчик от меня хочет. И достойно ответить. С девической гордостью и честью.

Познакомиться он хочет, однако. А почему Саша, да еще и Петров? Это же Грузия! Оказывается, грузинка у него только мама, а папа — русский. Ну, это меняет дело. Значит, почти что свой. Наполовину. Саша хочет показать мне Тбилиси. Нет, никак нельзя? Ну тогда хотя бы получить разрешение на переписку. И смотрит так жалобно. Да пусть пишет, жалко что ли? Выдираю листочек из блокнота, черкаю на нем адрес, просовываю в приоткрытую фрамугу и захлопываю ее. Разговор окончен. Пусть теперь любуется через немытое стекло моим затылком.

...Письма приходят регулярно. В одном из первых — фотография с дарственной надписью. Я аккуратно отвечаю на каждое, жду следуюшего.

Их приносят почтальоны и кладут в большой деревянный поделенный на отсеки с номерами квартир блок, что висит на стене в подъезде слева от входа. Каждая ячейка закрывается на отдельный замочек. Ключа у меня нет, но это неважно. Прыгая через две ступеньки по лестничным маршам с пятого этажа, ставлю портфель на цементный пол и замираю

у почтового ящика, глубоко просунув средние пальцы обеих рук в широкие круглые отверстия. Нащупываю содержимое, по плотности бумаги определяя, что там — журнал, газеты или письмо. Прижимаю пальцами к противоположной стенке неширокой ячейки, подталкиваю снизу, пока в широкой верхней щели не показывается бумажный уголок и , придерживая пальцем левой руки, правой вытаскиваю корреспонденцию. Бегло произвожу ревизию, газеты и журналы запихиваю обратно в ящик, пусть родители достают, а Сашины письма тут же в подъезде торопливо распечатываю, неровно оторвав край, и читаю. Иногда он присылает переводные картинки или марки. Узнав, что Петров коллекционирует фотографии красивых девушек, вооружаюсь ножницами и вырезаю фотографии красавиц из маминого импортного журнала «Прически». И молчу, как партизан на допросе, когда рассерженная мама пытается выяснить, зачем я испортила дорогой журнал.

Переписка продолжается около года, и вот в одном из писем Саша в конце добавляет короткое: «Целую»...

Я в ярости. В праведном гневе. Как он посмел??? Наглец!!! Знаю я, как вы целуетесь — слюнявые губы и сопливый нос! Фу, мерзость какая!

Хватаю ножницы, размашисто отрезаю неугодное мне слово, вырываю чистый листок из тетрадки, пишу — без приветствия, без обращения — «Возьми свой поцелуй обратно!!!»

Запечатываю листки в конверт (чистые у меня всегда хранятся — отвечать на письма), надписываю адрес... Внутри всё дрожит от негодования... Или от чего-то другого? Зачем же тогда так жду этих писем? Зачем прячу их, блюдя тайну? Но разве я способна сейчас анализировать? Рву кастрированное письмо в мелкие клочки. Выбрасываю в мусорное ведро. Нет, этого мало. Открываю дверцу в тумбе письменного стола, выдвигаю нижний ящик, из укромного уголка достаю пачку Сашиных писем. Одно за другим разрываю их в клочья. Складываю обрывки в ведро. Одеваюсь. Выношу мусор на помойку.

Bcë.

Рустам Карапетьян (Россия, Красноярск)

Родился и проживает в г.Красноярске. Закончил психолого-педагогический факультет красноярского гос. университета. Работает программистом 1С. Лауреат премии им. В.П.Астафьева. член Союза российских писателей. Увлечения: эсперанто и айкидо.

Половина меня

Табакерка детям не игрушка, Но дела у взрослых и долги. Доживает курица-чернушка Самые последние деньки.

Ты себя, Алёшенька, не мучай Не сейчас и не на склоне лет. Всё во сне смешается дремучем, Чтоб на дне ручья заледенеть.

Так что — заводи свою пластинку, Наплевав, что времени в обрез, Может быть,

единственной слезинкой Растопив презрение небес.

* * *

Вот город. В нём человек живёт И много других людей, Но лишь один из них — самый тот, Что всех остальных родней.

Точнее так: человек живёт, А город вокруг дрожит. И путь любой то в любовь ведёт, То прочь от неё бежит.

Хотя точнее: плетут пути Безумный шальной узор, В котором надо скорей найти Ту улицу, дом и двор, В котором тот человек живёт.

Хрустит под ногами снег.

Вот город. Вот в нём дорога. Вот В конце неё — человек.

Ругань ещё не средство, Сами слова сорвутся. Детство — это заедство, Но зато не занудство.

Грязно слова слетают, Жаркою мажут копотью. Злоба, карга слепая, Жалит кого ни попадя.

Как вы меня достали!
Как до вас не допёрло?!
Я — человек из стали.
С незащищённым горлом.

* * *

Я с ума тебя сведу, А потом почти задаром Славно косточки в аду Перемоем и отпарим. Наплевать, что там темно, И нутро дрожит от страха, Просто рай уже давно Под другое перепахан.

* * *

Время ветром истрепало, Как какой-нибудь пустяк. И на небо взгляд усталый Не поднимется никак. Потревоженная птица Погружается в зенит. Может, тенью отразится, Может, солнцем дозвенит.

В роман влипая или в повесть, Как раньше

в чью-нибудь тетрадь, Теряешь стыд, затем и совесть, А после — нечего терять. Наоборот, накопишь опыт, Хоть и сотрёшь себя до дыр, Пока в итоге не угробит Тебя безжалостный Шекспир.

* * *

Гвоздями-днями мой сон забит Крест на крест, как семь крестей, Но чем сильнее

«Забыть! Забыть!», Тем кажется лишь острей.

Лукойе Оле и кот-баюн — Всё мимо заветных нот. Не в гору словно качу валун, А в небо — солнцеворот. Проснусь, не выспавшись —

ночь ушла,

Шуршит по окну крупа. И голова моя так бела, Не менее, чем глупа.

* * *

Пело море потом. А в начале И не думал никто о морях. Над твоими речами, ручьями Тьма ворочалась от комарья. А сейчас поминать неохота, Это так только, к слову пришлось, Как тащили себя из болота, Как оттаять не всем удалось, Как течение делалось вольным, Невзирая на слёзы потерь. Но теперь только ветер и волны. Только волны и ветер теперь.

* * *

На плёнке старой и засвеченной Не разгляжу такого дня, Где та, единственная женщина, В слезах уходит от меня. Как много в памяти заплат ещё На дырах, где в помине нет, Как я за женщиною плачущей Срываюсь торопливо вслед. И нет ни реверса, ни аверса, Лишь только маленький пустяк, Что всё никак мы не расстанемся. И что не встретимся никак.

Половина меня, словно сом, нема, Половина судачит всё ни о чём, Половина — уже на носу зима, Половина — встречает весну ещё.

Каждый день пытаюсь себя собрать, Чтоб потом рассыпаться на бегу. Половина меня не желает знать О другой половине. На берегу

Жизнь течёт.
На другом берегу застой.
И дырою водоворот в реке,
Где туман прилипчивый и густой —
Разгляди поди, что в моей руке.

Небо коснётся глаз, Ветер коснётся нёба. Как далеки сейчас Те, кем мы были оба. Как далеко зашли, Те, кем мы оба станем, Там, на краю земли Или уже за краем.

© Художник Андрей Карапетян

Елена Кондратьева-Сальгеро (Франция)

Родилась в Москве. Окончила МГПИИЯ им. Мориса Тореза. С 1989 г. живёт во Франции. Публикуется во многих изданиях России, составляет и редактирует парижский литературный альманах «Глаголъ».

Вне сюжета

о шляпке её встречали и провожали. Даже самые тактичные люди, лишь взглянув, поспешно зажимали улыбку в уголках рта и опускали глаза. По нашим тогдашним меркам советского семидесятья, шляпка, и вправду, была «на убой», — производила впечатление смокинга в очереди за квасом. Светло-коричневый тюрбан и россыпь розочек по правому боку.

Каждая розочка размером с пятачок. Всех розочек — гроздочка, которая томно кивает при движении, подскакивает при ходьбе, точно «делает ручкой».

Соседи, как и везде, были многочисленные, вечно снующие, хлопотливо пробегающие, кратко кивающие или пространно здоровающиеся, всё замечающие и всегда в курсе того, что напротив или сверху.

Девятиэтажка наша — разумеется! — была самой замечательной и самой девятиэтажной на свете и сравниться с ней — конечно же! — никакие другие хоромы не могли. Равно как и с двором нашим, и с улицей, про город не стоит и упоминать.

Если вам семь лет и вы всё ещё не уверены, что живёте в лучшем в мире месте, за которое не только шар земной, но и вся вселенная отдали бы последние квадратные метры жилой площади, значит, вам давно уже не семь...

Здесь каждая выбоина на тротуаре за вас — горой. Каждая ступенька — защитит, отобьёт и приголубит, если ключи забыл и сидишь кукуешь, пока не выскочит из лифта сердобольная соседка снизу-сверху и не затащит к себе на супчик в любое время дня.

Где-то хлопнет дверь, шаркнут шлёпанцы, ухнет мусоропровод и полетят, гулко перекликаясь, чьи-то отбросы на самое-самое дно, перестукивась по дороге. А ты сидишь на шершавых ступеньках, с пожухлой тетрадкой по математике на коленях и думаешь, как славно устроен мир: теперь можно и не доедать эти проклятые сосиски — причина уважительная, папа, вечером, всё равно доест, а в туалет их спускать бесполез-

но, всплывают почему-то, были уже неприятности; опять же — октябрь, а как тепло ещё, хоть в гольфах можно, только мама — ни в какую; за диктант — пятёрка; в субботу — к любимому дяде в гости, и меня берут! А там и до Нового года недалеко!...

Одно неудобство: сосед сверху выходит к мусоропроводу курить. Он старенький, добренький, но очень нудный. Вся наша подъездная малышня его боится: он ветеран, и у него один глаз стеклянный, а другой какой-то мутный. Нам хоть и объсняли, что он за правое дело пострадал, всё равно — страшно. И прозвище ему досталось грубое — «Бармалей». Жалко его, но страшно всё равно. Те, кто выше живут, мимо его площадки пробегают через три ступеньки одним махом. Детей он любит, но для него все дети в нашем подъезде — на одно лицо, он нас не различает, но всем почему-то задаёт один и тот же отсутствующе-вежливый вопрос: «А мама дома?..»

Кто чья мама, он и не знает и ответа никогда не слушает. Я один раз ему нагрубила: «А вам какое дело?», а он — уже спиной ко мне, в дверях квартиры ковырялся, улыбаясь и повторяя: «Да, да, да, всего им доброго...»

Стыдно мне до сих пор. Но если я сейчас же, на цыпочках, прихватив свои манатки, не спущусь на две площадки ниже, — он меня заметит и полезет спрашивать про маму.

Я прямо-таки тенью проскальзываю мимо пятого, где хрипло лязгнувший лифт только что высадил со скрипом вечно восторженную тётю из двухкомнатной слева. Просто боже упаси, как говорит моя бабушка, эта тётя — хуже Бармалея: неуёмное любопытство, взбитое как сливки, с бурной экзальтацией — гремучий коктейль. Испортит весь остаток дня, если попадёшься ей по недосмотру.

На четвёртом, совершенно без единого вздоха, открывается дверь, именно в момент, когда я на самой середине площадки. Исчезнуть от такой неожиданности невозможно никак, и я лицом к лицу оказываюсь с подрагивающими в проёме розочками, от которых тяжёлой волной заполняет всё окрестное, свежеокрашеное после недавнего ремонта, пространство ужасающе липкий, тошнотворный запах духов «Индийский сандал».

Я едва успеваю спрятать за спину мою вялую тетрадку, чтобы она не догадалась, что уроки я опять делала на лестнице, по причине забытых ключей.

— Здравствуйте, Августа Феоктистовна!

Боком, боком, беззаботно, спиной к перилам, дескать, как бежала себе, так и бегу, а вовсе не...

- Ты опять торчишь на лестнице?!
- Я только спускалась...
- С портфелем? В это время?
- Я к Kare иду, мы с ней сегодня уроки вместе договорились ...
- К какой Кате? Из какого подъезда?

- Она не из нашего дома, она в двенадцатиэтажке, перед детским садом. Мы с ней вместе...
  - Врёшь! Ты ключи забыла. И не обедала опять!
  - Я сосиски ела...
- Врёшь! Сосиски ты терпеть не можешь, в туалет выбрасывала, потому что до мусоропровода тебе лень было дойти, мне мама всё, всё-о-о! рассказала... И потом, как ты их «ела», если в квартиру без ключей войти не могла?!.
  - Я сначала ела, а потом вышла и захлопнула...
  - А зачем вышла?
  - Ну, к Кате же...
- Врёшь! Стой! Иди сюда и сядь на стул, вот сюда, под вешалку. Сейчас твоей маме на работу буду звонить... Сейчас, только телефон найду...

Я обречённо опускаюсь на шаткий бархатно-тусклый стул, на самый краешек, обхватываю обеими руками на коленях мой родной боевой и жёлтый, как цыплёнок, портфель и стараюсь дышать «мелкими глотками» в окончательно замухревшую тетрадку по математике.

Кроме тошнотворного, всеморящего «Индийского сандала», квартира дурманит целым сонмом мучительных для меня запахов, которыми мне очень сильно не хочется пропитываться...

Пахнет даже тусклый, соломенно-пыльный свет, непонятно откуда исходящий и вяло, безразлично, клочьями маящийся в коридоре, жмущийся к стенам при каждом движении. Как он пробирается в это жилище — для меня загадка, ведь кажется, что тяжёлыми и мрачными гардинами завешан даже потолок.

Пахнет, на мой детский неопытный взгляд, старостью, сыростью, несвежей залежалостью, непроветренным кухонным прошлым и прочими атрибутами минувшего и канувшего в мире, где окна не открываются никогда, — всем тем, что в нашем взлётном, полном такого свежего воздуха возрасте, только отталкивает и неприятно пробуждает брезгливость.

Больше всего на свете я боюсь, что она надумает меня кормить каким-нибудь выуженным в сумрачной кухне из глубин маленького засаленного холодильника прошлогодним куском когда-то куриного мяса, из скомканной фольги. Один вид этой «мёртвой натуры», как выразился мой папа перед окнами кулинарии на одной из Парковых улиц, вызывает скорбную уверенность, что несчастная курица «сама на смерть бежала», и может лишить аппетита самого непритязательного голодающего по системе маминой подруги Оленьки Артюшиной.

Я сижу на краешке кряхтящего стула, дышу в клеточки из тетрадки по математике и думаю про Оленьку: во-первых, почему все её так называют — не Ольга, не Оля, а именно Оленька.

Ещё я думаю про Оленьку, потому что Оленька «вообще очень энергичная личность, не то что мы — кряхтуны»: и в клубе самодеятельной

песни принимает самое активное участие, и в походы ходит, и на самодеятельной сцене блистает, и голодает по системе Станиславского, и даже «методично осваивает йогу».

Йога занимает меня больше всего, потому что я никак не могу понять, что это такое. На шестнадцатой полосе в «Литературной газете», оставленной папой в туалете, я видела рисунок, интригующий меня в настоящий момент больше, чем гипотезы на тему «откуда берутся дети».

Перед закрытой дверью стоит босой полуобнажённый человек, имеющий из всех одёжных принадлежностей тюрбан и набедренную повязку, и озадаченно смотрит себе под ноги. Под ногами у человека, вместо половика — доска со вбитыми в неё гвоздями, остриями кверху. На двери — объявление: «Йоги! Вытирайте ноги!»

Я сижу и думаю, что Оленька, наверное, и вправду, очень энергичная личность, и надо будет у неё, при случае, как говорит Сашкина бабушка, «поспрошать о том, о сём»...

— ...опять кто-то рылся, ничего найти не могу! Сменю все замки, вот чем кончится! — доносится из соседней комнаты, и она появляется в дверях, с вечной карликовой сумочкой-ридикюлем в сухоньких ладошках, в вечной шляпке на сухоньких кудряшках. Я не могу вспомнить, видела ли я её когда-нибудь без шляпки. Мне кажется — нет.

Хотя один раз провела с ней весь вечер до полуночи: родители ходили в театр, «на Уланову», а меня, с великодушной подачи самой хозяйки, оставили под бдительным присмотром вот в этой самой квартире. Часов с семи и где-то до двенадцати я продышала жабрами, как Ихтиандр, и научилась, кажется, впадать в нирвану (она же — прострация) и выпадать из неё по звонку в дверь.

Кормить меня тогда она не пыталась (ей сказали, что я «сытно покушала дома»), но чаем залить порывалась весь вечер. Чашка была времён величайшей утончённости, за неё страшно было хвататься руками, казалось, от малейшего прикосновения она брызнет искрами и превратится в прах. Через блюдце просвечивали чернильные строки листка бумаги, на который оно было поставлено.

Всех этих тонкостей я тогда не оценила, хоть и заметила. Чай же был цвета анализов, которые нам в поликлинику требовалось носить «в своей посуде», кто во что горазд. Мой любимый дядя однажды принёс свои в бутылке из под Советского шампанского и на возмущение медсестры ответил: что у некоторых под рукой, то у других — уже внутри, и что его совсем не удивит, если «рецензия» на его анализ будет, как в одной хорошей книге: «Ваша лошадь больна сахарным диабетом...». (В девятом классе, я напишу об этом в школьном сочинении на тему «Люди, которые меня удивили» и получу трояк, с пометкой от Ларисы Сергеевны «детали вне сюжета, внимательней подбирай материал!».)

В чае я добросовестно намочила верхнюю губу, но глотнуть не рискнула, веря своему неокрепшему ещё организму и ясно ощущая, что каж-

дый честно проглоченный в этой квартире кусок полезет не в горло а из горла...

Кроме той комнаты, никуда мне ходить не позволили. Да и в комнате было назначено место за миниатюрным письменным столом какого-то очень светлого и сухонького, как хозяйка, дерева, где с двух сторон аккуратно громоздились стопки книг и бумаг, к которым прикасаться было, само собой, категорически запрещено. Лично мне было выделено несколько слегка пожухлых листов и несколько хорошо отточенных карандашей — чёрный, красный, зелёный, жёлтый — для рисования. Чашка чая встала передо мной, как конвоир.

Прикасаться к чему бы то ни было лишний раз мне и самой не хотелось, а заскучала и протомилась я смертельно в этот долгий вечер. Тогда я ещё умела скучать. От возраста — возраст нежный и ещё рвущийся всё дальше, всё быстрее, не умеющий толком заполнять пробелы активного бытия. Потом это случалось со мною всё реже, а к концу средней школы выражение «скука смертная» я воспринимала исключительно по отношению к точным наукам (физика, химия, всякая там математика) и разного рода комсомольским добровольным обязаловкам (собрания, политинформация, поездки на подмогу плодо-овощному комбинату).

Характеристику для поступления в институт вместе с аттестатом мне дали, по тем временам, забойную: «К сожалению, мало активности проявила в комсомольской жизни класса и школы, выполняя лишь отдельные поручения, связанные с выпуском стенгазеты...»

По всей видимости, тяга к стенгазете во мне проснулась именно за тем письменным столом, поскольку рисовать я особенно не умела, а почитать с собой взять не догадалась. Шляпка с розочками тускло светилась в кресле под каким-то особенно извилистым торшером-ночником, вся гроздочка одобрительно кивала вслед каждой перевёрнутой странице, а мне было наказано сидеть смирно и ничего не трогать, если захочу в туалет — сказать.

Первая же попытка начать и повести разговор потерпела такое оглушительное фиаско («Деточка, ты пришла в гости, так сиди»), что, совершенно огорошенная и отчаявшаяся, я этой тактики не возобновляла.

При мысли о том, что родные мама и папа вернутся за мной не раньше полуночи («раньше, — как выразился папа, — она не отпорхает» — это об Улановой), меня охватил самый настоящий холодный и липкий ужас.

Даже проглоченная слюна отдавала ненавистным рыбьим жиром, который за всю свою жизнь мне довелось-таки сглотнуть всего один раз, в присутствии моих упорных родителей, желающих мне добра, — так доблестно я тогда отбилась на всю оставшуюся, расплевав эту ненависть не только по углам, но даже по заготовленным на выход лыжам в передней. Больше насильно глотать меня никогда ничего не заставляли.

И вот этот невыносимый привкус неизбежного, равнодушного истязания снова появился у меня во рту, за тем самым сухоньким линялым

столом. Я уже знала, что время теперь нарочно будет тянуться вечно, липко и безвкусно, как холодные остатки манной каши, которые вам выскребают со дна кастрюли и рекомендуют доесть.

Она хоть и читала в кресле, за моей спиной, но видела всё: достаточно было протянуть руку немного в сторону, чтобы дотянуться до старой фотографии в ажурной серебряной рамочке, я немедленно слышала сухое: «Деточка, ничего не трогай!».

Фотография была чёрно-белая и казалась мне сказочно-туманной. На фотографии «мужчина средних лет» — уже подцепленное мною, но возможно не до конца понятое выражение, которое я лично применяла ко всем лицам мужского пола, начиная лет с восемнадцати до приблизительно семи-восьми десятков (понятие «старик» у меня ассоциировалось исключительно с персонажем из «Сказки о рыбаке и рыбке», в традиционных иллюстрациях, как то: шапка, борода, невод, чесание в затылке) с благородной шевелюрой в стиле Бетховена, как на бюсте в музыкальной школе, в тёмном и длинном пальто, стоит где-то во глубине природы, средь «вековых дерев», и утомлённо смотрит в «заоблачную даль» (дали не видно, но о ней легко «догадатся самому»).

Догадываться самим нас учили по картинам Грабаря и Левитана в «Родной речи», когда требовали описать, что хотел сказать художник этим своим произведением, не по-простецки, как некоторые, нерасторопные: «На картине зима, но она уже кончается, потому что называется "Март". Ещё там лошадь стоит перед подъездом. И снег на крыше». Или: «На картине идёт тётя и несёт два ведра. Называется "Снег в марте"»...

А поизощрённее, с выдумкой: «Кого же она ждёт, эта лошадь?..» или «На деревьях, над лошадью, виден скворечник: кто же прилетит туда, скоро, скоро, по весне?...» и: «Куда же она идёт, эта тётя?.. И не тяжело ли ей, сразу два ведра...»

Вообще, лучше, конечно, слушать объяснения на уроках, а то такие казусы бывают, как говорится, костей не соберёшь. Вон как Просвиркин оконфузился с картиной «Мы пойдём другим путём», на которой молодой Владимир Ильич утешает плачущую, при вести о казни сына, мать. Анна Максимовна всё очень подробно объясняла, а он не слушал — трепался с Михальчуком, значками менялся. Она его сверлила взглядом, сверлила, а он — ни сном ни духом. Она закончила объяснение и злорадно так, с удовольствием: «А теперь, Просвиркин нам расскажет, почему у картины такое название, "Мы пойдём другим путём", и что это за путь такой, другой...»

Класс замер в ожидании большого удовольствия. И не просчитался.

Просвиркин вскочил, глазами повращал, щёки пораздувал, но решилтаки не теряться: «Там, говорит, дом окружён, но Ленин всё равно всех выведет через чёрный ход...»

Сначала я попробовала этого дядю с фотографии срисовать. Получилось, конечно, нечто невразумительное, — хочешь, за метлу сойдёт, хочешь — за умывальник, догадайся сам, додумай, в общем.

А потом я решила за дядю додумать, как нас учили — за себя и за того дядю. Делать ведь мне не то чтобы нечего, но ведь ничего нельзя. Сзади — розочки на страже, перед глазами — вялая безразличная бумага и дядя на фотографии. Рисовать я не умею. Придётся стать писателем. И я аккуратно вывела красным, конечно же, карандашом: «История одного дяди». А дальше — синим:

«У одной старушки жил однажды один дядя — мужчина средних лет. Жил он на фотографии и был весь чёрно-белый, потому что в те средние годы цветных фотографий ещё не делали. Он ходил среди старых деревьев, под сенью, с копной волос, и задумчиво смотрел всё время вдаль...» («Сенью» и «копной» я была очень довольна; мало кто из моего окружения мог с лёгкостью орудовать такими литературными тонкостями, как мне казалось). Дальше, как учили, — риторика, приглашение к додумыванию:

«Почему же он всё время туда смотрел? Может быть, он ждал кого-то, как лошадь на картине Левитана. А может быть, он просто думал, каким путём ему пойти, и куда. Но может быть, он раньше повесил скворечник, и теперь всё смотрит в небо, не летят ли грачи, потому что весна на дворе. Всё это — может быть, но что на самом деле, мы не узнаем никогда, потому что никто нам этого сказать не сможет...»

(В этом месте, я чуть не прослезилась, гордая своим троеточием: вот, мы ещё не проходили, а я уже могу, так многие рассказы кончаются, когда грустно, или в том месте, где страшно. Я перечитала, нашла, что описания недостаточно и добавила:

«Одет он был в чёрное длинное пальто и поднятый воротник».

(Теперь я сожалею, что шляпы на нём не наблюдалось, а то и вовсе могло бы выйти как у Чехова...).

Я ещё раз перечитала и, решив сверить ощущения с фотографией, машинально протянула к ней руку. И тотчас же услышала за спиной, чеканно: «Тебе же, деточка, сказали, ничего не трогать!»

Я добавила: «Жилось ему у старушки плохо и скучно, потому что старушка была злая. Она только читала и ни с кем не разговаривала».

Подумала и добавила ещё: «По квартире ходить ему не разрешали и ничего трогать не давали. Не было даже конфет. Поэтому он и смотрел всё время вдаль, и думал, как бы ему дунуть отсюда, через чёрный ход».

С фотографией у меня больше ничего не додумывалось, а время — даже не ползло, а просто лежало, обмякшее, как курица в кулинарии. Я ещё подумала и написала красным карандашом: «Теперь дневник».

Дальше, синим: «В субботу мы все были у бабушки. Мама с тётей Тамарой готовили солянку, а по телевизору показывали концерт. Тётя Тамара всё время прибегала с кухни, потому что должна была выступать её любимая певица — Татьяна Шмыга, и она боялась её пропустить. — Да, в субботу было весело, не то что сейчас. — "Позовите меня, — кричала с кухни тётка Тамара, — пока она не отшмыгала!"

Папа с дядей Серёжей играли в шахматы, дедушка читал газету и ругался. В газете, как всегда, писали, про каких-то "твердолобых лизоблюдов", "несчастных пачкунов и марателей бумаги". Про них всё время пишут, и он всё время читает и ругается. Мы с Ольгой около буфета играли в аптеку, пока нас не накрыли и не разогнали, все склянки отобрали и стиральный порошок высыпали обратно в коробку, и ещё заставили подметать...»

Всё равно было хорошо. Не то, что...

— Что ты всё ёрзаешь на стуле, ты в туалет не хочешь? Нет? А чаю? Потом я, кажется, ещё порисовала, поиграла сама с собой в крестики-нолики, а дальше не помню. Проснулась я от звонка, стука двери и голосов в прихожей. Спала я сидя на коленях на стуле, положив голову на руки, а руки — на стол. Не раздумывая, встала и пошла в прихожую, где мои родители горячо благодарили за оказанную услугу хрупкую старушку.

Только на следующее утро, где-то за завтраком, я вдруг очнулась и сообразила, что мои ночные произведения так и остались лежать на столе, перед фотографией...

Несколько дней я подходила к нашему дому в обход, через кусты, и только получив абсолютную уверенность, что гроздочка не подрагивает среди платочков нашеподъездных бабуль перед входом. Постоять и поговорить с ними она любила, держала себя, как сами бабули говорили, «по-королевски», не с «холодной надменностью» (ещё одно понравившееся выражение, подцепленное мною из оставленного папой в туалете толстого журнала), но всем своим видом давая понять, что она здесь, в нашем приподъезде, только «проездом», по стечению не очень удачных обстоятельств, тогда как они, бабульки, к своим лестничным клеткам намертво приросли и ни на что другое уж больше не способны.

Она же, непонятно, как именно, но производила очень ощутимое впечатление, что вся наша местная суета её совершенно, никоим образом, не касается, что она только пережидает здесь, с нами, какое-то непонятно затянувшееся недоразумение, которое вот-вот разрешится само собой, и что очень скоро прямо к нашему неказистому четвёртому подъезду подскачет или подкатит некто такой-эдакий, не принц, не король, но гораздо лучше, и унесёт-увезёт её отсюда из серой никчёмной суеты в такую заоблачную даль и местность, мечту о которой не передать ни одной чёрно-белой фотографией.

Я сама однажды слышала, как во время одного из таких прибабулькиных разговоров она, трагически вскинув руки вверх, как будто Витька с третьего этажа опять бросил вниз окурок, не поглядев, куда, воскликнула срывающимся сухоньким голоском: «Я — чайка, птица чайка!...»

И, казалось, даже не заметила, как все бабульки запрыскали в платочки. Мне тогда стало её очень жалко. Но на следующий день она поймала меня на лестнице без ключей и заставилиа запихать в рот у неё в кухне

кусок сухонького бутерброда с лоснящейся бело-розовой колбасой, от одного вида которой мне мерещилась рыхлая экзальтированная тётя с пятого и пропадал не только аппетит, но даже желание ехать с родителями на выходные в деревню, а счастливей деревни я себе ничего представить тогда не могла.

Откушенный кусок я всё равно потихоньку сплюнула в носовой платок, по счастью забытый и забившийся в карман моего школьного фартука, и вместо тихой жалости в дрогнувшем желудке опять забурчало раздражение.

Теперь я взлетала к себе на седьмой на одном дыхании, в три скачка, и в твёрдой уверенности, что если она и стоит, ввинтившись глазом в дверной глазок, я окажусь отчаянно способной сотворить чудо и просто испариться во мгновение.

На лифте я тогда ездила редко: он мою весовую категорию величаво игнорировал, даже с портфелем, сколько бы я ни подскакивала и ни давила на кнопку, — мою кандидатуру он отвергал безоговорочно. Да и простой возле него был чреват риском, что войдёт в подъезд кто-нибудь из тех, с кем встречаться могло выйти себе дороже.

При каждом звонке в нашу квартиру после той творчески насыщенной ночи, проведённой за письменным столом «у Авгу́сты» (как мой папа, немного насмешливо, её называл, упорно ударяя именно второй слог её редкого имени), у меня холодели мысли и пальцы, и мне казалось, что открывающий дверь один из моих родителей непременно получит, как флагом в лицо, листками моих сочинений, за которыми будет возмущённо покачиваться сухонькая гроздочка.

Но прошло уже несколько дней, и я даже слышала, как мама сказала папе на кухне: «Сейчас в лифте поднималась с Августиной (так она её называла), такая весёлая, игривая, тебе привет. Сказала, хочет тебе какую-то книгу своего отца подарить. Я, говорит, знаю, ваш муж — любитель литературы, и библиотека у вас хорошая».

Возмездие не приходило, и я постепенно успокоилась. Теперь я была уверена, что она, даже не поинтересовавшись моими забытыми на столе каракулями, выбросила их из своего сухонького ведёрка, в наш гулкий всепоглощающий мусоропровод.

На самом деле, её звали Августа Феоктистовна, Августа, как самый последний месяц лета, когда всё ещё цветёт, но уже отцветает, и от сознания скорого увядания лёгкая грусть не становится тяжелее, просто потому, что так оно и должно быть.

И сейчас она стояла передо мной на пороге той самой комнаты, роясь сухонькими ручками в сухоньком карликовом ридикюле и сухонько подрагивая гроздочкой на шляпке, а я сидела и дышала в клеточки...

— ...Как в воду канула! (про себя я отметила, что это выражение надо запомнить), просто удивительно, что чаще всего исчезают именно нужные вещи!.. — говорила она раздражённо, копаясь и копаясь в крохотной

сумочке, где поместиться мог разве что спичечный коробок и одна булавка.

— Если хотите, Августа Феоктистовна, я вам скажу мамин телефон на работу, только не кормите меня, пожалуйста, я, правда, есть не хочу...

Она замерла на секунду, даже не подняв на меня глаз, будто не слышала, повернулась и опять ушла в комнату.

— Иди сюда и сядь за стол! — сухоньким голосом прощёлкало из глубины портьер.

Я встала и вошла, прижимая к животу портфель и тетрадку. Она опять сидела в кресле под изогнутым торшером, я остановилась посреди комнаты, ещё слабо надеясь как-нибудь отвертеться от заточения до самого родительского прихода.

- Ты уроки сделала?
- Сделала.
- А что вам задавали?
- По математике....
- А стихи вы читаете?
- Читаем... и учим наизусть.
- Какие?

Я подумала и не успела ответить, — она махнула рукой:

- Знаю, знаю, «У лукоморья дуб зелёный», «Буря мглою небо кроет».. Это прекрасные стихи. Вы это знаете?
  - Наизусть?
  - Знаете вы, что это прекрасные стихи?
  - Я знаю...
  - А откуда ты знаешь?

Я опешила и уронила тертрадку по математике.

- Ну, откуда ты вот знаешь, что стихи прекрасные? Вам так сказали?
- Нинет.. Да... Нет, не сказали, но ведь видно...
- Что видно? Как видно?

Я начала раздражаться и даже глубоко вдохнула спёртый воздух. Подняла тетрадку и опять прижала её к животу. Набралась храбрости:

- Ну, сразу ведь видно, что хорошие, всё в них правильно и красиво...
- Это как, «правильно»?

Я ещё больше разнервничалась:

- Ну вот, в детском саду, например, мы учили: «Мы кричим "ура, ура, здравствуй праздник октября"», слышите?
  - Что?
  - Ну вот: ура и октября, ведь некрасиво?

Она смотрела на меня и не улыбалась:

- Некрасиво. Ты хочешь сказать, что рифма неудачная.
- И вообще некрасиво. Потому что ни про что. Это только для того, чтоб флажком махать, а больше там не происходит ничего...
  - А тебе надо, чтоб происходило?

Я пожала плечами и посмотрела в угол.

— А тебе какие стихи нравятся, из тех, что вы учили?

Я подумала и оживилась:

- Мне больше всего нравится Исаковского «Вишня». Нам его по частям задавали, а я его выучила сразу, целиком. Только вслух читать не могу...
  - Почему?
  - Я там в конце всё время плачу..
  - А что там, в конце?
- Ну, когда старичок смотрит весёлыми глазами... Я даже не смогла его в классе прочитать, и мне Анна Максимовна двойку поставила, а я его наизусть лучше всех знала, честное слово! Хотите, я вам напишу, прямо сейчас, сначала и до конца?

Я очень воодушевилась. Она смотрела на меня молча, без улыбки, вид у неё был какой-то несчастный.

— Хотите, я вам всё целиком напишу?

Она встала, вытащила из какой-то стопки лист бумаги и положила его на тот самый стол, перед фотографией. Подвинула ручку перьевую:

- Напиши вот здесь. Я не знаю этого стихотворения. Там нету флажков всяких и «ура, ура»?
  - Не-ет! Там только всё хорошее...

Я торопливо, но с усердием застрочила необычайной тонкости пером: «В ясный полдень, на исходе лета,

Шёл старик дорогой полевой...»

Она отошла к окну и стала между портьерами.

Я уже дописывала последнюю строчку, когда зазвонил телефон, и за моей спиной она легко процокала каблучками в прихожую.

Я аккуратно поставила последнюю точку — я очень старалась, прислушиваясь к оживлённым возгласам в прихожей, — успею перечитать, пока она не закончила разговор? Кажется, успею. Неожиданно мне пришло в голову, что неплохо было бы ей ещё и вишню нарисовать к стихотворению (Старика, мне, конечно же, не потянуть).

Опершись на локти, я стала шарить по столу глазами в поисках карандашей, заглянула, приподнявшись, за стопку бумаг слева и неожиданно заметила торчащий из толстой и старой фиолетовой тетради кусочек мятого листа, на котором виднелись концы строк — слова: «...ругался. В газете... ных пачкунов... ругается».

Я мгновенно узнала свой почерк и похолодела. В передней оживлённо, бубенчиком переливался обычно сухонький голосок. Она даже рассмеялась, видимо, разговор был приятный. С величайшим вниманием прислушиваясь к интонациям из коридора, я осторожно потянула к себе фиолетовую тертрадку, придерживая всю стопку другой рукой, — упаси господь, ухнет всё, тогда я точно ждать не буду — прыгну прямо из окна и не ушибусь.

Тетрадка, толстая и тёртая, в какой-то незнакомой, очень старой, твёрдой, но сильно пожухлой обложке, вяло и послушно, как я сама в присутствии хозяйки, легла передо мной на стол. Я увидела показавшийся мне замечательным рисунок тушью — сельский или дачный пейзаж: дорога, роща, домишки вдалеке, небо в облаках, на переднем плане, прямо перед глазами, как перед фотообъективом, плавно опускающийся листок с ветки. Над рисунком, тоже тушью, каллиграфическим почерком было выведено: «И.Б. Разное: дневники, последние годы».

Мои каракули приткнулись где-то на последних страницах. Я распахнула тетрадь на торчащем листке и обнаружила, что предшествуещее моему «теперь дневнику» описание и додумывание тоже было там, аккуратно вырезанное по формату тетрадного листа и вклеенное внутрь чьего-то незнакомого «разного». Этот последний листок моих ночных творений был обрезан только наполовину, потому и торчал неприкаяннонеприклеенно дурацкими словами наружу...

Я бестолково, как во сне, смотрела на сине-красные карандашные загогулинки моего неумелого почерка, не перечитывая написанное, а просто тараща глаза в неизвестность и непонятность окружающего меня мира и людских поступков, которые почему-то постоянно совсем не вписывались, не вталкивались, не влезали ни в какие мало-мальски объяснимые и объясняемые нам рамки действительности, каковая, согласно школьной программе, являлась самым чётным из всех чётных чисел, ибо делилась только на два: что такое хорошо и что такое плохо.

А здесь...

Я машинально пустила веером из под большого пальца левой руки все предыдущие страницы, не читая. Изысканная каллиграфия тончайшим пером, фиолетовыми и, местами, чёрными чернилами. Моя озадаченность окончательно вогнала меня в пространное оцепенение, из которого, казалось, как во сне, ни рукой ни ногой не пошевелишь, чтобы до яви дотянуться.

Интонации из коридора забили тревогу — явно прощально-обещальные, и инстинкт самосохранения грубо растолкал вздремнувшую бдительность: сейчас, вот-вот, она повесит трубку и войдёт.

Я в последний раз лихорадочно перелистала предшествующие моим страницы, успела выхватить конец последней фразы, выведенный её чётким тонким сухоньким почерком перед моей «Историей одного дяди»: «...возможно, после нас!», — захлопнула и запихала обратно, водворив на место всю стопку.

Когда она вошла в комнату, я торопливо штриховала вечным пером наспех сотворённую вишню.

— Hy-c! — воскликнула она необычайно бодрым голосом, явно не помня, на чём мы с ней остановились, — ты рисуешь? Хочешь чаю? Ах, да, стихотворение твоё... Дай-ка, дай-ка...

Она села под торшер и забегала глазами по строчкам.

Я смотрела на неё и думала, почему из всех многочисленных детей нашего дома мурыжит она именно меня?

Вон, Мишка из третьего подъезда, вообще ключи ещё первого сентября потерял, а сказать боится. Торчит целыми днями на скамейке или в песочнице, уроки делает, бегает повсюду, ребята ему перекусить выносят, или он у кого-нибудь обедает, кто попадётся, а вечером, когда родители идут с работы, делает вид, что вот, гулял. Верка, с первого, сколько раз через балкон из садика в квартиру к себе залезала, её ребята подсаживали (окна, даже на первом этаже, тогда ещё можно было открытыми держать, теперь уж и не помнит никто такого изобилия...) Илюха, с девятого, регулярно сидит, как тетерев, на ступеньках, прямо перед лифтом, с тетрадками на коленках, — и никаких вопросов она ему и никому не задаёт. А мне — не проскочи, и всё тут! Где справедливость, за которую боролись наши деды и отцы, про которую нам в школе «и талдычат, и талдычат», как выражается моя бабушка...

- Хорошее стихотворение, сказала она, и даже в уголках глаз и на кончиках её сухонького рта появилось какое-то подобие улыбки, теперь все так неряшливо пишут...
  - Это вы про почерк?
- Это я про мысли. Про рифму, тоже, вот как у тебя : «ура-октября», «заря-января», «метель-капель»...
  - Это не у меня!

Она махнула рукой:

- Ты так не пиши, пожалуйста.
- Я не пишу... испуганно начала я, но она опять махнула рукой, помолчала, и вдруг сложила руки перед грудью, как тогда, во дворе, когда развеселила всех бабулек своей «чайкой, птицей чайкой».

«Мой отец, — сказала она тихим, срывающимся голосом, и у меня почему-то мурашки поползли по спине, — был выдающийся человек...»

Она замолчала и мне стало совсем неуютно, я растерялась окончательно.

Она сглотнула и продолжала:

— Мой муж... Был писатель. Хороший писатель. Теперь, к сожалению, забыли стольких просто хороших писателей... Классика правит. Это правильно, конечно. Но ведь нужны же и просто хорошие, не обязательно великие...

Я слушала внимательно и мне казалось, что я смутно, чуть-чуть понимаю: ей грустно, что теперь никто не читает книг её мужа... или отца, и вообще...

Она замолчала и молчала так долго, что я не выдержала:

— Августа Феоктистовна! Хотите я прочитаю все книги, которые ваш муж написал, и всем расскажу!

Он опустила глаза и не улыбнулась. Больше я не знала, что сказать. Она всё сжимала свои пальцы, то одной рукой, то другой, — так делает

моя бабушка, когда жалуется, что «суставы замучали», — и смотрела на пыльный паркет. Потом вдруг заговорила тихо и очень взволнованно.

Она однаджы видела Есенина, живого, настоящего. Она была совсем юной девушкой, она всю ночь протанцевала на балу, ей только что сделали предложение руки и сердца.

Юность её, как и свежесть — первая и единственная, казалась надёжной, как вечный двигатель, — она нисколько не устала, она сияла счастьем и абсолютной уверенностью в прочности вселенной. Она взяла извозчика и, взлетев над зашарканной мостовой, понеслась на центральный почтамт (кажется), который, не то всю ночь дежурил, — мало ли кому понадобиться кого о чём оповещать, не то открывался ещё до первых петухов в столице мира, городе Москве.

А время было снежное, и хлопья кружили и мудрили, как в театральной декорации: вот Золушка каблучками по ступенькам — вверх, а они, хлопья, её — бабочками по щекам, и на плечи — мехами.

А вокруг — черным-черно, только внутри слабо светится.

Подняла она шум и гам, на радостях, неуёмно весела и хохотлива, а служитель, весь в усах, как водится, с обвисшими мыслями, щеками и бакенбардами, — дверь приоткрыл и — ЦЫЦ! — на неё... Она даже опешила, но потом, всё-таки возмутилась, по какому пра...

Он вышел к ней, дверь за спиной прихлопнул и зашептал умоляюще:

— Я вас прошу, барышня, не входите сейчас, попозжей зайдите, или обождите где... Там Есенин пишет!...

Как Есенин, почему Есенин, почему на почте, ночью, да ещё и не пускают...

— Пьяные оне, гуляли. Мимо проходили, стучали, бумаги им, прям чтоб счас! Вот, пустил, теперь сидит, вон, пишеть, второй час уже, без опохмелки...

Она на цыпочки, через плечо в униформе, носик вздёрнула — батюшки святы! И правда, он! Весь всмятку, шапка набекрень, за дальним каким-то столиком в углу, ещё свечу ему поставили туда, и черкает чтото, и чиркает, и чёлкой-локоном над скомканой бумагою трясёт... А галстук — чёрный, на плече, как удавка...

Она всё стояла и смотрела, а он так и не поднял глаз ни разу, даже на потолок, всё над бумагой ворожил, как дирижёр с палочкой.

Мелькнула мыслишка: не подойти ли так, игриво, познакомиться с поэтом, вы всё пишете, а я — замуж выхожу!

Служитель как прочёл: «Увольте, барышня, сделайте одолжение. Уж ему и без музов — довольно. Не взыщите... Загляните попозжей...»

- ${\it И}$ вниз по ступенькам, да почему-то голову опустив. Каблучком о каблучок, не теряет башмачок...
- Мне иногда кажется, тихо сказала она, глядя на пылинки в мутно-золотистом луче, раздвинувшем мрачные в складках гардины, — что в моей жизни было несколько балов, удивительных встреч и очень дол-

гих о них воспоминаний. Потом, когда-то, усатый служитель попросил обождать, прийти попозже, не мешать другим. И я повернулась и вот всё спускаюсь и спускаюсь по какой-то бесконечной лестнице, зная уже, что попозже не смогу зайти никогда, и некому ждать меня на ступеньках...Ты не понимаешь... — вдруг спохватилась она, глянув на меня.

Я не понимала, но мне было так грустно, так хотелось помочь, что ничего лучше мне просто не пришло в голову:

— Давайте, Августа Феоктистовна, я у вас чаю выпью, хотите?..

***

«...Мы узнали по возвращении из летнего отпуска. Новость была ещё свежая и обсуждалась всем подъездом. Мама приняла известие очень женственно — ладонью у горла, папа — сурово, по мужски, опустив глаза и кивнув. Мне тихо сказали: «Её больше нет», что подтвердила оказавшаяся за спиной одна из бабулек-платочниц, незаметно перекрестившись: «Царствие ей небесное». Моя бабушка тоже так говорила.

Мне подумалось, что ушла она, как жила среди нас, в шляпке: вот все умирают, а её — «не стало». И звучит, как хрустальная туфелька. Сбежала по лестнице — и не стало её. А там, наверху, кто-то пишет и чиркает над оплывшей свечой. А кто-то смотрит вдаль на чёрно-белой фотографии, с копной волос и поднятым воротником....

«"....возможно, после нас..." ...Возможно, после...»

Лариса Сергеевна закрыла тетрадь и шмякнула ею по видавшей виды, ни на какие провокации уже давно не реагирующей парте:

— Как всегда. Совершенная бессюжетность. Никакого действия, никаких выводов, одно сплошное многоточие. Тема у вас «Люди, которые меня удивили». Мы же всем классом продумывали разработку, исключительных людей оговаривали, готовились... Ты — пишешь про дядю, который как отнёс анализ в поликлинику, спел за шахматами песню «Встань, казачка молодая, на плетень, проводи меня с конём на бюлютень», — так больше нигде не появлялся. Кстати, ни одной орфографической ошибки, даже в «бюлютен». Не то что Юлина — процитировала: «Ты свиСни, тебя не заставлю я ждать» ... Но бессюжетность, бессюжетность!.. Пишешь про старушку из подъезда, к которой ты ходила несколько лет подряд читать стихи и пить чай, — похвально, конечно, одинокая старушка, то да сё... Есенина она видела... Но где же тема?! Тема — люди, люди, которые меня удивили, люди удивительные, люди неординарные, мы же всё это вместе обсуждали, всем классом. Что ты можешь, например, провести паралель между покорителями Эвереста и твоим дядей с его дурацкими шутками, или старушкой, видевшей Есенина и пьющей жидкий чай?..

На этом месте класс уже просто икал от хохота. И я смеялась, — мне было очень легко, потому что уже совсем не стыдно. Я уже тогда пред-

чувствовала, что писать сочинения можно, руководствуясь либо формой, либо чем-то другим, с чем форма редко когда взаимосочетается, и для чего я ещё не нашла подходящего названия. С этим другим получается светлее. Если, конечно, не напортачить с пунктуацией...

- В ближайшее время, продолжала у доски Лариса, нам предстоит снова вернуться к уже проработанной теме «Мой любимый литературный герой»...
  - Буратино! крикнул с задней парты Солтановский.

Не обратив на него внимания, Лариса снова повернулась и посмотрела на меня. Класс замер в предвкушении.

— Я надеюсь, — устало сказала Лариса, — ты избавишь нас, как когдато в седьмом ещё, от воспоминаний о твоей тёте Ксене, сельской учительнице, которой сельский ученик сдал сочинение по «Мёртвым душам», про Коробочку: «В комнате у неё висело зеркало всё усрато мухами...»

Класс смотрел на меня с обожанием. От смеха икали даже парты...

Я открыла свою тощую фиолетовую тетрадку на твёрдой тройке под решительным росчерком с пометкой: «Внимательней подбирай материал».

Я ещё не знала, о ком напишу.

© Художник Андрей Карапетян

Светлана Размыслович (Россия, Великие Луки)

Член Союза Писателей России.

Родилась и проживает в городе Великие Луки Псковской области. Поэзия была верным другом, попутчиком и советчиком со школьной юности, то волнуя, то успокаивая, то влюбляя. Сначала — стихи поэтов известных, включённых в образовательную программу, затем — стихи поэтов забытых или намеренно вычеркнутых из учебников. Постепенно стали появлятся стихи собственные; боязно и робко, они всё же заявили о своём праве на жизнь.

Сложные и непонятные годы конца прошлого века сыграли ключевую роль в определении будущего — вместо мечты о Москве и Литературном институте довольствовалась Сельскохозяйственным Институтом в родном городе и профессией бухгалтера.

Но не вся ли жизнь — поэзия? Удачи и трудности, радости и неприятности? Именно. Из всего пережитого и перечувствованного и рождаются строки поэтические, не оставляя ни на день. Только иногды скрываясь в толще забот и переживаний.

В настоящее время издано три сборника стихов: «Вам», «Тебе, мой край» и «Состояние расстояния».

Мама троих замечательных детей.

Такие, как я...

По времени всё сходится...

По времени всё сходится: озноб, Стеченье обстоятельств — кратно силам, Уставленный зонтами гардероб, Очерченные холодом перила. Заброшенные гнёзда в тополях, Фонтан иссякший — глупою разиней. Оставленные в спешке на полях Приметы недалёкого предзимья, Затянутые туго — в подпояс — Снопов льняных смешные хороводы Мелькают вдоль дорог, пускаясь в пляс С угрюмостью и ветрием погоды. Раскрашенные в вычурность леса Да капли слёз, стекающие с сосен, Вдоль тишины — сплошная полоса, Ни обогнать, ни съехать — снова в осень. Но лишь почуяв солнечных лучей В своём лице блуждающие блики — По времени всё точно — звон речей, И день — как жизнь,

и календарь — великий.

Нетронутый ситец

Ты вчера легла такой усталой, Даже светлых кос не расплела. Как же в этой жизни стало мало Разговоров долгих и тепла. Если бы не сроков колесница, Если бы не будней карусель — Вышила б тебе платок из ситца, Отослав за тридевять земель -До тебя — любовь свою. И в вечер, Обведённый лампой у окна, Ты, откинув волосы за плечи, Стала бы спокойна и ясна. А пока исходами недели Делит явь полночество и свет, Ты, едва притихшая в постели, Доверяешь письмам свой сюжет. Знать, в грозу,

когда тебе не спится, Смуты той обходят стороной, Где отрез нетронутого ситца До утра лежит передо мной.

Не здороваясь...

Не здороваясь: — Ну, здравствуйте! Не касаясь — отцвела. Упокоена, бесстрастна, и — Повествуйте, как дела.

Как теперь — с добром ли, с памятью, Или вовсе — не в чести? Я — не в сон тяжёлый — замятью, Не порядок соблюсти —

Подошла, как будто снежною Пеленой зима взяла... Ну, прощайте ж, безмятежный мой! Помяните: здесь была.

Одно

Дом, родство, девичество... Одно Непреклонно-непреодолимо: Целься — словом каменным — в окно, Попадёшь о стену — детства мимо. Молчалива-сдержанна весна, Веруя углу, колу да счастью. Из печи — на память — внесена Распростёртость —

радостью щенячьей.

Лишь дожди косые —

взгляд приник — Вспотрошат — упрёком огорошат. Обглядят-обгложут в тот же миг, Распластав — и в будущем,

и в прошлом.

Загляни — родимый палисад Обречён на заросли и чахлость, Улыбнулся ясень невпопад, В суете весенней пряча дряхлость. Ни ему, ни дому, ни судьбе Нищета не ведома. Природа Наградила щедро — не в себе, Но во всём величии народа — Как ни гни, упруг и стоек путь От земли — к случайной струйке дыма. Дом, родство, девичество — ничуть Ни в одном веку неодолимо.

Неяркой полосой...

По всей длине сегодняшнего дня Прошла тоска неяркой полосой. Ты уезжаешь завтра от меня, На волю, на побывку, на постой, На месяц, на неделю, на века, На сотни непролазных зимних вёрст... Настолько лишь, чтоб вновь моя рука Легла в твою — ответом на вопрос.

Et cætera1...

Хочешь позднего? — восхищайся! А другие — etcaetera! Этот воздух — как возглас счастья, Ровно знаю — уже пора! Выгнись, вывернись — исповедуй. Вырви, вынеси из земли Силу выси — лети по следу, Станешь зорче, чем все кремли,

Вместе взятые. Там, высоко, За небесьем — цветёт буран. И была бы — не черноокой, И мечтала б — не то charmante², А не то — боевой орлицей. Что-то большее — снись при мне Размалёванным в страх девицам, Вознесённым в крутой волне.

По подобию стен незрячих — Как по образу своему, Раскрывая глаза — не прячь их, Рубежом не разнимешь тьму. Только рядом — румянец — пещью³, Крепостных одиночеств — рвы. Длань протянутая —

для женщин...

Mieux vaut tard que jamais⁴, увы...

¹et c**æ**tera (лат.) — и так далее

² charmante — фр. очаровательная

³ Пещь — то же, что печь

⁴Mieux vaut tard que jamais (фр.) — лучше поздно, чем никогда.

Столько всего...

Ошибиться веком — тебе негоже-то — Свободу знать.

Между нами столько всего не прожито — Не начинать.

По затонам прошлым водили вилами — Скрипит кровать.

Между нами столько морей раскинулось, Куда ж всплывать?

Принакрыта шторой моя печальница, Вечору — цвесть. Раскрывает солнца в лугах купальница — Тебе присесть.

Взгляд пространный к ветхой калитке сузился, Кривя уста. Как ловила воздух на душной улице —

Как ловила воздух на душной улице — Считай до ста.

Девяносто девять — искрятся кущи, но Зачахла сныть. Между нами столько всего упущено, Что нечем крыть...

Глаза в глаза...

Глаза в глаза... Не выдавай Себя — во мне Тревогой вещею. Руки своей — о, оправдай — Ни другу, ни врагу, ни женщине! Узнает друг, почует враг, Вдруг прядью из причёски — в точности Распустит время белый флаг. Но страсть — упрёком в непорочности До самых пят пронзит. Вперёд Смотри до одури — не встретишься, Когда так близко — мира свод В прозрачной радужке. Соцветия Пускай же ждут, вражду тая Да почитая ложь постылую. И только мне — Рука твоя — Со всей могущественной силою...

Сама...

Сама Смотрела на часы, Не стрелки — стрелы: Брось! И числа, как цепные псы, В одну срывались злость. Тогда Взлетела через край Стремглав из отчих мест. И, хоть ответствуй, хоть — карай, Свидетели — окрест — В свои писали дневники: Июнь, такого дня, Цветы, ранимы и тонки, Соцветия склоня, Её приветствовали чин. И умудрённый клён,

Листы разлапив, без причин Был ею изумлён. Она сплела — молитвословь — Всю нежность дивных утр В одно. Придумала любовь, Окрасив в перламутр Своё младое бытиё И жажду первых бурь. Он дверь открыл, впустив её, Не удивившись. Дурь — Другое качество ума, Взведённого в надрыв... Она уже была — Сама — Часов застывших гриф. И билось с мыслью ровно в такт Согласье — всё приму. Суди, молва! Служи, батрак! Спастись — пришла к нему.

Ухожу...

Ухожу понемногу — По доле, по часу, По дождинам осенним и радугам частым, По согласию в целом и разнице в корне, По неделе, начавшейся только во вторник, По случайностям, целям, упрёкам, нападкам, По заброшенным в ящик ненужным тетрадкам, По желаниям, нуждам, брожениям праздным, По одной лишь причине и поводам разным, По клокочущим в горле обидам, простудам, По следам новостей, потерявших рассудок, По крупиницам пота, стремящимся в алость, По велениям сердца, сходящимся в малость, По тебе, по другим, по далёким и близким, По высоким стремленьям и прихотям низким, По ветрам, подлетевшим к любимому саду, Потому, что мне только всего-то и надо, Чтобы с окликом резким я вдруг встрепенулась И, навек уходя от тебя, оглянулась.

Проезжая Старицу

Там до Твери, в самом деле, рукой подать, Встречные фары слепят, будто впрямь — софиты. Верой и правдой дорогам пора воздать, Только все истины ровно до дна испиты.

Нет и не будет других, ты хоть плачь, хоть пей, Хоть поверни возле дома в тревоге смутной. Не привелось переправы да лошадей Мне поменять вместо загнанных почему-то.

На остановках попутных — неон и рок, Чья-то зима мне завистливо дышит в спину. Из совершённых — ошибок не вышло впрок, Жить — как предать — невозможно наполовину.

Там, за рекой — суета и последний трек Рвёт тишину городов, ждёт ночей весёлых. Здесь задыхается в странностях новый век, Как за шлагбаумом — жизнь в одичавших сёлах.

Зрит на окраине — совестью — монастырь, Старица спит. Не шумит, истончившись, Волга. Сумрак впадает покоем в ночной пустырь, И до весны, как до света, — уже недолго.

Вглядевшись, как в гладь речную, в твои глаза, Молву услыхав вдали, не страшусь ничуть я. И тянется тонкой нитью речной вокзал, И бьётся о берег эхо чужих напутствий.

Там до Москвы, в самом деле, рукой подать...

Такие, как я

К таким, как я, не ревнуют вовсе. Таких, как я, не зовут в кино. И не стыдятся того, что после... И не рисуют, что там, давно... Таким, как я, не поют сонеты, И бриллиантов не дарят. Брось, — Таким в Париж не берут билеты, Не сожалеют о том, что — врозь. Таким, как я, — предлагают дружбу, Советов просят в любой момент. Их ценят в бизнесе и на службе, Едва ль приветных на комплимент. Для них букет не берут без торга, Им цены — сущая ерунда. Им о других говорят с восторгом: «Смотри — какая, вот это да!» Таких не ищут на вечеринках По взгляду цепкому. А затем, С другим замеченным не в обнимку, При них мужских не меняют тем. Не льют прилюдственно за обедом Вина игристого. Но зато...

Таких, как я, укрывают пледом От скверных сплетен и злых ветров. Когда покажется одиноким Холодный вечер и та скамья, Вдруг вдохновенные пишут строки, Их посвящая таким, как я. Им улыбаются лишь однажды, Заткнув мгновенно чужие рты. Таких, как я, может встретить каждый. Но распознает — такой, как ты. Тогда-то вспрянут другие: есть ли Вновь справедливость у бытия? О них, гламурных, слагают песни, А просто любят — таких, как я...

Дмитрий Лекух (Россия, Москва)

Родился в Москве, в семье научных работников. Учился, занимался спортом и музыкой, работал, служил, воевал, опять учился, опять работал. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. В начале 90-х активно пробовал себя в роли журналиста. В 1993 году поклялся себе, что больше никогда не потерпит над собой ни одного начальника, особенно если этот начальник состоит в должности «Главного редактора», и ушёл в рекламный бизнес. С начала 80-х и до недавнего времени — активный участник радикального крыла фанатского движения болельщиков московского «Спартака». В остающееся свободным время, которого мало, старается свалить из Москвы подальше и поглуше и ловит там рыбу, которую ЕСТ!..

На заснеженных поездах

(Гонзо вокруг одного стихотворения)

тсть строки, которые, неожиданно, цепляют куда больше, чем они того заслуживают. Это вообще забавно, когда из-за акварели неожиданно проступает эпоха.

Не знаю, даже и почему. Но — сплошь и рядом. Невозможно, фактически, избежать...

...Зимой в Подмосковье как-то по-особенному прозрачно: чистая графика: белый снег и отчётливый рисунок ветвей.

Мне всегда нравилось.

Особенно тогда, когда все происходило в «старом», ещё советском дачном поселке, — кто любил, тот поймёт: не рядовом, разумеется, а для разного рода элиты: хоть художественной, хоть научной, хоть партийной. С добротными заснеженными домами, обременёнными обязательными холодными застеклёнными верандами, скрытыми деревьями извилистыми дорожками, невысокими деревянными заборами.

Я как-то снимал такой дом, по молодости.

Пытался писать роман.

Не получилось, естественно, ни черта, да и не могло получиться текст не рождается только одним желанием автора. Но первый, отнюдь не творческий, а вполне бытовой запой испытать всё-таки довелось.

Опыт был полезен, но ощущения отчего-то не понравились уже даже тогда, хоть и были довольно смазанными.

Поэтому потом пару раз пришлось их ещё и закреплять. Нда.

Сейчас стараюсь не повторять — это умные учатся на чужих ошибках. Нам — хотя бы и на своих...

...Тем не менее, зима вне города мне тогда очень даже понравилась. Ешё бы.

Все постоянные владельцы дачных домов в большинстве своем разъехались, появляясь в посёлке в лучшем случае на субботу-воскресенье. Пропали вместе с родителями стайки докучливых шумных, как цыгане на ярмарке, детишек, оглашающих вечера своими радостными индейскими воплями.

На улицах стояла неспешная и прозрачная зимняя холодная тишина.

И морозные узоры на окнах: пиши, казалось бы, да пиши. Вот он текст, сам просится на бумагу, и там будет всё.

Любовь. Одиночество. Смерть...

...Не писалось.

Вот — от слова вообще.

Приходилось пить горячий чай, холодный портвейн и гулять долгими сиреневыми вечерами по притихшему посёлку, проверяя, есть ли где жизнь. В принципе, она если и не была, так хотя бы встречалась.

Тёплый электрический свет длинными вечерами горел в окнах, в лучшем случае, одного домика из пяти.

Да те и днём легко вычислялись по стоящим над трубами дымкам.

А пустующие дома время от времени обносились криминально настроенными и, чаще всего, беспримерно и отчаянно, хоть и по-советски тихо, пьющими местными подмосковными жителями.

Никакой почти уголовщины. Просто — трубы горят...

Оттого и снять там эту «дачу» в не сезон стоило сущие копейки. Или, как в моем случае, вообще пускали запросто «за пригляд».

На даче у дальних матушкиных знакомых, кстати, приглядывал: профессоров, как водится, и почти что академиков.

За сторожа.

А что? Я ж в этот «свой круг» не с улицы так-то зашёл.

Хороший, в общем-то, мальчик. Самостоятельный. Отслуживший в армии, потому что чудил по молодости: все всё понимают, у всех дети неразумные. У некоторых и не такое бывает.

Но ведь и не влившийся в повсеместный окружающий пролетариат, а добросовестно восстановившийся в институте.

Да и вообще, мальчик из понятной, академической вполне, среды...

...Вот я и просыпался там тогда каждое утро, радостно постукивая зубами в этом, за ночь почти что наглухо выстуживаемом, большом двухэтажном доме. Ибо центрального отопления там в принципе не было.

А зимы отчего-то были, не в пример нынешним, холодны.

Умывался холодной водой из умывальника, тихо радуясь тому, что в доме есть хотя бы тёплый унитаз с септиком. Уличная скворечня — это было бы совсем жёстко, и слишком напоминало бы недавние непростые армейские времена.

Вытирался жёстким «вафельным» полотенцем. Неторопливо топил печь. Сначала растапливал берёзовой щепой. Потом подкидывал ещё и

каменного уголька-антрацита: кормить уютную и функциональную, но не фундаментальных отнюдь размеров печку-«голландку» чистыми поленьями было глупо и расточительно.

Ставил чайник. Следом шёл чистить дорожки: перед домом и вплоть до проезжей части за забором.

За забором начиналась совершенно другая территория.

В посёлке постоянно проживала пара знаменитых и, как мне говорили, когда-то жутко секретных дедов-физиков, ставших, конечно, на старости лет больше теоретиками, но влияния и связей не утративших.

Поэтому общие дорожки между дачами в поселке чистили — не в пример соседней железнодорожной станции — образцово.

И иногда, оживляя довольно однообразный заснеженный зимний пейзаж, по ним, по этим дорожкам, к этим секретным физикам проезжали серьёзные начальственные чёрные машины с серьёзными мужчинами внутри.

Некоторые даже с мигалками. Порядок следовало соблюдать.

Ну, а я, студент в академическом отпуске, возомнивший себя писателем, тем временем презрительно сплёвывал им вслед, после чего шёл в дом, где заваривал себе растворимый кофе без сахара, жарил яичницу, а потом садился перед белым листом бумаги и заставлял себя несколько часов думать о вечном.

Не получалось приблизительно ни фига.

Я под Москвою эту зиму, Но в стужу, снег и буревал Всегда, когда необходимо, По делу в городе бывал. Я выходил в такое время, Когда на улице ни зги, И рассыпал лесною темью Свои скрипучие шаги.

...Роман, хоть убей, «не шёл».

Просто «колом стоял», не желая ложиться на бумагу.

Кстати. Нельзя сказать, что я этим уж очень расстраивался: зато писались стихи, гонораров — за небольшие заметочки в толстых журналах и за статьи чуть побольше в журналах чуть потоньше — на относительно неприхотливую жизнь вполне себе даже и хватало. Особенно если учитывать небольшой, но ощутимый, приработок от мелкой спекуляции и фарцовки: собирал шмотки у институтских спекулянтов, в основном вьетнамцев и поляков, перекидывал их с небольшим процентом институтским же кавказцам — как они без меня друг друга не находили, до сих пор ума не приложу.

Не самое, конечно, презентабельное, с точки зрения советских правоохранительных органов, занятие.

Но плевать. На жизнь, повторюсь, хватало. И вполне.

С романом вот задуманным только засада настоящая выходила: сначала в армию загремел, и пары страниц толком не написав.

Теперь — просто ступор какой-то наступил.

А ведь как хотел. Как мечтал...

Тем не менее, эта зима навсегда врезалась в память чем-то очень хорошим. И как первый опыт мужской самостоятельной жизни, в том числе...

Навстречу мне на переезде Вставали ветлы пустыря. Надмирно высились созвездья В холодной яме января...

...Сейчас я тоже живу за городом, вот только посёлок у нас уже совершенно другой. И люди, кстати, живут здесь постоянно, и оттого детей зимой на улицах меньше, чем летом, не становится. Да и меня они теперь почти не напрягают, может, оттого, что намного тише себя ведут. Не знаю уж, плохо это или хорошо.

По мне — так скорее плохо.

Мальчишка, например, на мой вкус, должен быть обязательно шумным. Иначе это уже что-то изумительно-нежное, как хрестоматийное «облако в штанах»: не хотел бы я своему сыну такой, признаться, судьбы.

Впрочем, не мне судить.

...Просто немного другие времена, думаю. Но снег в Подмосковье всё равно такой же, как в молодости: это в самом городе он за последние десятилетия как-то посерел и обеднел, растерял и белизну, и пуховую мягкость, и радостную готовность сразу играть в снежки.

За городом с ним как раз все по-прежнему в полном порядке. Густой Хлопьями. Который час уж идёт... Вот только не чистят его жильцы в нашем коттеджном посёлке. Вот, от слова совсем. Если только так. В удовольствие.

Остальным — тем, что «не в удовольствие» — занимаются в нашем посёлке, как и во многих других подмосковных, даже с самыми минимальными претензиями на «уровень», бодрые, преимущественно таджикские, и по-муравьиному трудолюбивые бригады коммунальщиков. Крайне удовлетворённые притом и своим нынешним образом жизни, и местом, и родом трудовой деятельности: в самой поселковой конторе им платят так-то немного. Но у них ещё и отдельные «договора» практически с каждым домом.

Эдакий, надо отдать должное, симбиоз южных услуг с местным нордическим населением: и всем от этого хорошо. На эти самые «договора» таджики фактически и живут. Летом — помогают следить за участками, косят траву. Подстригают ветки на фруктовых деревьях. Просто убираются. Зимой — чистят дорожки от снега. Хорошо чистят, надо сказать. На совесть. Не на «отвались». Стараются, в общем... Сегодня после обеда они, кстати, ещё не прибегали.

И на открытой части террасы, на дорожках, на площадке перед гаражом, и перед барбекю лежит неприбранным ровный, ослепительно-белый и мягкий, и даже на нечаянный взгляд холодный, зимний пуховый ковёр. Жалко даже и наступать... Впрочем, и не придеётся.

Когда меня в Москву неожиданно парни дёрнули, жена сочувственно вызвалась подкинуть до Крюково, откуда в столицу летают теперь комфортабельные и вечно полупустые «Ласточки». Причём точно по расписанию летают, каждые минут двадцать: с теми временами, когда я выбирался в город из такого же заснеженного «научного кооператива» на переполненных, замороженных, прокуренных и вечно опаздывающих электричках, и не сравнить.

Обыкновенно у задворок Меня старался перегнать Почтовый или номер сорок, А я шёл на шесть двадцать пять.

...Так что — жду. Жену, в смысле. Курю.

Девушки, они всегда именно в последний момент о чём-то офигительно важном вспоминают. Я давно уже привык и не парюсь: проще подышать стылым воздухом, перемежая его в раскрывшихся лёгких крепким сигаретным дымом. Послушать, как падает снег...

...На узеньких улицах нашей заснеженной подмосковной деревеньки даже полноприводную спортивную машину прилично заносило по выпавшему рыхлому «пухляку», что приводило жену в какой-то совершенно отчаянный девчачий восторг: автомобиль-то она водит отлично, я с ней тут даже не соревнуюсь.

Профессиональная спортсменка в прошлом.

Поэтому никаких соревнований и «битвы за руль» в нашем доме и отродясь не было, да и сейчас нет и не предвидится.

Счастливый я человек...

...Ну, и, естественно, у девушки нет повода не «подрифтить».

А что? Сиреневая подмосковная зима. Тихий посёлок. Принципиально пустые и наглухо заснеженные улицы — плюс немного хулиганского настроения.

А счастья-то...

На КПП я привычно, чтобы не отвлекать жену от приятного ей процесса вождения, с брелока открыл шлагбаум, но вежливый охранник всё же вышел из будки и приветливо помахал рукой: вряд ли, конечно, он был так рад нас видеть. Просто воспользовался моментом: на улице было действительно по-настоящему хорошо.

Тем не менее, помахал ему в ответ: никого ни к чему не обязывает, а человеку приятно. Даже, в ответ на его жест, опустил стекло со своей стороны и угостил бедолагу парой сигарет из мятой пачки.

У самого кончились, говорит, а на смене еще минут сорок стоять. И напарник, как назло, некурящий.

...Кстати. Тут, что называется, полное взаимное понимание: один из очевидных недостатков жизни за городом. У меня у самого ночью иной раз сигареты заканчивались прямо в середине написания статьи какойнибудь, — так хоть волком вой. Или бегом беги.

Приходилось хоть как-то «закольцовывать» текст, прыгать в машину жены и нестись в Зеленоград, благо он хоть рядом. До ближайшего круглосуточного магазина. А тут у мужиков и вовсе «с поста» никуда не отойдёшь...

Нормальное, в общем, дело.

Обыкновенная мужицкая солидарность, не знающая никакой имущественной и социальной расщеплённости: он, кстати, тоже нельзя сказать, что в благодарностях сильно рассыпался. Воспринял как должное: тут у нас все друг друга, в общем-то, знают. Посёлок-то небольшой.

Нет, именно как «коттеджный» — вполне себе даже и объёмный, почти триста участков: свои магазинчик, ресторанчик, фитнес. Даже часовня «своя». Но в остальном — не мегаполис, конечно. Трудно не перезнакомиться.

Да он к тому же и один из самых «пожилых» поселений в своём классе, ещё в конце девяностых годов построенный. Некоторые люди здесь уже лет по двадцать живут. И не очень-то собираются уезжать.

Насколько мне известно, многие даже квартиры свои московские бросили и теперь живут тут постоянно. Не наездами, а с пропиской. Вот как мы с женой, например. Ну, да не в этом суть...

...Пока я так сам с собой рассуждал, жена уже, не особо спеша, проехала круг, объехала санаторий, и за боковыми стеклами поплыли заснеженные крыши частного сектора Андреевки, ближайшего пригорода Зеленограда. Это — по одну сторону.

А по другую сторону дороги — выстроились рядами новенькие чистенькие высотки, блестящие обилием стекла, как сейчас заведено при новострое, сразу же, с редкими пока, но уже имеющими место быть витринами магазинов и кафе, банковскими офисами и прочей, вполне городской, суетой. С чистенькими и аккуратными, сейчас засыпанными непрерывно падающим снегом, дорожками между новенькими чистенькими домиками.

Засрут, конечно. А кое-что — обветшает. Но пока, особенно в такую погоду, — красиво все-таки тут. Жалко только, что зима в этом году както ... м-м-м... то ли людьми потерянная, то ли сама себя потерявшая. В январе только и началась...

- ...Зато февраль всё утопает в снегу. Бывает. Что тут еще сказать?
- ...Жена неожиданно вздыхает.
- Знаешь, что я думаю? спрашивает, легко вращая руль кончиками пальцев и лениво держа машину на безопасном расстоянии от очередного «крадущегося через снег мудака». Ближе к лету дом все-таки достраивать надо. Нужен зимний сад для «зелёных друзей». Возможно, даже с

небольшой оранжереей. А то орхидеям моим цвести негде. И, самое главное, нужно большое, минимум, метров сорок, а то и больше, отдельное помещение под библиотеку. А то твои книги уже прям на голову падают.

— Можно подумать, — хмыкаю, — твои обучились летать.

Она снова вздыхает.

А что тут можно сказать?

Два, к тому же, каждый в своей области, известных журналиста под одной крышей — это всегда очень тяжело. Хорошо хоть — «области», скажем так, немного разные. Не предусматривающие внутривидовую конкуренцию. А то бы — совсем беда...

Очень хочется закурить, но потом меня что-то отвлекает. Я неожиданно хохочу.

Машка смотрит недоуменно.

— Да нет, я не об этом, — мотаю башкой, засовывая незажжённую сигарету обратно в пачку.

Она мне запрещает в своей машине курить. В моей — сколько угодно. А в своей — вот только стоило самой бросить эту гадость смолить, так сразу — всех ненавижу.

Вот всё-таки, отказ от табакокурения, помимо множества благ, несёт людям и нечаянный вирус ханжества. И это, на мой вкус, тоже довольнотаки глупо отрицать...

— Тогда о чём? — требовательно спрашивает моя дражайшая половина. Кстати. Когда она, как сейчас, злится — она особенно хороша.

Я снова хихикаю. Возможно, даже слегка гнусно.

— Да знаешь, — неожиданно для себя зеваю, деликатно прикрывая рот ладонью, — я, конечно, о библиотеке долго клянчил. Тут согласен. Вопросов нет. Просто неожиданно вспомнилась концовка «Мастера», у Булгакова. Что там им с Маргаритой выделили в качестве «награды покоем»?

Жена презрительно жмёт плечами. Не выпуская из рук руля. И это у неё получается профессионально и изящно: мне вообще нравятся люди, делающие что-то красивое, не заморачиваясь и не задумываясь, как это будет выглядеть на селфи. А просто потому что так получается. А Машка и её спортивная «девочка» — это почти что кентавр.

Булгакова она, в принципе, тоже любит, но не его последнюю вещь, считая ее чересчур пафосной и претенциозной. Предпочитает «Белую гвардию». И совершенно мной лично не переносимый «Театральный роман».

Тем не менее, естественно, знает почти наизусть: в восьмидесятыедевяностые быть девочкой из хорошей семьи и не читать эту книгу было принципиально невозможно. На мой вкус, это, кстати, самому Булгакову тоже крайне повредило. Опошлили. Вот просто как оно есть...

— Выделили домик в саду в какой-то долине. Где он должен будет засыпать в засаленном колпаке, а чем она будет заниматься, я уж и не упомню, — снова жмёт плечами, подумав. — Так себе, кстати, вариант. А что?

Я фыркаю.

— Там и описание этого домика есть, — вздыхаю. — Поверхностное и поэтическое, конечно, но понятное. Мы что-то подобное с тобой видели в уцелевших средневековых европейских городах, хоть в той же Праге. В Пражском граде, если уж совсем буквоедствовать. Злату уличку помнишь, например? Библиотеку там явно не пристроишь...

Жена некоторое время молчит, потом тоже хихикает, не отрывая глаз от дороги: трасса совсем скользкая, конечно.

Снег. Да ещё и позёмка, похоже...

- ...Потом снова молчит. Качает головой. Вздыхает. Потом неожиданно резко тормозит и прижимается к обочине.
- Они ж там охренеют от тоски в ближайшие три недели, говорит наконец. А через пару месяцев, несмотря на все взаимные чувства, возненавидят друг друга. Ну, может, попозже. Но неизбежно. Представь себе: два, пусть даже неистово и вечно любящих друг друга человека, в абсолютно замкнутом пространстве. И даже «наверх» обратиться не к кому и молиться некому. Бога над ними нет.
- Хрена тебя Булгаковым торкнуло, удивляюсь. Ты поэтому затормозила?

Она смотрит на меня недоуменно.

— Да при чём здесь Булгаков? Не видишь, что ли, дворники почти не работают. Надо незамерзайки долить.

Я смотрю на лобовое стекло. Ну, в принципе, да.

- Хочешь, я сам сделаю? смотрю на неё вопросительно. Всё равно курить что-то, как последняя сволочь, хочу.
- Буду признательна, вздыхает. Незамерзайка в багажнике, я сейчас открою. Так что иди. Кури.

Я согласно киваю, отстёгивая ремни.

— А насчёт финала Мастера, — достаю сигареты из кармана, — так там все просто. Всё, что даже при всём желании Сатана может предложить хорошего — это проапгрейженный и облагороженный, но все равно ад. Ну, или какой-то из его малых региональных филиалов. У него просто нет ничего другого, по определению. Включая свободу воли, которой он лишён. Ну вот природа у него такая, против неё не попрёшь. Кто на что учился. Он же не сам по себе, он же наказан и низвергнут. Помнишь? Ну. И чего же от него ждать?

Машка коротко кивает, и я вылезаю из машины. Закуриваю. На мои ресницы и на остроконечные крыши коттеджей частного сектора падает мокрый снег.

На противоположной стороне дороги новострои продолжают изображать из себя блестящие игрушки с макета. Несмотря на густо идущий снег и серый пасмурный день. Для них почему-то — это так. Фоном.

Но это — наверху. А внизу — яркие пятна синтетических непромо-каемых курток и отчаянные кошачьи вопли: пацанва гоняет в футбол.

На ровной, пусть и наглухо заснеженной площадке, затянутой видимой даже сквозь падающий снег крашеной металлической сеткой: ещё одно яркое пятно для этого серо-белого дня.

Всё правильно, уроки уже часа два как закончились...

Вот. Что-то вокруг — изумительно новое, неуловимое, как незаметно подкрадшаяся эпоха. А что-то — вообще никогда не изменить. Вечные ценности, можно даже сказать.

Единственное, — на московских «коробках» нашего детства не было этой замечательной сетки. И проезжающим машинам, как и стёклам в близлежащих домах по Палашевскому переулку, значительно меньше везло.

А вот всё остальное, кроме яркой одежды из добротной современной синтетики на мембранах, и той самой, выкрашенной в такой же праздничный цвет высокой сетки, — ну всё совсем то же самое.

Кто-то носится, как угорелый. Кто-то пасует. Кто-то «мастерится» — финтит. И это, думаю, хорошо...

...Быстро лезу в багажник, доливаю незамерзайку. Жена пробует дворники. Кивает из-за стекла: всё нормально. Да я и так вижу...

Делаю несколько глубоких затяжек, выбрасываю сигарету, быстро лезу обратно в машину: ещё на платформе настоюсь.

Жена недовольно опускает стеклоподъёмник:

— Сколько раз просила тебя: на улице свой табак выдыхай...

Покорно несколько раз выдыхаю в сторону идущего на улице снега, пока она заводится, и поднимаю стекло.

- Ты, мать, сама смотри не простудись, смеюсь.
- Сколько раз просила не называть меня «мать»!

Ладно. Проехали. Одновременно с рабочим посёлком Андреевка. Въезжая в славный город Зеленоград...

- У банка, прошу, останови. Наличные нужны.
- Не-не-не, мотает головой, показывая взглядом на свои лёгкие спортивные тапочки на педалях, никуда не пойду. Если у тебя кэш закончился, я тебе лучше одну из своих карт с собой дам. Потом отдашь. Не буду по сугробам скакать!

Я снова тихо смеюсь.

— Успокойся, любовь моя, — подмигиваю. — Я ещё не пропился до конца. На карте деньги пока есть. Плюс гонорары с одной халтурки дошли. Немного, конечно, но на похороны хватит. Просто место встречи Вадик сегодня выбирает. А Вадик, как правило, находит шалманы, где вкусно и дёшево. Но карты в этих тошниловках принимают далеко не всегда...

Жена коротко и согласно кивает.

- Не нажритесь там, как обычно, вздыхает. Тоже мне, творческая элита страны...
- А это уж как получится, также тяжело вздыхаю в ответ. Но конкретно такой задачи именно сегодня передо мной не стоит.

Машка ехидно мотает головой из стороны в сторону, притормаживая у знакомого банковского офиса.

- Можно подумать, что она когда-то перед тобой стояла, фыркает.
- Всё как-то само собой получается. Иди. Снимай. Горе ты моё...
- ...Иду. Снимаю. На полу обыкновенно почти медицински-чистого офиса, перед банкоматами прилично натоптано. Снег на улице, понятное дело. Не убранный пока ещё. Рыхлый. Мокрый. Тяжёлый.

Люди, как правило, сейчас все в высокой зимней непромокаемой обуви, с глубоким протектором, чтобы не дай Бог не поскользнуться.

Да я и сам именно в таких, Господи прости, «говнодавах». От одного знаменитого в узких кругах чисто американского бренда: северного, там снега много и негров почти что нет. Все фактически как у нас. Вот водичка и натекла.

Привычно набрал пин-код, снял десятку, с запасом. Вряд ли и половину пропью, конечно. Но лучше уж всегда иметь под рукой. Мало ли, а то что...

- ...Проскакал горным козлом через стремительно растущие придорожные сугробы, обстучал обувь о порожек. Юркнул на переднее сиденье.
  - Нормально, говорю, там метёт.
- Да неплохо, кивает в ответ любимая. А тебе ещё билеты на электричку покупать. И на перроне стоять.

Я беспечно машу рукой.

— Да капюшон просто накину. Я же с не жалобой тут выступаю, понимаешь. Так. Просто констатировал факт...

Машка насмешливо хрюкает.

Машина плавно отъезжает от бордюра.

Нда. Полный привод даже на её низенькой спортивной в таких ситуациях и вправду выглядит вполне достойно. Машина очень легко слушается. Хорошо...

...Попросил жену не завозить меня на Привокзальную площадь, а остановиться на другой стороне: и ей так удобнее, и мне до касс ближе.

Перебежал дорогу и площадь. Сунул деньги в окошечко.

- На «Ласточку». говорю. До Москвы.
- На полчаса примерно задержка от расписания будет, с сожалением предупреждает симпатичная молоденькая продавщица. У нас чрезвычайная ситуация была, только движение дали на Москву.
  - A что произошло? удивляюсь.
- Попытка суицида, поджимает губы девушка в окошке. Возьмите билет и сдачу. Сейчас уточнённое расписание на табло повесят. Следите.

Тянусь к окошку за мелочью и квитком билета, продолжая оставаться в лёгком, не проходящем недоумении.

Ничего себе, ЧП районного масштаба. Видимо, это у меня на лице.

— Девчонка молодая под московскую «Ласточку» сиганула, — тянет, по-старомосковски «акая», пристроившийся прямо за мной в очереди за

билетами крепкий мужик в короткой меховой куртке и меховой же кепке «с ушами»». — Пока то, пока сё, по итогу. Врачи, менты. Тоже мне, Анна Каренина, блять.

Застываю, не донеся мелочь до бокового кармашка в джинсах.

- Ты бы, качаю головой, дядь, всё-таки давай, как-то потактичнее, что ли, рассуждай. Живой всё-таки человек когда-то был...
  - Почему «был», фыркает стоящая сразу за ним девица.

По форме, да, судя по всему, и по содержанию, — чистопородная, чуть разбитная столичная студентка. Все как положено. Изящные черты лица. Лёгкая изломанность в фигуре. Чёрное стеганое пальто, высокая вязаная светлая шапка с помпоном, подвёрнутые синие джинсы поверх тяжёлых ботинок. Естественно, очки. Причём с заведомо слабыми диоптриями. Можно не носить, в общем. Надеваются больше для полноты образа, а не из практических нужд.

При этом — изумительно хороша. Гуманитарий, прямо за версту видно. Не отнять...

- Всё с ней в порядке, то ли меня успокаивает, то ли ровные белые зубы демонстрирует под красиво очерченными губами, улыбаясь на фоне падающих хлопьев снега и начинающих зажигаться сумеречных городских огней. Машинист затормозить успел, она чуть ли не у первого вагона прыгала, там поезд и так уже не очень быстро идёт.
  - И что? интересуюсь уже больше для проформы.
- А ничего, жмёт точёным, что даже под чуть мешковатым пальто заметно, плечиком. Все, вроде, цело. На ногах, я видела, самостоятельно стоит. Чуть шатается, правда. Но в больницу всё-таки повезли...

Лезу в карман за сигаретами.

— Ну, если так, — говорю.

Красотка задорно кивает. Будь я чуть помоложе — точно влюбился бы. Сразу и навсегда. Увы. Нет, в старики ещё не записываюсь. Но былого задора нет...

— Да её-то по любому на больничку отправят, — вздыхает мужик, протягивая деньги в кассу. — А потом в психушку. Попытка суицида есть попытка суицида. Там просто ещё в самой электричке народ побился, бабка какая-то бедро сломала. Экстренное торможение всё-таки. Вон, видите, скорые до сих пор стоят, — у меня там товарищ с работы возвращался, руку крепко ушиб. Хорошо ещё, не сломал. Так что, я эту дуру и похлеще, чем «Анна Каренина», назвать мог бы. Девушка, мне «Ласточку» до Солнечногорска.

Я задумчиво отхожу от касс. Закуриваю, чертыхаясь на мокрый снег и порывистый ветер: хорошо ещё, что у меня олдскульная бензиновая зажигалка с собой, а не вот это вот одноразовое пластиковое говно. Которое вообще-то следовало бы запретить, как и всё принципиально одноразовое. Как исключение можно оставить одноразовые пластиковые пакеты под мусор, они всё равно сразу будут отправлены по назначению.

Да и хрен с ним. Нашёл, о чём в такую погоду, да ещё и посредине продуваемой всеми ветрами Привокзальной площади рассуждать...

Глянул на табло — ага. Расписание уже поменяли.

И, в общем, ничего особенно страшного, — следующая «Ласточка» примерно через полчаса, как раз вон в той кондитерской успею кофе попить. Там чистенько. Тепло, светло. И даже снег не идёт. Нда...

Кстати. Вот интересно, отчего все эти потенциальные самоубийцы так любят публичность, вынося на всеобщее обозрение именно смерть: процесс, по сути, как ни крути, куда более интимный, чем любая банальная близость?

Эксгибиционизм смерти какой-то.

В конце концов, любой человек по-настоящему умирает только один раз. И такое, даже чисто эгоистически, лучше, наверное, приберечь от посторонних глаз: да и «посторонние глаза» тоже бы, наверное, не возражали.

А ведь нет, не выходит. Словно эти несчастные не просто убивают себя, а то ли приносят какую-то страшную жертву. То ли вообще делают это не для себя, а для кого-то ещё. Хотя — казалось бы...

...Просто парадокс какой-то.

А девочку — все равно жаль. Какою бы она реальной дурою ни была.

И бабку жаль, которая из-за этой дуры шейку бедра сломала: для стариков — едва ли не самая страшная, кстати, травма.

Да и меня тоже, наверное, в общем-то, жаль...

...В кофейне было тепло, но как-то слегка влажновато.

Несмотря на то, что только за то короткое время, пока я пил свой двойной эсспрессо, пол протирали дважды.

И теплозащита на входе в «стекляшке» работала, в общем-то, на ура.

А, может, как раз не «несмотря», а «благодаря» — вот, так и всегда, всё дело в чёртовых акцентах и неумении их правильно расставлять...

...А в остальном — светло. Чисто. Уютно. Кофе в меру крепкий и горький. В меру горячий.

А за огромными стеклянными окнами, в фиолетовой подмосковной предсумеречной подсветке, большими тяжёлыми хлопьями падает тихий снег. Да и на Привокзальной площади тем временем уже разъехались последние, как я понимаю, скорые. Будто и не было ничего.

Допиваю кофе, выбрасываю «экологический» бумажный стаканчик в специальную урну на выходе.

Если верить видимому даже отсюда электронному табло, через десять минут подадут мою «Ласточку». Пора выходить. Успею как раз покурить, минуя наискось засыпанную свежевыпавшим искрящимся снегом площадь.

Дворники вон, вовсю уже лопатами машут. Но — увы. Не помогает дешёвый таджикский труд. Вон как валит-то...

Быстро прошагал, несмотря на снег, всё равно выглядящую ухоженной и уже празднично, несмотря на раннее время, освещённую фонаря-

ми Привокзальную. Макнул билетом в современный электронный считыватель турникета и нырнул в «святые девяностые» — путём скорого преодоления не ремонтировавшегося, наверное, со времен советской власти сырого туннеля под перроном.

Символично, конечно. Связь, так сказать, времен...

...Не успел вылезти на перрон и пройти ближе к предполагаемой голове состава, как вдали появилась «Ласточка».

Люди уже оживлённо толпились, чуть подталкиваясь, у понятных постоянным завсегдатаем этих поездов мест. Ровно там, где будут открываться двери. Народ у нас сметливый, приходится снова констатировать. И памятливый. Не отнять...

...Вот только, интересно, зачем, сука, толкаться? И так ведь понятно — поезд до Москвы доедет совершенно точно полупустой. Мест хватит всем, а некоторым — даже останется. И — тем не менее...

Нельзя сказать, что внутрь меня внесли. Но было — так. Плотненько. Что, в общем-то, и понятно: из-за пары пропущенных по причине ЧП поездов народу на перроне набилось изрядно.

Но — ненадолго. Все просто: эта «Ласточка» до прихода на нашу станцию была совершенно, девственно пустой. Из тех, для которых наше зеленоградское Крюково — конечная. Так что за место бодаться совершенно не нужно было.

Перед тем, как толкаться, могли бы и в расписании посмотреть.

В результате все спокойно расселись, да ещё и с роскошно синеющими островками свободных мест чуть ли не в каждом вагоне.

Ну, и я тоже уселся, разумеется. Сразу же приглядев себе комфортное место в глубине вагона, у самого окна, в которое немедленно и уставился. Сумерки в Подмосковье, в глухозимье, особенно ранние, — самое волшебное время суток. Такое грех пропускать уважающему себя наблюдателю за этой дурацкой жизнью...

Сиреневое время. С размытыми линиями и приглушённой романтикой фонарей. Да ещё сквозь этот непрекращающийся с самого раннего утра снег...

...Красота.

Огляделся вокруг.

Вагон, наполнившийся едва ли наполовину после первого натиска и успокоенный привычным отсутствием конкуренции за жизненное пространство, постепенно задумчиво затихал. Народ уже почти что расселся, только самые то ли беспокойные, то ли избыточно вдумчивые пассажиры передвигались ещё между сиденьями.

Я перевёл взгляд на экран табло рядом с выходом.

Так. Все правильно. Две остановки. Сходня. Химки. Потом — искомый Ленинградский вокзал.

Как раз плюс-минус вовремя успеваю, перед приездом в столицу отзвонюсь парням по телефону.

Уточню, где именно сегодня изволили сесть.

Встреча-то, в общем-то, рядовая: стандартные издательские дрязги.

Но надо кое-что уточнить, всем интересное. При всём богатстве выбора, что называется, другой альтернативы нет.

Да и вообще давенько что-то не виделись.

А раз есть повод, к тому же действительно более или менее весомый, то что бы уважаемым донам и не посидеть...

...Разместившаяся прямо передо мной, через ряд, небольшая стайка молодежи — две девицы в длинных тёмных пуховиках и высоких шапках с помпонами и худосочный юноша в лёгонькой модной яркой курточке, подвёрнутых джинсах и без носков, отчего его голые голени отчаянно напоминали голени престарелой курицы — негромко, но вполне членораздельно и неумолчно болтали о чём-то для них насущном. Причём болтали именно утеплённые девицы, юноша хлюпал носом и, очевидно, глубоко страдал, старательно отогреваясь; зато эти две трещали почти что за десятерых.

Буквально за десять минут дороги до Сходни я многое зачем-то узнал: и про то, какая конченая дура некая Леонелла Михайловна, «куратор» и преподаватель информатики. И о том, что молчаливого задрота в подвёрнутых джинсах и яркой курточке зовут Денисом. И о том, что у Юльки, старосты их группы, к которой они сейчас все вместе едут, сегодня день рождения, и плюс к подарку надо бы ещё обязательно купить цветов и побольше бухла: Юлька не так просто выпросила у родаков ключи от дачи и «сегодня будет жара».

Ну, и ещё целую кучу соответствующей полезности информации. Куда бы её деть-то ещё...

А потом «Ласточка» остановилась на Сходне, и они растворились в заснеженной синеве надвигающихся сумерек, среди совсем уже почти вечерних станционных огней, а я наконец спокойно уткнулся в смартфон.

Быстро пробежал глазами новости в ленте: никуда не денешься, привычка старого информационщика. Мой чёрный хлеб.

Это на икорку можно заработать, а можно и не заработать. А без хлеба нашему брату просто никак нельзя. Газетчик есть газетчик, как его ты только ни обзови...

Мельком заглянул в сети: жизнь там, естественно, бурлила, не останавливая своего ежесекундного коловращения. Но вообще-то, «в общем и целом — ни о чём».

Впрочем, как и всегда.

Наметил пару тем, из которых впоследствии можно будет выжать «колонку», при желании и при прочих равных.

Не сенсации, конечно. Но как инфоповод, чтобы порассуждать — ну, а почему бы и нет... На эту неделю я план свой вроде бы как бы выполнил. Но всегда можно ожидать какой-нибудь дополнительный заказ, от которых я в последнее время редко когда отказываюсь: если тема более

или менее достойная и заказчик не сильно жадничает — так почему бы и нет. Всё равно делать особенно нечего: большой текст недавно закончил, надо дать ему «отлежаться». Да и себе отдохнуть.

Слишком уж тяжело дались эти авторские листы в этот раз, чуть ли не с кровью и не с блевотиной. А сам текст получился, на удивление, холодным и рационально гладким. Хотя и страшноватым, конечно.

Вот только работать его, этот новый роман, придется еще достаточно глубоко и интенсивно, — хорошо ещё, что по предощущениям, недолго.

Знаю, что нужно сделать: а это уже легче. Хотя — пахать и пахать...

...А когда оторвался от ленты на экране, не так я долго там, кстати, и пробыл на самом деле, оказывается, в этой компьютерной глубине, — поезд уже подлетал к Химкам, а на улице внезапно закончился снег.

В просветах между облаками пылало лилово-зеленоватым холодное предзакатное подмосковное небо. И тут, разрывая сгустившиеся, было, сумерки, лиловую густоту воздуха неожиданно снова рассеял прорвавшийся внезапно с запада чуть красноватый, но неимоверно яркий, предвечерний солнечный луч. Смешиваясь непринуждённо с холодным фиолетовым электрическим светом уличных вывесок, рекламных щитов и фонарей, подчёркивая свежевыпавшие снежные сугробы и уплотняющиеся в дрожащем воздухе построек стремительными линиями то удлиняющихся, то укорачивающихся теней...

На самом въезде в Химки на грязноватой стене очередного недостроенного до конца склада, кто-то нарисовал граффити.

Написал огромными буквами «АДЪ РЕАЛЕНЪ».

Именно так, с двумя твердыми знаками. Грамотей. Блин.

И вот не знаю, только ли у меня внезапно возникло такое ощущение, что этот «кто-то» был и не так уж чтобы совсем не прав.

...На опустевшее место болтливого студенчества, слава всем подмосковным богам, до Москвы никто не претендовал.

Я снова уткнулся в окно. Вместо смартфона. Ну, а почему бы и нет? Тоже, своего рода, дверь в информационный мир. Нужно только учиться воспринимать...

- ...Смартфон, тем временем, видимо, обиженный недостатком внимания, громко и неожиданно зазвонил. Вадик.
  - Здорово, говорю, русский поэт Степанцов.
- И тебе привет, не менее русский прозаик, задорно хрюкают в трубке.

Секунду почему-то молчим.

— Ну что, загородный затворник, — хмыкает. — Ты там еще далеко от мест общественного водопоя?

Хрюкаю плаксиво в ответ.

- В инферно я, понижаю голос. He мешай...
- Химки, что ли, проезжаешь? догадывается.

Издаём синхронный смешок.

- Сколько ж я тебя знаю, Вадик? задумываюсь, со вздохом. Он согласно вздыхает.
- Приличные русские поэты, цокает разнузданно языком, исторически столько не живут. Поэтому придётся вам всем ещё долго терпеть меня, неприличного. Но почему это кого-то должно трахать, извините? Память о себе я пока ещё, хвала Аллаху, милостивому и милосердному, вроде как не пережил. И не пропил. Люди и на концерты ходят. И стихи читают и слушают. Значит, нужен кому. Хотя и нарушаю его законы, а оттого иной раз неумеренно употребляю. Или наоборот: не могу уловить причинно-следственную связь. Да-с. Да и ты из ума, вроде, не выжил пока. Поэтому повторяю вопрос: кого это должно трахать-то? Ну. Да. Долго на свете живём...

Я сначала морщусь. Вадик, конечно, прав. Но все же немного цветаст...

- Вот и я тоже так думаю, хихикаю, наконец, в ответ. Всё правильно, Химки я проезжаю. Минут через пятнадцать, максимум, буду на трёх вокзалах, в Москве. Вас-то где, болезные мои, страннику подмосковному отыскать?
- Да мы ещё не решили, вздыхает. Максим тянет к себе, на Профсоюзную, в паб. Меня тянет просто нажраться. Куда тянет остальных, вообще ни разу не понимаю...

Чешу затылок.

— Честно говоря, — принимаю решение, — склоняюсь к твоему варианту. Меня туда же тянет. Деловая часть, по любому, будет короткой. Да и какая там деловая часть? Констатация факта. Хорошее было издательство. Всё, забыли, как бы Макс ни храбрился. Будет у него новый проект — будет тогда, о чём и поговорить. Нет — нет.

Минута молчания. Ну, не минута, конечно. Но звучит все равно внушительно.

— Вот чувствуется, что ты когда-то бизнесами рулил, — шумно выдыхает наконец поэт Степанцов. — Всё правильно, вроде, говоришь, но без нашей пролетарской чуткости. А косточки кому-нибудь перемыть? А главного гомосека назначить? А пить-то тогда, в конце концов, по какому поводу будем?! Нет. Ну ты скажи?!

Я задумчиво гляжу в окно. Там, кстати, всё ещё пока что перрон: по раннему вечернему времени почти что безлюдный, подсвеченный ядовитыми фиолетовыми огнями. Химки.

- Хорош философствовать, вздыхаю. Ехать-то мне куда?
- Сейчас, задумывается.

Чувствуется, заслоняет трубку ладонью. На смартфоне. И это мои друзья. Идиоты. На улице — двадцать первый век. Алкашня...

— Эй, — взывает. — Валерьяныч просит не трахать ему больше мозг и сказать, куда надо ехать. А то у него там уже Химки только что объявили, даже я по телефону слышал, а мы вообще ни в одном глазу.

Я молча поднимаю большой палец вверх. Хорошо сказал. Он этого не видит, конечно. Но — наверняка чувствует. Поэт, всё-таки. И — хороший поэт.

Сквозь невидимые линии цифровой связи и потную ладошку «хорошего поэта» слышится какое-то невнятное нечленораздельное бурчание, перемежаемое редкими резкими не менее нечленораздельными выкриками.

Совещаются, значит. Заслуженные современные русские гуманитарии. Это, думаю, хорошо.

«Ласточка» тем временем бесшумно трогается, покидая пустынный перрон сумеречного Химкинского инферно, подсвеченного мертвецким фиолетовым светом местных станционных фонарей.

Страшный город, реально. Ничего, вроде, особенного. А выглядит — все равно — ровно твой морг. Бррр...

...Предзакатный луч солнца, неожиданно прорвавшийся сквозь облачную надвигающуюся тьму, придаёт окружающему вид уж совсем фантастический: кипящего странной, полумеханической жизнью, недалёкого урбанистического ада. Недавно выпавший снег кажется неимоверно грязным, а люди, живущие в этом неприкаянном городе непременно смертельно усталыми и больными. Больными той самой усталостью, что въедается копотью под кожу и заставляет молодых женщин закрашивать серость лиц кричащими красками, способными возбудить чувства разве что у страдающего депрессивным психозом бабуина.

Лично у меня при виде этих клоунских масок если и включаются какие рефлексы, то исключительно боевые.

И — подступает жуть.

Впрочем, очень многие и европейские пригороды точно такие же. Не знаю уж, плохо это или хорошо, но — ровно туда и шли все девяностые и нулевые: светлое капиталистическое завтра. Как оно есть. Вот. Принимайте, не жалуйтесь. Это ровно то, что вы хотели и заслужили...

...К счастью, «Ласточка» вылетает со станции, серость сменяется сначала нарядным камнем и стеклом новостроек, потом поезд мчит по мосту через реку Москву, и снова вспыхивает прорывающееся сквозь облака чистое закатное солнце. И всё становится вовсе не так печально, а как бы даже и вполне себе хорошо.

- Тут мужики, прорывается внезапно мне в ухо голос поэта Степанцова, предлагают эту монголо-татарскую, тьфу, монголо-бурятскую фигню на Малой Дмитровке. Я там бывал. Кормят, вроде, вполне себе ничего. Если ты не возражаешь, сейчас позвонят, узнают, есть ли места и оформят заказ на столик поглубже, чтобы можно было поговорить.
- Да все там были, ворчу, в этом бурятском шалмане. И все, наверное, будем, по грехам нашим. Причём, наверное, и не раз. Рыба там, по крайней мере, отличная, а буузы свои пусть сами жрут нафиг. Нормальное место, самое главное, что тихое. Хотя я бы какую-нибудь обычную хинкальную предпочёл...
  - O! внезапно восклицает поэт. И снова зажимает трубку.

- Блин, говорю ему прямо в руку, перекрывающую, как ему кажется, микрофон. Что там ещё-то случилось?
- Да нормально, тут же перестает изображать из себя голландского мальчика, затыкавшего пальцем дырку в знаменитой дамбе.

Я только фыркаю.

- Рад за вас, усмехаюсь. Но случилось-то всё же чего?
- До него тоже доходит вся удивительная комичность ситуации.
- Да говорю ж, ржёт, нормально всё. Просто кое-кому твоя идея насчет хинкальной понравилась. Мне, кстати, в том числе.
- Тебе, кстати, передразниваю, в первую очередь. Заметь, я тут всё слышу. И мозги пока не пропил...

Вадик фыркает в ответ.

— Ну, знаешь, — тянет. — Не тебе судить о моём моральном облике, старый алкаш. Короче, мужики однозначно поддержали идею «Хинкальной». Теперь договариваются о её материальном воплощении. В смысле, выбирают, в какую именно. Ибо, сам знаешь, в Москве их полно. Ты лучше расскажи, как тебе в Москву едется-то? На ранних, прошу прощения, поездах?

Я на секунду даже теряюсь. Потом доходит.

- Да нормально едется. Прямо почти что по-пастернаковски. С неощущаемым в связи с современностью конструкции свежим подмосковным пока ещё ветерком. Сейчас на московский сменится, как раз МКАД переезжаю. Только какие ж они ранние-то, старик? Скорее уж вечерние. Сумеречные. Но в остальном всё, как надо. Бабы, слобожане, учащиеся. Слесаря тоже, наверняка, есть. Все, вроде, на месте. Так...
- Мастер сказал, рубит, на «ранних». Значит, на ранних. Не нам с тобой старого иллюстратора поправлять. Его, пастернаковские, времена на нашем, сука, дворе. И какой-нибудь Мандельштам уже наверняка сидит на киче. Да и хрен с ним, с болезным, если так уж, совсем-то честно говоря...
- Это почему, удивляюсь, ты именно так решил? Я не про посадки, в смысле. А про «пастернаковские времена».
- А трагедии, протяжённой в настоящем времени, нет, вздыхает. Вот вообще нет никакой. Одна, сука, драма сплошная. Понять происходящее в результате возможно только через образ. Через ту же музыку ни фига, оставим её мандельштамам. Ибо музыке требуется трагедия. А её, к счастью, нет.

Замолкаем.

- А знаешь, задумываюсь, в чём-то ты, наверное, прав.
- О как! радуется. И таки в чём, спорщик ты вечный наш?
- Да в определении времени. Оно реально сейчас время для рисовальщика. Особенно если помнить хотя бы то, как всё было буквально пару десятков лет назад. Для кого-то вечность, кстати. Ты об этом не думал?

Я отчего-то прямо-таки вижу, как он сосредоточенно жуёт свою нижнюю губу.

— Я тут удивился, — хмыкает, — недавно. Когда узнал, что товарища Сталина рисовали чаще всего акварелью. Прикинь?

Прикидываю. Киваю. Красиво, что тут скажешь... Больше сам себе киваю — ему все равно не видать.

- И в белом кителе, добавляю. Наверняка.
- Про такие подробности не слыхал, усмехается в ответ Вадик. Но, в общем, похоже. Несмотря ни на что, радостное время было, кстати. Прикинь, какие ассоциации сразу: летний вечер где-нибудь в центре столицы. Деревья. Пруды. Мороженое, сахарная вата, подтянутые военные в петлицах, девочки в лёгких платьях...
- А Аннушка, сука, пролила наконец масло. И чёрные воронки, чёрные воронки...

Ржём.

— Так что, думаешь, — спрашивает с неподдельной надеждой в голосе, — наступают акварельные времена?

Ржём дальше.

Я наконец решаюсь.

— Знаешь, — говорю. — Я тут...

Он меня неожиданно перебивает.

- Стоп, говорит. Позже доскажешь. Мужики определились. Едем на Неглинку, там, напротив ЦБ прям хорошая хинкальная, с реальным грузинским поваром, говорят. И с грузинским пивом. Не могу сказать, что мечтаю о грузинском пиве, но до этого ни разу не пил...
  - Знаю, посмеиваюсь. Там же, прямо напротив, Леха работает...
  - В ЦБ, что ли? всхохатывает.

И, вдруг, со вздохом, замолкает.

- А, да, фыркает. Он же у нас банкир. Все время забываю, потому что выглядит, вроде, совсем как нормальный человек. Ни рогов. Ни хвоста. И водку пьёт, как все нормальные люди. А поди ж ты. Банкир...
- Вот-вот, констатирую. Ну, а «стоп», тоже значит «стоп». К тому же я к Ленинградскому вокзалу подъезжаю.
  - Э-э-э, тянет.

Я смеюсь.

- Как с трёх вокзалов до Неглинки добраться, я пока я ещё помню, слава всем столичным богам. Не переживай...
  - Да я и не волнуюсь, хмыкает.

Я вздыхаю.

- Ну и ладненько. Бывай.
- До скорой встречи.

Вот, думаю, и поговорили.

Ага. Неожиданно он перезванивает.

— Что-то случилось? — удивляюсь.

- Да нет, хихикает. Просто понял, что ты сказать мне хотел. Я удивляюсь.
- И что же?
- То, что мы последние двадцать лет занимались своими делами. И не заметили, как проснулись в другой стране.
- Hy-y-y, тяну кондиционированный, несмотря на снежную зиму, воздух многолюдной всё-таки «ласточки». Разумно, в общем.

Вадик опять хмыкает. Вот, думаю, он телепат, что ли? И спокойно понимаю: нет, не телепат. Хуже. Просто поэт. Причём, хороший поэт, действительно. Опасные они, сука, люди эти поэты. Нам, наверное, не понять...

— И, вот, — продолжает глумиться, — едешь ты сейчас на умытой, чистенькой «Ласточке», припорошенной экологически-чистым подмосковным снежком. И начинаешь соображать, что окружающие вообще забыли про заблёванные подмосковные электрички. Да что там электрички подмосковные — в метро уже никто толком не блюёт. А тех, кто пытается, тут же околоточные принимают. И новостройки у тебя сейчас за окном сияют стеклом и металлом, чистенькие, как вулканический прыщ у восьмиклассницы. И ты вот, блин, сидишь сейчас, такой, внезапно прозревающий, и думаешь: а на хрен я кому-нибудь нужен в этой новой стране? Которую я, наблюдавший все дикие годы окружающий мир исключительно из-за стекла персонального автомобиля и из-за витрин уютных городских кафе с ночными клубами, оказывается, толком и не знаю, ибо тупо не разглядывал. Так?

Я некоторое время молчу.

Нда. С мистическими прозрениями у поэтов, особенно у русских поэтов, всё по-прежнему замечательно. А вот с аналитикой, как, кстати, и с логикой (ну и другими рациональными дисциплинами) — всё так же хреново, как и пару веков назад. Ну, в общем, и слава Богу, конечно. И этот придурок в кресле министра экономики, который сейчас на зоне библиотекой заведует — был просто плохой поэт.

Хорошему поэту в такой конторе просто нечего делать.

Следовательно — поделом и сидит.

Нда...

- Слишком утрированно, вздыхаю. И оттого неправда. Страна действительно другая, и я это постепенно понимаю. Но это применительно ко мне ничего не значит: видишь ли, я сам изменился. И это нормально, меняться вместе со своею страной. И я тогда действительно долго не ездил в общественном транспорте почему-то. Но изменился транспорт изменился и я. А вот отфиксировать мы с тобой это и вправду не отфиксировали. И это, Вадим, наш вполне конкретный косяк. Как, кстати, думаешь, почему?
- Да потому, что это говно! рявкает поэт Степанцов. И дурная русская литературная рефлексия. Да-с! И зачем нам, скажи, дерьмо вся-

ческое «фиксировать», да ещё художественными средствами, а? Хочешь, вот прямо сейчас по телефону на пальцах докажу?! Не успеешь до трёх вокзалов доехать...

Я на мгновенье теряюсь.

- А почему именно художественными-то? лопочу.
- А потому что никаких других у нас нет ни хера! уже просто ревёт в трубку поэт Степанцов.

Явно не обращая внимания на окружающих.

Вот, думаю, мужикам-то сейчас офигительно весело: они же на улице, судя по всему, и где-то в центре Москвы.

А они-то — не только не русские поэты.

Но и вообще не виноваты вот совсем, сука, ни в чём.

Хотя..

...Все мы, наверное, в чём-то по-своему виноваты.

Каждый в чём-то своём.

Да и кто из нас по молодости стихов-то, сволочь такая, не писал, особенно в гуманитарной компании.

Выходи, признавайся.

Ага...

- Хорош шуметь, урезониваюаю. Ты давай, доказывай быстрее. Не тяни. А то уже Ленинградский вокзал скоро, конечная. А я ещё не решил, в метро прыгать или опять такси по Яндексу вызывать.
- Да легко! заводится. Вот ты можешь сколько угодно орать, что мы проснулись в другой стране. А вот только потом я, как пришедший первым, спрошу тебя по телефону, что ты будешь пить. Точнее, что тебе заказать. И ты немного подумаешь и легко поймёшь, что страна у нас та же самая.
  - В смысле? удивляюсь.
- Ты что, водку не будешь?! удивляется в ответ, даже как-то немного растерянно.

Я застываю в позе оленя, застреленного в крестец. Предательски застреленного, надо отдать ему должное.

Подловленного на высоком прыжке.

А ведь почти уже убежал...

— Hy, — признаю, — некоторая преемственность, согласен, всё же имеется...

Он тихо ржёт.

Я тяжело вздыхаю.

Потом подхватываю это предательское, сволочное ржание.

Подонок...

— Ну, ладно, — вздыхает теперь уже поэт Степанцов. — Мы уже почти что в метро спустились, на эскалатор становимся. Сейчас, в смысле, связь может прерваться. Да и шумно тут. Увидимся, короче, в «Хинкальной».

И — отсоединяется, не попрощавшись.

А чего прощаться-то? На целых двадцать минут?

Вот, буквально сейчас, поезд уже подъезжает, — я застегну куртку и выйду на Ленинградском вокзале. И даже не буду брать такси, в метро элементарно быстрее. К тому же, пока что не час пик.

Нырну на «Комсомольской» на радиальную, выскочу на «Лубянке», перейду на «Кузнецкий мост», но не для того, чтобы куда-то ехать. Просто от выхода именно из этой станции куда ближе до Неглинной, где меня уже будут ждать. Ну, или просто курить на входе, — поди-ка ты этих лешаков разбери.

Да и какая разница?

Главное, что кто-то по-прежнему, по прошествии множества лет, тебя ждёт и даже готов ждать дальше.

Недолго, конечно. Но это — не люди такие. Это — время такое.

И ещё — это у нас с вами просто город такой. Стремительный, мать его, извините, так и расперетак.

Это вообще-то мой город, имею право так о нём говорить: это я в сопливом детстве играл в «банки» в его дворах и гонял в футбол на его коробках. Это я знаю все трещинки в его постоянно меняющемся асфальте. Сколько асфальт ни меняй — трещины упорно возникают в одних и тех же местах.

Это я пил портвейн в его подъездах, читал стихи на его бульварах, сидел в его милицейских «обезъянниках» после не самых удачных походов на его футбольные стадионы. Это я, в студенческие годы, с диким ржанием читал истории про «изнасилованных в особняке Берии» (вот сразу видно, что Аксёнов не москвич: и писал бы про свою Казань, благо у него папа там в той же партии, что Лаврентий, на высоком месте служил), потому что для меня это просто очень небольшой дом, даже, скорее, флигель на Малой Никитской.

Там сейчас посольство Туниса, мимо которого я миллион раз проходил в сопливом детстве и хулиганистой юности. От Малого Палашевского переулка, где была моя школа, мимо сто восьмого отделения милиции и через крюк по бульварам до Патриарших: девочки охали от рассказов о «той самой скамейке» и историй про кота Бегемота на Патриарших.

Про зловещего наркома никто ничего не знал, и не потому, что знание было недоступно. Берия просто никого сильно не волновал. Особенно девочек.

Но я-то, чисто по-мальчишески, не мог не интересоваться: что это за дом и какие там, к чёрту, изнасилования были возможны с точки зрения не самого плохого советского писателя Аксёнова? Там так-то и кошку-то без команды «общего сбора» и боевой тревоги всем присутствующим службам за хвост по коридору не протащишь.

Домик-то — совсем небольшой.

Не в этом дело...

...Берия. Аксёнов. Плевать.

«Ласточка» плавно и бесшумно скользит, останавливаясь у чистенького перрона.

Кто-то, из уже успевших занять козырные места у выхода — знаете, есть такие люди, которым всегда надо куда-то спешить, — нажал загоревшуюся кнопку на дверях, и они разъехались с легким шипением. Которое тут же погасло. Затихло. Вплелось в никогда не смолкающий ровный гул большого вокзала большого европейского города.

И меня снова охватывает дежавю: на перроне всё не так, как тогда, когда я ещё совсем сопляком, решившим, что он писатель, мотался, силясь понять магию Пастернаковского текста в столицу именно «на ранних поездах». А больше в этих поездках не было никакого практического смысла, я это ещё и тогда прекрасным образом понимал.

Но все равно всё как будто уже было. Хотя и, к сожалению, не со мной...

Как и тот медицинский факт, что магия там, в этом стихотворении, конечно, есть. Но не в тексте, не в холодном сцеплении букв, — магия в самом времени, которое там разлито и которым помечен текст.

В Сталине в белом кителе.

И вот его — его-то я и силился уловить.

Тогда, в «научном кооперативе», когда пытался писать так и не написанный свой самый первый роман. Сейчас.

Не получалось. Я просто позднее жил...

Сквозь прошлого перипетии И годы войн и нищеты Я молча узнавал России Неповторимые черты. Превозмогая обожанье, Я наблюдал, боготворя. Здесь были бабы, слобожане, Учащиеся, слесаря. В них не было следов холопства, Которые кладет нужда, И новости и неудобства Они несли как господа.

...И, кстати, вот чего-чего, а как раз «холопства» в моих спутниках по «Ласточке» совершенно точно на сегодняшний момент времени не было. Довольно самоуверенные молодые и не очень молодые люди.

Вполне.

Спокойно и твердо встречающие прямой чужой взгляд в глаза от случайного попутчика и фразу случайного собеседника.

Даже тогда, когда по-хорошему глазёнки можно было б и в сторону отвести, чего уж там говорить.

Я хмыкаю. Застегиваю молнию на куртке. Перевязываю чуть посвободней чёрно-жёлтый объёмный шарф, сделанный почти что на манер «арафатки» и оттого особенно любимый, потом поднимаю воротник и проверяю, куда засунул сигареты.

Ага. Вот они. Здесь.

Быстро прохожу перрон, ныряю в гулкий сыроватый полумрак крытых переходов с бесчисленными магазинчиками, не по-вокзальному чистенькими кофейнями и недорогими закусочными. И — дальше.

Через турникеты «на выход» (с недавних пор к безопасности на ж/д стали относиться довольно-таки по-взрослому), теперь выкинуть ненужный больше билет в урну направо, через пару шагов задуматься, не стоит ли заскочить в курилку.

Да ну. Нет. Не сейчас.

Сейчас пройду за круглое старое здание метро, в последние годы работающее только «на выход». Выскочу на площадь. И покурю позже, по дороге ко входу в метро: он сейчас чуть ниже, — там, где подземный переход. Благо здесь, в Москве, снег, слава всем таджикским богам, уже и не идёт.

А заодно можно и по сторонам посмотреть. На привокзальную, так сказать, публику. Интересно же. Писатель я или нет, в конце-то, простите, концов?!

Вот, к примеру, девчонка рядом со мной курит стоит. Высокая. Меня на полголовы выше. Сильные длинные ноги, туго обтянутые джинсами, высокие грубые ботинки, тонкие черты лица. Судя по чемодану на колесиках — куда-то едет. В Питер, судя по всему: лицо слишком породистое. Такие лица даже на Невском редкость сейчас...

...Ладно. Пора. Делаю пару сильных, глубоких затяжек, бросаю окурок в урну.

— Ой!

Вздрагиваю невольно.

Девчонка, которой я только что любовался, неожиданно взвизгивает и бросается на шею подошедшему парню. Такому же высокому, и, судя по всему, сильному: с неброским объёмистым рюкзаком, в грубой брезентовой штормовке.

Даже про чемодан забыла.

Хорошие ребята, похоже. И — нет, не питерцы. Наши всё-таки. Москвичи. Куда-то путешествовать отправляются.

Подсмотреть бы за ними искоса, чёрточки какие-то подглядеть, — это полезно, а то всегда очень тяжело писать что-то внятное о хороших, красивых людях. Картонные какие-то получаются.

Уродство всё-таки куда легче даётся и куда притягательней получается на выходе, вот и идёт наш брат-литератор по пути наименьшего сопротивления. Да если бы только литератор, — увы, это ещё бы можно было терпеть.

Кстати. В этом, наверное, и заключается такая притягательность не самого, в общем, глубокого поэта Бориса Леонидовича Пастернака. Он умел не только хорошо видеть, но и точно передать красоту в обычном, бытовом смысле и без обязательного привкуса неизбежности надвигающейся трагедии.

Блестящий рисовальщик. Очень точный и сильный.

И его прозрачная графика, и лёгкие воздушные акварели неожиданно куда больше совпали с грандиозной, тяжёлой поступью эпохи, чем вообще что бы то ни было создано и зарифмовано в те изумительные времена. Да и из-под тяжести слоновьей ноги этой «советской трагедии» он с неимоверной лёгкостью выскользнул, кстати. Даже знаменитая история с «Живаго» и с «Пастернака не читал, но осуждаю», когда реальность его всё же настигла — это ведь уже другая, не «сталинская» эпоха.

Это уже — Хрущёв. Там были уже другие краски. И — другие уже времена. Вот от того самого слова «совсем»...

Удивительные, в общем, мысли и фантазии приходят в голову относительно взрослому мужчине, пока он докуривает сигарету и искоса незаметно наблюдает за симпатичной, задорно целующейся парочкой.

Жалко, что мне пора...

Ныряю в метро, пытаясь сохранить в памяти образ: «тургеневская» лицом барышня с длинными сильными ногами в грубых армейских ботинках роняет недокуренную сигарету и радостно виснет на шее крепкого парня в грубой выгоревшей брезентухе. И самое интересное тут не то, что им нет сейчас никакого дела до окружающего мира.

А в том, насколько они здесь уместны. Нужны. Насколько «вписаны» в этот самый «окружающий мир»: просто необходимая часть стремительно меняющегося пейзажа, сумасшедшего портрета эпохи.

Пусть и случайным штрихом. Который мне обязательно надо хотя бы каким-то образом сохранить...

...Быстро проскакиваю турникеты, преодолев, правда, перед этим длинный, немного грязноватый тоннель. Вливаюсь с поток, двигающийся в сторону радиальной ветки.

Ну, как «поток». Жидковато, в общем-то, для «потока». Не час пик $\dots$ Так. Ручеек.

Становлюсь на эскалатор, оглядываюсь по сторонам и старательно делаю каменное лицо, чтобы не расхохотаться.

Прямо передо мной вниз спускается еще одна парочка.

Совершенно по-другому выглядящая внешне и по-другому одетая, но абсолютно аналогично счастливая и оттого фантастически похожая на тех, за кем я подсматривал наверху. Сейчас ещё и целоваться начнут. А ещё одна парочка, поднимающаяся на эскалаторе нам навстречу, сосредоточенно и самозабвенно жуёт один громадный, «тульский» скорее всего, медовый пряник на двоих.

Вот, ведь, блин.

Студенты, «догадался Штирлиц», — как это звучало в том древнем и немного дурацком анекдоте.

Сессию зимнюю сдали, вот сейчас и разъезжаются: кто-то по родительским дачам и домам отдыха на подмосковных электричках. Кто-то по другим городам. Нормальная так-то тема.

Это я уже все забыл...

Москва встречала нас во мраке, Переходившем в серебро, И, покидая свет двоякий, Мы выходили из метро. Потомство тискалось к перилам И обдавало на ходу Черемуховым свежим мылом И пряниками на меду.

...Иногда всё-таки здорово, что счастливые пары — счастливы одинаково. Это украшает город. Да и вообще — жизнь...

...А в тоннеле, уже на самом подходе к поездам радиальной станции, худенькая девочка с тёмно-русыми распущенными волосами играет на электронной скрипке: нет, это не уличные «арбатские» музыканты моей молодости, конечно. Явно официальная «культурная политика правительства Москвы», этим же правительством и оплачиваемая. Вместе с московским же метрополитеном, разумеется.

Я знаю, как это устроено: московское метро — серьёзный и режимный, в конце-то концов, объект.

Никто просто так сюда никого не пустит, на скрипочке-то играть.

Даже вот такую. Хорошенькую.

Значит — забюрократизированная «культурная площадка», даже гонорары девочке платят, наверное, неплохие.

А всё равно — уместно и хорошо...

Ныряю в светлый, с улицы, новый «длинный» вагон метро — такой, со свободной системой переходов.

Три остановки — и я на Лубянке.

Там в переход на «Кузнецкий мост»: ничего личного, просто оттуда ближе к Неглинке, так что лишние несколько сот метров лучше преодолеть под землёй. А уже оттуда я выйду в медленно падающий мохнатый фиолетовый снег старых улиц «горбатой Москвы». Побреду, подняв воротник, через вычурные и неживые городские огни: иногда вообще возникает такое ощущение, что единственное, что в этом, моём родном и любимом, городе и осталось живого, за повсеместным искусственным глянцем — это люди.

И эти люди, наверное, заняв большой стол у заиндевевшего окна и развалившись за ним по-старомосковски, уже заказали себе, сволочи, хинкали, лобио и ещё всяких терпких солёных сыров и зелени.

А теперь старательно употребляют аперитив.

Возможно даже говорят сейчас о Пастернаке.

О пророческой и изобразительно-развлекательной роли русской поэзии в становлении российского суперэтноса. И, разумеется, о наконецто наступившей настоящей русской подмосковной зиме.

Ну, и о бабах немного.

Короче.

Хорошо там у них

У людей.

Вот к ним, наверное, и пойду...

Деревня «Голубое» — Зеленоград — Москва. 2020 год.

© Художник Андрей Карапетян

Виктор Перегудов (Россия, Москва)

Родился в 1949 году в селе Песковатка на Дону, там был тогда колхоз «Волна революции». Отец был репрессирован в 1950 году, после освобождения в семью не вернулся. Мама всю жизнь была рабочей. Служил в армии, закончил в 1975 году филологический факультет Воронежского университета. С 1980 года живёт в Москве. Работал заместителем главного редактора в популярном в те годы журнале «Сельская молодежь», который, несмотря на столь тихое название, входил в круг чтения интеллигенции и имел полуторамиллионный тираж. С 1986 года руководил редакцией современной прозы в издательстве «Молодая гвардия», объединявшей тогда писателей разных направлений от Виктора Астафьева до Андрея Битова. С начала девяностых публиковал лучшее из современной прозы в издательстве «Вече». С середины девяностых сотрудничал в качестве консультанта или советника с рядом российских политиков, в числе которых Александр Лебедь, Виктор Черномырдин, Евгений Примаков, Юрий Лужков. Автор нескольких книг прозы, многочисленных литературных публикаций в российской периодике. Считает себя счастливым человеком. Муж (уже сорок восемь лет) прекрасной Валентины, отец любимых Елены и Никиты, дед любимых Сергея и Владимира.

Забыв про корни в гуще трав

Был мне сон: я бегу по траве, По широкому дивному полю, Чуб волной на моей голове: Я почувствовал вольную волю!

Шмель отстал, а головки цветов Ветер клонит с размаху на стеблях. И до края земли я готов Добежать. Я умею! Я верю!

Я ведь парень довольно большой: Семь годов мне исполнится скоро! С этих лет повзрослевшей душой Не люблю я пустых разговоров. Ни отец не указ мне, ни мать Да и где он, отец разудалый... Так мне хочется полем бежать, За судьбой, за удачей, за славой!

В сладкой дрёме я слышу слова Милой мамы: «Усни, бога ради. Беспокойная ты голова, Спи, родимый. Набегался за день.

Я пораньше тебя подниму, Лишь управится с ночью рассвет, Спишь ли, нет ли, никак не пойму». ...Я проснулся. Мне семьдесят лет.

.

* * *

В тоннеле солнечного света Один на просеке лесной. Октябрьским лесом незаметно Крадётся холод за тобой.

По пояс гол, в волненьи странном Глядишь ты, голову задрав, Как кружат кроны древ в пространстве Забыв про корни в гуще трав.

Между землёй и поднебесьем Живёт в тот миг твоя душа, Где белый ангел с чёрным бесом Друг друга яростно крушат.

Сожмётся сердце жуткой болью Ты вскрикнешь, мукой ослеплён, Но дать тебе последней воли Ещё не пожелает Он.

В лесу стремительно темнеет И слышен слитный ветра гон, И дождь холодный тело греет, И ты спасён.

* * *

Так высоко, так высоко, так высоко летишь, что Закружилась моя запрокинутая голова Кто ты — орёл, сапсан, голубь почтовый — Не различу, ибо вижу тебя едва

Давай меняться местами в жизни, частями тела Мне опостылел груз усталого естества Хочу, чтоб на крыльях твоих моя душа взлетела А твоя почувствовала гравитацию. Хотя б едва

Плоти земной узнала тяжесть, что весомей, грубее воздуха Даже воду из облака тянет вниз к себе Чтобы двигаться по земле, надо шагать без отдыха Тут не получится невесомо парить в струе

Затихающих звуков, усиления света, растущего окоёма, Перехода цвета от алого зоревого в синюю черноту. Останься, птица, в зените, лишь там ты дома Я же, признаюсь честно, высоты боюсь, не люблю

Мне кажется, что на тверди спокойней, проще, чем Задевая бока сырых облаков, крайним пером шуршать Но боль прорастания крыльев слышу в плече я Это значит, что душу не удержать

Это значит, что лишь на земле тяжелой, грузной, любимой Служащей бездонному небу твердой опорой Грешное тело с душою вряд ли что расторжимо А конец света не скоро, не скоро, не скоро.

* * *

На пляжный берег море катит Серо-зеленые валы. Украденное ветром платье Летит к подножию скалы

За ним веселая деваха Бежит, и резкий смех её Подхвачен ветром и с размаха На набережную унесён

И кажется, что ощутимо Дрожит прибрежная скала И катятся друг друга мимо Огромных тентов купола Шторм затихает ближе к ночи Но вздыбленные облака И мнёт, и месит, и ворочает Невидимая нам рука

Средь них, лохматых и громадных, Одно пушинкою летит Гляди: в рубахе домотканой Старик седой на нем сидит.

Его завидев, сердца трепет Прервёт господство тишины — Как бы зеленой ветки лепет Как бы соленый стон волны.

* * *

Был я мальчишка, мальчик черноволосый, гибкий, неудержимый, По ночам мы воровали яблоки из садов, просто было от пуза дури, По очереди, вместе, друг у друга, так мы дружили. Яблоки падали с веток, падали груши — дули. Те, что остались висеть, дугами ветки гнули.

Прыгая через забор, я парил над забором, Золотых сазанов ловить я ходил спозаранку. Не было крыльев, но воздух мне был опорой. Подорожник залечивал вмиг любую ранку. Утро кончалось быстро, день кончался не скоро.

Зимой обжигал мороз, даже садился голос! Однажды опухли уши, потому что я их отморозил. Я на спор лизнул на страшном морозе железный полоз. Язык приварился с кровью. Я ослаб, но сначала полз, Потом совсем обессилел. Товарищ меня не бросил.

Стыдные сны мне снились, горячие, потаённые. Виделось, билось, гнулось женское тело Во сне узнал его... ещё не любивший и не влюблённый Смущался разум, душа стыдилась, лицо краснело. Но что-то во мне ликовало и что-то пело.

Весь день говорило радио, книжек было немного. Мы жили бедно, не слишком сытыми спать ложились. Невдалеке день и ночь гремела дорога Железная, где по рельсам мимо нас проносились Пассажирские поезда по расписанию строгому.

Стучали колеса. Мне разные страны снились Снился в клетчатом пиджаке мужик с бородою рыжей, Снился античный дворец, руины, книжные фолианты Средневековые. Проснувшись, я думал, что побывал в Париже Ведь только там на каждой женщине крупные бриллианты.

Что вспоминать, что говорить, дивное время было. Бедная мама крепко меня любила, Даже за то, что из дома сбежал, не била Один раз хворостиной взмахнула, заплакала, всё простила. В церковь до заводского гудка ходила.

Нынче думаю, жизнь удалась, просто выпал боли избыток. Она никогда не дремлет, ни минуты она не спит. Если кому неизвестна такая пытка, Тот вряд ли поймёт, за что эту жизнь любить. Да и она не знает, как с ним быть.

Если умру, то однажды утром

снова проснусь мальчиком, мальчишкой черноволосым, босым, гибким, неудержимым. С яблоками, с удочкой, с тоненькой книжкою, Вы уж поверьте слову, меня дождитесь. Лишь бы проснуться, лишь бы проснуться, дорогие мои, любимые.

Мария Рубина (США, Нортон)

Родилась во второй половине прошлого века в Петербурге. С 1990 года живёт в пригороде Бостона, работает в сфере программного обеспечения. Печаталась в таких изданиях, как «Нева», «Интерпоэзия», «Фонтан», «Гостиная», «45-я Параллель», «Сибирские огни» и др.

Изолит

Пабло Пикассо. «Woman Black Hair Portrait Blue»

Это всё совсем не бредни. Я клянусь ребром! У ходожника намедни Оторвался ромб. Покатился по тропинке Резвым колобком. Примостился на картинке, Зыркая глазком. По холсту вальяжно бродит, Словно президент. Но за рамки не выходит. Он интеллигент. А художник снял очочки, Будто виртуоз. И всё утро грузит в бочки Миллионы роз.

Гюстав Курбе. «Девушки, отдыхающие на берегу Сены»

Сперва раздастся крик «Агу», И время побежит. Пока лежишь на берегу — Проходит жизнь. Вот бонна за руку ведёт К реке тебя гулять. А вот навстречу вам идёт Эмиль Золя. Ты, словно деревце, растёшь. Длинна твоя коса. Кафе-шантан на пляс де Вож И Мопассан. Твоя история проста — Супруг, салон, Жан-Поль. Увянет вскоре красота. Какая боль! Замёрзнут хрупкие цветы, Запляшет снег в косе. Река всё та же, только ты le temps passe.

(IMIMI)

Ван дер Вейден. «Изабелла Португальская»

Антон Мёллер. «Воздвижение храма»

Тугая, розовеющая кожа. Крутых бровей

изогнута дуга.

Да, женщина

на женщину похожа. Но почему на голове рога? И грудь открыта

пламенному взору. А впрочем, не одна,

а целых две.

Немало в даме

милого задора. Но почему рога на голове? Вот только что

лежала в колыбели! Пережила, наверное, чуму. В ней что-то есть

слегка от Фернанделя. Но всё равно:

рога-то почему? Живём и не надемся на чудо. Свобода нам мила и дорога. Мы женщины!

И нам ничто не чуждо. Несите серп и длинные pora!

Как ныне сбирается старый король Начать возведение храма, Чтоб Взбздильду с глазами круглей, чем фасоль,

Прославить.

Ведь всё-таки дама.

Прекрасная Взбздилда на пышном балу Блистает белейшею кожей. Сестра Перебздильда рыдает в углу. За робость ей храм не положен.

Строители дружно гвоздями звенят, Всё выше и выше стропила. Вот эдак наверное выглядит ад, Где грешники — это рабсила.

Ещё сотня лет —

и он будет готов — Дворец, возносящийся к птицам! Поэты напишут три сотни стихов На радость слезливым девицам.

Останься в веках, титанический труд! Не сдайся ветрам и пожарам. Но спичку уже поджигает Махмуд Отмстить неразумным хазарам.

Генри Рейберн. «Мальчик с кроликом»

Когда был мальчик маленький С кудрявой головой, Он подружился с заинькой, Питался с ним травой.

Зайчишка-зайка серенький Был ростом с ноготок. Вдвоём они по прериям Скакали скок-поскок.

Сменялись дни неделями. Летели вдаль года. Малыш гулял с мамзелями И заяц иногда.

Прошли деньки стремительно — Зайчишка окосел, Стал толстым, рассудительным. А мальчик полысел.

Ушастый зверь не бедствует, И старец рядом с ним. Всё потому что в детстве он Погнался за одним.

Жан Оноре Фрагонар. «Перетта и кувшин молока»

Ласковый ветер,

на небе — ни тучки,

солнечным светом

тропинка согрета.

Белые ляжки, пухлявые ручки — Бежит по тропинке

с кувшином Перетта.

И надо же было

попасть в передрягу,

Какой неожиданный подлый удар! Споткнулась Перетта

ногой о корягу,

Упала на землю.

А тут Фрагонар!

Молочные реки текут по дороге,

Вздымается юбка

в различных местах.

Какие шедевры мы видим в итоге, Поскольку художник

скрывался в кустах.

И хоть не дождётся

любовник Перетты

Кувшина с душистым

парным молоком,

Пускай он проявит себя мужиком! — Пусть выпьет вина

и закусит котлетой.

Хоакин Соролья. «Заводят часы»

Сиеста. Жаркий день. Дремота. В гостях у Аны — Хоакин. И вдруг явился муж с работы, Принять желая анальгин. Явился он с кислющей миной, Как распоследняя свинья. Куда деваться Хоакину? Ведь он без нижнего белья! Возможно, в шкаф? Но это пошло. Балкон? Там сушатся трусы. И он позволил осторожно Себя утрамбовать в часы. Там Хоакин прижился вроде. Хоть и живёт он в стиле ню. А Ана что? Она заводит Его пятнадцать раз на дню.

Густав Климт. «Тропинка в саду с курицами»

Прямые ножки, шейка, спинка. Здесь каждый кустик мне знаком. Куда ведёт меня тропинка? --На встречу с милым индюком. Я предвкушаю наслажденье, Хоть милый мой и неуклюж. Но боги! Что за наважденье? Да это мой законный муж! Явился подло и зловредно, Собою подложив свинью. Куда же мне податься, бедной? Кому нести печаль свою? Индюк, любимый, на насесте Ты ждёшь с клубникой и вином. Но всё равно мы будем вместе И в супе сваримся одном!

Казимир Малевич. «Прачка»

В корыте поместился целый мир. И хоть от пены трескается кожа, Спасибо Вам, любезный Казимир, За то, что я на женщину похожа. Пусть я грузна, но зад ещё литой, Я хороша в корыте и в кровати. Ведь я могла быть точкой с запятой, Стирающей исподнее в квадрате. Спасибо Вам ногами и рукой, Которой Вы рисуете, как школьник. Я — женщина. С глазами и щекой, А не какой-то синий треугольник. Струится пар от чистого белья, Летит пузырь, резвяся и играя. Для Вас почти на всё готова я. Хотите, я квадрат Вам отстираю?

Неизвестный художник. «Купающаяся женщина. XVII век»

Я, конечно, понимаю — хорошо улечься в ванной прямо в платье и галошах, и лежать там целый день.

И, колготок не снимая, ощущать себя гранд дамой, багроветь душистой кожей, бултыхаться, как тюлень.

А пока водичка льётся и соседей заливает, мило пальчик оттопырив, в ручке чашечку держать.

Рот смеётся, локон вьётся, и фемина молодая на меня из ванны зырит. Может, с нею полежать?

Жан-Баптист Шарпентьер. «Семья герцога Пентьевра,

или Горячий шоколад»

Снимается семейство на фоне шоколада — Напудренные щёки, седые парики. И даже собачонка нашла свою награду, Гарцуя, как лошадка, у тоненькой руки. Напитком шоколадным Пентьевр с семьёй согреты,

Сверкающим фарфором их жизнь озарена. Ах, кружева-манжеты, застёжки и корсеты. Ах, юная невестка и старая жена! Сидит семья Пентьевра на шоколада фоне. Семья ещё не знает, что будет впереди. А лучше и не знать им, так всё-таки спокойней. Напился шоколада — и знай себе сиди.

Эверетт Шинн. «Купание в Викфорде, штат Род Айленд»

Я помню лето двадцать третьего, Тогда стоял ужасный зной. Я утопить тебя наметила, За то, что ты с чужой женой Гулял без чести и без совести, И даже больше — без ума. Пусть обо мне напишут повести В трехстах пятнадцати томах! Ну вот. На океан приехали. Стоит над морем шум и стон.

И сразу стало не до смеха мне — Ведь там таких, как я — вагон. И все дерутся и толкаются И в воду бросить норовят, И дамы еле бултыхаются, Кряхтят, страдают и хрипят. Я отменяю утопление — Клянусь и сердцем и рукой! Гуляй — ведь то ж не преступление. Да ты и дорог мне такой.

Поль Гоген. «Дорога на Таити»

Ну вот. Стою я перед вами, Почти поднявшийся с колен. Изобразил меня Гоген. А для чего — решайте сами. Стою, стою, хмельной и гордый, У терракотовой тропы. Две дамы прут, вздымая пыль. А впереди краснеют горы. Куда они (ах, если б знать!) Идут так чинно и степенно? Но я осёл обыкновенный. Могу реветь. Могу лягать. Но не среди душистых пиний, Не в изумрудной мураве. Где деловитый муравей Снуёт под небом ярко-синим. Обречены ослы подчас Не знать, что там — за облаками. Так и подохнем дураками. А, впрочем, чем вы лучше нас?

Неизвестный художник. «Ваганты»

Идут по земле ваганты, Их волосы треплет ветер. Ещё не родился Данте. Ещё не написан Вертер.

Идут по земле и жарко Земле от весёлых песен. Ещё не творит Петрарка. Ещё не родился Гнесин.

А струны дрожат и дышат. А голос звучит протяжно. И кто из них что напишет, Им, в общем, совсем неважно.

Играйте, прошу, играйте! Бредите вперёд, не стойте. Не думайте о копирайте! И пойте, прошу вас, пойте!

Поль Сезанн. «Леда и лебедь»

Без платья, накидки и пледа, Домашние бросив дела, Сидит златогривая Леда Буквально в чём мать родила.

И бёдра, крутые, как яйца, И груди, что спят на боках Влекут не ворону, не зайца, А белого лебедя.
Ах!

Не знает она, недотёпа! Что в лебеде прячется Зевс. И скоро он эту растрёпу... Да ладно, не бойтесь... не съест.

Проснитесь скорей, феминисты! Неужто всё можно скоту? Куда же глядят журналисты, А также движенье #metoo?

Ван Гог. «Сад поэтов»

Они столкнулись в тиши аллей. И был союз их почти как клей. Струился сверху неясный свет. Он вдруг признался, что он поэт. «Да ну! — вскричала она —

хи-хи!

Тогда читайте свои стихи!» Садилось солнце, закат пылал. А он читал ей, читал, читал... Слетали строки с пунцовых губ. Пока читал он — свалился дуб. Пока летели в опор слова, Вся пожелтела вокруг трава. Завяли розы, засох пион, Комар от страха блевал в бутон. Когда же сад от стихов оглох, Внезапно с неба свалился Бог. Чтецу по шее накостылял, И вон из сада его изгнал. А не читал бы фигню свою, Так до сих пор бы гулял в раю!

Петрус Кристус. «Святой Элигий в своей мастерской» (1449)

Вот сидит перед нами Элигий — Лучезарный и в чём-то великий. Он здоров, атлетичен и строен. Он прекрасно по жизни устроен. Покровительствует ювелирам. Он топазам отец и сапфирам. И бессовестная молодёжь Прёт к нему, не снимая галош. Но Элигий по-ленински крупен. Он любому, как книга, доступен. Кулаком никому не грозит, Хоть немного глазами косит. Может, смотрит куда-то в окно? Правда, нам незаметно оно. Только в зеркале, что под углом Отражается чьё-то мурло. Да мурло не одно — целых два!

Руки прячут мурлы в рукава. Он домой их сейчас пригласит И продаст им александрит. И такую им цену заломит, Что запрыгает сено в соломе. Потому что спросите любого — Ничего у святого святого!

Китагава Утамаро «Туалет» (красавица перед зеркалом)

Смотрю в зеркало. А вдруг случится чудо? Но в нём опять я.

Сняла кимоно. Пляшет в небе лунный серп. Эй, я, отвернись!

Ринат Жамалов. «Старые яблоки и взгляд Вселенной»

Слегка пожамканы. чуть-чуть покоцаны. Мы зрели кацами, стареем поцами. Гуляли павами и ламца-дрицами. А нынче бродим тут с кривыми лицами. В зобу сопревшие, в делах погрязшие, Идём со взорами, почти угасшими. Слегка протухшие, чуть-чуть оглохшие, И черенки у нас весьма усохшие. Слегка пузатые, чуть-чуть корявые, Хоть с головами, но весьма дырявыми. Со скрипом челюсти и дрожь коленная, Зато у каждого внутри — Вселенная.

Питер де Хоох. «Женщина, чистящая яблоки»

На крыше аист вьёт себе гнездо. Шарманщик,

весь в лохмотьях и седой, Бредёт по Дельфту. Гоняясь за сверкающей звездой, Как бабочки, над сумрачной водой Мелькают эльфы.

А в доме, что стоит который век, Живёт и тихо дышит человек. Камин не стынет.

И ласковая женская рука Неспешно гладит яблокам бока В большой корзине.

И, погрузившись в сказочный уют, Те яблоки не сгинут, не сгниют. Жизнь милосердна.

И девочка, что яблоко грызёт — Она не повзрослеет, не умрёт. Она бессмертна.

Адриен Фердинанд де Бракелер «Бельгийская школа»

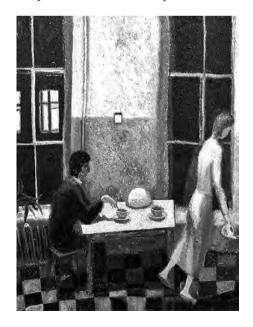
Я ненавидел с детства школу И был законченный дебил. Я не любил спрягать глаголы, На математику забил. Я ненавидел Нильса Бора И пастернакову свечу. А уж про фауну и флору Я лучше в тряпку промолчу. Я каждый день курил и квасил. Не знал ни горя, ни забот. И как итог — в десятом классе Остался на десятый год. Но надо всё ж закончить муки И поступить на зоофак. Ведь рядом подрастают внуки. А я всё в школе как удак. Передо мной тетрадь, точилка, Хомяк, корова и коты. По зоологии училка Просила подтянуть хвосты.

Андрецов И.Н. «Коммунальная кухня»

Была история банальной, И вам не стоит удивляться: Они на кухне коммунальной Встречались

ровно в девять двадцать.

Сверкая бежевым загаром, Она с кофейником летала. Дыша туманным перегаром, Он говорил: «Ты вызывала?» Он ей читал свои сонеты, Бросая в блюдечко окурки. Со стен, подслушивавших это, Сползала на пол штукатурка. Она же слушала, кивала, Но говорила крайне редко. Подчас о том, как всё достало: Зарплата, Брежнев, пятилетка. Не зная счастия иного, Пока храпела вся квартира, Встречались Марья Иванова И дух Уильяма Шекспира.

Мария Дегтерева (Россия, Москва)

Родилась в 1984 в городе Ижевске. В возрасте 16 лет устроилась на местное телевидение, но сбежала в Санкт-Петербург.Там поступила на журфак, который с переменным успехом закончила. Считаю, что слово «журналистика» сегодня в моей родной стране — ругательство. Поэтому стараюсь писать что-то вне любой конъюнктуры..

Петербург и Москва

По несчастью или к счастью, Истина проста: Никогда не возвращайся В прежние места.

Геннадий Шпаликов.

Если взлететь на самолете над родной нашей страной — можно узнать о себе и окружающих больше, чем кажется. Огромное чёрное пространство, где тебе, человеку, родившемуся и живущему в России, сразу мерещатся чёрные сосны. А между ними — чудеса, леший бродит, русалка сидит на ветвях, и может быть, даже пролетает Маргарита из романа Булгакова..

Подлетаешь к Европе — кукольные домики, будто циркулем расчерченное пространство, по трафарету вырезанное. Сразу становится совершенно очевидно: здесь правила не нарушай! Переходи дорогу по верному сигналу светофора. Поймают! Видно тебя, как рыбку в аквариуме: места мало.

Ау нас — ну как сказать. Только родившись, человек уже немного уходит в партизаны. У него этот чёрный лес в голове шумит. Ему кажется, что если немного сбежать от фонаря — цивилизация закончится. Начнётся холод, сугробы, печь из кирпича, зато абсолютная и полная свобода.

Но есть на российской карте две большие светящиеся точки: Москва и Петербург.

***

И однажды я вернулась из Москвы в Петербург, а это опасно делать. Об этом даже писать неловко, если ты не Радищев.

Много-много лет назад я, будучи студенткой в Петербурге, первое, что сделала — сняла комнату в однокомнатной квартире. Да, так бывает.

Квартира — огромная, дом постройки начала XX века, Петроградка. Всё там было удивительно для меня семнадцатилетней: ковровая дорожка и изразцовая печь в парадной, потолки — четыре с половиной метра, только вот на кухне, просторной кухне с лепниной, обитало МАЧО.

Мачо — это так мы с тогдашними друзьями прозвали хозяина. Вроде как обыграли бородатый анекдот, шутка про «это не чмо...» казалась нам остроумной.

Помню знакомство: тихий алкоголик с заплывшим лицом в солнечный июльский день томился похмельем. Его непьющая и вообще редко появляющаяся в России жена пришла подписывать со мной договор аренды, бумажки разложили на кухонном столе, на липкой клеёнчатой скатерти. Мачо, полноправный собственник, как бы смирился с судьбой, поглядел хмуро и изрёк:

— Мама тёрла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Таким образом начинался хороший летний день.

Я тогда не читала Хармса, в свои семнадцать-то, но фразу запомнила. Оценила многим позже масштаб Мачиной мысли.

Мачу в миру звали Пашей. Паша был безобидный алкоголик.

Никому не вредил, но пропивал вообще всё и смотрел на земные блага с презрением буддиста, постигшего дзен. У Мачи было два высших образования (как потом выяснилось), одно из которых — медицинское. Уважать Мачу хотелось, но при этом — было совершенно невозможно. Но в силу жилищных обстоятельств, которые мгновенно меня испортили, приходилось. Потому что когда я переставала уважать Мачу — в доме переставала работать вся бытовая техника, мне ровесница, и некому её было чинить. А без неё было жить нельзя.

Что мы с Пашей-Мачей только ни пережили! И алкоголь друг у друга воровали. И макароны последние варили в литровой кастрюле и, сверкая глазами, делили. Друзей он всех моих знал по голосам (я завела привычку не брать трубку уже тогда, они звонили Паше).

Паша стал звать меня дочкой. А потом я уехала.

После отъезда Мачо звонил мне редко, и всегда очень пьяный. Первый, помню, и последний в жизни Пашин трезвый звонок испортил мне романтическое свидание. Что он там говорил, о чем? Потряс сам факт, поэтому принеслась, конечно, сразу. Оказалось, Паша нырял в Неву и поранил ногу. На набережной рядом с Тучковым мостом — прыгнул за тонущей соседской собакой. Пса спасли. Паша месяц от радости пил, а нога загнила и почернела. Приехала скорая, врачи сказали, будут ампутировать — гангрена или ещё что. Паша с испугу мне и позвонил. Я сейчас уже плохо помню, как орала на главного врача, как приезжал Пашин родной сын (мой ровесник) и тоже орал. Ногу, в общем, спасли. Но после операции Паша-Мачо вышел на новый уровень сознания

— стал совсем какой-то отрешённый. Ходил с палочкой и всё больше молчал.

Я перед отъездом в Москву к нему ездила — Паша сражался с орками в компьютерной игре («Обливион», это я его научила играть в RPG, а компьютер подарил сын Федька), лениво пил пиво и говорил: «Дочка, ну ты не забывай».

Я, разумеется, забыла. А потом Паша умер, и мне позвонили. Я, конечно, не приехала и даже не знаю, где он похоронен.

И вот прошло с тех пор десять лет.

Я еду в Питер в «сапсане» с близким человеком, меня будут встречать на вокзале — и не какое-то «водитель "яндекс-такси" Тулумбек поджидает вас на хендай-солярис», а друзья на человеческом транспорте.

Я хочу вернуться на Петроградку, я хочу посмотреть на маленький решётчатый ящик под окном кухни, где гулял мой кот и который Мачо называл «Ептыть, патио!».

Я понимаю, что в квартиру не попаду.

***

Издалека, ещё на подходе к родной улице Зверинской, меня начинает колотить — то ли архитектура давит величием (как это обычно в Питере), то ли умом я понимаю, что нельзя попасть в прошлое.

Первое, что вижу — патио наше, железный ящик под окном, где кот прогуливался, тролля дворняг, снесли. А сверху — пластиковые окна. Да и самого дворика нет — вместо него ровная (а не как раньше) дорожка и газон.

Сворачиваю за угол.

- Машка, ты, что ли? говорит абсолютно незнакомая, но очень пьяная женщина. Иссиня бледный цвет её лица немного компенсируется ярким румянцем на носу. Видя моё озадаченное лицо, добавляет:
  - Это ж я, ептыть, Ира!

Ира, господи. Обладательница швейной мастерской и одновременно — огромной мансарды, здесь же, в этом же доме. Пашина приятельница, тогда, в моё студенчество, она считалась владелицей заводов, газет и пароходов.

- Будешь? и показывает, натурально, полуторалитровую пластиковую бутылку пива. Я словно провалилась в девяностые.
- Нет, спасибо, рада видеть, что-то такое пролепетала. И побежала скорее к некогда родному подъезду. Вроде как к бывшему дому.

Дверь, надо же, была открыта.

Только ни печи с изразцами, ни красного протёртого половика, даже цветов на подоконнике — ничего не было. Белый аккуратный ремонт.

***

Я знала, что Мачин папа был дворником в этом доме. Уважаемым таким дворником. И бывшую его дворницкую совместили с соседними помещениями и получилась квартира — та самая. А потом его там как-то прописали, оформили собственность, дальше мы знаем. Всё время, что я там жила, как пафосно бы ни звучало — я слышала, как шелестит история. Поэтому я там и жила, наверное.

Сейчас, когда я вошла в незнакомый уже подъезд, этот угол, эта квартира, выглядели странно. Дорогая железная дверь имела табличку «лофт».

Я смотрела на неё, как особо непонятливый баран на новые ворота, когда сзади услышала голос:

- Вы к нам?
- Нет, заблудилась, ответила уверенно и только тогда обернулась.

На меня смотрел молодой человек с какими-то стеклянными глазами, в модной рубашке и липких узких джинсах. Улыбался.

— Могу чем-то помочь?

Да чем ты мне поможешь?

Постояла и пошла прочь. На остановку, на вокзал, подальше. Большой чёрный лес и две светящиеся точки — это всё, что я знаю про свою страну.

© Художник Андрей Карапетян

НЕСКУЧНО О СЕРЬЁЗНОМ

© Художник Андрей Карапетян

Борис Куркин (Россия, Москва)

Куркин Борис Александрович, писатель, доктор юридических наук.

Загробная месть императора

(окончание)

ше и многое другое даёт основание утверждать, что без жёсткой шелубоко продуманной организаторской деятельности Кобы, больше того, его руководства, тифлисский экс был попросту немыслим. Ссылки историков на отсутствие документов и свидетельств об участии Сталина в деле — смешны: таких документов не могло быть в природе по причине жесточайшей конспирации. Но если таковые и были, то наверняка были впоследствии вычищены. Документы не раз и не два уничтожались в соответствии с нуждами текущего политического момента. Скажем больше: именно благодаря этому громкому эксу и началось возвышение Сталина. Не за статейки же по текущим пустячным поводам обратил на него свое внимание главарь большевиков!

После «экспроприации» Камо перевёз деньги в Финляндию. По данным департамента полиции, весь июль и половину августа он пробыл там на даче у Ильича. Камо сдал ему кассу и был таков, а «шеф» принялся распределять деньги по команде, члены которой должны были разменивать пятисотрублёвые купюры образца 1898 года с изображением Петра Великого.

Сам Ильич был не дурак, чтобы заниматься столь опасным «дилерством»: сто из двухсот пятидесяти тысяч награбленных рублей были именно в этих коварных пятисотрублёвках, номера которых были известны и переданы в российские и европейские банки.

Камо звали новые подвиги, он покатил за ними в Берлин с паспортом на имя подданного императора Франца-Иосифа Д. Мирского. Однако через две недели его повязали: чемодан «Мирского» оказался доверху набит взрывчаткой, а при себе у «австрийско-подданного» было обнаружено оружие.

Арест «русского страдальца за идею» вызвал на Западе огромную волну поддержки со стороны социал-демократических газет, прозывавших его не иначе как «героем революции». Отметился в этой кампании и лично Карл Либкнехт — скоро это заступничество завершится для него осенним купанием в речке Шпрее.

Неприятности с разменом пятисотрублёвых ассигнаций начались тотчас же.

Умнее всех, как и всегда, оказался «Никитич» (Л.Б. Красин) — выдающийся организатор и холодный убийца, возглавлявший с конца 1905 года Боевую техническую группу при ЦК РСДРП. Именно к нему сво-

дились финансовые концы партии. По этой причине Ильич («идиотски сильный волею человек», как говорил о нём Г. Соломон) в шутку называл «Никитича» «финансовым самодержцем большевиков».

Часть награбленных денег Красин получил от М. Валлаха и перевёз их, рискуя головой, в Швецию, освободив будущего наркома иностранных дел от выполнения этой смертельно опасной миссии. Там их снова подхватил «М. Литвинов» и рванул с заветным чемоданчиком в Париж.

Ильич видел в нём, по словам Г. Соломона, «умного и ловкого евреякоробейника, но никак не крупного биржевого дельца». «И в его преданность революции я и на грош не верю, — продолжал большевистский главарь, — и просто считаю его прожжённой бестией».

«Никитич» не стал «палиться» на размене оставшейся части оказавшихся в его распоряжении купюр, номера которых известны, а принялся перебивать номера и серии на похищенных банкнотах. Эту фантастически сложную работу выполнила некая девица, проучившаяся до того полтора года в знаменитом на всю Россию Училище технического рисования имени Штиглица. Прежде она занималась изготовлением поддельных паспортов, но теперь получила от Красина иное задание — «перебить» номера и серии похищенных купюр. Работа была выполнена блестяще: почти все банкноты были разменяны без проблем. Бракованными оказались лишь две первые купюры. Когда обо всём этом доложили Красину, тот сказал: «Не выбрасывайте, потом сдадим в будущий Музей революции».

Тем не менее, заподозренного во многих грехах Красина усадили в Выборгскую крепость. Однако через месяц по распоряжению выборгского губернатора его выпустили: департаменту полиции-де не хватило времени, чтобы представить в Выборг необходимые документы. «Самостийные» чухны гадили русскому царю, как только могли и где только могли.

Трудно сказать, кто загремел в участок за попытку размена купюр первым. С уверенностью можно сказать лишь то, что одним из первых стал Евсей Герш Аронович Радомысльский (партийная кличка «Григорий», по прозвищу «ромовая баба», более известный публике в качестве «Григория Зиновьева»). За Зиновьевым замели Льва Борисовича Розенфельда (по кличке «Каменев»), а за Львом Борисовичем «закрыли» и Иосифа Петровича Гольденберга (кличка «Мешковский») — боевика Камо, участника дела на Эриванской площади.

Впрочем, кончилась для них операция по размену денег не так уж и скверно. В июле 1908 года из тюрьмы под особый надзор полиции выпустили и Льва Борисовича с Евсеем Гершем Ароновичем, и даже Иосифа Петровича, после чего все они, словно сговорившись, перешли на нелегальное положение и утекли за границу. В Гельветические кантоны, сиречь, Швейцарию.

Там Евсей Герш Аронович зарегистрировал по швейцарскому праву брак с Саррой Наумовной Равич. Однако прожили молодые недолго и вскоре расстались, а брак расторгли. Жениться Евсею Гершу Ароновичу понравилось; и на следующий раз его избранницей стала Злата Эвновна

Бернштейн (для всех прочих — Злата Ионовна Лилина, наводившая шорох на весь Петроград-Ленинград).

От первого брака у Зиновьева остались светлые воспоминания и неразменные пятисотрублёвые купюры, которые он и вручил своей бывшей благоверной в качестве доказательства высоких отношений. Неразменность же этих купюр была наглядно продемонстрирована Сарре Наумовне полицией города Мюнхена.

Вместе с Саррой Наумовной погорели в Мюнхене при размене злосчастных царских «пятисотрублёвок» ещё двое революционных субъектов — Тигран Багдасарян (настоящее имя Константин Зарян) и Мигран Ходямирянц (настоящее имя Армен Бекзадян).

Не на шутку запаниковав, — эдак всю команду по нарам распихают, — Ильич принялся бомбить отчаянными письмами секретаря Международного бюро социнтерна К. Гюйсманса, чтобы тот подтвердил, что все арестованные по делу — социал-демократы. Это было архиважно для их защиты братьями по марксизму («что не позволено "братку", то позволено эс-деку»).

Надо же такому было случиться, что в следующем году в Стокгольме на тех же пятисотрублёвках взяли и другого подручного Ильича, Яна Мастерса («Яниса Страуяна») — члена боевой группы, осуществившей в феврале 1906 ограбление конторы Русского государственного банка в Гельсингфорсе. Сгоряча его даже осудили за «соучастие в ограблении». Однако в бой вступили «правозащитные организации», после чего апелляционный суд Швеции приговорил «несчастного Яна» к шести месяцам тюрьмы за... кражу, «поскольку не было доказано, что Мастерс знал о происхождении банкнот». После пережитого он отправился на остров Капри к Горькому для прохождения курса лечения и реабилитации. Правда, окончательно он был реабилитирован лишь посмертно.

Не повезло с царскими рубликами и Мееру Валлаху со своей сожительницей Фридой Ямпольской; их взяла парижская полиция. При обыске у Валлаха было найдено двенадцать пятисотрублёвых купюр из числа похищенных в Тифлисе. Валлаха и Ямпольскую выслали из Франции в Великобританию. Дело грозило обоим влюблённым немалым сроком, однако вмешались защитники «униженных и оскорблённых», тогдашние евросоциалисты во главе с Ж. Жоресом, а следом за ними, хотя и не так откровенно, само французское государство. Оказывается, МИД и МВД России «не успели» своевременно представить требование о выдаче преступников. В результате революционеры-любовники обрели свободу. Роскошный сюжет для Эмиля Золя!

В общем, Запад повёл себя вполне предсказуемо: деньги у лиходеев отбирал, однако передавать самих «дилеров»-разменщиков России под всеми мыслимыми и немыслимыми предлогами отказывался.

Но была и ещё одна тонкость, о которой отчего-то не принято говорить. Прознав о том, что лидеры Второго интернационала «крышуют» русских бандитов, выплачивая им содержание (не Бог весть какое, впрочем) и оказывая политическую и моральную поддержку, два кайзера —

германский и австрийский — устроили своим перешедшим на казённый кошт эсдекам изрядную выволочку — «чтобы чувствовали и знали своё место». Благо, повод для того представился знатный.

В свою очередь «трижды хамы и трижды предатели дела рабочего класса», как называл Ильич своих международных благодетелей, закатили скандал своим «русским» клиентам. В результате Ильичу — к его великому неудовольствию — пришлось слушать, а не говорить. В результате в Париже собрание ЦК партии (тогда ещё общей как для большевиков, так и для меньшевиков) постановило сжечь все ассигнации, которые были взяты на Эриванской площади. «Это постановление, — как отмечал в своих мемуарах меньшевик Г.И. Уратадзе (1880–1959), —подписали и большевики во главе с Лениным, но денег и не сожгли, и не сдали центру. Напротив, втихомолку продолжали разменивать. Но от продолжения "эксов" отказались. Парижское постановление наши большевики приписали интригам меньшевистских лидеров и Бог знает как ругались по нашему адресу, не останавливаясь даже перед прямыми угрозами».

Приняло свои меры и русское казначейство: в 1912 году в России был выпущен новый вариант ассигнации достоинством в пятьсот рублей. На нём также был изображён Пётр Великий.

Одна из причин провала с разменом купюр разъяснилась лишь после революции. Среди привлечённых к разработке плана размена был большевик Я.А. Житомирский («Отцов»), доверенное лицо Ильича по делам большевистских групп в эмиграции с 1903–1904. Надо же было такому случиться, что одновременно он являлся главным осведомителем заграничного филиала Охранного отделения в Париже, а заодно («на всякий случай») и германской полиции. Через Якова Абрамовича Житомирского Департамент полиции был в курсе всех приготовлений Красина к размену и заблаговременно снёсся с полициями европейских государств.

Через Житомирского же русской казне были возвращены сто тысяч рублей...

А.С. Пушкин не случайно называл опыт «сыном ошибок трудных». Главное, суметь сделать из них надлежащие выводы и учесть в дальнейшей работе. Вот и печальный опыт с пятисотрублёвками не прошёл даром. Вальтер Шелленберг, начальник внешней разведки Третьего рейха простодушно рассказывает в своих мемуарах поучительную историю о том, как его ведомство подготовило и предоставило советскому руководству шитый наскоро и грубо компромат на бывшего поручика, ставшего советским маршалом, Тухачевского. К великому удивлению вундеркинда из СД, равно как и его шефов, советские начальники приняли материал не просто с глубокой благодарностью, но даже предложили за него деньги. Из чисто технических соображений сумма была передана в крупных купюрах. Деньги эти забрало себе ведомство «душки Вальтера», а через некоторое время его агентов, заброшенных в СССР и снабжённых

этими невинными рублёвками, стали хватать и тащить в НКВД. И тогда «сумрачный германский гений» понял, что номера банкнот были заранее переписаны и разосланы по сберкассам. В результате, как пишет Шелленберг, «часть "иудиных денег" я приказал пустить под нож».

Жаль, конечно, но узнать из мемуаров шефа СД, получил ли глава внешней разведки Германии выговор по партийной линии за столь досадный промах, невозможно.

Однако судьбу недаром называют порой индейкой, в чём можно убедиться на примере отважных гангстеров и «дилеров».

Ленин просто сошёл с ума.

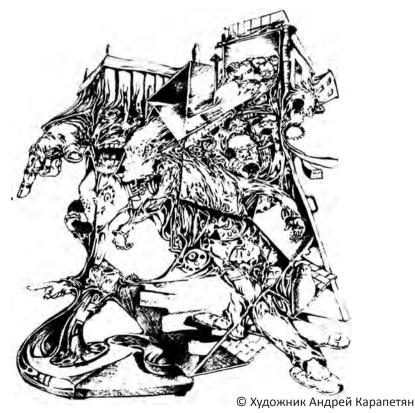
Сталина убили его соратники.

Камо переехал грузовик.

Начальника Маяковского по РОСТу Гольденберга, равно и «Никитича» (Красина) внезапно хватил удар.

Зиновьева, Каменева и Бекзадяна (протеже «известного низостью души» «Литвинова»), дослужившегося до посла в хортистской Венгрии, отослали без скафандра на Луну.

Сарра Равич с 1937 года не вылезала из лагерей. Получил свои «наркомовские граммы» и сын Зиновьева Стефан. Правда, не сто, а всего лишь девять.

В 1938 году советская Фемида пришла за Яном Мастерсом («Яном Яковлевичем Страуяном»), автором повести о латышских революционерах периода 1905 года «Лесные братья» (1925 г.) — о тех, кем восхищался Ильич. Пришла в сапогах, обмахиваясь царской пятисотрублевкой, и увела в небытие.

Затерялись следы и Якова Абрамовича Житомирского. После победы Октября его разоблачили, однако он успел улизнуть и раствориться на просторах Южной Америки.

Удачливее прочих оказался К. Зарян. Отойдя от политики, он махнул в 1925 году в Париж, оттуда в Америку. Из Америки переместился в Ливан, став профессором в Бейрутском университете. В 1961 году Заряна потянуло на историческую родину — в Армению, он репатриировался в СССР и работал старшим научным сотрудником в Ереванском музее литературы и искусства. Умер он без посторонней помощи в 1969 году.

Повезло и Фриде Ямпольской — она тихо пережила все бури и дожила аж до 1973 года. Легко в сущности отделался и её сожитель Меер Валлах (он же — «М.М. Литвинов» — «совершенный хам и невежда, грубое и грязное животное», как характеризовал своего бывшего заместителя его начальник — наркоминдел Г.В. Чичерин), умерший своей смертью, хотя и в опале, и постоянном ожидании ареста. Оказавшись не у дел — «на заслуженном отдыхе» — он регулярно посещал партсобрания пенсионеров по месту жительства, вел среди отставных партийцев разъяснительную работу по части внутренней и внешней политики СССР.

Его настоящим именем — Меера Валаха — названа улочка в городе Ершалаиме (Иерусалиме). За какие именно заслуги советского наркома перед еврейским народом — сие нам неведомо: скорее всего, по совокупности деяний.

В заключение скажем, что одна из пятисотрублёвых купюр, попавшая в руки Красина, хранится в Музее революции. Когда-то он сказал, что эта купюра с грубо «перебитыми» номерами и потому забракованная, будет храниться в Музее революции. Так оно и случилось. А всю историю с пятисотрублёвыми ассигнациями можно рассматривать в качестве загробной мести Петра Великого.

И ещё пару слов в заключение.

Несмотря на скромный финансовый выигрыш от тифлисского экса, ибо большую часть награбленных денег так и не удалось использовать по назначению, он имел колоссальное, но невидимое миру значение. Сей грабёж среди бела дня стал необходимым для мира больших денег и большой политики подтверждением способностей, возможностей и решительности большевистской партии, истинные цели которой точно определил Г.В. Плеханов ещё в 1903 году — вооружённый захват власти.

Сходный процесс мы наблюдали и в современной России в 90-е годы, когда юноши «со взором горящим» организовывали совершенно бессмысленные избиения, грабежи и даже убийства, с тем чтобы произве-

сти впечатление на серьёзных дядь и чтобы те их заметили, а стервятники совершенно иного полёта взяли бы их под своё крыло.

С православной же точки зрения, речь в данном случае идёт о мире мистического зла, в котором правит бал сатана. Ведь в конечном итоге это своего рода договор о продаже души, только подписанный не своей кровью, а кровью убитых.

Разумеется, «героическая» история грабежей не вписывалась в «благородную» марксистско-ленинскую мифологию и идеологию, а посему отношение партии к истории грабежей после перехода на «настоящее» финансирование и, особенно, после взятия власти, неизбежно менялось.

Информация об этой истории (наряду с внешним финансированием вообще) превратилась в инструмент как внешней борьбы против большевиков, так и внутренней между ними самими — в партии и государстве. От заслуги до компромата, там где совесть заменена «революционной целесообразностью», нет и одного шага, но всего лишь еле заметное колебание во внутренней, зачастую секретной позиции руководства партии.

Подавляющее меньшинство, или Разгон

Напрасно в годы хаоса Искать конца благого...

Б. Пастернак. «Лейтенант Шмидт»

Рассказ очевидца при выборах в Учредительное Собрание. Старушка говорила: — Я за церковь и за Бога, а то умрешь, и, как собаку, закопают на Марсовом поле. *М.М. Пришвин. Дневник 1918 – 1919 гг.*

Историческая фраза: «Караул устал!» — как осуждение говорящей интеллигенции.

М.М. Пришвин. Дневник 1918 – 1919 гг.

Россия — особый мир. Мир великий и самобытный — отличный от европейского: по земле, по крови, по вере, по политическому строю — по всему ходу истории. < > Историей всякого народа руководит Провидение, но русской историей в особенности. Ни одна история не заключает в себе столько чудесного и сверхъестественного. Соображая события, ее составляющие, невольно думаешь, что перст Божий ведет Русский народ, как будто древле иудеев, к какой-то высокой цели

Фундаминский-Бунаков, член Учредительного Собрания, правый эсер. «Пути России».

Прелюдия

Этого эпохального события «передовая общественность России» ждала, по её словам, «дольше века». И вот наконец дождалась: 5 января 1918 года открывалось Учредительное собрание. Оно пришлось на канун Богоявления, или Крещения — на Крещенский сочельник. Однако в тот день свидетелей и участников события — красных социалистов — крещали не святой водой, а свинцом и порохом.

На то, что дело закончится пролитием крови, прозрачно намекнул живший не по лжи Ильич в своей статье «Плеханов о терроре», вышед-

шей в № 221 газеты «Правда» 22 декабря 1917 года (по ст. ст.). Для пущей значимости её продублировали на следующий день в «Известиях ЦИК». В ней предсовнаркома припомнил «отцу отечественного марксизма» слова, сказанные тем на Втором съезде РСДРП в 1903 году. В частности, эти: «Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлечённости, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что salus populi supreme lex (благо народа — высший закон — Б.К.). В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться».

Действительно, чего не сотворишь во благо революции! Не исключено, однако, что по прошествии полутора десятка лет Плеханов горько пожалел о сказанных им некогда словах. На то обстоятельство, что решение о разгоне Учредительного собрания было для Ленина непростым, а ссылки на Плеханова были чем-то вроде «оговорочки по Фрейду», глухо намекает в своих воспоминаниях мадам Ульянова-Крупская.

Для того чтобы понять смысл происшедших событий, следует начать с их предыстории. Февральский государственный переворот состоял фактически из двух частей:

- 1) заговора генералов и руководства Госдумы непосредственно против Государя и
- 2) организации беспорядков в Петрограде и создания Временного комитета Государственной думы (ВКГД).

Эти линии, конечно же, пересекались (например, в лице председателя Госдумы Родзянки). У деятелей первой линии был достаточно чёткий план легитимизации власти после отречения Государя (именно он и изложен в тексте отречения, притом для понимания сего плана подлинность отречения непринципиальна), но «что-то пошло не так»: Великий князь Михаил Александрович, в пользу которого было сделано пресловутое отречение, обнародовал акт о намерении принять верховную власть лишь после того, как на Учредительном собрании выразится народная воля относительно окончательной формы правления. Это означало полный провал плана генералов и руководства Госдумы, а перед получившими всю полноту власти Временным правительством и Советами во весь рост встала проблема её узаконения.

Теперь вопрос заключался в том, каков будет государственный строй России, и кто будет определять его физиономию. Таковым (из соображений общественной безопасности и государственной стабильности) могло стать лишь пресловутое Учредительное собрание (УС) — безбожная и злая пародия на Земский Собор трёхвековой давности. Под возможные «концепты» УС лихорадочно готовились конституционные проекты.

И вот о созыве УС, дождаться которого «освободительное движение» уж и не чаяло, объявлено. Вопрос был решён в принципе. Оставались «мелочи» технического порядка, важнейшими из которых стали «Когда?» и «Каким образом УС формировать?» Второй был решен радикально, да так, что Россия оказалась самой демократической страной в мире: к выборам решили допустить женщин, военнослужащих и сделать выборы всеобщими, разумеется, при тайном голосовании. Настоящий прорыв в мировом конституционализме. Радости, однако, он не принесёт в России никому. Оставался вопрос «Когда созывать УС?»

Временное правительство действовало по ситуации, а ситуация менялась с каждым часом. И каждый час приближал катастрофу. Это не столько понимали, сколько чувствовали многие. С каждым днём таковых становилось всё больше. В конце концов, загнанное в угол непредвиденными обстоятельствами правительство назначило выборы на 12 ноября 1917 года.

Что до большевиков, то с конца лета 17-го они постоянно обвиняли правительство в сознательном оттягивании выборов, утверждая, что «буржуазная» власть боится революционных настроений народных масс. Выбросив лозунг «Вся власть советам!», они оправдывали его тем, что Временное правительство никогда не исполнит своих обещаний, и только советы могут гарантировать созыв УС. Для этого, якобы, октябрьский переворот и совершался.

«Восстание народных масс не нуждается в оправдании, — заявит после октябрьского переворота, названного впоследствии "Великой Октябрьской социалистической революцией" Троцкий. — То, что произошло, это не заговор, а восстание». Слушая его, можно было подумать, что планы «восстания» загодя обсуждались в газетах, на митингах и в кабаках. И притом безо всяких заговоров. А потом оно вспыхнуло само собою. И победило.

Правду сказать, не всё так просто было на том историческом II съезде Советов. В классическом произведении марксистско-ленинской мифологии — фильме 30-х годов «Ленин в Октябре», зал съезда рукоплещет вошедшему Ленину, а его фразу о свершившейся революции встречает овациями. Однако ещё в середине 20-х — на XIV съезде, правда, не Советов, а ВКП(б) — Ихил-Михл Залманович Лурье, более известный под кличкой «Ю. Ларин», заявил: «Я кончаю своё слово воспоминанием о том, что было и чему я был свидетелем на II Съезде Советов 25 октября 1917 года, где я был членом бюро большевистской фракции и потому внимательно наблюдал и видел, как выходили на трибуну законно избранные делегации армейских комитетов с разных фронтов и говорили: "В силу законных полномочий, которые мы имеем, мы протестуем против этого переворота". Говорила одна делегация за другой, другая за третьей. Тогда вышел на трибуну тов. Троцкий и ответил: "Да, вы законно избраны, но ваши избиратели не обсуждали вопроса: признают ли они этот переворот? А вот мы к ним пойдём и обсудим вопрос: признают ли они Октябрьский переворот?"».

Оказывается, солдатские представители активно протестовали против переворота!

Суть же сказанного Троцким сводилась к следующему: «Да, вы законные представители избирателей, но вправе ли вы решать за ваших избирателей?»

Таким манером Троцкий «срезал» под корень оппонентов, в очередной раз проявляя неподражаемое остроумие, за которое он расплатится впоследствии проломленной черепной коробкой. Под конец заседания большевики остались в своём тесном кругу — все прочие покинули зал.

Во время заседания съезда, как вспоминал активный участник политических событий 1917 г., делегат I и II съездов Советов и член Комуча эсер В.М. Зензинов, «пришла страшная весть о том, что большевики начали бомбардировку Зимнего Дворца, в котором происходило очередное заседание Временного Правительства. Это известие взволновало всех присутствовавших. Большевики официально это известие тут же опровергли. Но пришли новые вести, подтвердившие эту новость, получены были новые трагические подробности этой бомбардировки. Одна революционная партия за другой заявили на съезде резкий протест против действий большевиков, против их двуличной тактики.

Это было не только протестом против большевиков, это был протест против большевистского переворота вообще. Представители революционных и социалистических партий одни за другими поднимались на кафедру, заявляли в резких выражениях свой протест и уходили со съезда, не желая иметь ничего общего с большевиками. Большевики остались одни, и с этого момента они начали опираться только на грубую физическую силу».

Ощущение свершившегося выразит 3. Гиппиус в своём известном стихотворении «Сейчас»:

Как скользки улицы отвратные, Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные Позорно жить!
Лежим, заплёваны и связаны, По всем углам.
Плевки матросские размазаны У нас по лбам.

Итак: вся «законность» захвата власти, случившегося 25 октября, основывалась на решении Второго съезда советов, поставившего новых переворотчиков в зависимость от одобрения (или неодобрения) их власти Учредительным собранием. И было совершенно очевидно, что такого одобрения они не получат. К тому же все революционные постановления, принятые Вторым съездом, носили условный характер.

Все декреты Второго Съезда Советов объявлены Съездом действующими «впредь до созыва Учредительного Собрания».

Вопрос о земле должен был быть решен Учредительным собранием (Декрет о земле был в сущности «декларацией о намерениях»), формирование правительства — Учредительным собранием. Вынести на обсуждение Учредительного Собрания мирные условия («что можно, а чего нельзя уступить») предложит в своём докладе о мире Ленин.

После разгона УС большевистские «историки», вернее, агитаторы и пропагандисты от истории, объяснят читающей их публике, отчего Ильич был сначала за «учредилку», а потом разогнал её. Слово большевицкому пропагандисту от истории Я.А. Эпштейну («Яковлеву»): «Схоластики могли бы за это обвинить Ленина и большевистскую партию в оппортунизме и уступчивости буржуазии — по меньшей мере — в уступчивости мелкобуржуазным предрассудкам. Но именно схоластики и только схоластики. <...> Ленин считался с тем, что выступление большевиков против Учредительного Собрания непосредственно перед Съездом и во время Съезда Советов, вызвало бы колебание значительных слоёв мелкой буржуазии, крестьянства и части рабочих, не изживших ещё до конца иллюзий доверия к Учредилке. <...> И тогда уже, после 2-3 месяцев опыта пролетарской власти, после того, как земля будет взята крестьянами во исполнение декрета Съезда Советов, после того, как мир и по меньшей мере перемирие из области предположений перейдут в область действительности, — любой отсталый рабочий, огромное большинство колеблющихся крестьян скажут: к чёрту Учредительное Собрание, пусть живёт советская власть!» (И надо же будет такому случиться, что ровно десять лет спустя чекисты вырвут сему комментатору его «празднословный и лукавый» язык и одарят в утешение девятью наркомовскими граммами).

О том, что после октября 1917 года Учредительное собрание «уже не могло считаться выражением воли народа», будет талдычить, выполняя партийные директивы, официальный историк от большевизма М.Н. Покровский. Ему повезёт больше: его и его «школу» посмертно разоблачат, и его ученики станут наперегонки отрекаться от своего научного руководителя и плевать на его могилу.

Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, антиеврейских и каких бы то ни было погромов. Честь рабочей, крестьянской и солдатской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены». А в обращении к казакам звучал пламенный призыв: «Покажите черной сотне, что вы не станете изменниками народа, что вы не пожелаете накликать на себя проклятие всей революционной России».

Депутаты, как видим, всерьёз опасались, что сразу после того, как в России узнают о насильственной смене власти, по ней прокатятся антиеврейские погромы. С чего бы, право, такие опасения?

Любопытный факт, поведанный читателям левым эсером С. Мстиславским (*наст. фамилия Масловский* — *Б.К.*): «Лидеры эсэров, — писал

он, — партии, без колебаний посылавшей в подпольном прошлом своем, на эшафот и в каторгу евреев-террористов, на крови и на мысли их, без колебаний утверждавшей партийные знамёна, — считали ныне, став у кормила власти, "вверху горы", — неудобным выдвигать на ответственные посты своих "не русских" сочленов. Не случайно — даже под заголовком центрального органа партии "Дело Народа" партийные лидеры заставили нас, тогдашних редакторов его — выписать старательно рядом с литературными псевдонимами и подлинные имена, чтобы ведомо было urbi et orbi, что среди нас — евреев нет».

Но вернёмся к нашим баранам. Итак, Съезд разрешил Ленину создать Совнарком лишь при условии, что правительство объявляется «временным», а после созыва Учредительного собрания оно может остаться у власти лишь при согласии Всероссийского парламента. Точно так же декреты о земле и мире получали окончательный характер лишь после их утверждения новым верховным органом страны. Ситуация усугублялась тем, что сами же большевики буквально вчера добивались скорейшего созыва Учредительного собрания.

Особые ароматы источал сам «Второй съезд», являвшийся сборищем, если не сказать сворой, самозванцев.

«Уже в эмиграции — с безопасного расстояния — А.И. Куприн скажет то, о чём упорно молчали поколения советских историков: "Маленькая кучка, человек в триста, никем не уполномоченных людей. <...>. Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, никем не уполномоченный выражать волю всей великой России. Кто избрал его? Никто"».

И действительно, кто они все, как не самозванцы?

Посмотрим список делегатов сего съезда. Ба! Знакомые все лица: Ленин, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Сталин, Дзержинский Дыбенко, Крыленко, Коллонтай, Рыков, Луначарский и, наконец, «примкнувший к ним» Керенский! А за ними деятели пожиже: Шляпников, Иоффе, Урицкий, Склянский, Петерс, Подвойский, Бубнов. И близкая к слабоумию «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская тут как тут!

Ленин и его партия были обречены на проведение выборов и созыв Учредительного собрания, которое одно и могло подтвердить законность их власти. В начале декабря 1917 года он ещё пишет: «Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа. Но нельзя витать в области фантазий. Учредительному собранию придётся действовать в обстановке гражданской войны. Начали гражданскую войну буржуазно-калединские элементы».

Октябрьские переворотчики и хотели избавиться от «учредилки», и боялись разогнать её. В конце концов решено было пойти на разгон УС.

Тут же возник ряд технических вопросов, в частности, такой: разгонять ли всё и всех сразу или же разогнать большинство, а себя — меньшинство — объявить «революционным "конвентом"? Идее «конвента» воспротивился Ильич, не без диалектики убеждавший своих сообщников

в том, что создание «конвента» будет означать признание верховенства Учредительного собрания над властью «народных» комиссаров, а посему выйдет «ни то ни сё». «Учредилку», по Ленину, следовало разогнать как «контрреволюционный орган» и придушить этого уродца, появившегося на свет слишком поздно — в то время, когда революция далеко ушла вперёд. Это было проявление великолепного презрения — даже не к эфемерной после свержения царя законности, но к элементарным правилам приличия. Испытанным же средством в деле оболванивания людей стала отчаянная, запредельная демагогия.

Но гораздо более очевидным стал выбор силовых методов и просто безграничного террора против любых, независимо от классовой принадлежности, оппонентов, ради удержания захваченной власти.

Бездна разверзлась, и из неё вышел Зверь.

- ...Обе столицы проголосовали за большевиков и за кадетов. Вся остальная Россия за эсеров. «Пролетарским массам» были близки лозунги «диктатуры пролетариата», «солдатским», а также «солдаткам» демобилизации, крестьянству лозунг «Земля и воля». Как вспоминал писатель И.Ф. Наживин, «бабёнки дружно тащили номер шесть (большевики E(K)): Ваньку обещали вернуть с фронта в три дня.
  - Да вы сбесились, тётки?.. А за Ванькой-то кто сюда придёт?
  - А кто?
  - Вильгельм.
- Так что? И больно тоже, что придёт... Вильгельм-ат он строгай, он лала-то разводить языком не очень даст, он враз тебе порядок во какой наведёт!.. А то ишь, черти, волю взяли!..»

К слову сказать, из всех социалистических партий большевики были единственной, не выставившей во время предвыборной кампании никакой чёткой программы. Они явно рассчитывали привлечь голоса избирателей общими и туманно сформулированными призывами к рабочим, солдатам и крестьянам, используя лозунг «Вся власть советам», обещание немедленного мира и конфискации помещичьей собственности.

Мотивация и ожидания «электората», описанные Наживиным, лишний раз демонстрировали всю пагубу для России «парламентского кабака», т.е. опасность вручения народных судеб самому народу, пребывающему к тому же в состоянии духовной болезни.

Но не лучше была и «диктатура пролетариата». Свергнув царя, Россия попадала в жесткий коридор неминуемой катастрофы. И большевики, и эсеры кормили народ сладкими обещаниями и уверенно толкали страну в пропасть.

Как бы то ни было, но в итоге эсеры победили с разгромным счётом — 715:175. Ленин справедливо счёл итоги выборов сокрушительным поражением.

Партия народной свободы («кадеты») добилась громадного успеха в крупных городах, т.е. именно там, где коммунисты особенно нуждались в твёрдой победе. Именно городские центры должны были компенси-

ровать их слабость в деревне и стать опорными пунктами в приближающейся гражданской войне. В обеих столицах кадеты прочно занимали следующее за большевиками место, собрав в Петрограде 26 % голосов, а в Москве — 34 %. А если отнять от результата большевиков в Москве голоса солдатской массы, которая начинала всё больше разлагаться, — то на коммунистов приходилось 45 %, в то время как на кадетов 36 %. Более того, партия народной свободы обогнала большевиков в 11 из 38 губернских городов, а во множестве других прочно занимала второе место, наступая коммунистам на пятки. Таким образом, кадеты представляли собою гораздо более серьёзную политическую силу, чем это следовало из сводных цифр результатов голосования.

Большевистские вожди оказались не на шутку перепуганы. В городах вслед за большевиками уверенно шли кадеты. «Мы определённо должны добить кадетов, или они добьют нас», — скажет в усы «чудесный грузин» Коба — знатный спец по вооруженным грабежам и национальному вопросу. Он не был паникёром, его никогда не подводил его звериный нюх, а разбойничья жизнь учила быть предельно осторожным в неясной ситуации, а после принятия решения — идти до конца и быть беспощадным.

Закрытие большевиками нескольких десятков газет и арест ряда членов УС действия своего не возымели. А может, и возымели. Но обратное. Троцкисты-ленинцы прекрасно понимали, что дурман пустословия в конце концов рассеивается, и приходят похмелье и отрезвление.

И процесс уже пошёл: призрак коммунизма, который родитель его Ленин (и не он один, а ещё Троцкий и левые экономисты) лукаво назовёт спустя три года «военным» и «вынужденным», обретал плоть.

Товарищи и впрямь принялись строить коммунизм, введения которого требовала очередная программа РКП(б) 1919 года, который впору было бы — и вопреки декларированному вождями истмату — назвать рабовладельческим.

В области распределения задача Советской власти в соответствии с принятой программой, состояла в том, чтобы «неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов». Целью же в связи с этим объявлялось «с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат».

Относительно будущего банковской сферы в программе РКП(б) говорилось: «Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчёта и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.». Соответственно, «покрытие государственных расходов должно покоиться на непосредственном обращении части доходов от различных государственных монополий в доход государства». Как они собирались это делать, упразднив деньги, не уточнялось.

О «радостном» явлении «натурализацией быта» уже вовсю писали, захлебываясь от восторга, советские газеты. Троцкий же в свою очередь выдвинул идею создания трудовых армий, работающих исключительно за паёк под надзором командиров, а живущих по уставу. О «натуральном», распределительном коммунизме как изначальном сознательном выборе советской власти писали левые большевики-экономисты Л.Н. Крицман и Юровский. И нельзя сказать, чтобы эта идея не отзывалась в большевистских сердцах. В. Г. Короленко не раз фиксировал в своём дневнике положительный отклик об этом «проекте» в своих беседах с большевистскими начальниками, в том числе и начальниками ЧК. Более того, они находили его естественным и самоочевидным. Действительно: работает человек, а потом приходит и всё нужное получает по талонам. И никакой эксплуатации человека человеком! Сам же писатель оценивал большевистские экономические идеи в качестве «безумных».

Призрак коммунизма обратится в вурдалака и примется пить людскую кровь.

...Мы стали псами подзаборными, Не уползти! Уж разобрал руками черными Викжель — пути..., —

скажет прозревшая либералка 3. Гиппиус.

Ленинский коммунизм будет означать на практике яростную борьбу с собственностью как условием относительной независимости человека от «пролетарской диктатуры» и средством его выживания даже в условиях немилости к нему властей. Отъём у людей средств к независимому существованию начнётся тотчас же и с недвижимости. Так называемый Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 года, лишил собственности на землю всех, кроме крестьян. За ним последуют декреты, касающиеся недвижимого имущества в городах (их изымут из торгового обращения и передадут в собственность государства 14 декабря 1917 г. А в январе 1918 года были аннулированы все государственные долги, и люди лишатся своих накоплений. Дойдёт до того, что диктатура присвоит себе исключительное право размещать в газетах частные объявления. Далее — везде. Свободный и независимый человек становился бесправным рабом красной диктатуры.

12 августа Временное правительство назначило открытие Учредительного собрания на 28 ноября. 17 ноября в газетах было опубликовано воззвание подпольного Совета министров с подтверждением этой даты.

Кворум для открытия УС установлен не был. Его установили большевики. 26 ноября 1917 года СНК принял декрет, гласящий, что Учредительное собрание должно быть открыто представителем СНК и при условии наличия не менее 400 членов.

Именно для открытия, а не для дальнейшей работы с последующим голосованием. Сегодня иные специалисты по всем вопросам будут гово-

рить на разного рода «ток-шоу», что после того как большевики и левые эсеры покинули зал заседаний, УС стало неправомочно принимать решения. Если уж переводить дело в чисто юридическую плоскость, то тут же возникает вопрос: «А в каком документе зафиксировано требуемое количество присутствующих и участвующих в голосовании?» Такого документа не было. Стало быть, сколько осталось, столько и осталось. Уходить никто не неволил. А посему возникает вопрос: «С кем вы, мастера политэстрады — любители оправдывать задним числом беззаконие?»

Образовавшийся около этого времени Союз защиты Учредительного собрания организовал 28-го демонстрацию у Таврического дворца в Петрограде (где должно было состояться открытие) под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию».

Член УС П. Сорокин — в скором будущем светило мировой науки — в своих воспоминаниях будет живописать сей день в красках. «Большевики потерпели явное поражение, но наша ситуация осложняется, ответственность несоизмеримо возрастает. Если бы большевики получили большинство голосов, мы вынуждены были бы подчиниться, но народное голосование провозгласило их правительство незаконным. Мы, конечно, понимаем, что они не собираются мириться с этим приговором. Пока они надеялись на благоприятный для них исход выборов, они не возражали против созыва Учредительного собрания. Теперь они попытаются воспрепятствовать этому. На силу мы должны ответить силой. Другого пути у нас нет.

Создан Комитет защиты Учредительного собрания. Он хорошо действует в сфере пропаганды, но не так успешно — в деле формирования вооруженных сил. У нас есть какое-то количество войск, но явно меньше, чем у большевиков.

Я выступаю каждый день, посещаю заседания, на которых разрабатываются законы, декреты и политика Учредительного собрания. Тем временем я по-прежнему играю роль мышки, убегающей от кошки. По закону все депутаты пользуются правом неприкосновенности, но закон— это одно, а действия большевиков— совершенно другое. Все дороги теперь ведут в тюрьму. Я устал, я измотан отчасти работой и нервотрёпкой, отчасти— голодом. Но я повторяю слова поэта:

"Подожди немного, отдохнешь и ты". В тюрьме или в могиле.

Атака на Учредительное собрание началась с того, что большевики приказали всем депутатам отправиться к Урицкому, специально назначенному комиссаром, для регистрации наших имён и адресов и предъявления документов, подтверждающих факт выбора в Учредительное собрание, открытие которого перенесено с 27 ноября на 5 января 1918 года.

Мы объявили этот приказ незаконным. Народные депутаты не могут уклониться от явки к Урицкому, поскольку проверка их полномочий является задачей специальной комиссии депутатов, большинство которых составляют большевики.

Кроме того, мы заявили протест по поводу произвольного переноса неформального созыва депутатов, назначенного на 27 ноября.

27 ноября. Этот день, который по закону должен был стать днем открытия Учредительного собрания, начался изумительным рассветом. Голубое небо, ослепительно белый снег — всё это стало прекрасным фоном для видневшихся повсюду плакатов: "Да здравствует Учредительное собрание — хозяин земли Русской!" Толпы людей с этими плакатами приветствовали высшее руководство страны, истинный голос русского народа. Когда депутаты дошли до площади Таврического дворца, тысячи людей приветствовали их оглушительными криками.

Но подойдя к дворцовым воротам, депутаты обнаружили, что они закрыты и охраняются вооружёнными до зубов латышскими стрелками.

Нужно было что-то делать, причём безотлагательно. Взобравшись на железную ограду дворца, я обратился к народу, а тем временем другие депутаты, следуя моему примеру, перелезали через решётку ограды. Им удалось отпереть ворота, и толпа, ворвавшись во двор, заполонила его. Ошеломлённые смелостью этого прорыва, латышские стрелки пребывали в нерешительности. Мы напирали на двери дворца, также охраняемые латышскими стрелками, позади которых находились Урицкий и другие большевики. Переговорив ещё раз с людьми, я решил обратиться к латышским стрелкам с благодарностью за гостеприимство по отношению к высшей власти России и их явную готовность защищать свободу.

В заключение своей речи я обнял командующего ими офицера. Вокруг царила полная неразбериха, в результате чего дверь была открыта, и мы вошли внутрь.

За нами вошли и многие простые граждане. На пути встал Урицкий, еврей с чрезвычайно отталкивающей внешностью, потребовавший от нас пройти в его кабинет для того, чтобы зарегистрироваться, но мы презрительно оттолкнули его, заявив, что Учредительное собрание не нуждается в его услугах. Была принята резолюция, что, несмотря ни на какие препятствия, Учредительное собрание откроется 5 января».

Через два дня — 30 ноября 1917 года — историк Ю.В. Готье, в будущем академик, записывает: «Декрет об аресте вождей к.-д., поход на них и проскрипция русских жирондистов <...> События идут бешеным ходом. Вчера частного совещания в учредительном собрании даже не допустили; срыв всенародного кабака неизбежен: жалеть, впрочем, о нём едва ли приходится: составленное из погромщиков, сентиментальных и реалистичных, — оно всё равно было бы недееспособным».

Занятие историей сделало Ю.В. Готье здоровым скептиком, не склонным ни к романтике, ни, тем более, к экзальтации.

За две недели до событий — 21 декабря 1917 года — правоэсеровская газета «Воля народа» предсказала их сценарий: «5-го они откроют и 5-го же закроют Учредительное собрание. Но сделают это не от своего имени, а от имени сфальсифицированного съезда Советов».

Так оно и вышло.

О том же писала накануне открытия Учредительного собрания и кадетская газета «Наш век» (б. «Речь») № 22 от 24 декабря (6 января) 1917

года (приводим статью полностью): «Планы Смольного относительно Учредительного собрания теперь окончательно выяснились. Если регистратура г. Урицкого даст необходимый кворум, то по-видимому, на 5 января Смольный готов "допустить" открытие всенародного представительства, обставив его всеми необходимыми для себя гарантиями. Кроме декрета об отзыве неугодных депутатов, кроме предъявления ультиматума о том, чтобы Учредительное Собрание, оставив всякое попечение об организации власти, занялось деловой работой; кроме провозглашения принципа, что Учредительное Собрание-де подчиняется советской власти, теперь решено подвести солидный фундамент под эти мероприятия.

К открытию Учредительного Собрания Смольный решил приурочить созыв съездов всероссийских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти съезды, в составлении которых большевики проявляют такую умелость, призваны воплотить ту верховную власть, которою, по образному выражению официозов, должно быть Учредительное Собрание. Когда "подвластное" Учредительное Собрание в Таврическом дворце соберётся, чтобы спасать Россию, одновременно в Смольном будет заседать "хозяин" Учредительного Собрания, который и будет хозяйничать в интересах советской власти.

Мы видали уже этого "хозяина" в последние дни октября, когда большевистские диктаторы созвали "свой" съезд, чтобы санкционировать переворот, разгон Совета Республики и захват власти. Съезд тогда уже превосходно выполнил свою задачу и с быстротой и послушанием, которые бы сделали честь самым преданным служилым людям, поставил печать одобрения на всём, что осуществили самодержцы Смольного.

Теперь для борьбы с "контрреволюционными" элементами Учредительного Собрания (т. е. с.-рами и др.), Смольный повторяет тот же приём. Он уже заранее изготовил нужные приказы, которые хозяин подпишет, и этим приказам должно беспрекословно подчиниться Учредительное Собрание.

Если всенародное представительство покорно выполнит все мероприятия Смольного, очистится от скверны и будет работать по указке советской власти в пределах, ему отведённых, то хозяин, вероятно, потерпит присутствие своего приказчика. Если же нет, то хозяин, конечно, поступит так, как поступают с непокорным слугой.

Вот перспективы, которые уже открылись. Вот судьба, приуготованная тому учреждению, с которым связывалось столько ожиданий, столько надежд».

Ленин намеревался править Россией всерьёз и надолго, в идеале — всегда, а потому предлагал жесточайшим образом защищать власть. О том, как удержать её после захвата, он говорил ещё до переворота. Смысл сказанного был прост: отнять у людей всё и распределять по своему усмотрению. Это в миллионы раз действеннее гильотины. Душить народ хлебной монополией и карточками, «костлявой рукой голода» под надзором суровых стражников. И от этой месопотамской пытки народ спасала лишь продажность стражников.

Когда член УС — будущее светило мировой науки П.А. Сорокин будет читать лекции студентам Петроградского университета о социальном устройстве Древнего Египта при Птолемеях, Древнего Перу и Спарты, Римской империи в III–IV вв. н.э., аудитория будет разражаться смехом и возгласами: «Это же в точности как наш коммунистический режим».

Да, ничего нового. Всё это уже было при рабовладении.

А.И. Куприн, получивший благодаря Горькому аудиенцию у Ленина, вспоминал: «В сущности, — подумал я, — этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всём своём душевном уродстве, были всё-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утёса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая всё на своём пути. И при том — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая — уничтожаю».

Итак, Крещенский сочельник начался с кровопускания.

Разгон УС был предрешён изначально. Большевики были не из тех, кто захватывает власть, а потом отдаёт ее дяде, чтобы исчезнуть, если в ящиках окажутся фантики не того цвета.

Это был день сшибки безбожной демократии с безбожной диктатурой, бой вождей — любителей индивидуального террора с вождями террора массового.

Утро началось с расстрела большевиками мирной демонстрации в Питере и Москве.

Расстрел произошел на углу Невского и Литейного проспектов и в районе Кирочной улицы. Была рассеяна главная колонна численностью до 60 тыс. чел., однако другие колонны демонстрантов достигли Таврического дворца и были рассеяны только после подхода дополнительных войск. Разгоном демонстрации руководил специальный штаб во главе с Лениным, Свердловым, Подвойским, Урицким, Бонч-Бруевичем.

Убитых никто толком не считал, хотя отрывочные сведения на сей счёт сохранились. Враньём и цинизмом отметились на сей счёт два большевистских субъекта — Ф.Ф. Раскольников и В.Д. Бонч-Бруевич. Первый сказал, что «демонстрация была рассеяна красными войсками, стрелявшими в воздух».

Второй, — что жертв было немного и рабочих среди них не было, точно люди иных сословий и званий были существами второго или даже третьего сорта — недочеловеками, а то и вовсе тараканами, которых, в общем-то, и не жалко.

«Пришло несколько известий о вооружённых столкновениях на Heвском и Литейном, — утверждал Бонч, — где наши войска ответили огнём на выстрелы из толпы, сразившие несколько человек. Пострадавших с той и другой стороны доставили в городскую больницу на Литейном проспекте. Владимир Ильич распорядился немедленно назначить следствие об этих столкновениях».

Оказывается, по войскам стреляли из толпы. В принципе такое не исключено. Могла быть и провокация. Беда только в том, что сей факт нигде и никем больше не отмечается, а он был бы для большевиков неубиваемым аргументом в оправдание расстрела демонстрантов.

В 1928 году большевичка-пропагандистка Н. Шавеко в своей книжкеагитке, добрую половину объёма которой составляют цитаты из Маркса и Энгельса, писала: «Жертв было немного: самая большая цифра, указанная в $\mathbb{N}$ 4 "Известий Союза защиты" — 20 человек убитых и около 100 раненых. Мифическая народная стихия, к которой взывали эсеры, не вышла из берегов ради сомнительных учредиловских благ, и учредиловская авантюра потерпела полное поражение».

Историк Н. Рубинштейн в своей статье, опубликованной в том же году, говорит о «нескольких демонстрантах», убитых в Питере и «9 убитых и 30 раненых» в Москве. Эти же цифры он повторит и в своей книге 1931 года.

О событиях 5 января 1918 года в Петрограде остались свидетельские показания, выплывшие на свет Божий в результате известного процесса над эсерами 1922 года. Обвиняемый Е.С. Берг, защищаясь, наступал: «Я — рабочий. И во время демонстрации в защиту Учредительного Собр[ания] я принимал в ней участие. Петроград[ским] Комитетом была объявлена мирная демонстрация, и сам Комитет, и я в том числе, без оружия шёл во главе процессии с Петроградской Стороны.

По пути, на углу Литейного и Фурштадтской[,] дорогу нам преградила вооружённая цепь. Мы вошли в переговоры с солдатами, чтобы добиться пропуска к Таврическому Дворцу. Нам ответили пулями.

Здесь был убит Логинов — крестьянин, член Исполкома Сов[ета] Крест[ьянских] Деп[утатов] — который шёл со знаменем. Он был убит разрывной пулей, которой ему снесли полчерепа. И убит он был в то время, когда после первых выстрелов он лёг на землю. Там же была убита Горбачевская, старая партийная работница.

Другие процессии были расстреляны в других местах. Было убито 6 чел. рабочих завода [...], были убиты рабочие Обуховского завода. 9 января я принимал участие в похоронах убитых; там было 8 гробов, ибо остальных убитых власти нам не выдали, и в их числе было 3 с.-р., 2 с[оциал]-д[емократа] и 3 бесп[артийных], и почти все они были рабочие.

Вот правда об этой демонстрации. Здесь говорили, что это была демонстрация чиновников, студентов, буржуазии и в ней не было рабочих. Так почему же среди убитых нет ни одного чиновника, ни одного буржуя, а все они рабочие и социалисты?

Демонстрация была мирной — таково было постановление Петроградского Комитета, исполнявшего директивы Центр. К-та и передавшего их в районы...

Подойдя к Таврическому Дворцу, чтобы по поручению рабочих некоторых фабрик и заводов приветствовать Учр[едительное] Собр[ание], я и три товарища рабочих пройти туда не могли, потому что кругом шла стрельба.

Демонстрация не разошлась, — она была расстреляна.

И это вы расстреляли мирную рабочую демонстрацию в защиту Учр[едительного] Собрания!»

Далее Берг заявил: «Я рабочий, я считаю себя виновным перед рабочими России в том, что я не смог со всей силой бороться с так называемой рабоче-крестьянской властью, которая распылила и загубила всех рабочих России (шум в зале)... Я ещё раз заявляю, что я рабочий, член партии эсеров». На этом процессе в вину эсерам будут вменять и организацию мирных демонстраций в поддержку УС.

Вообще-то расстрелы мирных демонстраций в поддержку УС начались ещё до 5 января. По сообщению газеты «Дело Народа», 10 декабря 1917 года в Калуге большевиками была расстреляна из пулемётов демонстрация в поддержку УС. 40 человек было убито и ранено.

Говорить, что погибших было мало, могли лишь законченные и конченые циники. Но, как говорил И.А. Бунин по поводу тех же самых большевиков, «в том-то и сатанинская сила их, что они сумели перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущённый крик наивным, дурацким».

Горький, в котором — о чудо! — проснулась совесть, сравнил 5 января 1918 года с 9 января 1905-го. Он и сам был в тот день легко ранен. Подобное сравнение звучало сильно. Сегодня нам даже трудно представить, каково было значение сказанного, ибо «Кровавое воскресенье» было символом тягчайшего, можно сказать, «библейского», преступления, смертного и неотмаливаемого греха. И теперь в таковом обвинялся не тысячекратно заклеймённый проклятьем царизм, а режим «пролетарской» диктатуры.

«Я... органически... не могу... говорить с этими... мерзавцами. С Лениным и Троцким», — скажет Горький ещё в ноябре 17-го Зинаиде Гиппиус.

Пойти Ленину на такой шаг было нелегко — пугала неизвестность. Неизвестность была двоякого рода: хватит ли штыков, чтобы удержать ситуацию под контролем, и надёжны ли имеющиеся под рукой штыки.

Как вспоминал эсер Б. Соколов, «качество и количество вооружённой массы, стоявшей на их (большевиков) стороне, было лишь достаточным, чтобы сдержать и разогнать мирную демонстрацию. Но не более. Таково было и мнение большевика Пятакова, стоявшего довольно близко к Смольному. Таково было впечатление и некоторых моих коллег по фракции».

Троцкий в своих воспоминаниях свидетельствует о том, что Ленин настаивал на вызове в Петроград ко дню открытия УС латышских стрелков, ибо русский «мужик может колебнуться в случае чего, — говорил он, — тут нужна пролетарская решимость», после чего распорядился "o доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу"».

Да, русскому мужику доверия у Ильича не было. Латыши же чётко осознавали, кому и чем обязаны. Как вспоминает Г. Соломон (Исецкий), находившийся в момент покушения на Ленина в советском посольстве

в Берлине, один из охранявших его латышских стрелков, получивший известие о гибели вождя, горевал: «Ну, уж теперь нам, латышам, несдобровать. За нас за первых примутся».

Сам Ленин шёл по списку Балтийского флота за номером вторым. Номером первым шел... П.Е. Дыбенко. Иным округам довериться Ильич не рискнул. И правильно сделал. Чтобы упрочить свою власть, большевикам требовалось разогнать УС. Но делать это следовало ювелирно. Не получилось. Дело испортил Дыбенко со своей братвой, почувствовавшей себя (и не без оснований!) хозяевами положения — эдаким начальником «преторианской гвардии» — «братишек» — головорезов в тельняшках, дорвавшихся до дармового спирта и кокаина.

Совнарком обязал комиссара по морским делам П.Е. Дыбенко сосредоточить в Петрограде к 27 ноября до 10–12 тысяч матросов. Последняя цифра говорит сама за себя. Для разгона самого УС такого количества матросов не требовалось. Но они могли бы стать незаменимыми при усмирении столицы.

Зная, с кем приходится иметь дело, правые эсеры попытались заручиться поддержкой верных им частей. Потом их обвинят в попытках выступить с оружием в руках против власти «рабочих и крестьян». Скажем сразу: военный переворот правым эсерам был совсем не нужен — за ними была громкая и безоговорочная политическая и правовая победа, а устраивать переворот значило, имея на руках мандат от всей России, уничтожить его собственными руками. Следовательно, дело заклюсалось в самообороне — дабы большевики не смогли навязать силовой метод «окончательного решения вопроса» — разгона УС.

Поэтому эсеровское руководство избрало тактику «военной демонстрации», где войскам, а точнее, двум полкам — Семёновскому и Преображенскому — лояльным эсерам, отводилась роль мирных демонстрантов: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Впрочем, это не совсем верно. Использовать «бронепоезд» по его прямому назначению никто не собирался. И большевики это знали! Формулой ситуации была та, что описывалась в английской военно-морской литературе — «Fleet in being» — «флот как фактор присутствия», уже одним своим существованием создающий соответствующую политическую ситуацию. Причём — это крайне важно! — участие семёновцев и преображенцев в качестве демонстрантов, поддерживающих УС, планировалось в качестве «мирного и без оружия» шествия!

Два безоружных полка против вооружённого до зубов войска большевиков выглядели не очень убедительно. Правда, в качестве «бронепоезда» планировалось использовать верный эсерам бронедивизион, но буквально накануне технику вывели из строя большевики.

Слово руководителю военной секции правых эсеров Б. Соколову: «Итак, мы стояли перед запрещением вооружённого выступления. Это запрещение застало нас врасплох. Сообщённое же в Пленуме Военной Комиссии, оно породило немало недоразумений и недовольства. Кажется, удалось в самую по-

следнюю минуту предупредить о нашем перерешении Комитет Защиты. Им в свою очередь были приняты спешные шаги и изменены сборные пункты. Больше всего волнения пришлось испытать семёновцам.

Борис Петров и я посетили полк, чтобы доложить его руководителям о том, что вооружённая демонстрация отменяется и что их просят: "Придти на манифестацию безоружными, дабы не пролилась кровь".

Вторая половина предложения вызвала у них бурю негодования.

"Что вы, смеетесь что ли над нами, товарищи? Вы приглашаете нас на демонстрацию, но велите не брать с собой оружия. А большевики? Разве они малые дети? Ведь будут, небось, непременно стрелять в безоружных людей. Что же мы, разинув рты, должны будем им подставлять наши головы или же прикажете нам улепётывать тогда, как зайцам?"

Мы их успокаивали.

"Товарищи... Боязнь пролить народную кровь... Мы не имеем права вас втягивать в гражданскую войну... Наши вожди говорят..."

Но их было нелегко успокоить.

"Да что вы, <...> шутки шутите?.. Мы не малые дети и, если бы пошли сражаться с большевиками, то делали бы это вполне сознательно... А кровь... Крови, может быть, и не пролилось бы, если бы мы вышли целым полком вооружённые".

Долго мы говорили с семёновцами и чем больше говорили, тем становилось яснее, что отказ наш от вооружённого выступления воздвиг между ними и нами глухую стену взаимного непонимания.

"Интеллигенты... Мудрят, сами не зная что. Сейчас видно, что между ними нет людей военных".

И несмотря на продолжительные увещевания, в этот вечер семёновцы отказались отстаивать издававшуюся нами газету "Серая шинель".

"Не к чему. Все равно её прикроют. Одна только канитель"».

Можно, конечно, спросить, отчего эсерам не удалось склонить на свою сторону, как минимум, значительную часть петроградского гарнизона. И тому можно приискать достаточно простое объяснение. Большевики уже вели переговоры в Брест-Литовске по поводу заключения мира, который сам же его инициатор назовет впоследствии «похабным». Но тогда никакая «похабщина» не была аргументом против большевиков. Напротив, реальные мирные переговоры означали скорое заключение мира и, как следствие, демобилизацию. Эсеры же говорили о справедливом демократическом мире с учётом мнения союзников. Одним словом, и большевики, и эсеры предлагали вооружённому «электорату» двух журавлей в небе. Однако большевистский «журавель» казался «синицей в руках».

По этому поводу Ю.В. Готье запишет в своем дневнике: «Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращённых солдат; трогательный союз пугачёвщины с самыми передовыми идеями; союз этот не может дать благих результатов; но сколько ужасов, страданий и опустошений нужно, чтобы несчастный русский народ перестал убивать себя систематическими преступлениями и нелепостями?»

А вот ещё: «Тов. Крыленко, верховный главнокомандующий большевиками, завязал переговоры с немцами; пошли парламентёрами трое — едва ли не все евреи. Россию предают и продают, а русский народ громит, бесчинствует и буйствует, и абсолютно равнодушен к своей международной судьбе. Небывалый в мировой истории случай, когда большой по числу народ, считавшийся народом великим, мировым, несмотря на все возможные оговорки, — своими руками вырыл себе могилу в восемь месяцев. Выходит, что самоё понятие о русской державе, о русском народе было маревом, блефом, что всё это только казалось и никогда не было реальностью. Это так, но всё-таки как это глубоко обидно и скорбно».

И ещё: «... с захватом власти шайкой людей можно было бы бороться, но что делать с народом, который отдал им свои голоса в таком количестве?»

Не станем обвинять автора этих строк в народофобии. В разные моменты времени народ предстаёт в разном качестве. Это обстоятельство ярко отобразил в своём «Борисе Годунове» Пушкин.

И тем не менее, большевики вибрировали: шутка ли? Россия ждёт «учредительного собрания», как манны небесной, а они хотят его разогнать поганой метлой. И уж кому-кому как не большевикам было на практике узнать, что Россия реагирует на эпохальные события и «вызовы времени» «нелинейно».

Не давало никаких гарантий и введение в город верных по видимости частей — балтийских матросов, от куража которых у Бонча вставали дыбом волосы, и безмолвных угрюмых латышских стрелков. «Когда мы, несколько человек, вокруг молодого Железнякова, пытались теоретизировать, — писал Бонч, — тут же сидел полупьяный старший брат Железнякова, гражданский матрос Волжского пароходства, самовольно заделавшийся в матросы корабля "Республика", — сидел и чертил в воздухе пальцем большие кресты, повторяя одно слово: "Сме-е-е-рть!" и опять крест в воздухе: "Сме-е-е-рть!" и опять крест в воздухе — "Сме-е-е-рть!" и так без конца.<...> Вдруг в комнату полувбежал коренастый приземистый матрос в круглой матросской шапке с лентами, с широко открытой грудью. <...> Он то и дело хватался за револьвер и словно искал глазами, в кого бы разрядить его.

И вдруг остановился посреди комнаты, изогнулся, сразу выпрямился и заплясал матросский танец, широко размахивая ногами, отчего его широкие матросские штаны колебались в такт, как занавески. Другие матросы повскакали с мест и присоединились к нему, выделывая этот вольный танец, сатанинский танец смерти, и когда они, распалённые, вертелись в вихре забытья, вдруг остановились, и он, этот коренастый, а за ним и все другие, запевали песню смерти — смерти Равашоля (написанную в честь казнённого французского анархиста-террориста — Б.К.):

Задуши своего хозяина, А потом иди на виселицу, — Так сказал Равашоль!

И каждый из них, а коренастый больше всех и лучше всех, в такт плясу, с чувством злобы и свирепой отчаянности, при слове "Равашоль" делали быстрое движение правой рукой, как будто бы кого-то хватая за глотку и душа, и давя, шевелили огромными пальцами сильных рук, душа изо всех сил, с наслаждением, садизмом и издевательством. <...>

И опять песня смерти, и опять скользящие, за горло хватающие, извивающиеся пальцы, пальцы, душащие живых людей. <...> Рабочие комиссары негодовали и говорили, что это одно из самых опасных гнёзд, там затевались грабежи, открыто говорилось о насилиях над женщинами, о желании обысков, суда и расправ самочинных. Новое правительство они отрицали, как и всякое другое правительство. <...> Я решил ранним утром сейчас же обо всём виденном рассказать Владимиру Ильичу, так как ясно осознавал всю ту опасность, которая таилась здесь же, возле нас, под прикрытием наших рядов».

Но Бонч не был бы верным ленинцем, если бы не приискал всему тому марксистское объяснение: «В сущности анархизма у них никакого не было, а было стихийное бунтарство, ухарство, озорство и как реакция на военно-морскую муштру — неуёмное отрицание всякого порядка, всякой дисциплины».

7 января именно братва старшего Железняка ворвётся в Мариинскую больницу, где лежали видные кадеты — бывший министр А.И. Шингарев и член УС Ф.Ф. Кокошкин, — зверски убьеёт их, а потом будет долго глумиться над трупами. Всех виновных нехотя выявят, но никакого наказания они не понесут. «Шингарев был убит не наповал, два часа еще мучился, изуродованный. Кокошкину стреляли прямо в рот, у него выбиты зубы. Обоих застигли сидящими в постелях. Электричество в ту ночь в больнице не горело. Всё произошло при ручной лампочке», — записывает в своём дневнике З. Гиппиус, получавшая из Мариинской больницы прямую информацию от своего друга — лечащего врача клиники доктора И.И. Манухина.

9 января «Известия» опубликуют «Объявление по флоту», подписанное наркомом Дыбенкой: «7-го января 1918 года. В ночь с 6-го на 7-е января в Мариинской больнице города Петрограда были убиты Шингарев и Кокошкин. По показаниям служащих больницы, убийство совершено несколькими лицами в матросской форме. Это дело должно быть расследовано самым строгим образом. На чести революционного флота не может остаться обвинение в том, что революционные матросы способны убивать беззащитных врагов, обезвреженных тюремным заключением. Я призываю всех, кто участвовал в убийстве, — если это заблуждавшиеся люди, а не насильники контрреволюции — добровольно предстать перед революционным трибуналом.

Вместе с тем я призываю всех товарищей, у которых имеются сведения об этом деле, немедленно сообщить эти сведения Верховной Морской следственной Комиссии».

По Дыбенке выходило, что убийцами могли быть не обязательно насильники контрреволюции, а просто «заблуждающиеся люди».

Поиск сих «заблудших овец революции» будет тянуться долго и вяло. В конце концов их всех сыщут, но наказания из них не понесёт никто. Как и следовало, впрочем, ожидать. Ведь контрреволюционеры, даже больные и беспомощные, — с большевистской точки зрения, — не люди, не правда ли?

Как говорил герой А. Платонова, «это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента».

Вскоре умрёт и Плеханов. Узнав о его смерти, 3. Гиппиус запишет в своём дневнике: «Умер Плеханов. Его съела родина. Глядя на его судьбу — хочется повторить соблазнительные слова Пушкина:

...нет правды на земле... Но правды нет — и выше!

Он умирал в Финляндии, куда к нему не пустили даже близких друзей — он просил их приехать, чтобы проститься. После октября, когда «революционные» банды вломились к нему в Царском, стаскивали его с постели, 15 раз подряд, разные, его обыскивали (буквально), издевались и ругались над ним с последней грубостью, после всего этого внешнего и внутреннего ужаса — он уже не подымал головы с подушки. У него тогда же пошла кровь горлом, из Царского его увезли в больницу, потом в Финляндию.

Его убила Россия, его убили те, кому он, по мере всего разумения, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру быть:

1) честным; 2) культурным; 3) держаться науки и любить её. Нельзя ему быть — европейцем. Задушат. При царе ещё туда-сюда, но теперь, при Ленине, — конец».

Нет, убила Плеханова не Россия, а революция, которой он служил верой и правдой. Перефразируя Блока, революция съела его как «глупая чушка своего поросёнка». И не подавилась.

Creschendo

В общем, действовать предстояло в условиях полной неопределённости, а жизнь, как известно, коварна и непредсказуема. Тут или пан, или пропал. Но и отступать было некуда. «Нужно — значит, возможно!» — так говорил вождь переворота Троцкий. Но «возможно» — не гарантия успеха. Делать было нечего, а действовать следовало нагло и беспощадно.

Большевики готовились к разгону всерьёз. Как вспоминал Троцкий, «большевистские депутаты Учредительного Собрания, съехавшиеся со всех концов России, были, под нажимом Ленина и руководством Свердлова, распределены по фабрикам, заводам и воинским частям. Они составляли важный элемент в организационном аппарате "дополнительной революции" 5 января. Что касается эсеровских депутатов, то те считали несовместимым с высоким званием народного избранника участие в борьбе: "Народ нас избрал, пусть он нас и защищает". По существу дела,

эти провинциальные мещане совершенно не знали, что с собой делать, а большинство и просто трусило».

...Командовал парадом в тот день Дыбенко. Он был царём и богом в Питере. А то и во всей России. За ним стояла реальная военная сила. И «народные комиссары», не говоря уже о членах УС, — все были в его руках. Ещё живые. Тёпленькие.

В качестве средства психологического давления на большинство с целью провокации его на необдуманные и роковые шаги, была использована галёрка — «вольные зрители». Отбором кандидатов и выдачей им пропусков ведал М. Урицкий (в день открытия УС уличные грабители сняли с него шубу).

А что же победившее большинство, точнее, его эсеровская верхушка? На что рассчитывала она, прекрасно зная, с кем имеет дело? «Знало ли что? Или в фатум ты верило?», можно сказать, перефразируя слова поэта.

Похоже, особого желания брать на себя бремя ответственности в условиях разверзавшейся по чужой милости катастрофы у эсеров не было. А что было? А была «установка» положиться на судьбу: что будет, то и будет. Авось, народ поддержит, а то и взбунтуется, и власть падёт в руки сама. Бросать бомбы одно, агитировать мужика — другое, но брать власть — это совершенно иное, третье. Главное — не усердствовать. Но с таким настроением не побеждают, а гибнут.

Пойти до конца — своего и чужого — мог лишь наделённый не считающейся ни с чем сатанинской волей к власти, цели которой заключались для посвящённых лишь в ней самой, а разговоры о народном счастье были пустым звоном для доверчивых профанов.

Живший в народе и среди народа писатель И.Ф. Наживин — добрый знакомец графа Л. Толстого и «контрреволюционер», на глазах которого проходил избирательный марафон, называл эсеровских вождей «политическими импотентами». И куда девался их прежний кураж с бомбометанием?

А что говорили о себе и своей партии сами эсеры? «Лучшие, самые лучшие, из честных честные», по словам 3. Гиппиус. А вот, что: «Чернов — негодяй, которому мы заграницей и руки не подавали, но... мы сидим с ним рядом в Центр. Комит. партии, и партия ультимативно отстаивает его в Правительстве (писано летом 1917 года — Б.К.). Громадное большинство в Цент. Ком. партии с.-р. — или дрянь, или ничтожество. Всё у нас построено на обмане. <...> Да, у нас многие — просто германские агенты, получающие большие деньги... Но мы молчим. Многих из нас тянет уехать куда-нибудь... Но мы не можем и не хотим уйти из партии. Чистка её невозможна. Кто будет чистить?»

...Заседание открылось, вопреки всем обыкновениям, не утром, а в 16.00 — когда большевикам стало окончательно ясно, что мирные протесты сторонников УС подавлены. И всё же дело нельзя было считать окончательно выигранным. Оно осложнялось тем, что простой разгон с последующим расстрелом квалифицированного эсеровского большин-

ства был абсолютно неприемлем. «Учредилку» требовалось прикрыть без стрельбы и расправ на месте. Забегая вперёд, скажем, что «смотрящим» приходилось сдерживать особо ретивых охранников, более похожих на тюремных надзирателей, то и дело порывавшихся пальнуть пулей в ненавистных им депутатов-эсеров. Требовалась просто — без шума и пыли — прикрыть парламентскую говорильню, продемонстрировав городу и миру её полную никчёмность и контрреволюционность.

Таврический дворец напоминал в тот день осаждённую крепость: всюду солдаты и матросы, винтовки, пулемёты, гранаты и т.д. Это не они, «человеки с ружьями», находились среди «учредителей», а «учредители» среди них, взятые в плотное кольцо.

Весь Петроград представлял из себя в этот день вооруженный лагерь: большевистские войска окружали сплошной стеной здание Таврического дворца, которое было приготовлено для заседаний Учредительного Собрания.

А это — воспоминания Огановского: «Вглядываюсь в лица караульных: это "отборная" гвардия Смольного — все молодёжь — двадцатилетние юнцы, с причёсками а la сароше или со взбитыми "чёлками" кудерьками на лбу. Говорят, что в парикмахерских они, не стесняясь, платят по пятёрке за пахучие помады, которыми превращают в модные причёски торчащие белобрысые вихры бывших сапожных подмастерий и лавочных мальчишек — "попихачей". Эти "отборные" — несомненно, деклассированные отбросы рабочих кварталов, которые имеют вид альфонсов или лакеев в подозрительных притонах, дали все подписку в беспрекословном подчинении совету комиссаров, так же, как прежде жандармы давали такую же подписку, в которой отрекались и от отца, и от матери, и от родины. И так же, как эти последние, они готовы посадить на штык всякого, на кого их науськают за жирную еду, за 10 кусков сахару в день, за 25 рублей подённой платы.

Глядят и они на нас с нахальной усмешкой, папироской в углу рта, небрежно поигрывая винтовками. У иных за поясом, а у других за голенищами сапог торчат ручные гранаты. Говорят (я сам не видал), в разных залах и комнатах имеется наготове "чёртова шарманка" современной войны, новенькие пулемёты, полученные от союзников, так и не отправленные на фронт.

Среди "публики", толпящейся в зале, преобладают солдатские шинели; те же ухарские сдвинутые набекрень фуражки и искусно подвитые чёлки. Наоборот у девиц — растрёпанные причёски и наружность истеричек. Начинаешь соображать, что и публика, допущенная большевиками, тоже "отборная"…»

«Мы, депутаты, были окружены разъярённой толпой, готовой каждую минуту броситься на нас и нас растерзать», — вспоминал правый эсер Зензинов.

О характере этого навербованного и отобранного спецконтингента остались красочные воспоминания. Одно из них принадлежит Оганов-

скому: «Всё большевистское дно здесь налицо. Рабочие, вооружённые кронштадтцы, вооружённые солдаты различных полков, с красными звёздами и также вооружённые красногвардейцы. Вся эта пёстрая толпа шумит, грохочет, слоняясь из буфета в буфет.

Им нет дела ни до Учредительного Собрания, ни до высшей политики, ни до борьбы партий. Они сюда пришли, ибо их обещали напоить, накормить, наградить щедрой рукой. И они, зевая и скучая, ждут обещанного развлечения, когда им позволено будет "разыграть" буржуазных предателей, народных избранников.

Я брожу среди них. Незаметный, законспирированный своей солдатской шинелью.

Прислушиваюсь к их разговору и положительно теряюсь. Не понимаю, где я нахожусь. В Таврическом ли дворце, на открытии Всероссийского Учредительного Собрания, среди революционного народа, пришедшего послушать своих избранников, или же в уголовной тюрьме. Отборнейшая ругань, площадная и совершенно нецензурная, висит в воздухе. Добрая половина из гостей совершенно пьяна. Некоторых из них рвёт тут же в буфете. Растянувшись на мягких диванах, спят два матроса».

Для еврея Н.П. Пумпянского это были «хулиганы из чайной союза русского народа», для русских Б.Ф. Соколова и Н.П. Огановского — «банда пьяных матросов» и «становище хамоидолов».

«Хамоидолы» чётко управляемы и действуют по команде. Руководят этим тт. Драбкин («Гусев») и Урицкий.

Двери зала заседания по-прежнему закрыты. При них — вооружённые матросы.

Вспоминает Б.Ф. Соколов: «Мы, которые составляем большинство народных избранников, и которые не имеем даже достаточно силы, чтобы проникнуть в большой зал заседаний без разрешения большевиков. Ведь у дверей белого зала стоят вооружённые матросы.

Мы обсуждаем положение.

"Мы должны открыть заседание без большевистской фракции... Но больше ждать невозможно. Мы их должны предупредить".

"Бесполезные попытки. Не слушаются, смеются. — Начнём заседание тогда, — говорят, — когда Ленин прикажет. Пока сидите смирно".

"Безобразие. Позор. Надо предпринять решительные меры".

Но, что мы можем сделать?

Вся галерея полна "приглашённых". Гости это особенные, пришедшие по пригласительным билетам большевистского коменданта».

И вот час пробил: члены УС входят в отворённый зал. Вновь слово эсеру Б. Соколову: «"Товарищи, — говорят наши старосты, — только держитесь вместе. Будут избивать-убивать, всё же будет легче". И мы с чувством обречённых, мы — народные избранники, идеализировавшие ЕГО, входим в зал.

Нас встречает хохотом, диким свистом и руганью полупьяная галёрка». Так открывается Всероссийское Учредительное Собрание.

«Многие из нас, — вспоминал Зензинов, — были уверены, что не вернутся живыми домой».

Заседание открывается со взывания к заклеймённому проклятьем — пения «Интернационала». Отклонить первое же и вполне «невинное» предложение большевиков — значит, дать им повод для скандала. Эсерам скандал не нужен. Не зная слов, они подтягивают, повторяя слова за «профессионалами» хорового пения. Это о них, «любителях хорового пения», об их гимне и об их регенте — «Коровьеве» — напишет позже М.А. Булгаков.

«"Дубинушку" надо было!» — говорит мужицкий делегат-эсер. «Дубинушка», кстати, считалась в начале века «революционной песней» — ей начинались либеральные политические банкеты, бывшие формой политических митингов, совещаний и «круглых столов».

«О России-то и забыли!» — посетует другой, оставшийся неизвестным, эсеровский депутат-крестьянин. Какая ещё «Россия», мил-человек! Тут диктатура рабочих и крестьян. а «Россия» — слово контрреволюционное!

Первые же реплики представителей эсеровского большинства раздаются под хохот, разбойничий свист и ругань полупьяной галёрки.

Председатель УС В. Чернов описывал вскоре ситуацию в зале так: «Нестройные выкрики, пронзительный свист каких-то специалистов этого дела, вкладывавших в рот два пальца и наполнявших зал оглушительным посвистом, способным заполнить былинный посвист Соловьяразбойника; стража, наряженная якобы для соблюдения порядка и напрягающая все силы для произведения наибольшего беспорядка; винтовки и револьверы, направляемые время от времени с хор и из проходов по направлению к неугодным ораторам; хулиганские выходки людей, набранных в Таврический дворец, чтобы инсценировать "народное сочувствие" большевикам, и потому чувствующих себя вправе "располагаться, как дома" и класть ноги на стол».

И галёрка, и народные комиссары вели себя, по словам Чернова, «словно толпа буйных умалишённых». По традиции, заседание открывает старейший по возрасту депутат. Им оказывается бывший «ходок в народ» С.П. Швецов. Слышны крики «Самозванец!» Будто не все собравшиеся в Таврическом самозванцы. К нему подскакивает, словно выпрыгнувший из табакерки, Свердлов и пытается согнать старика с трибуны. Возникает лёгкая потасовка. Швецов едва успевает произнести «Объявляю заседание Учредительного собрания открытым!» и сходит с трибуны. Лужёная глотка Свердлова исторгает «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Дебют разыгран. Правда, играют сегодня отнюдь не в шахматы.

В одной из лож сидит Ленин. В Таврическом он не в качестве члена УС (это было бы унижением власти!), а в качестве председателя правительства, официально считающегося временным, хотя и народным. Он мертвенно бледен, как отмечал следовавший за ним тенью Бонч-Бруевич.

Нервы у Ленина на пределе. В этот день у него украдут из кармана пальто браунинг. Зачем он брал с собой на заседание оружие? Поиграть в ковбоя? В кого собирался стрелять? Вора найдут — им окажется охранник — и тут же расстреляют в Таврическом саду, дабы не ходить далеко.

А покуда сидящего в ложе и блестящего лысой головой правителя России изучает молодой эсер Б. Збарский. Через шесть лет он станет потрошить труп Ильича и готовить его к длительному (в идеале — вечному) хранению.

Долго и нудно выбирают («баллотируют») Председателя. Галёрка устремляется в буфет. Истерики на время прекращаются.

Кандидат от большевиков и левых эсеров — «икона ревстиля» психически нездоровая Маруся Спиридонова сходит с дистанции. Председателем, как и ожидалось, избирается В.М. Чернов. Он едва не стал премьером Временного правительства — власть естественным образом плыла к нему в руки. Но три месяца назад его карьеру испортили большевики.

Allegro

Игра переходит в миттельшпиль. И вновь свист, улюлюканье, гвалт, выкрики. Не хватает лишь стрельбы.

На трибуну забирается большевик И.И. Скворцов-Степанов. А мы предоставим слово Раскольникову: «Иван Иванович (Скворцов-Степанов — Б.К.), как теоретик, даёт урок политграмоты нашим врагам.

— Как это можно, — недоумевает он, — апеллировать к такому понятию, как общенародная воля... Народ не действует в целом. Народ в целом — фикция, и эта фикция нужна господствующим классам. Между нами всё покончено. Вы — в одном мире с кадетами и буржуазией, мы — в другом мире с крестьянами и рабочими. Впоследствии Скворцов-Степанов с гордостью рассказывал мне, что его речь была одобрена Лениным. <...> Наши на каждом шагу перебивают оратора презрительными насмешками, иронией, издевательством».

Машинистка из бюро Урицкого Е.П. Селюгина вспоминала в 1956 году: «Пока говорят наши, большевики, мы сидим тихо, а когда другие, мы по сигналу Гусева свистим, трещим и кричим, что он нам подскажет: "Сколько тебе Антанта заплатила?" или "Долой войну!" или ещё что. А то просто свистим и трещим. На следующий день в газетах друг другу показываем. Председатель: "Граждане в дипломатической ложе! (А это — мы!) Если вы не прекратите шуметь, я прикажу вас вывести из зала!" А кому он прикажет? Матросам? Толе Железнякову? В перерывах нам Гусев давал каждому особое задание — нужно было помешать делегатам собраться на фракционные собрания. И вот я со своим бантиком на голове выплясываю перед каким-то высоким грузином и пристаю: "Что вы думаете о мире без аннексий и контрибуций?", "А вы не против восьмичасового рабочего дня?" А он отводит меня рукой в сторону и повторяет: "Девочка, тебе пора спать, иди домой". А я опять прыгаю перед ним. Я уж потом подумала, может, он не на фракционное собрание хотел, а про-

сто в уборную, а тут я со своим бантиком и вопросами. И так мы на всех заседаниях...»

Эсеры сидят, как изваяния, демонстрируя феноменальную выдержку и дисциплину. Они готовы ко всему. Даже к расстрелу. А тем временем большевики... Вновь слово очевидцу и участнику событий — на сей раз секретарю УС М. Вишняку: «Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи».

Воспоминания похожи одно на другое. Самое главное, что то же самое рассказывают и большевики: всё те же Бонч и Раскольников.

Большевистское меньшинство делает следующий ход: оно покидает собрание после заявления, зачитанного Ф.Ф. Раскольниковым, — незадавшимся дипломатом, а в скором времени большевистским литератором и чиновником от литературной цензуры — завистником и ненавистником М. Булгакова. Вслед за ними поспешат ретироваться и левые эсеры. Эсеровское большинство остаётся. Теперь оно предоставлено самому себе.

Игра переходит в эндшпиль. Но караул уже устал. Ленин приказывает подождать, когда «учредители» выдохнутся, закончат работу и разойдутся. Назавтра никто их в Таврический не пустит. Но «диктатор» Дыбенко решает продемонстрировать, кто в доме главный, и дерзит Ильичу: «Где гарантия, что завтра не полетят матросские головы?» Затем отдаёт приказ матросу Железнякову разогнать собравшихся. Готовый, по его собственным словам, расстрелять хоть миллион двуногих, тот понимает, что за игнорирование приказа главы правительства его самого могут прислонить к шершавой стенке. А это уже совсем иной сюжет! Но есть и непосредственное начальство, приказ которого «закон для подчинённых». Железняк просит Ленина отдать письменный приказ тов. Дыбенке. Ленин шутя отмахнется. Он не захочет оставлять следов и переть на рожон. И будет таков — перечить Дыбенке нынче не след.

Дыбенко же приказывает: «Исполняй!» Теперь, «ежели что», шлёпнут его, Толю Железняка. Но делать нечего. Железняков подходит к Чернову, кладёт ему руку на плечо и что-то говорит. Что именно — не слышно. Но явно какую-то историческую фразу.

Чернов закрывает заседание и просит собравшихся явиться назавтра в 17.00 для продолжения работы Учредительного собрания. «Учредители» покидают зал. Двери за ними запираются.

Навсегда.

Через пару дней в Москве на Красной площади у Никольских ворот был отслужен молебен в знак протеста против разгона Учредительного собрания.

Не поздновато ли мы тогда спохватились?

И кто же праздновал свержение православного царя?

Пушкин?

Теперь с Россией можно было делать всё, что угодно.

Спустя сутки Ленин по привычке напишет: «"Я потерял понапрасну день, мои друзья". Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января. <...> Это ужасно! — Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий "социального", луиблановского фразёрства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое».

Как в воду глядел!

Статью свою он не закончит. Напечатана же она будет в «Правде» за 21 января 1926 года — во вторую годовщину со дня смерти автора.

Да, трупная тематика была сквозной темой и навязчивой идеей Ильича. Он и «всякого боженьку» называл «труположством». А на вопрос, заданный ему однажды «всесоюзным старостой» Калининым, чем заменить религию («духовную сивуху»), задумался и ответил: «Театром».

Как вспоминал в 1924 году Троцкий, Ленин говорил ему по поводу разгона Учредительного собрания: «"Конечно, было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, — очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного Собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твёрдый". Так теоретическое обобщение шло рука об руку с применением латышского стрелкового полка. Несомненно, что в то время должны были окончательно сложиться в сознании Ленина те идеи, которые он позже, во время первого Конгресса Коминтерна, формулировал в своих замечательных тезисах о демократии».

Сам Троцкий выскажется по сему поводу в своей броской манере: «В лице эсеровской учредилки февральская республика получила оказию умереть вторично».

И чуть ниже: «Была маленькая и жалконькая арьергардная демонстрация сходящей со сцены "демократии" <...> Раздутые фикции лопнули, дешёвые декорации обвалились, напыщенная моральная сила обнаружила себя глуповатым бессилием. Finis!»

Как писал в своих мемориях Ф. Раскольников, «когда на другое утро Дыбенко и я рассказали Владимиру Ильичу о жалком конце Учредительного собрания, он, сощурив карие глаза, сразу развеселился.

— Неужели Виктор Чернов беспрекословно подчинился требованию начальника караула и не сделал ни малейшей попытки сопротивления? — недоумевал Ильич и, глубоко откинувшись в кресле, долго и заразительно смеялся».

Смех-то был нездоровый. Через полтора десятка лет любимчик партии Бухарчик разговорится в дороге с соседом по железнодорожному купе: «В ночь разгона Учредительного собрания Владимир Ильич позвал меня к себе. У меня в кармане пальто была бутылка хорошего вина, и мы (следовало перечисление) долго сидели за столом. Под утро Ильич попросил повторить что-то из рассказанного о разгоне Учредилки и вдруг

рассмеялся. Смеялся он долго, повторял про себя слова рассказчика и всё смеялся, смеялся. Весело, заразительно, до слёз. Хохотал.

Мы не сразу поняли, что это истерика. В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем».

Что ж,

Пей, и дьявол тебя доведёт до конца. Йо-хо-хо, и бутылка рому!

... Через два месяца после разгона УС Горький отпишет своей первой и единственно законной жене Е. Пешковой, похоже, единственному человеку, с которым он мог говорить откровенно на любые щекотливые темы: «Здесь, "когда начальство ушло" (*т.е. бежало в Москву* — *Б.К.*), все его ругают, и особенно крепко — рабочие, что вполне естественно, ибо никогда ещё и никто не обманывал так нагло рабочий класс, как обманул его Ленин. Плохо, брат! Так плохо, что опускаются руки и слепнут глаза».

Это «когда начальство ушло» тоже весьма знаменательно: ведь это название книги В.В. Розанова о бунтах 1905 года.

После бала

Через несколько дней после разгона УС в Первопрестольной отпевали демократию, право и законность. Разгон УС наталкивал на единственно возможный вывод: бороться с большевизмом политическим и правовыми средствами — невозможно. Как невозможно увещевать добрым словом и апелляцией к праву и закону главарей и членов бандитского кодла. Остаётся лишь путь вооружённой борьбы. Сознавали ли большевики последствия своего решения — Бог весть. Во всяком случае, руководила ими иная идея: утвердить свою власть во что бы то ни стало, а средством обоснования её служили не какие-то лживые «буржуазные химеры», а собственная воля. И делалось это демонстративно.

Разгон Учредительного собрания ознаменовал собой и окончательное падение страны в правовой нигилизм и, как следствие, в политический беспредел. Лживая маска февральской «законности» спала, и все узрели морду зверя.

...Все усилия получить разрешение на перевозку тел покойных Шингарева и Кокошкина в Москву оказались безрезультатными. Власти боялись, как бы это не вызвало слишком опасной демонстрации.

«Панихида, — писал известный кадет и масон Л.А. Кроль, — состоялась при невероятном стечении народа. Присутствовал весь наличный в Москве состав ц. к. По окончании панихиды, при выходе, как-то невольно все остановились. Получилась весьма импозантная живая картина. Вся монументальная лестница храма была усеяна публикой, а наверху её резко выделялась знакомая москвичам фигура проф. Новгородцева. Импровизированный молчаливый митинг протеста говорил сильнее всяких слов. Очевидно, это действовало даже на большевиков. Несомненно, что их шпиков тут было вполне достаточно.

Но арестовать членов ц. к. тут же не рисковали, хотя через несколько часов на их квартиры являлись.

Тяжело переживали разгон УС записные русские либералы, приложившие свою длань к сокрушению "старого режима", например, А.Ф. Кони. Сановник, стяжавший известность защитой революционеров; человек, никогда не погрешивший против совести; государственный деятель, оказавшийся в плену предрассудков своего века и не разглядевший пророка в своём старшем современнике Достоевском... <...>... свержение Временного правительства и особенно разгром Учредительного собрания потрясли Кони. Потрясли настолько, что дальше он жил уже раздвоенным, наполовину отрёкшимся от себя. В этом я видел неизбежную судьбу таких вот честно заблуждающихся людей XIX века, заворожённых багровыми отсветами слова РЕВОЛЮЦИЯ...»

Совесть Кони оказалась... «с душком» — либеральным, антимонархическим, а по сути антигосударственным. Отрезвили ли его последующие события — Бог весть. Но вот его клиентка — одержимая идеей революции В. Засулич — тоже пришла от свершившегося в ужас.

Нельзя сказать, чтобы политические силы оставили разгон УС и расстрел его сторонников без внимания. Так, ЦК РСДРП(о) (объединенной, m. e. меньшевистской — Б.К.) принял Резолюцию, в которой чёрным по белому стояло:

«5 января

Ввиду произведённого в Петрограде расстрела мирной рабочей демонстрации, выступившей для поддержки Учр. Собрания, и ввиду того, что повсюду в провинции большевистская власть сделала такие же приготовления к кровавому подавлению рабочего движения, ЦК РСДРП (объединённой) постановляет:

- 1. Немедленно оповестить обо всём происшедшем весь рабочий Интернационал.
- 2. Призвать все партийные организации к проведению широкой кампании протеста против расстрела рабочих и к организации демонстративных похорон жертв большевистского террора, приурочив их по возможности к 9-му января.

Всюду, где местные Советы взяли на себя ответственность за расстрел мирных демонстрантов и где в этих расстрелах принимала участие красная гвардия, рекомендовать рабочим немедленные перевыборы в Советы и отозвание красногвардейцев, выступивших против своих братьев.

ЦК РСДРП (объединённой) призывает всех рабочих к революционной выдержке. Никаких актов мести! Рабочее дело победит, хотя две партии, именующие себя социалистическими (бол[ьшевиков] и лев[ых] с.-р.), изменив рабочему классу, обагрили свои руки в пролетарской крови».

Выпустит свою листовку и плехановское объединение «Единство»: «Учредительное собрание разогнано насильниками. Это произошло потому, что на стороне господствующего меньшинства находится большинство людей вооружённых. 5 января 1918 года показало это весьма нагляд-

но. События этого и последующих дней с большой ясностью обнаружили истинную сущность нынешней власти, её тиранический характер».

Следует сказать, что не менее жестко выступило «Единство», входившее во «Всероссийский Комитет спасения Родины и революции» и против самого октябрьского переворота. Им было выпущено воззвание: «Гражданам Российской республики!», в котором была дана характеристика происшедшему событию: «Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всеми желанный мир. Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание. Не признавайте власти насильников».

Но всё это уже было лишь пустым сотрясанием «воздухов».

Уже на следующий день после разгона УС большевистские «Правда» и «Известия» разразятся хулой по адресу «учредителей». Их назовут «прислужниками банкиров, капиталистов и помещиков», «объявившими войну завоеваниям октября и революции», «непримиримо-враждебными трудящимся», «врагами народа», «убийцами из-за угла» (намёк на эсеровское прошлое — E.K.), «холопами американского доллара» (странно, что не немецких рейхсмарок — E.K.), «агентурой контрреволюционной буржуазии», которая, как писали «Известия», «не будучи в состоянии одолеть трудящихся в открытом бою, решила взять их измором, тихой сапой». Учредительное собрание «осудило себя само. Оно учинило над собой харакири». Заканчивалась заметка словами Ф. Шиллера:

Мёртвый, в гробе мирно спи: Жизнью пользуйся живущий!

Незадавшийся литературный критик Троцкий назовёт Учредительное Собрание «упразднительным собранием», поскольку-де «оно имело единственной целью упразднить все завоевания октябрьской революции».

Весьма «изящен» в стилистическом отношении был и Декрет о роспуске Учредительного Собрания. В нём повторялся совершенно неприличный, если не сказать жульнический, тезис о том, что УС было выбрано по спискам, составленным до октябрьской («октябрьской» с прописной литеры — Б.К.) революции, а потому крестьяне, дескать, просто не могли проголосовать за левых эсеров. Но ведь вся Россия знала и не могла не знать, что раскол эсеров на «правых» и «левых» начался ещё во время подготовки выборов в УС, а в ряде губерний — Воронежской, Вятской, Тобольской — левые эсеры выставили свои списки, но потерпели жестокое поражение. Тем не менее, сей большевистский миф переживёт саму советскую власть и войдёт в учебники истории страны.

Однако читаем дальше: «Трудящимся пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма. <...> Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма, и Учредительное Собрание

было бы теперь шагом назад и крахом всей октябрьской рабоче-крестьянской революции...<...> Вне стен Учредительного Собрания правые эсеры и меньшевики ведут открытую борьбу против Советской власти, призывая в своих органах к свержению её, объективно этим поддерживая сопротивление эксплуататоров переходу земли и фабрик в руки трудящихся.

Ясно, что оставшаяся часть Учредительного Собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции за свержение власти Советов». Налицо, как видим, ложь и демагогия как фирменный стиль большевизма.

Резолютивная часть была коротка: «Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет: Учредительное Собрание распускается».

А еще через две недели — 18 (31) января — созванный в ураганном порядке некий III Всероссийский Съезд Советов одобрит Декрет о роспуске Учредительного Собрания и примет решение об устранении из законодательства указаний на временный характер советского правительства («впредь до созыва Учредительного собрания»). Из приличий на съезд будут допущены в гомеопатических дозах меньшевики, среди которых отметится своим остроумием Ю.О. Мартов.

Разогнанные «учредители» подались в бега и 8 июня 1918 года организовали в Самаре Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания («Комуч» или «КОМУЧ») — первое антибольшевистское всероссийское правительство России. Правду сказать, сие стало возможно благодаря взбунтовавшимся нежданно-негаданно бывшим пленным чехословакам. История сия темна и мутна. А 23 сентября Комуч поучаствовал уже в организации Временного (очередного временного! — Б.К.) Всероссийского правительства — так называемой «Уфимской Директории». Реально её власть распространялась на часть Поволжья и южного Урала. Директорствовали директоры недолго: через два месяца их разогнали нагайками казаки А.В. Колчака. Адмирал был человек серьёзный и бомбистов с болтунами на дух не переносил.

Когда учредителей-директоров рассаживали по вагонам, оркестр на перроне исполнял народный гимн «Боже, Царя храни!», что вызвало открытое возмущение представителя Антанты генерала М. Жанена — «генерала без чести» — в скором времени убийцы адмирала Колчака.

Назвать акцию адмирала переворотом, как это часто можно слышать, не поворачивается язык, ибо какая бы то ни было «легитимность» в условиях гражданской войны становилась издевательством не только над правом и идеей права, но и житейским здравым смыслом.

Кто из учредителей смог, тот сбежал за границу или был выдворен Колчаком за пределы России. Кому не посчастливилось, — приняли от адмирала почётную смерть от пороха и свинца. Кто-то же должен был наказать нераскаявшихся и нераскаянных бомбистов?

Смута накрыла Россию.

Самозванцы ополчились против самозванцев. Временные против временных.

Ради созыва Учредительного Собрания свергалось Временное правительство. Свергнувшие объявили своё правительство тоже временным, но подчиняться Учредительному Собранию оно не собиралось и уже не хотело быть временным: объявило себя постоянным. Изгнанные «учредители» создали своеё временное правительство, но их ликвидировали другие временщики. А те, кто объявил себя постоянными, стали со вкусом соревноваться на длину ножа. Вот и вся печальная история с Учредительным Собранием.

После его разгона ленинский коммунизм продолжит своё яростное наступление на людей. «Обнулятся» все сбережения в ценных бумагах, будут аннулированы государственные займы, ликвидированы государственные облигации, которыми владели граждане, в двухнедельный срок всех обязали сдать всю имеющуюся на руках валюту. Будет отменена частная собственность на недвижимость в городах, начинается «уплотнение» и выселение. Будет упразднено право наследования — всё нажитое людьми будет передаваться «пролетарской диктатуре».

Будет введён единовременный чрезвычайный десятимиллиардный налог с имущих лиц: для Москвы — 2 млрд. руб., для Московской губернии — 1 млрд. руб., для Петрограда — 1,5 млрд. руб. Ленинским декретом местным органам власти будет предоставлено право «устанавливать для лиц, принадлежащих к буржуазному классу, единовременные чрезвычайные революционные налоги», которые «должны взиматься преимущественно наличными деньгами».

А подача электричества станет признаком того, что ночью будут проводиться очередные обыски, аресты и конфискации.

И символом этого коммунизма мог бы стать ленинский череп со скрещёнными под ним костями. Но от этого ленинского коммунизма, равнозначного погибели, страну спасут кронштадтские бузотёры и тамбовские повстанцы.

Приложение. Финал-апофеоз

Теперь о судьбах членов УС. И начнём мы с проигравших — кадетов и эсеров. Сначала о меньшинствах — о партии Народной свободы, а в просторечии — кадетов, силы которых в городе так опасался товарищ Сталин.

По декрету СНК были арестованы 2 депутата Учредительного собрания от Конституционно-демократической партии (кн. П. Долгоруков и Ф. Ф. Кокошкин) и 2 бывших министра Временного правительства (В.А Степанов и А.И. Шингарев). 7 января 1918 года двое из них — Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарёв — были зверски убиты в Мариинской тюремной больнице пьяной братвой Железняка-старшего.

Но были и другие.

Коновалов А.И. — крупный предприниматель, депутат Государственной Думы. Министр торговли и промышленности Временного правительства. Масон высоких градусов. 25 октября арестован и препровождён в Петропавловскую крепость. Находясь в заключении, был избран членом УС. 5 января 1918 года сидел в крепости. Освобождён в начале января 1918 года и уехал во Францию. Умер в Париже в 1949 году.

Кутлер Н.Н. — убеждённый либерал, противник русского самодержавия. Неоднократно арестовывался большевиками. Первый раз — 29 декабря 1917. При аресте случайно был ранен. Освобождён 26 января 1918. Встречался с коллегой по УС — Ульяновым-Лениным. Введён в состав правления Госбанка РСФСР, работал также в Наркомфине. Один из организаторов денежной реформы 1922—1924 гг. Едва не стал членом коллегии Наркомфина. Против его назначения бурно протестовал «железный Феликс». Скончался в Москве в мае 1924 года. Важной частью церемонии его похорон стала киносъёмка — честь, которой удостаивались далеко не все высокопоставленные коммунисты.

Маклаков В.А. — адвокат, общественный деятель. Депутат Государственной Думы. Ярый противник русского самодержавия. Масон высоких градусов. Один из защитников Бейлиса. Членом УС был избран, будучи во Франции. В апреле 1941 года арестован гестапо, пробыл пять месяцев в заключении. В декабре 1917 года тайно переправил в США часть архивов Охранного отделения. Надо полагать, знатный компромат на революционную шатию-братию. В 1945 году посетил советское посольство во Франции. Умер в 1957 году в Париже.

Милюков П.Н. — в представлении не нуждается. Масон. В деятельности УС не участвовал, так как гостил в это время у генерала Алексеева на Дону. Искренне радовался победе советских войск под Сталинградом. Умер в Савойе в 1943 году.

Новгородцев П.И. — один из крупнейших русских теоретиков права. Уплыл из России на философском пароходе и умер в Праге, на три месяца пережив своего коллегу по УС — Ульянова-Ленина. Перед смертью публично каялся в своих и чужих либеральных грехах, а также в том, что стеснялся использовать в политическом лексиконе слово «русский».

Винавер М.М. — адвокат, член Государственной думы. В 1919 году бежит из Москвы в Крым, где становится министром внешних сношений. Умер в 1926 году во Франции.

Астров Н.Н. — товарищ комиссара Временного правительства в Москве. Затем Московский городской голова. Один из главных советников генерала А.И. Деникина. Умер в Праге в 1934 году.

Родичев Ф.И. — горячий поклонник Герцена. Ярый противник русского самодержавия. В 1876 году отправился добровольцем на войну сербов и черногорцев против турок. Позднее вспоминал: «Летом 1876 я поехал волонтёром за Дунай отыскивать свободу. Мне всё мерещились Лафайет или Костюшко. Я считал, что дело свободы славянской есть дело свободы русской». Депутат Государственной Думы. Думский цицерон. Автор мема «столыпинские галстуки». Комиссар Временного правительства по делам Финляндии. Противник её отделения от России. В 1919 г. направлен командованием Добровольческой армии в Сербию, где агитировал за создание сербских легионов для участия в борьбе против большевиков. В 1920 г. представитель Добровольческой армии в Польше. Умер в Лозанне в 1933 году.

Трагично сложилась лишь судьба **Л.А. Велихова** — публициста, депутата Государственной Думы, февралиста. Он остался в России, был профессором Педагогического института, преподавал на хозяйственных курсах и в совпартшколе. С 1921 профессорствовал в Ростовском университете по кафедре политической экономии. Получил степень доктора философии. Осенью 1923 года был арестован. От почётной должности агента-осведомителя отказался. Вернулся к преподаванию. В 1937 году получил инвалидность 2-й группы и вышел на пенсию. В августе 1938 года был арестован. Обвинялся по 58-й статье в органи-

зации террористической группы. Допрашивал его В.С. Абакумов (тот самый). Приговорен к 8 годам лагерей. По имеющимся сведениям, умер в 1942 году в Березняковском лагере.

Трудно сказать, повезло или не повезло назначенному Временным правительством председателю комиссии по выборам в УС («Всевыборы») В.Д. Набокову (отцу писателя В.В. Набокова) — аристократу-фрондёру, гордецу и убеждённому противнику русской монархии.

Он, как и другой председатель комиссии (но уже от большевиков) Урицкий тоже был избран в Петрограде в УС. Набоков счастливо избежит ареста, уедет в Крым, а оттуда — за границу. Как и Урицкого, его тоже застрелят. Это случится в 1922 году в Берлине. В пылу борьбы он попадётся под руку русскому монархисту, покушавшемуся на П.Н. Милюкова. По словам нападавшего, причиной покушения стала месть за сознательную клевету экс-приват-доцента на последнюю государыню.

И.А. Бунин напишет о Набокове некролог под титлом «Великая потеря».

Право же, за свою долгую жизнь выдающийся русский писатель мало о ком сказал доброе слово.

А теперь о судьбах главных «героев» УС — видных эсерах и их «разгонщи-ках». Начнём с потерпевших.

Чайковский Н.В. («Дедушка русской революции»). — Видный масон. Входил в руководство «Великой ложи Франции». Эмигрировал в 1919 году. Умер в 1926 году в Англии.

Брешко-Брешковская Е.К. («Бабушка русской революции») — умерла в 1934 году в Чехословакии.

Пумпянский Н.П. — террорист, участник покушения на П.А. Столыпина. На Забайкальском Войсковом казачьем круге в августе—сентябре 1917 г. призывал казачество «снять с себя пятно опричнины». С 1919 г. — уполномоченный Сибирского правительства на КВЖД. Затем плавно перетёк на советскую службу в Харбине, став Главой правления КВЖД в Мукдене. Помер своей смертью в 1932 году в Пекине.

Минор О.С. — юрист. Сын раввина. Был приговорен к 10 годам каторги. Член ЦК партии эсеров, редактор газеты «Труд». Едва не был убит во время заседания УС. С 1919 года в эмиграции. Возглавлял Политический Красный Крест. Умер в 1932 году в Париже.

Руднев П.П. — дворянин. Трижды арестовывался в царское время. С началом Великой войны ушёл на неё добровольцем. Служил врачом на госпитальном судне. Московский городской голова. После октябрьского переворота созвал экстренное заседание думы, на котором заявил, что Москва не будет подчиняться советам. Глава Комитета общественной безопасности по борьбе с большевиками. С 1919 года в эмиграции. Соиздатель журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Умер в 1940 году во Франции.

Шрейдер Г.И. — городской голова Петрограда. Возглавлял Комитет общественной безопасности, созданного для сопротивления большевистскому перевороту. Подвергся аресту за отказ распустить городскую думу. Бежал. В 1919 году выслан за границу по распоряжению командования Вооруженных сил Юга России. Умер в 1940 году в Париже.

Чернов В.М. — идеолог террора, автор воспоминаний, книжки «Русское в еврейском и еврейское в русском» и очерка «Мои дороги и тропинки к еврейству». Умер в 1942 году в США.

Авксентьев Н.Д. — видный масон. В 1918 году арестован и выслан за границу. Автор монографии «Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше» (1906). Соиздатель журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Умер в 1943 году в США.

Зензинов В.М. — купецкий сын. Член БО («Боевой организации») эсеров. Из Германии туманной привёз учености плоды. Орнитолог и этнограф. Автор книги о русских поморах «Старинные люди у Холодного океана». Боевик и смутьян, член ЦК партии эсеров. Под звуки народного гимна «Боже, Царя храни!» выслан из России А.В. Колчаком.

Во время советско-финской войны, пользуясь старыми связями с финнами, приехал в Финляндию, где ему организовали встречи с советскими военнопленными. По материалам собранных втайне от финского командования писем и разговоров с пленными опубликовал в 1944 году в Нью-Йорке книгу «Встречи с Россией. Письма в Красную армию 1939-1940 гг.» (размещена в сети Интернет). Умер в 1953 году в США. Историк эсеровского террора. Из Зензинова: «Террористический акт есть акт, прямо противоположный самоубийству — это, наоборот, утверждение жизни, высочайшее проявление ее закона». Такого не предусмотрел даже Достоевский.

Церетели И.Г. — министр почт и телеграфа Временного правительства. Сторонник независимой Грузии. В 1919 году её представитель на Парижской (Версальской) конференции. Парламентский цицерон. С 1921 года в эмиграции. Умер в 1959 году в США.

Вишняк М.В. — активный участник бунта в Москве в 1906 году. Секретарь УС. С 1919 года в эмиграции. Публицист. Автор ряда статей по истории и праву. Соиздатель журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1940). В 1946–1958 — редактор русского отдела американского еженедельника «Тайм». Умер в 1976 году в США.

Сорокин П.А. — своей работой по вопросу статистики разводов населения Петрограда разъярил Ильича. В 1922 году выслан за границу. В отличие от своих учёных коллег, уплывших на пароходе, уехал из России на поезде. Классик мировой социологической науки. Умер в 1968 году в почёте и славе в США.

Швецов С.П. — бесхитростный русский мужик (по натуре), дворянин по происхождению. Ходил в народ, был чернорабочим. В 1879 году приговорён судом к лишению всех прав состояния. Каторжный. В 1905 году — активный смутьян. По подавлении бунта — эмигрант. После разгона УС ушёл в науку. Тихо занимаясь географией, умер своею смертью в 1930 году в Ленинграде.

Фигнер В.Н. — профессиональный борец за народное дело, жертва царского режима, «подорвавшая своё здоровье в царских казематах». Дожила до 90 лет и умерла, оставаясь на свободе, в 1942 году. В 1933 году Совнарком увеличил ей пенсию. О себе она говорила: «Я часто думала, могла ли моя жизнь <...> кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз отвечала себе: нет!»

Никонов С.А. — врач-убийца. Натуральный. Потомственный дворянин. Сын царского адмирала. Подельник А. Ульянова. Участник подготовки покушения на императора Александра III, организатор «Боевой дружины эсеров», организатор и участник третьего покушения на адмирала Г.П. Чухнина. Его племянник Б.А. Никитенко казнён в 1907 году за попытку покушения на императора Николая II.

При советской власти неоднократно арестовывался, но по ходатайствам сестры Ленина А. Ульяновой-Елизаровой неизменно отпускался на волю. Спокойно пережил сезон 1937–1938 гг. Умер в 1942 году в блокадном Ленинграде.

Соколов Б.Ф. — врач-бактериолог. С 1916 года на фронте. Поручик. Врачинфекционист. При гетмане П.П. Скоропадском — сотрудник Бактериологического института при университете Св. Владимира в Киеве. В 1918 г. выехал во Францию. По возвращении в Россию вошёл в состав правительства Северной области. Был арестован большевиками. Выпущен за границу, жил в Чехословакии. Журналист, писатель, автор научных исследований по онкологии. В 1924 году защитил магистерскую диссертацию по протистологии в Праге. Умер в 1979 году в США.

Огановский Н.П. — автор воспоминаний и записок о работе УС. В 1931 году арестован и приговорён коллегией ОГПУ к пяти годам лишения свободы. В 1933 выслан на оставшийся срок в Башкирию. В 1935 после окончания срока ссылки остался жить в Уфе. По некоторым данным, расстрелян в 1938 году. Реабилитирован в 1989 году.

Гоц А.Р. — идеолог терроризма и убийца. Один из немногих членов эсеровского большинства в УС, кому не слишком повезло. В момент работы УС находился в розыске. Брать его прямо в Таврическом не решились (дабы не нарушать парламентский иммунитет). Бежал, невзирая на усиленную охрану дворца. В 1922 году пойман и приговорён к высшей мере наказания. Два года ожидал казни. В 1924 году расстрел был заменён на 5 лет тюрьмы. Через год сослан на три года на родину Ильича в Симбирск, ставший к тому времени Ульяновском. В 1937 году вновь арестован, а в 1939-м приговорён к 25 годам лагерей. Умер в КрасЛаге в 1940 году.

Не повезло и террористу-боевику из банды Б. Савинкова **Е.Е. Колосову** — потомственному бунтарю и перманентному сидельцу. Участник вооружённого бунта в Москве в декабре 1905 года. Два года отсидел в крепости. Бежал в Финляндию, оттуда перебрался во Францию, затем в Италию. В 1916 году вернулся в Россию и вновь был арестован. При советской власти арестовывался трижды, причём вместе с женой. Оба расстреляны в 1937 году.

Главным же выгодоприобретателем от всего случившегося станет **Борис Ильич Збарский**. На трупе Ильича он сделает блестящую карьеру: станет профессором, действительным членом Академии медицинских наук, Героем Социалистического Труда, кавалером трёх орденов своего подопечного Ленина, лауреатом Сталинской премии.

Трупу он отдаст всю свою жизнь и станет его верным рабом, без которого не будет мыслить своего существования. Он будет холить и лелеять прах своего политического врага и невольного благодетеля вплоть до своего ареста, последовавшего в 1952 году. Предлог его звучал вполне абсурдистски — «недостаточное отражение в брошюре "Мавзолей Ленина" роли товарища Сталина в Великой Октябрьской социалистической революции». Любопытно, что брошюрка сия выходила в главном издательстве страны — Госполитиздате — по крайней мере дважды: в 1945 и 1946 гг., — и никаких претензий к её содержанию вплоть до 1952 года не возникало. Похоже, это Ильич подшучивал из гроба над своим санитаром, бывшим когда-то его политическим противником.

На волю Борис Ильич выйдет лишь после смерти другого вождя, потрошить труп которого ему уже не доведётся. На это дело поднимутся новые бойцы — его ученики.

Збарский умрёт в 1954 году — через тридцать лет после смерти своего клиента и работодателя.

Петлюра С.В. (тот самый). — стоит в сем списке особняком. Исключён из Полтавской духовной семинарии. Главный редактор издававшегося в Москве

журнала «Украинская жизнь». Позднее политические противники обвиняли его в русофильстве. Диктатор укродиректории. Масон. Великий мастер «Великой ложи Украины». Куратором украинских лож в 1913-1916 годах был А.Ф. Керенский. Состоял в одной ложе с гетманом П. Скоропадским и способствовал его первому побегу из Киева при наступлении красных. Убит в мае 1926 года в Париже приятелем Н. Махно поэтом С. Шварцбурдом. Есть веские основания полагать, что это была масонская казнь за ослушание и самодеятельность в «украинском вопросе». Похоронен на элитном кладбище Монпарнас в двух шагах от могилы обожаемого им Мопассана.

Гуковский А.И. — сын военврача. Публицист. Исключён из Московского университета. В момент работы УС находился под арестом в Петрограде. В 1919 году эмигрирует во Францию. Соиздатель журнала «Современные записки» (Париж). Наложит на себя руки в 1925 году в Париже. Его сын Евгений будет расстрелян в 1938 году.

Фундаминский (Фондаминский)-Бунаков И.И. — из купцов 1-й гильдии. Учился на философа в Гейдельберге. С 1901 г. эсер. Боевик. Цицерон. Участник Московского бунта 1905. Несколько раз арестовывался, в т. ч. за участие в бузе на крейсере «Память Азова». Масон. Комиссар Черноморского флота (до октября 1917 года). С 1919 года — в эмиграции. По мнению известного историка и мыслителя Г. П. Федотова, «собрал наиболее богатый материал для понимания души русского самодержавия». Принял православие. Соиздатель журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1940).

В 1940 году во Франции он напишет: «Россия — особый мир. Мир великий и самобытный — отличный от европейского: по земле, по крови, по вере, по политическому строю — по всему ходу истории. <...> Историей всякого народа руководит Провидение, но русской историей — в особенности. Ни одна история не заключает в себе столько чудесного и сверхъестественного. Соображая события, её составляющие, невольно думаешь, что перст Божий ведёт Русский народ, как будто древле иудеев, к какой-то высокой цели».

Так говорил Пушкин.

Погиб в Аушвице (Освенциме) в 1942 году.

В 2004 году канонизирован Константинопольской православной церковью.

Что объединяет проигравших — кадетов и эсеров? Объединяет их то, что все они за редкими исключениями боролись за свободу своей страны и умерли в свободных странах.

А теперь о судьбах наиболее видных победителей УС — большевиках и левых эсерах.

«Да где у нас диктатура? Да покажите её! — будет яриться перед смертью своего коммунизма Ильич. — У нас — каша, а не диктатура». А позже, пребывая в гневе, выпалит: «Нас всех надо вешать на вонючих верёвках», выразив надежду, что когда-нибудь «поделом повесят».

Вешать на веревках — это понятно. Но отчего же именно на «вонючих»? Так мог говорить лишь извращенец.

Через полвека соратник Ильича, В.М. Молотов, беседуя с поэтом Ф. Чуевым, скажет по поводу этой пресловутой «каши»: «На месте стрелять, и всё! Такие вещи были. Это не по закону. А вот приходилось. Это диктатура, сверхдиктатура».

Разгон УС ознаменовал собой победу коммунизма — ленинского коммунизма, коммунизма рабовладельческого типа. Член УС — будущее светило мировой социологической науки — П.А. Сорокин запишет в своих воспоминаниях резюме одного

из таких поддержавших (в кавычках или без — не суть важно) большевиков крестьян. «Земля наша, это правда, — говорил он, — но весь урожай — их. Леса наши, скот наш, но деревья — их, и всё молоко, масло и мясо тоже их. Вот что правительство сделало для нас. Пусть они заберут землю назад и едят её сами».

А вот ещё одно свидетельство, правда, уже не эсера, а записного либерала — писателя В.Г. Короленко: «Снаряжается экспедиция в деревню с целью собирания хлеба. Естественный обмен между городом и деревней прекратился. Город ничего не производит.

Иголка стоит теперь 100, а то и 150 рублей. Понятно, что давать хлеб, да еще по "твёрдой цене", у деревни нет никакой охоты. Вдобавок свободный ввоз хлеба в город воспрещён.

Обычный обмен замер, приходится прибегать к искусственному».

Надвигался голод, но не природный, как в 1891 году, а рукотворный — прямое следствие экономической политики большевиков, по сравнению с которым голод царской поры, по выражению одного из борцов с ним — писателя В.Г. Короленко — выглядел досадным недоразумением, детской игрой.

Запись в дневнике от 18/31 мая 1920: «Голод 1891—1892 года шутка в сравнении с тем голодом, который охватил теперь всю Россию. Одно из непосредственных последствий большевизма — обеднение России интеллигенцией. Одни погибают как инакомыслящие, другие — как прямые противники, третьи — прямо как "буржуи", четвёртые — потому, что выбиты из колеи».

К 1921 году разрушительные последствия коммунистической программы стали очевидны всем, за исключением многих «твердокаменных» большевиков. Невспаханные поля заросли сорняками. Не было ни семян для сева, ни стимула к труду. Жизнь городов постепенно приближалась к мертвящему оцепенению. Национализированные заводы за неимением топлива прекратили работу. Железные дороги были разрушены. Здания превратились в руины. В школах почти совсем прекратились занятия. Суть отношения мужика к ленинскому коммунизму выразил в своём слове к пришедшим облагать его данью продотрядовцам всё тот же безымянный крестьянин: «Когда мы не кормили в долг ваш пролетариат, у нас было много плугов и гвоздей. Три года мы отдавали вам в долг всё, что вырастили. Вы всё забирали бесплатно, и теперь у нас нет ни плугов, ни гвоздей. Думаю, что настало время перестать вас одалживать».

Причину разразившейся «на ровном месте» гражданской войны Ильич усмотрел в отказе правых эсеров в сотрудничестве с большевиками. И по сию пору поклонники Ленина представляют дело именно таким образом. «Отказ правых эсеров от сотрудничества с Советской властью направил события в худший коридор», приведя к гражданской войне, — пишет С.Г. Кара-Мурза, живо и творчески подходящий к «вечно живому и творческому» наследию вождя.

Вдумаемся: «учредилку» разогнали «без шума и пыли»: сопротивления никто не оказывал. Ни мужик, ни солдат, ни рабочий тому не возмутился (это сущая правда!), напротив, отнёсся индифферентно, ибо, «что те, что эти» — красные и «сицилисты». Тогда с чего бы вдруг разразилась гражданская война? Баба Яга в ступе прилетела и смутила умы и сердца? Ах, да — «белочехи» злосчастные, «иудушкой Троцким» спровоцированные, «учредители» недобитые, Колчаком недострелянные.

Как отмечал Г.М. Семёнов, «завоевав симпатии крестьянства, социалисты так же легко привлекли к себе интеллигенцию, воспитанную на антипатриотичных идеях космополитизма эпохи 40–60-х годов. Утопические мечты о всеоб-

щем уравнении, о вечном мире мира и социалистическом его переустройстве всецело овладели умами интеллигентного слоя населения, развращённого вредными литературными трудами и политическими выступлениями руководящих лидеров интеллигенции из писателей, профессоров, адвокатов и пр.». Будем помнить одно из главных правил жизни — и науки тоже! — не путать причины и следствия. Говорили (и говорят поныне!), что Ленин со своей бригадой решил отказаться от военного коммунизма («как вынужденной меры») с окончанием гражданской войны. Не вернее ли было бы сказать, что гражданская война прекратилась именно после отказа от ленинского коммунизма? Но и то: известное присловье «Хоть кол им на голове теши!» живёт и здравствует, увы, не на пустом месте.

И началось великое «временное отступление», как называл его Ильич, по прозванию НЭП. Задумывалось ли оно Лениным и впрямь как «временное» или то было сказано для «красоты слога» для своих несмышленых соратников — Бог весть. Спросите его самого. Если верить покойному стихослагателю А. Вознесенскому, Ленин отвечает на все вопросы. Мы же скажем, что Ильич был величайший оппортунист и ради завоевания и удержания власти менял мнение и озвучивал его в соответствии с требованиями момента, а моменты менялись непредсказуемо. Свой феерический оппортунизм Ильич объявлял «диалектикой».

Но и с НЭПом вышел казус. Свято уверовавшие в химеры стали стреляться. А те, кто поумней и при власти — использовать её в личных целях. Говорят, что НЭП вёл страну в тупик. Весьма возможно. Экспериментально подтвердить этот тезис не получится. А вот то, что НЭП вымывал у власти почву под ногами — совершеннейший факт. Исторический. Броня! Нэпману большевики были «без надобности», а те были совершенно неспособны конкурировать с вышедшими из подполья «деловыми людьми». Так что тот или иной вариант ухода большевиков с исторических подмостков России был делом времени и техники. А уйти со сцены они могли разве что в подвал.

Судьба НЭПа была предрешена. И началось великое социальное и политическое контрнаступление, получившее прозвание «великого перелома» — новая война.

Великое проявляется в малом. И первым делом в быту. Вот запись из дневника историка партии С.А. Пионтковского (дяди нынешнего небезызвестного оппозиционера). Истпарт Пионтковский был, судя по его записям, человек не вполне здоровый, но не в соматическом, а духовном плане — «духовно повреждённый», одержимый, бесноватый, склонный к политическому садомазохизму. Правовернейший из правовернейших партийцев. Тем его дневник «материистории» и ценен.

Запись от 1 ноября 1930 года: «В политике кругом творятся странные дела. Сначала мы закручивали и завинчивали, дошли почти что до военного коммунизма, с рынка сняты были все товары широкого потребления, все выдавалось только по ордерам. А получить ордер можно было только какими-то неизвестными каналами, Да и, получивши ордер, говорят, не всегда можно было с ним устроиться. Человеку, например, нужны были штаны, а ему по розыгрышу, по развёрстке попадал ордер на стол или на комод. И он должен был искать несчастливца, которому вместо комода доставались, предположим, штаны, чтобы совершить обмен и, таким путём, получить нужную вещь. Получалось, что на складах лежали товары, ордера на все эти товары были розданы, а получить этих товаров никто не мог. Каналы оборота пустовали.

На одном конце происходило затоваривание, на другом исчезновение денежных масс в резервуарах, куда они должны были стекаться. Деньги отслаивались

в деревне, а государственные банки начинали прекращать платежи. Рос хозяйственный кризис, и росли катастрофически цены на вольном рынке. Зарплата не выдавалась. В Комакадемии, например, только сегодня заплатили за первую половину октября, а в университете еще неизвестно, когда начнут платить, хотя до 5 ноября повсюду должны выплатить задержку в зарплате.

Наряду с этим развивали широкие ударнические кампании и в рабочих массах ставили задачу об увеличении колхозных и совхозных масс деревни. Все это единственно приводило к тому, что классовая борьба в наших условиях начала усложняться и усиливаться».

Записано 10-го марта 1930 года: «Кулак и собственник сопротивляются, и интересы собственности заставляют поддерживать кулацкие элементы тех, кто по объёму своей собственности к собственникам никак не причислен быть не может. На Кубани и в Чечне уже восставали. В Рязанской губернии сейчас восстание, правда, безоружное, но всё же там, как говорят, восстали уже до 50.000 человек, и пока восстание просто сводится к большой бузе, но настроение пренеприятное и, по-видимому, крайний антисемитизм. МК (Московский комитем партии — Б.К.) мобилизовал сейчас группу ребят в Рязань и строго предписал евреев не посылать».

Надо полагать, это гадили стране недобитые вовремя эсеры из «учредилки». Записано 2 апреля 1930 года: «Цепь восстаний прокатилась волной по всему Союзу. Были восстания в Казахстане, на Северном Кавказе, в Армении и большая группа восстаний на Украине. На сегодня цепь этих восстаний разбита и подавлена».

Запись 23 июня 1930 года говорит о том, что для подавления восстаний в Закавказье потребовалось вмешательство всей кавказской армии.

Записано 2 апреля 1930 года: «В большом докладе Леонов (секретарь МК ВКП(б) — Б.К.) в несколько шутливой форме старался изобразить события в Московской области. По докладу <...> начали происходить массовые выступления. Выступления в ряде других мест распространялись сразу на 1,5–2 десятка деревень. Начиная с 23 февраля и до 15 марта были выступления в Рязанской губернии, в Бежецком уезде. Там разгромили Сельсовет, от борьбы против совхозов перешли к борьбе против Советской власти вообще. Организовывались, стали высылать разведчиков, вернули попов, открыли церкви, объявили свободу торговли, стали выкидывать лозунги явно антисоветского характера, учредили дежурства с целью учесть приближение войск и т.д. Недели полторы в захваченном районе не было Советской власти».

И это всё не сводки Би-Би-Си и «Голоса Америки», а закрытая информация для партийцев. Мудрено ли, что в такой обстановке партии приходилось без устали бороться не на живот, а на смерть с то и дело возникавшими «уклонами», «загибами» и заговорами — подлинными и мнимыми?

А теперь о судьбах победителей, разогнавших Учредительное собрание и принявших Россию в свои руки.

Калинин М.И. — Член УС, возглавивший через год орган, равный по своему государственно-правовому статусу и компетенциям учредительному собранию. Из крестьян. Образование — два класса народного училища. Токарь высочайшей квалификации. За то был весьма уважаем Сталиным. Перед Великой (Первой мировой) войной собирался открыть пивную лавочку. Член нелегального кружка, который вёл В.М. Молотов («студент Молотова»). По выражению своего наставника по марксизму, «он больше был для народа... И был преданным Сталину. Он был особенно близок для крестьянства, поскольку для крестьянства других большевиков не было».

После гибели Свердлова занял его пост. «Всесоюзный староста». В дальнейшем Председатель Президиума Верховного Совета СССР — безгласной пародии на парламент и Учредительное собрание.

В народе имел репутацию «доброго дедушки-заступника» за мужика и преступников-малолеток. В нужный момент мог проявить решительность и мужество.

Член Политбюро ЦК ВКП(б). В политические дела, как правило, не вмешивался — делал всё, «как велено». Изредка однако проявлял строптивость и тем спасал людей. Занимался в основном вручением орденов и медалей. «Качало его немножко вправо, — сказывал о нём Молотов, — но он от нас старался не отбиваться». Любил читать современную ему художественную литературу и встречаться с «мастерами культуры». Автор воспоминаний о Ленине. Награждён двумя орденами Ленина. За два года до смерти стал Героем Социалистического Труда. Любил жизнь во многих её проявлениях. Умер своею смертью после тяжёлой болезни в 1946 году. Его именем были названы Тверь, подмосковный городок Подлипки и вернувшийся в Россию после двухсотлетнего перерыва (длившегося с 1761 года) Кёнигсберг.

Жена — **Екатерина Ивановна (Иоганновна)** Лорберг (по одним сведениям, эстонка, Молотов говорил, что еврейка). В 1924 году проявила принципиальность и заявила на родного брата-хозяйственника, после чего тот был расстрелян. Модница. Вместе с жёнами аппаратчиков неоднократно ездила в Париж обновлять свой гардероб. В 1938 году тотчас же по возвращении из-за границы арестована. Получила семь лет лагерей. Как вспоминал Молотов, «она ничего из себя не представляла, но, вероятно, путалась с разными людьми». Освобождена в 1945 году после долгого и настойчивого ходатайства умирающего мужа.

Приёмный сын Калинина застрелился.

Натансон М.А. (л. с.-р.) — вконец разочаровавшийся в большевизме, отпущен Ильичом на волю в Швейцарию, где и окончил в 1919 году свои дни в тяжких мучениях.

Урицкий М.С. — застрелен в августе 1918 года своим соплеменником.

Черепанов С.А. — расстрелян «белочехами» через полгода после разгона УС.

Свердлов Я.М. — в 1919 году забит по-библейски камнями рабочими г. Орла. По официальной версии, умер от «инфлюэнцы».

Шаумян С.Г. — бакинский комиссар. По официальной версии, «расстрелян англичанами и эсерами» в 1918 году. При эксгумации, последовавшей в январе 2009 года, останки его обнаружены не были.

Железняков А.Г. (анархист) — пошёл на Одессу, а вышел к Херсону. И при царе, и при Временном правительстве неоднократно привлекался к судебной ответственности за пропаганду пораженчества и террористическую деятельность.

Участвовал во взятии Зимнего дворца, аресте Временного правительства, помогал большевикам захватить власть в Москве в октябре-ноябре 1917 года. 6 июля 1918 года встал на сторону мятежников — противников Ленина и прочих «народных комиссаров». В результате выходит приказ об аресте «Железняка», и он объявляется вне закона. С помощью левых эсеров Железняков бежит от расстрела в тамбовские леса. Воюет с белыми на Юге России. Убит при не до конца выясненных обстоятельствах в 1919 году. Превращён в культовую фигуру советской пропагандой.

Фрунзе М.В. — царским судом был приговорён к смертной казни. Умер на операционном столе в 1925 году. Врачебная ошибка не исключается.

Дыбенко П.Е. — после января 1918 года неоднократно предавал большевиков, переходил к эсерам. Казни пахана «братишек» вместе с его сожительницей

А.М. Коллонтай требовал Троцкий. Через 20 лет — в 1938 году — его требование было выполнено, хотя и не полностью. Как враг народа расстрелян был лишь Дыбенко.

Антонов-Овсеенко В.А. — царским судом был приговорён к смертной казни. Активный участник октябрьского переворота. Тамбовский каратель. Консул в Испании. Расстрелян 1938 году как враг народа.

Аросев А.Я. — старинный друг В.М. Молотова. Член ВРК Москвы во время октябрьского переворота. По его приказу вёлся обстрел Кремля из тяжёлых орудий. Дипломат, переводчик. Расстрелян в 1938 году как враг народа. «Он мог провиниться только в одном, — скажет спустя полвека Молотов, — где-нибудь какую-нибудь либеральную фразу бросил. Мог за бабой какой-нибудь, а та... Шла борьба».

Уншлихт И.С. — варшавский мещанин. Смутьян. Шесть раз арестовывался при старом режиме. Один из создателей и активистов советских карательных органов. Расстрелян как польский шпион и террорист в 1938 году. В 1956 году реабилитирован и восстановлен в партии.

Бухарин Н.И. — в юные годы выплюнул Святое Причастие, чем похвалялся всю оставшуюся жизнь. В 1917–1918 гг. злоумышлял арестовать и убить тов. Ленина. Любимец партии. Образование гимназическое. С 1929 года — сталинский академик. В 1922 году в письме рейхсканцлеру Веймарской республики Й. Вирту Ильич называл Бухарина своим сыном. «Дьявольски неустойчив в политике» (по Ленину). В 1922 году выступал в качестве защитника на процессе по делу правых эсеров.

О своих коллегах по фракции в УС говорил: «Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак — страшно рад».

На процессе по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», на котором он выступал уже в качестве обвиняемого, признался: «Я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчёт значения процесса, на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершенные "право-троцкистским блоком", одним из лидеров которого я был». Расстрелян в 1938 году как враг народа. «Не дали ему пожить», — скажет через полвека Молотов.

Зиновьев Г.Е. — политическая проститутка (по Ленину). Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Каменев Л.Б. — политическая проститутка (по Ленину). Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Камков (Кац) Б.Д. (л. с.-р.) — расстрелян в 1938 году как враг народа (вместе с женой).

Пятаков Г.Л. — отметился зверствами в Крыму. На процессе заявил, что готов лично расстрелять свою жену-заговорщицу. Расстрелян в 1937 году как враг народа. Его родного брата — тоже члена УС, так и не попавшего на заседание 5 января, зверски убьют в Киеве некие самостийники.

Крыленко Н.В. (партийная кличка «Абрам» — прапорщик, с конца ноября 1917 по начало марта 1918 — верховный главнокомандующий русской армии, точнее того, что от неё осталось. Такой взлёт даже не снился ни лейтенанту Бонапарту, ни поручику Тухачевскому. В дальнейшем нарком юстиции и Прокурор РСФСР. Доктор советских государственных и правовых наук. Пламенный борец с врагами народа. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Крестинский Н.Н. — сын учителя гимназии. В мирное время — присяжный поверенный (адвокат). Видный большевистский дипломат и бонза. По всему по-

ведению — барин. Однажды обвинит Ленина в антисемитизме. «Похож даже на русского. Был Первым секретарем ЦК. Довольно злостный такой. Мы его не знали, куда девать, пока не арестовали», — скажет о нем В.М. Молотов. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Иоффе А.А. — сын купца-миллионера. Крупный дипломат. Политический деятель. Наложил на себя руки в 1927 году. На его могиле Троцкий произнесёт очередную пламенную речь: «...Такие акты, как самовольный уход из жизни, имеют в себе заразительную силу. Но пусть никто не смеет подражать этому старому борцу в его смерти — подражайте ему в его жизни!» Дочь от первого брака и вторая жена Иоффе отсидели в лагерях по 20 лет каждая. Сын расстрелян в 1937 году как враг народа.

Леплевский Г.М. — член Коллегии НКВД, заместитель Прокурора СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Милютин В.П. — народный комиссар земледелия в первом Советском правительстве 1917 года. Член Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Игнатов Е.Н. — повар. Редчайший пример большевика — обладателя доброй человеческой профессии. И просто — профессии. Директор высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Нахимсон С.М. — из купцов. Зарублен шашками в Ярославле в гостинице «Бристоль» в 1918 году.

Невский В.И. (настоящая фамилия Ф.И. Кривобоков или Кривобок) — историк. В 1924—1935 гг. директор Румянцевской библиотеки, ставшей уже «Ленинской» (ныне — ФГБУ РГБ). Признан виновным в том, что «с 1929 г. он являлся активным участником антисоветской террористической организации правых, а в 1933 г. создал террористическую группу». Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Булатов Д.А. — из крестьян. Окончил сельскую школу. Рабочий-обойщик. 1-й секретарь Омского обкома ВКП(б). Делегат четырёх партсъездов. Расстрелян в 1941 году в тылу как враг народа.

Васильев (Южин) М.И. — из рабочих. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Заместитель председателя Верховного суда СССР. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Васильченко С.**Ф.** — из крестьян, сын ж.-д. рабочего. Образование низшее. Слесарь. Ссыльный. Беглый. Член Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Мостовенко П.Н. — из дворян. Ссыльный. По донесению полиции, «неисправим по поведению. Очень грубый и дерзкий, злой пропагандист и опасный революционер». Дипломат, ректор МВТУ им. Баумана. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Каминский Г.Н. — сын купца. Студент-медик. Недоучка. Нарком здравоохранения СССР. 17.2.1937 подписал фальсифицированное врачебное заключение о том, что Г.К. Орджоникидзе скончался от паралича сердца. На июньском 1937 года Пленуме ЦК обратился к тов. Сталину со словами: «НКВД продолжает арестовывать честных людей», на что тов. Сталин ответил: «Они враги народа, а вы птица того же полёта». Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Киселев А.С. — сын мастерового. Заместитель наркома РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции) СССР. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Окулов А.И. — сын разорившегося, промышлявшего золотом купца. В 1926—1927 годах член правления «Главзолота». С начала 1930-х годов — персональный пенсионер. В конце 1936 года, будучи уже на пенсии, исключён из ВКП(б), а в декабре 1937 приговорён к 10-ти годам лагерей. Умер в Амурлаге в 1939 году.

Оппоков (А. Ломов) Г.И. — из дворян. «Левый коммунист». Заместитель председателя ВСНХ, заместитель председателя Госплана СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Оболенский В.В. (партийная кличка «Н. Осинский») — заместитель Председателя Госплана СССР. Арестован вместе с сыном по подозрению в подготовке профашистского путча в Москве в интересах Германии, Польши и Японии с целью государственного переворота, смены общественного строя и территориального расчленения СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа. Его сын Валериан расстрелян годом раньше.

Рыков А.И. — первый (по счёту) предсовнаркома после Ленина. С учётом ограниченной трудоспособности последнего правил дольше предшественника (1924–1930). Его именем — «Рыковкой» — звалась в народе первая советская водка. Лечился от алкоголизма в Германии. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Раскольников (Ильин) Ф.Ф. — невозвращенец с 1938 года. Сошёл с ума и выбросился из окна психиатрической клиники г. Ниццы в 1939 году.

Рязанов Д.**Б** (Гольдендах) — ровесник Ильича. По его заданию вывез из Германии в голодном 1921 году купленные за русское золото манускрипты Маркса и Энгельса, которые в силу своей скандальности тотчас же были упрятаны в Спецхран. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Сапронов В.Т. — маляр. Один из немногих большевиков, у кого была настоящая профессия. С 1925 года — член коллегии Главконцесскома. С идеями. Ленину разонравится ленинский коммунизм, а тов. Сапронову — сталинский социализм.

Сложившийся в СССР 1930-е годы экономический уклад он определял как «своеобразный уродливый госкапитализм». Автор работы «Агония мелкобуржуазной диктатуры». «Называть такое хозяйство социалистическим, — писал Сапронов, — значит, делать преступление перед рабочим классом и дискредитировать идеи коммунизма». Угодить этой публике было совершенно невозможно. Расстрелян 1937 году как враг народа.

Склянский Э.М. — фельдшер. Правая рука Троцкого по части военных дел. Утонул в августе 1925 года в озере Лонглейк, что в штате Нью-Йорк. Не исключено, что сам. Без посторонней помощи.

Смирнов А.П. — Генеральный секретарь Крестьянского интернационала («Крестинтерна». Был и такой), секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян 1938 году как враг народа.

Стуков И.Н. — сын священника, недоучка. Шесть лет провёл в царских тюрьмах, но ума так и не нажил. Перманентный оппозиционер. Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Сокольников Г.Я. (Бриллиант) — дослужился до наркома финансов. По официальной версии, убит в мае 1939 года заключёнными в политизоляторе.

Евдокимов Е.Г. — при царе — несовершеннолетний преступник. С началом Великой войны скрывался от призыва. Организатор и активный исполнитель красного террора и всех прочих большевистских преступлений: массовых расстрелов Крыму, расказачивания, раскулачивания, фабрикации Шахтинского дела и «сана-

ций» (в кавычках и без) 1936–1938 годов. Член особой тройки НКВД СССР. Член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР. Расстрелян в 1940 году как враг народа. В 1956 года посмертно реабилитирован и восстановлен в партии.

Туров (Гинзбург) В.З. — агент Иностранного отдела ОГПУ. Убит неизвестными при перевозке крупной партии денег в 1927 году.

Цвиллинг С.М. — сын еврея-парикмахера. В 1905 году ограбил аптеку своего родственника и застрелил его. Был приговорён к смертной казни, которую заменили на пять лет тюрьмы. Устанавливал советскую власть в Челябинске и Оренбуржье. По некоторым данным, его красноармейский отряд занимался грабежами и возил с собой гарем. Ликвидирован оренбургскими казаками в 1918 году. Монумент члену УС Цвиллингу С.М. установлен в Челябинске на улице Цвиллинга. До 1993 года его разбойное имя носил Челябинский академический театр драмы.

Чудновский Г.И. — сын адвоката (присяжного поверенного). Участник штурма Зимнего, как пишет о нем Википедия. По одной из версий, застрелился, будучи окружён отрядом гетмана Скоропадского в 1918 году.

Охтин А.Я. (настоящая фамилия Юров) — в 1906 году приговорён судом к смертной казни за участие в вооружённом бунте в Латвии. Приговор в исполнение приведён не был. С 1921 года на дипломатической службе. Начальник Главного таможенного управления Наркомата внешней торговли СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа

Белобородов А.Г. — в июле 1918 года подписал решение Уралоблсовета о расстреле царской семьи. Расстрелян в 1938 году как враг народа. Его жена расстреляна в том же году. В 1962 посмертно восстановлен в КПСС. Вернули ли покойнику партбилет — неизвестно.

Троцкий Л.Д. — литератор, литературный критик. Погиб в 1940 году, став жертвой собственного остроумия и любви к альпинизму.

Яковлева В.Н. (зам. пред ВЧК, её опасались даже коллеги) — расстреляна в 1941 году как враг народа в Орловском централе при подходе немцев к г. Орлу.

Спиридонова М.А. («Маруся») (л. с.-р.) — Террористка. «Психическая». Возлюбившая Ильича. 6 июля 1918 года сердце ее изменило вождю. Начиная с 1920 неоднократно арестовывалась. Последний раз в 1937 году. Расстреляна в 1941 году как враг народа в Орловском централе при подходе немцев к г. Орлу.

Лозовский С.А. — сын меламеда, дипломат, публицист. Арестован в 1949 году, расстрелян в 1952 году как враг народа.

Ленин В.И. — страстный почитатель ущербного Д.И. Писарева (брал в ссылку его портрет). Плагиатор душевнобольного П.Н. Ткачёва (в части покражи идеи создании организации по захвату власти («партии нового типа»), «партии захвата власти» (по выражению Г.В. Плеханова). По словам А.И. Куприна, лексикон Ленина составляет 65 слов. Волею Сталина превращён в идола. Ненавистник религии. Считал её родом труположества. Говорил, что при социализме её заменит театр.

Избран в УС по списку от армии и флота Финляндии (Балтфлота) — «депутат Балтики». В списке от РСДРП шёл вторым номером. Первым был Дыбенко. Приверженец «похабного Брестского мира» и творец ещё более похабного — Рижского — итога проигранной Польше войны. Сошёл с ума. Просил прощения у пустых стульев — вероятно, видел кого-то сидящими на них. В моменты проблесков сознания просил яду. Оставил страну в разрухе.

«Самый человечный человек», как писал о нем поэт В. Маяковский (наложил на себя руки в 1930 году): на двух фотографических карточках запечатлен с кошкой на руках.

Мировой рекордсмен по числу установленных ему истуканов. Имеет поклонников и поныне.

Хотя страна давно его отпела На все свои стальные голоса, Но мать-земля не принимает тело, А душу отвергают небеса, —

скажет о нем поэт — наш с вами современник.

Сталин И.В. — виртуоз комбинационной игры. Принял страну в разрухе. Выиграл войну с Европой (официально — с «фашистской Германией»). Оставил страну с атомной бомбой. Убит своими верными соратниками в 1953 году. Дважды посмертно разоблачался собственной партией. Тихая реабилитация вождя, предпринятая в эпоху «застоя», была жестко купирована новой волной разоблачений, последовавших во времена «перестройки».

Дзержинский Ф.И. — умер в 1926 году. Положенное по такому случаю вскрытие не производилось.

Бош (Майш-Бош) Е.Г. — сожительница Г. Пятакова. «Психическая». Пламенная комиссарша Гражданской войны, возомнившая себя военным стратегом. Упомянута как агитаторша в мемуарах гетмана П.П. Скоропадского. Воевавший с ним В.М. Примаков (впоследствии враг народа), поставил Москву перед выбором: или Бош отзывают, или он её пристрелит. Лютовала в Пензенской губернии, провоцируя мужицкие бунты. Левая оппозиционерка. Наложила на себя руки в 1925 году. В том же году — уже посмертно — вышла ее книжка «Год борьбы» (переиздана в 1990 году, размещена в сети Интернет).

Глебов-Авилов Н.П. — первый народный комиссар почт и телеграфов в 1917 году. В мае 1918-го — комиссар Черноморского флота. Выполняя директивы сочлена по Учредительному собранию Ленина, отважно топил победоносный Черноморский флот в Новороссийске. Видный член Ленинградской оппозиции. В 1936 г. арестован по обвинению в террористической деятельности. Дата расстрела точно неизвестна.

Апетер И.А. — из лифляндских мастеровых. Неполное высшее образование. В 1937–1938 гг. начальник Соловецкой тюрьмы. Расстрелян в 1937 году как враг народа. В реабилитации отказано.

Масленников А.А. — расстрелян в Омске в 1919 году.

Феденев И.П. — из мещан. Поднадзорный с 1904 года. В 1932 добился публикации в журнале «Молодая гвардия» культового романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Выведен в нём под именем Леденева. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Фрейман В.Н. — отсидел пять лет в лагерях.

Шейнман А.Л. — из купцов. Глава Госбанка РСФСР и СССР, нарком внутренней торговли. Директор Лондонского отдела «Интуриста». Невозвращенец с 1939 года. Умер в Лондоне в 1944 году.

Шмидт В.В. — немец. Главный арбитр при СНК СССР. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Шотман А.В. — из крестьян. Уполномоченный Президиума ВЦИК. Автор «Записок старого большевика». Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Шлегель Н.В. — из мещан. В 1945 году осуждён на восемь лет лагерей как пособник немецких оккупантов.

Чешейко-Сохацкий С.В. — дослужился до профессора. Расстрелян в 1934 году как враг народа.

Седякин А.И. — из крестьян. Начальник управления ПВО РККА. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Скобелев М.И. — сотрудник Внешторга. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Смилга И.Т. — оппозиционер. Троцкист. Расстрелян в 1938 году как враг народа.

Смирнов И.Н. — из крестьян. Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Сырцов С.И. — известный функционер-оппозиционер. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Рындич А.Ф. — из крестьян. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Пинсо́н Б.Д. — из мещан. Сын портного. Функционер среднего звена. Расстрелян в 1936 году как враг народа.

Позерн Б.П. — из дворян. Ректор Ленинградского коммунистического университета. Прокурор Ленинградской области. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Окулов А.И. — известный функционер. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Малютин Д.П. — сын чиновника. Член малого Совнаркома. Расстрелян в 1939 году как враг народа.

Лещинский Ю.М. — из мещан. Окончил историко-литературный факультет Краковского университета. С 1929 года генсек польской компартии. Член исполкома Коминтерна. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Любимов И.Е. — из крестьян. Нарком лёгкой промышленности СССР. Награждён орденом Ленина и расстрелян в 1937 году как враг народа.

Коростелев А.А. — из крестьян. Образование низшее. Управляющий трестом Наркомата местной промышленности РСФСР. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Кузнецов Н.В. — из крестьян. Токарь. «Чуждый элемент» (в период НЭПа был торговцем). В дальнейшем — на низших должностях. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Ермощенко В.И. — из крестьян. Образование низшее. Секретарь ВЦИК, управляющий конторой «Чайсбыт». Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Данилов С.С. — из чувашских крестьян. Окончил Симбирскую духовную семинарию. Сотрудник Института Маркса-Энгельса-Ленина. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Гжельщак (Гржегожевский) Ф.Я. — из рабочих. С 1929 года работал в Коминтерне. Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Медведев С.П. — из крестьян. Вечный сиделец (при советской власти). Член «рабочей оппозиции». Расстрелян в 1937 году как враг народа.

Скворцов-Степанов И.И. — отделался лёгким испугом. Партийный журналист и переводчик Маркса. Масон с 1915 года. Первый советский нарком финансов. Прослужил в этой должности 1 (один) день, так и не явившись в присутствие — брошен путчистами на взятие Москвы. Умер своей смертью (от тифа) в Москве в 1928 году. Тиф в Москве? Любопытно.

Счастливо и непостижимым образом избежали насильственной смерти депутаты-большевички — жены Дыбенко и Крыленко — **А.М. Коллонтай и Е.Ф. Розмирович**, соответственно. Обе умерли своей смертью в 1952 и 1953 гг. Коллонтай

оставила свои дневники. Похоже, что писала она их в спешке и задним числом.

Повезло и отставленному из наркомов незадавшемуся литератору **А.В. Лу- начарскому** («Лупанарскому», как звали его товарищи по партии) — знатоку, ценителю и покровителю советского искусства варьете. Сей фигляр и паяц умер в 1933 году по дороге в Испанию.

Губельман Е.М. («Ярославский») — главный безбожник богохульник и кощунник СССР. Редактор журналов «Безбожник», «Безбожник у станка» и даже «Безбожный крокодил». Образование заочное (четыре класса гимназии). Больше нигде не учился. Сталинский академик и лауреат. Автор мема «вождь народов» (о тов. Сталине) и политической максимы «Борьба против религии — борьба за социализм». Верный сталинец. Критиковался вождём. Был близок к помешательству. Культуртрегер большевизма. Рьяно выступал за запрет церковной музыки, в том числе произведений Чайковского, Рахманинова, Моцарта, Баха, Генделя, которые считал «реакционными». Был глубоко уязвлён внезапным (временным) благоволением вождя народов к Русской Православной Церкви. Умер без покаяния в тяжёлых мучениях в Москве в 1943 году.

Бонч-Бруевич В.Д. — наперсник Ильича. Автор работ о сектантах, брошюры в защиту Бейлиса, а также бестселлеров «Ленин и дети» и «Наш Ильич». После смерти вождя отставлен от дел. Брошен на литературно-музейное дело. При советской власти не арестовывался, зато был расстрелян его зять — Л. Авербах, дочь — отсидит семь лет в лагерях. С 1945-го по самую смерть Бонч — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде. Забытый всеми, кроме пенсионного отдела, исчах в Москве в 1955 году.

Не дожив трёх недель до крушения советского государства, уйдет в мир иной последний член УС — избранный по Могилевскому округу большевик **Лазарь Каганович** (тот самый).

Как бы то ни было, и что бы ни говорилось, а с ленинской революцией вскоре было покончено вместе с «ленинской гвардией». Что осталось от лозунгов «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Мир без аннексий и контрибуций!»? Ровным счётом ничего. И Троцкий был совершенно прав, назвав октябрьскую революцию преданной. И в ликвидации революции не было «ничего личного»: просто страна элементарно хотела выжить.

Но не все из стана победителей погибли. Были и счастливчики:

Воронков М.И. — из крестьян. Окончил Рязанскую учительскую семинарию, Московский коммерческий институт. В 1915 мобилизован, окончил школу прапорщиков. Работал в просвещении. В 1924 вышел из РКП(б). Умер своею смертью в Москве в 1973 году.

Васильев М.М. — из мещан. Окончил ремесленное училище. В советское время работал в ВСНХ, в торгпредстве в Италии. Умер своею смертью в Москве в 1957 году.

Горшков И.И. — из крестьян. Рабочий фабрики Хлудовых. Умер в 1966 году. Громашевский Л.В. — окончил медицинский факультет Казанского университета. Врач. В царское время четырежды подвергался арестам. В советское время крупный эпидемиолог, Герой Социалистического Труда, академик АМН. Умер в Москве в 1980 году.

Скажем кратко: выжили из стаи победителей единицы. А именно — те, кто вовремя сообразил, что лезть наверх — значит попасть в подвал, сидеть надо тише воды, ниже травы, четко отслеживать колебания генеральной линии и не

высовываться, ибо всякая инициатива наказуема. Формулой же выживания является мудрость, озвученная всемирно знаменитым персонажем «бело-красночеха» Я. Гашека: «Рот на замок и служить дальше!»

Говорят, что «победителей не судят». Ещё как судят! Объединяет же их то, что они яростно и никого не щадя, сражались за свои идеалы и погибли от своих идеалов. «Таковую бо честь беси приносят любящим их». Будем помнить это, реченное Авраамием Палицыным — героем борьбы со Смутой. Опасно быть при власти вместе с бесами — первыми погибают самые близкие к ним.

Объединяет ли что-нибудь побеждённых и победителей?

Да. Все они отреклись от веры, от царя и — как неизбежное следствие — от Отечества. Все они были противниками традиционной русской государственности.

У большевиков были сатанинская воля и некий «план», у эсеров не было ни воли, ни плана.

В проигрыше оказались они все. Вернее, все мы.

Историки-безбожники любят задаваться вопросом, «а что было бы, если...». В нашем случае, «что сталось бы, если бы в 1918 году победили эсеры».

Теперь уже яснее ясного, что победить эсеры просто не могли. Но и не в том дело. Для православного человека проблема видится в ином: обе стороны были противниками православия и самодержавия, то есть, ярыми противниками традиционной русской государственности. Победа эсеров ничего бы в этом плане не меняла.

Обе стороны толкали страну в пропасть, и повезло тому, кто в сатанинстве своём шёл до конца, не останавливался ни перед чем. Наш народ разделился — и уже давно! — в себе и потому устоять не мог.

И пришлось умываться кровью за своё отступничество. Таково было попущение Божие. «Не захотят через слюну, будет им через понос кровавый», — скажет за век до этого преподобный Серафим Саровский, прославленный усилиями и волей последнего государя. И сбылось реченное о. Серафимом. После «бескровного» разгона УС начнётся кровавая усобица: левоэсеровский мятеж, расстрел царской семьи, покушение на Ленина, объявление красного террора. Начнётся Гражданская война, ответственность за развязывание которой доморощенные идеологи — от первых советских до нынешних анти- и постсоветских — спишут на «белочехов».

P.S. Весьма показательно, что советская власть упорно замалчивала факты расстрела демонстраций в поддержку Учредительного собрания. «Разогнать — не расстрелять», — будет лукавить в своих работах бестрепетный историк и социолог С.Г. Кара-Мурза, указуя учёным перстом на А.В. Колчака, пострелявшего не угомонившихся «учредителей».

Не желают говорить о жертвах разгона ни нынешние убелённые сединами теоретики-ленинцы, ни молодые интернет-пропагаторы левого толка. Что ж, оправдывающий убийства становится символическим убийцей сам.

«Блажен муж иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста и на седалищи губителей не седе...» (Пс.1).

Ирина Медведева (Россия, Москва)

Заместитель директора по научной работе в государственном центральном музее музыкальной культуры имени М.И.Глинки.

Усадьба утрачена, Россия далеко...

Останавливаясь сегодня на событиях тех лет, когда, покидая Россию, хозяева и жители усадеб, блестящие представители русской творческой интеллигенции, в силу известных исторических событий продолжали свою профессиональную деятельность за её пределами, важно понять, как они себя там ощущали, только ли были заняты бытовым обустройством, материальными заботами, зарабатыванием на жизнь, но и какими чувствами руководствовались, как осуществляли связи с оставшимися на родине близкими, помогали ли им не только морально, но и практически. Важно знать, что их заботило, каковы были их помыслы, чем они заполняли свою интеллектуальную жизнь. И, наконец, что русская художественная культура в лице Рахманинова и близких ему творческих личностей дали Европе, Америке и, наверное, самое важное — своей родине — России.

Публикации на эту тему были и ранее (однотомник писем, двухтомник воспоминаний, трёхтомник литературного наследия), но архивные материалы далеко не исчерпаны. Хотелось бы остановиться на некоторых моментах. Сначала о контрастах. В марте 1917 года Сергей Васильевич передал 1000 рублей в «Союз артистов-воинов», устраивающий концерты и спектакли в пользу политических амнистированных и на подарки армии: «Свой гонорар от первого выступления в стране отныне свободной, на нужды армии свободной, при сем прилагает свободный художник С. Рахманинов». Вслед за этим 25 марта в Большом театре он дал ещё один концерт на те же нужды. Нам известно письмо Рахманинова в редакцию газеты «Русские ведомости» с подробнейшим «раскладом» всей суммы (6 апреля 1917 г., «Л.Н., Т 2, С. 93»).

Но вот в конце августа 1917 года он пишет двоюродной сестре С.А. Сатиной: «На этих днях, т. е. 30 августа, я играю в Ялте. Взял себе этот концерт, чтобы что-нибудь заработать. Жизнь здесь ужасно дорога, и мы много истратили. Как ни противно сейчас выступать, всё-таки решился» (Л. Н., Т. 2, С.101–102). Когда Сергей Васильевич вынужденно уезжал из России на гастроли в Скандинавию, а в действительности покидал Россию навсегда, он практически ничего не мог увезти с собой. Денег на каждого члена семьи можно было взять не более пятисот рублей, а из вещей — то, что удалось унести в руках. В семье четверо, жена привыкла к обеспеченной жизни, обе дочери не отличались хорошим здоровьем. Надо было во что бы то ни стало зарабатывать деньги. Жизнь в Европе начинать с нуля, когда нет ни кола, ни двора, ни денег. А зарабатывать можно было только концертами.

Вот эти-то концерты и стали той материальной основой, которая позволила Сергею Васильевичу не только обеспечить достойную жизнь своей семье, но и осуществлять широчайшую благотворительную помощь. Как протекала жизнь семьи в первые годы за рубежом, свидетельствует неопубликованное письмо С.А. Сатиной из Дрездена (4 февраля 1922 г., РНММ, Ф. 211, №100, адресованное Марине /Маше/).

О Маше известно немного. Обратимся к воспоминаниям. Малышева Елена Михайловна, воспитательница внучки Сергея Васильевича, С.П. Волконской: «...тут и горничная — друг семьи, о которой говорилось: "А наша Маша? Ну, вы же должны знать её, конечно: это такой чудный, замечательный человек, это же наша Маша, мы все так её любили"» (Воспоминания о Рахманинове, М., 1988, Т. 2, с. 240). Рахманинова Наталия Александровна: в Дрездене — зимой 1907-1908 она была приглашена молодым музыкантом Н.Г. Струве на бал. «Сергей Васильевич отпустил меня на этот бал довольно неохотно. Со мной он уговорился, взял с меня слово, что я немедленно вернусь домой, если наша маленькая Таня проснётся и будет плакать. Пришла я на бал, потанцевала раза два со Струве, с удовольствием смотрела на разодевшихся немок, подали ужин, и вдруг слышу по-немецки: «За вами пришли». Внизу стоит наша Маша, которая торопит меня домой. Прихожу домой и вижу: Сергей Васильевич с Таней на руках ходит из угла в угол, а Танюша ревёт благим матом. Так и кончился мой первый и последний выезд за эти два года, проведённых в Дрездене» (там же, с. 295). Сатина Софья Александровна. «К большой радости Сергея Васильевича и всей его семьи, ему удалось выписать к себе на несколько недель из Москвы (в Дрезден в 1924 г. — И.М.) горячо любимую всеми Машу. Мария Александровна Иванова, по мужу Шаталина, была наиболее преданным Сергею Васильевичу человеком среди всех оставшихся в России друзей и знакомых, а может быть и вообще из всех людей, знавших и любивших Сергея Васильевича и его семью. Приехав со своей матерью в семью Сатиных в Ивановку, она прожила много лет у последних, служа у них горничной. После замужества Наталии Александровны она перешла на службу к Рахманиновым. Способная и умная Маша (многие её знали под именем Марины) много читала, была очень любознательна, понимала немного французский и немецкий языки, посещала концерты, театры, знала хорошо имена и произведения лучших композиторов, любила их, но выше всех на свете ставила Сергея Васильевича. Преданности и любви её здесь не было границ, и началась она ещё в те далекие годы, когда Сергей Васильевич был мало кому известным учеником консерватории. Вместе с молодыми Сатиными она поддерживала его в трудные минуты жизни, помогала всем, чем могла, радовалась его успехам и достижениям, и, не преувеличивая, можно сказать, что, вероятно, не задумываясь, отдала бы за него, Наталию Александровну и за их детей жизнь, если бы это понадобилось. Уехав из России, Рахманиновы постоянно чувствовали её отсутствие, и, зная о том, как ей трудно доставать еду и как она ограничена в средствах, они умоляли её, при всякой удобной

оказии, и письмами, и устно через знакомых, чтобы их вещи, оставшиеся в Москве, она обменивала на пищевые продукты или продавала. Маша же, как цербер, хранила их, заставив сундуками Рахманиновых всю свою комнату, считая, что всё, что принадлежит Сергею Васильевичу — священно. И вот после семилетней разлуки им удалось наконец её увидеть. Бурной радости по приезде Маши в Дрезден не было границ: она и плакала, и смеялась, и долго не могла успокоиться. Маша умерла от рака в 1925 году в Москве». (С.А. Сатина. Там же, Т.1, с. 70-71).

Итак, приводим фрагмент письма Сатиной — два листа рукописного текста мелким почерком — итого четыре страницы с дописками, вычерками и правкой. На первой странице дата 31.1 (1922).

«Моя дорогая золотая и единственная Маша. Получила сейчас твоё и Сергиево письмо от 6/19 января. Бедные мои, как Вы мучаетесь из-за этих противных мебелей и вещей, и как деликатно меня браните за то, что ясно не пишу о своей будущей судьбе. Я писала, и не раз, и Вам, и на курсы, и по начальству, ... что сейчас не могу приехать. Просила не сердиться и обещала всё рассказать при свидании. Вот только не знаю, когда это будет. Это больше от Вас зависит. Погостить приехать сейчас не могу, помочь Вам во всём могу, только предоставив в Ваше полное распоряжение моё имущество, а состоит оно из шубы, кажется, башмаков, книг и микроскопа. Самое для меня драгоценное, это последнее, затем ботанические книги, затем остальные книги, остальное всё совсем не нужно. Если нужно, как я писала, возьмите и это, я от всего сердца говорю, что не пожалею для Вас ничего, только не голодайте, не холодайте, и ещё лучше осуществите Рахину *(то есть CBP — И.М.)* мечту — переезжайте к сестре и живите с ней. Гораздо легче жить будет вместе. Если же сейчас это всё не нужно, то отвезите книги на курсы, если они ещё существуют. Я с июня не имею от них никаких решительно известий. М. б. они закрылись и не существуют больше, а я-то стараюсь пишу, — и, главное, посылки посылаю съестные на этот адрес, и отдельным профессорам и огулом например, на лабораторию. Жаль, если пропадут и глупо будет, если американцы пришлют мне всё назад, а я уже в Германии сижу. Вероятнее всего, и мои письма, и лабораторные ко мне не доходили. Быть не может, чтобы никто из них ещё в те времена, когда марки почтовые не так дорого стоили, ни разу не вспомнил о моем существовании. Впрочем, ныне всё может быть. 4/II 1922. Вот ... получила письмо сейчас и вижу, что курсы не только не закрылись, но ещё расширились. Слава Богу, очень отрадно это было узнать. (Следующий фрагмент письма опубликован Е. Ю. Жуковской /урожденная Крейцер/, ученицей Рахманинова): А я, Маруня, как тебя люблю, ты себе и представить не можешь. А как я большей частью тоскую, ты тоже представить не можешь. Сколько передумано, сколько перечувствовано за это время, что мы расстались; как глаза открылись на многое из того, на что прежде если не с благоговением, то с уважением и затаённой завистью смотрела, а теперь пропади они пропадом. Как, с другой стороны, недооценивала, любила, но не чтила всё русское! Какое великое счастье, что я русская, несмо-

тря на все унижения, оскорбления и страдания. Только сейчас, не я одна, мы все, и Гуня в первую голову, поняли и до дна почувствовали, что это за великая страна (далее — текст письма Сатиной продолжается — И.М.), "гниющая и благоуханная, прободённая и живая, растлённая и чистая", как сказал один большой писатель, "о тебе все мысли, тебе все чувства, горим Тобой". С таким состоянием духа живёшь среди иностранцев, а до себя не допускаешь, да и допусти — всё равно не поймут. Я с ними как с детьми скорее разговариваю ... Маша, я была сейчас в концерте памяти Никиша. Он умер дней 10 назад. Играли траурный марш Бетховена и 6 симфонию Чайковского, которую он так любил и так божественно играл. Вот и поднялась в душе моей вся Русь, вся тоска великая.

Не надрывайтесь Вы ради Бога, чтобы сохранить всякую ерунду; столько пропало, что немного больше или меньше — право, всё равно. Я не знаю, что пишет тебе мама, но, если её просьбы и распоряжения слишком трудны, изменяй их по своему усмотрению. ... Господи, не дай Бог дожить до старости. Я вот тоже хочу попросить тебя об одном одолжении. Может быть, тоже нельзя сделать. Вам там с горы видней. Мне страшно нужны мои сочинения. ... Мне нужно хоть по одному экземпляру мои исследования ... Особенно прошу об этом. Раз почтовые сношения открылись, значит, примут на почте. Если это верно, то по 2 экземпляра пришли, в 2 раза разложить можно; ради Бога, не сердись. Я иначе не могу исполнить всего, что должна сделать в своей командировке. А за это тебя я, Машенька, поцелую, пришлю ещё фотографию Тани (других у меня нет) ... Расходы на почтовые марки можно достать, продав что-нибудь. А вообще письма ваши доходят сюда хорошо даже и не заказные, а особенно хорошо, если не хватает марок. Мы платим штраф пустяковый, и имейте это в виду все, потому что у вас мало денег. Я готова сколько угодно отдать за строчку от кого-нибудь из вас. 10/ІІ-1922 Пишу это письмо в 3 присеста. Всё время была забастовка, и не стоило писать поэтому. Сейчас всё опять наладилось. Машенька, как у вас должно быть сейчас холодно? Здесь которая неделя всё морозы и метели. Не нашим, конечно, чета, но всё-таки невольно всё думаешь, что же делается там-то, если у нас так холодно. Дома тут не приспособлены к холодам, и одежда тоже. Да, впрочем, ты ведь сама тут жила и знаешь. На днях была громадная радость. Открылась русская большая библиотека, около 4000 томов, все наши классики ... есть. Все издания здесь напечатаны снова и всё можно купить бы, да так дорого, что мы только к окошку подходим и смотрим на обложки, а теперь можно с утра до вечера зачитываться за пустяшную плату. Маша, напиши ты мне, получили ли кроме Консерватории и филармонии, посылки от Гуни из Америки. Он так хлопотал об этом, так радовался возможности подкормить их, и вот уж 3 месяца прошло, а всё ждет известий. Второй и 3-й раз он хотел им послать, да остановился, пока не уверится, что они получили. Что же зря большие деньги бросать. Ты писала, что ты ... и Слоновы получили, а он ещё 17 человекам послал, и всем вот огулом в Консерваторию и в филармонию. После него и я с несколькими учёными послала около 30 про-

фессорам именные посылки и огулом в наш профессиональный союз, и в канцелярию курсов и библиотеку, и на лабораторию ботанических курсов и университета, но мы так и не знаем, дошла ли хоть часть. Энергия пропадает хлопотать, и м. б. зря. Что же кормить американских богачей. Серёжа ведь, оказывается, много нам прежде посылал, а мы ничего не получили через еврейскую организацию. Маша, как меня возмущает, что все считают Гуню каким-то миллионером. Такие басни про него рассказывают, а у него всего-то денег на год прожить есть, не больше. Всё оттого, что не отказывает в помощи другим, все и думают, что распух человек от денег.

Целую. Ваша Соня».

Не менее важная тема — достойное сохранение облика художника для последующих поколений, осознание значимости его творчества, правдивая и объективная обрисовка его личности, объективные оценки; невозможность искажения, умаления, недостоверное приписывание или намеренное умолчание фактов биографии. Обо всём этом с тревогой заботилась Марина Гриценко, которая незадолго до своей кончины в преддверии 100-летия Рахманинова писала Фурцевой и Хренникову (1970 или 1971 г.). Фрагмент черновика письма: «...большая ответственность встаёт перед нами — своевременная подготовка 100-летнего юбилея С.В. Рахманинова, композитора, пианиста и дирижёра, горячо любимого нашим народом. Его музыка, звучащая ежедневно в эфире и часто — с концертных эстрад нашей страны, хорошо известна и любима нашим народом. Горячие её поклонники находятся в самых отдалённых уголках нашей страны, она не сходит с репертуара исполнителей Запада и США ... Нельзя также считать благополучным выпуск литературы так сказать, художественной. Некоторые журналы и издательства допускают выпуск книг, посвящённых деятелям прошлого русской культуры, вульгаризирующих и искажающих подлинный их облик. Обиднее всего, что они адресуются молодому читателю». В том же письме обозначена ещё очень важная проблема. «Рахманиновские памятные места долгое время не привлекали к себе внимания, что создало особые трудности в их восстановлении. Фактически вопрос сводился к двум мемориальным местам. Новгород, место появления на свет (Онег) Сергея Васильевича и зарождения творческого облика, и Тамбовщина, село Ивановка, где находилось горячо любимое имение и по прошествии 28 лет были созданы самые выдающиеся произведения русского периода композитора. Как это видно из прилагаемой справки, состояние подготовки этих 2-х мест различны ... но оба нуждаются в своевременной поддержке и помощи особенно в Новгороде».

Разве сегодня эти проблемы потеряли актуальность?

После кончины композитора его архивное творческое наследие разбирали и распределяли между хранилищами России и США Н.А. Рахманинова и С.А. Сатина. Смерти Н.А. Рахманиновой (1951, когда практически уже очень много материалов было передано ими в Библиотеку Конгресса), а затем Ирины Волконской (1969) были очень тяжелы для Сатиной.

Она пишет М. Гриценко: «...не писала Вам и ничего не слышала о Вас целую вечность. Смерть моей дорогой Ирины и работа — приведение в порядок и ликвидация её личных вещей, писем, обстановки квартиры и пр. — заняла четыре с лишним месяца. Теперь вся эта грустная, неотложная работа кончена, и я могу приняться за свои дела, в первую очередь, за корреспонденцию ... Я стараюсь закончить прерванную работу с архивом Рахманинова. Архив этот очень сильно пополнился теперь. Большая часть нового материала уже выслана в Библиотеку Конгресса, где он хранится, но осталась ещё не приведённая в порядок часть его. Но так как я чувствую, что моя память начинает сдавать (не сила, энергия и здоровье), то хочется поскорее благополучно закончить все дела с архивом (Сатиной в это время — 90 лет! — H.M.). Жду, между прочим, ответа от Е.Н. Алексеевой насчёт большого портрета Рахманинова, написанного Борисом Григорьевым, который Ирина предлагает Музею музыкальной культуры. Жду письма З.А. Апетян насчёт писем Рахманинова, которые Ирина разрешила поместить во 2-м издании Писем Рахманинова под редакцией Апетян. Обе пока молчат. По многим причинам было бы лучше не откладывать эти два дела, пока я жива!»

За три недели до кончины Н.А. Рахманиновой Сатина, вплотную занимающаяся работой по выявлению недобросовестных сведений, которые часто появляются в печати, и, в частности, приписывающих совместные выступления с Сергеем Васильевичем, писала ей:

«4 января 1951

Дорогая Наташа, надеюсь, что ты получила мою телеграмму, из которой видно, что хоть в одном пункте можно указать на неточность её заявлений, я забыла имя этой нахалки (речь идет о человеке по фамилии Фриман, который якобы играл совместно с Рахманиновым в концерте в дуэте на двух формениано — И.М.). А именно в Sawoy Hotel Отель (лат) Серёжа её не мог принять, ибо Вы остановились в Piccadilli. Это, конечно, ошибка небольшая, но я бы пока ни Грейнерам, ни другим не говорила бы об этом, а то она может узнать преждевременно о своей ошибке и приготовиться к отпору. Что касается пребывания Серёжи в Таганроге во время войны, то с 1914 года по 1917 он был там только раз — 27 января 1917 г. Накануне играл в Ростове на Дону, который хотя и близко к Таганрогу, но всё же репетировать с Friman'ом до концерта 27 он бы не мог ту вещь или те вещи, которые они якобы играли вместе! Ведь выдумать же ещё такую чушь: Рахманинов и Фриман играют на 2-х фп. Если бы это было ещё в конце того века, когда Серёжа жил без гроша, а то в 1917 г., когда он стал знаменитостью, он вдруг стал бы играть на 2-х фп с неизвестным Friman'ом, да ещё без репетиции. Зилоти был единственным, с кем он играл на 2-х фп в концертах, Гольденвейзер, Блуменфельд ещё, — но не публично! (и возможно Танеевым — в память Аренского в 1906). Пишу Букинику и ещё хорошо написать или тебе позвонить М. Плотникову (у него есть телефон, спроси имя его у Асланова) и узнай, нет ли в его чудной библиотеке «Русской музыкальной газеты» за 1917 год. Тогда можно было бы доказать, что

ни с каким Friman'ом Рахманинов не играл. Спешу. (Плотников перепишет для тебя из Артиста про модную статью о спект. Алеко!!)».

Продолжение письма от 4 января 1951 г., из которого становится ясно, сколько сил и времени потратила Сатина на выяснение подробностей только по одному бессовестному утверждению.

Софья Сатина — Наталье Рахманиновой 4 января 1951:

«Дорогая Наташа, перед обедом так спешила кончить тебе письмо, что вряд ли ты сможешь разобрать мои каракули. Меня ждали и звали, и я просто не могла сосредоточиться, чтобы ясно написать, что хотела. Попытаюсь теперь не спеша сказать, что хотела. Вопрос о Таганроге: и ты, и мы все знаем, что Серёжа НИКОГДА ни с каким Фриманом на 2-х фортепиано НЕ ИГРАЛ. Но мало знать, надо доказать это. Для этого надо постараться узнать, был ли такой пианист вообще в России. И если был, то где он работал или играл. Предлагаю тебе следующее:

А. Ссылаясь на то, что мы заканчиваем обработку архива и, конечно, НЕ упоминая об этой пианистке-нахалке, я запрошу Яссера, Букиника и Плотникова, не знали ли они такого. Все они евреи, и если Фриман существовал, то, вероятно, они слышали о нём. Не так много музыкантов было в наше время в России.

Б. Я только что пришла из библиотеки, где у нас имеется ВЕСЬ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Рылась там, ища сведения об Императорском Русском Музыкальном Обществе и его отдалениях. Ничего НЕ НАШЛА, т.к. все это было издано в начале этого столетия. А искала я ответа на то, БЫЛО ли ДО РЕВОЛЮЦИИ В ТАГАНРОГЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУС. МУЗ. ОБЩ., т.е. Музыкальное Училище. Если НЕ БЫЛО, то эта особа опять наврала, если я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛА из письма её к Таубману, которое ты мне читала по телефону, ЧТО ФРИД-МАН был директором Муз. Училища при консерватории в Таганроге, когда он играл с Золотым. Так как Таганрог рядом с Ростовым на Дону, а там БОЛЬШОЕ Муз. Училище, то более чем сомнительно, что такое же Училище было и в Таганроге. Но это надо проверить.

ПОЭТОМУ В МОЕМ ПИСЬМЕ к Яссеру, вероятно, будет и этот вопрос. Яссер, вероятно, знает лучше других, т.к. он вообще очень хорошо осведомлён о музыкальных делах России до Революции.

Г. Если ты будешь давать интервью и опровергать её слова, то можешь лучше всего сослаться на то, что у Серёжи была записная книга, в которую он НЕУКОСНИТЕЛЬНО ЗАПИСЫВАЛ ВСЕ ЧИСЛА СВОИХ КОНЦЕРТОВ С УКАЗАНИЕМ УЧАСТНИКОВ КОНЦЕРТАНТОВ, если таковые были. То есть отмечал всех дирижёров, певцов, пианистов скрипачей, виолончелистов, которые играли с ним в концерте. В концерте Таганрога 17 января 1917 года у него просто стоит знак «-», показывающий, что это был простой реситаль. О том, что у него не было бы времени репетировать со вторым пианистом до концерта в Таганроге во что бы то ни было, — само собой разумеется, т.к. он накануне играл в другом городе. В архиве, — скажи интервьюеру, — имеются данные, кото-

рые показывают, что он в концерте выступал с другими пианистами только в редких случаях: Зилоти, Пабст, Иосиф Левин и, возможно, Танеев. Не публично — ещё с Блуменфельдом; кажется, его звали Феликс.

Если ты сама захочешь переговорить с Яссером или Плоткиным, то телефон Яссера в вашей телефонной книжечке или просто я его сейчас дам: М-026395. Зовут его Иосиф Самойлович. Телефон Плотникова Евгения Евгеньевича End-2-7437. У него главным образом надо узнать насчёт того, есть ли у него в библиотеке Русская Музык. Газета за 1917 год, хотя бы 2 первых номера (январь, февраль). Думаю, что у Букиника Михаила Евсеевича телефона НЕТ, но можете проверить в телефонной книге.

2. Вопрос о встрече этой особы с Серёжей в Савой отеле: как я телеграфировала тебе, вы останавливались в 1929 г. в Пиккадилли отель. Письмооригинал от 3 ноября возвращено мной Жене. Там стоит название отеля напечатанное. У меня здесь просто переписанная на машинке копия. Конечно, он играл три концерта, между которыми ездил по другим городам Англии. Всегда ли он возвращался в тот же отель, ты знаешь лучше меня, но у меня впечатление, что почти все письма приходили из Пиккадилли. Конечно, вполне возможно, что у меня есть письма от Серёжи или от тебя за этот месяц из Англии. Письма эти в клозете в Ирининой комнате, которую сторожит Би. Они под замком, ключ же здесь со мной, так что достать их без меня будет трудно. Но если надо — могу приехать.

Напишу я также Ватерсу, чтобы он узнал в Библиотеке Русского Отдела, есть ли у них за 1917 г. Русская Музык. Газета. Сомневаюсь в этом, т.к. из-за начавшейся революции и забастовок присылка русских газет и журналов в Америку была очень неаккуратна. В Нью-Йорке в Паблик Лайбрари всё кончается 1916 годом. Всё, т.е. все номера этой Музык. Газеты, Русские Ведомости имеются большей частью разрозненные номера. Всё же попробовать стоит. Пусть Ваттерс старается.

Навела ли ты справки о том, послала ли Мисс Вурхис Серёжины МАНУСКРИПТЫ. Надо бы её спросить, а то как страшно, что с ними что-нибудь случится. Спроси, пожалуйста.

Играете ли вы в карты или иногда тоже в Иринины игры. Была ли ты у главного доктора? Смотри, Коот, ради Бога не волнуйся ты зря об этой истории. Стоит ли кровь портить. Ведь так много вообще врут и насчет Серёжи и всех людей.

Всего хорошего тебе и Ирине. Целую вас обеих в лобик. У нас здесь было много снега, когда я приехала. Поезд был ПЕРЕПОЛНЕН, насилу нашла себе место. Приехала домой и оказалось, прожила ещё два дня совсем одна. Холод собачий, т.к. дом стоял почти нетопленый целую неделю. «Помчалась» (черепашьим шагом, т.к. ВСЁ БЫЛО ПОКРЫТО ЛЬДОМ) за молоком, хлебом и маслом себе на утро, съела твои бутерброды с чаем на ночь и завалилась спать в 10 часов вечера. Вчера ночью вернулся Блэксли, а через три дня вернётся мой испанец. Жизнь войдёт в окончательную норму.

Твоя С.С.»

Неотъемлемая составляющая личности композитора — сострадание к людям. Трудно перечислить все свидетельства его благотворительности. Юношей, едва научившись зарабатывать на жизнь уроками, он начал помогать отцу и матери. В дальнейшем он помогал родным и близким, знакомым и незнакомым, просящим помощи и молчаливым, деньгами и посылками, голодающим русским людям, «труждающемуся и обременённому» люду Советской России, эмигрантам, не сумевшим устроить свою жизнь на Западе.

Сколько же их было, этих адресов, по которым постоянно текла благотворительная помощь Рахманинова? И о которых никто не должен был знать? В Музее-усадьбе С.В. Рахманинова «Ивановка» ведётся картотека благотворительных деяний композитора, насчитывающая около двух тысяч адресов, что определяет огромность содеянного. О своей благотворительности Сергей Васильевич не разрешал ни говорить, ни писать. Он хотел делать это так, как поступал его кумир Антон Павлович Чехов. «Что за человек был Чехов!.. Совсем больной и такой бедный, а думал только о других. Он построил три школы, открыл в Таганроге библиотеку. Он помогал направо и налево, но больше всего был озабочен тем, чтобы держать это в тайне».

Обычно концертный сезон начинался в Америке и Канаде, продолжался в Европе: Англия, Франция, Германия, Австрия, скандинавские страны, Голландия, Бельгия, Швейцария. Или наоборот — сезон начинался в Европе, а заканчивался в Америке. Они так и шли один за другим — концерты, концерты, концерты... Фирма «Стейнвей» даже предложила композитору специальный вагон с роялем, чтобы он мог, переезжая с места на место, заниматься, не выходя из вагона, не теряя времени на гостиницу и поиски места для репетиций. Но такое не могло продолжаться долго, так как подобная практика грозила превратиться в конвейерную систему.

В Америке ярко раскрылась незаметная доселе черта характера Рахманинова — сочувствие к русским людям, терпящим голод и нужду, не имеющим возможность получить образование и работу, и желание помочь им, где бы они не жили: в России или за границей. Рахманинов отправлял материальную помощь и продуктовые посылки. В числе адресатов не только родственники, друзья и коллеги, но и незнакомые люди.

В одном из воспоминаний читаем: «... взывали о помощи общественные русские организации, заботящиеся о стариках, о сиротах, об инвалидах; просили помочь многие русские учебные заведения, открывшиеся в разных странах Европы: одни нуждались в деньгах для оплаты помещений, другие старались выхлопотать помощь, чтобы подкрепить полуголодных учеников, чтобы обзавестись инвентарём, пианино; нуждались в помощи церкви, общежития». Среди адресатов назовём в России: университеты и консерватории (Москва, Петроград, Киев, Харьков, Нижний Новгород, Одесса, Саратов); ещё в Москве — Высшее техническое училище, Институт инженеров путей сообщения, Сельскохозяйственный и Коммерческий институты, Школа живописи и ваяния, Высшие женские

курсы, Союз русских драматических и музыкальных писателей, Большой, Малый, Художественный театры, Комитет содействия учёным; в Петрограде — Институт путей сообщения, Технологический, Горный, Политехнический институты, Медицинская академия, Высшие женские курсы, Академия художеств, консерватория, Академия наук, Союз драматических и музыкальных писателей, Дом журналистов и учёных, Мариинский и Александринский театры... Такой список можно было бы ещё продолжить.

Других адресатов композитор разыскивал. (1932 г.): «В какой-то газете я прочёл, что в Париже образовался Эмигрантский Комитет помощи безработным... Ввиду всё усиливающейся нужды среди русских я решил дать в Париже концерт в пользу безработных и сегодня отправил телеграмму своему лондонскому агенту, поручая ему... взять на себя общее руководство по устройству этого концерта... весь чистый сбор с концерта поступит в распоряжение Вашего комитета». (1926 г.): «Я слышал, что где-то во Франции существует несколько пансионов и что цена полного содержания для одного русского мальчика составляет 150 долларов за год... Если эта информация правильная, то я хочу взять опеку над одним мальчиком...». А вот фрагмент благодарственного письма одного из таких мальчиков: (1935 г.) «В течение трёх лет бывши Вашим стипендиатом я считаю своим долгом сообщить Вам, что в июне этого года я сдал государственный экзамен и получил диплом доктора медицины... Могу сказать без преувеличения, что я достиг своей цели — высшего образования, исключительно благодаря помощи, которую оказывали мне Вы... Для меня, Сергей Васильевич, для человека, который так далёк от Вас, которого Вы никогда не видели и вряд ли увидите, Вы сделали больше, может быть, чем предполагаете. Моё сердце переполнено благодарностью Вам, и не за себя только, но и за родителей моих и за брата, потому что мы все, живя вместе, равно пользовались приходившими от Вас деньгами».

Из письма Е.Ф. Гнесиной: «Дорогой, любимейший, обожаемый Сергей Васильевич и дорогая Наталья Александровна! Вы себе представить не можете, какую громадную радость доставила мне и всему нашему дому Ваша посылка и, главное, память о нас, скромных труженицах! Ведь никто из наших многочисленных знакомых и друзей, находящихся теперь за границей, ни разу не вспомнил о нас, ведущих такую безрадостную, полную труда и тревог жизнь. 27 декабря я созываю всех своих преподавателей на экстренное педагогическое собрание — вечеринку, на которой угощу всех пирогом с рисом, куличом и чаем с молоком».

Из письма М.С. Шагинян: «Дорогой Сергей Васильевич, помните ли Вы меня? Я только на днях, случайно, узнала Ваш адрес и хочу попросить Вас о том, о чём, вероятно, Вас просят отсюда без конца: внесите, пожалуйста, в ARA (Американское агентство помощи русским) 10 или 20 долларов, чтобы мне выдали здесь продовольственную посылку».

А вот ответ Сергея Васильевича на письмо профессора Московской консерватории В.Р. Вильшау, рассказавшего другу, как делили его посыл-

ки в Москве: «Отныне я предпочитаю посылать именные посылки и буду просить тебя сообщить мне имена и адреса наиболее нуждающихся из профессорского персонала консерватории. В числе лиц упомяни непременно адреса Морозова и Гедике. Московская консерватория — единственное учреждение, которое не удостоило меня ни словом привета. Объяснение, данное ими тебе и состоящее в том, что им неизвестен отправитель, не выдерживает критики, так как на каждом бланке стоит моё имя. Да и как объяснить тот факт, что двое из профессоров обратились всё-таки лично ко мне с благодарностью? Затем, тебе, например, сказали, что летом прислано было 5 посылок, а их было 20. Но самое главное — это желание знать, между кем и как были распределены посылки. Буду ждать твоего листа и по мере сил высылать всем непосредственно».

Осенью 1941 года на одном из концертов Сергей Васильевич объявил, что весь сбор поступит в пользу Красной Армии. По распоряжению композитора его импресарио передал чек на 3920 долларов от концерта 1 ноября генеральному консулу СССР в США В. А. Федюшину. В благодарственном ответе указывалось, что пожертвование будет истрачено на приобретение медицинского оборудования в соответствии с пожеланием композитора. В марте 1942 года Рахманинов передал 4166 долларов — на эти деньги приобрели рентгеновское оборудование. Помощь медикаментами советским воинам Рахманинов продолжал до самой смерти.

Хотелось бы привести воспоминание знаменитого американского дирижёра Юджина Орманди о семейной атмосфере в доме композитора :

«Рахманинов был очень счастлив в семейной жизни. Я сам много раз наблюдал его как прекрасного мужа, великолепного отца, и, даже более того — прекрасного деда. Его семья, его "три леди" были всегда вместе с ним: жена, дочь и внучка. Когда Рахманинов заканчивал концертное выступление, он покидал своё место за роялем и шёл, иногда останавливаясь, к сценическому выходу; затем он, бывало, торопился и прямо-таки бежал к своей артистической, где его ждали жена и дочка, и он, увидев их, наклонялся и целовал руки. Он всегда вначале думал о своей семье. Они были так тесно связаны и счастливы вместе! Вот какая была красивая семейная жизнь... Это особо примечательно как раз в то время, когда много, казалось бы, счастливых семей, разбивалось».

**

NВ. В прошлом году я рассказывала о Музее-усадьбе Рахманинова как о центре научной и просветительной деятельности. За последний год в жизни «Ивановки» произошло немало важных событий. Она обрела статус музея-заповедника, его директору А.И. Ермакову присуждена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства. Но самым знаковым событием нынешнего года стал Указ Президента Российской Федерации о праздновании 150-летнего юбилея С.В. Рахманинова в 2023 г. В настоящее время идет подготовка по его реализации.

Светлана Загорская (Россия, Москва)

Родилась и живёт в Москве. Закончила отделение истории искусства истфака МГУ им. М.В. Ломоносова. Работает в отделе искусства Старых мастеров ГМИИ им. А.С. Пушкина ведущим научным сотрудником, хранителем испанской живописи. Публикует статьи и эссе по истории западноевропейского искусства в различных изданиях. Куратор выставок, автор каталогов.

Миф об Эль Греко у Мальро и Кокто (По материалам доклада на Випперовских чтениях)

Désormais, le voici en proie à l'univers secret des noyés, des pendus, des morts statufiés dans leur dernière pose par le magnésium des catastrophes. Tous les visages, toutes les mains, tous les torses, toutes les jambes, qui sortiront du tube fiévreusement pétri auquel ils ressemblent, s'étireront, se dénoueront, se renverseront, se hausseront et souffriront des crampes sublimes de ceux qui dépérissent sur terre¹.

Cocteau. Le Greco

« Под именем Эль Греко Доменико Теотокупили ещё живым вошёл в миф»². Так начинает свое эссе Жан Кокто. Отчасти это так, отчасти нет. Но очевидно одно: миф, которым был окружен Эль Греко при жизни и к которому сам он был несомненно причастен, и миф, который создали о нём за последнее столетия, разнятся.

Мистификации Эль Греко при жизни преследовали зачастую довольно утилитарные цели: состояли они либо в желании найти богатого и знатного заказчика, либо повысить цену за свои произведения. Все остальные полулегенды служили в основном удовлетворению самолюбия художника. И он в этом совсем не оригинален.

Собственно, при жизни художника мифов было два: легенда о том, что, переехав с острова Крита, где он родился, в Венецию, он поступил в мастерскую Тициана и стал его учеником. Никаких документальных подтверждений этому до сих пор не найдено, в отличие от других учеников, работавших у великого венецианца. Впрочем, любой художник, во второй половине XVI века приехавший в Венецию и остававшийся в городе на лагуне, мог назвать себя учеником Тициана.

Джулио Кловио, успешно работавший миниатюристом при папском дворе, друг Эль Греко, специально написал об обучении у Тициана в ре-

¹ Отныне, он - добыча тайного мира утопленников, висельников, мертвецов, застывших в последнем жесте, ставших статуями под магнием катастроф. Все лихорадочно слепленные лица, руки, торсы, ноги, которые вырвутся из этого туннеля, подобные ему, потянутся, распутаются, опрокинутся, поднимутся и почувствуют великолепные судороги тех, кто впустую увядал на земле. (Жан Кокто, "Эль Греко").

 $^{^2}$ Cocteau, Jean .Le Greco. Les Demi-Dieux. Au divan, Paris, 1943. Цит. по: Жан Кокто. Тяжесть бытия. СПб, 2003, c.393

комендательном письме к кардиналу. Мастерскую Тициана, говоря об Эль Греко, упоминал и Джулио Манчини — папский врач, меценат и автор жизнеописаний римских художников. Такая биографическая подробность могла дать хорошие шансы на получение заказов, имя и слава Тициана сами по себе действовали магически на Рим конца XVI века. Но, как известно, этот миф не спас художника, Рим ему пришлось покинуть, не найдя ни признания, ни больших заказов. Считается, что Греко отправился в Испанию после скандала, который разразился вслед за резким осуждением им фрески «Страшного Суда» Микеланджело.

Не помогла легенда об ученичестве у Тициана ему и в желании стать придворным художником при испанском дворе Филиппа II. Королю не понравилось заказанное для Эскориала Эль Греко полотно «Мученичество Святого Маврикия». Этот отказ навсегда оставил его в Толедо.

И вторая легенда связана с глубокой образованностью Эль Греко, которую отчасти поддерживал он сам. Кроме имени и фамилии, написанных на греческом, он добавлял kres — критский. Это топонимическое прилагательное появляется в греческом начертании в подписях его картин — подписях художника-иностранца — начиная с венецианского периода. «Речь идёт не просто об авторской гордости живописца, сохраняющего неизменной подпись на своих работах, начиная с критского периода, не о желании "выделиться" фирменным знаком, не о выражении чувства превосходства из-за причастности к другой культуре. Несомненно, что благодаря знанию греческого языка и способности читать в подлиннике греческих классиков — в том числе отцов восточной церкви — он верил в свой особый культурный статус и принадлежность к тысячелетней культуре, он также гордо подчёркивал своё происхождение с острова в восточной части Средиземного моря, на котором родился Зевс и воспитывался Парис»¹.

Однако документы свидетельствуют, что Доменико не был сыном критского или венецианско-критского дворянина, чтобы позволить себе платить тридцать дукатов в год за обучение — в публичной школе Кандии, а также за уроки древних языков с частными учителями. Он был сыном гражданина, членом семьи коммерсанта с небольшим доходом и, по всей вероятности, с ограниченными культурными запросами. Его воспитание, как и воспитание всех мальчиков из небогатых семей, ограничивалось обучением чтению, письму и элементарному счёту под руководством какого-то католического учителя, который также мог преподавать венецианский диалект итальянского языка. Крит тогда входил в состав Венецианской республики. Но Доменико не требовалось другого образования — родители не собирались посылать его учиться в Италию в Падуанский Университет, который посещали дворяне острова, он просто должен был продолжать коммерцию отца или брата, или на худой конец поступить в ученики к живописцу. Что и случилось.

¹ Marias , Fernardo. El Greco. Historia de un pintor extravagante. Nerea, 2013. Цит. по: Фернандо Мариас. Эль Греко. Жизнь и творчество. Арт-Волхонка,2014, с.39-41

Однако огромное расширение интеллектуальных горизонтов Эль Греко произошло во время переезда в Рим, когда Кловио устроил его на виллу Фарнезе, где до окончания строительства проживал ли он сам и Фульвио Орсини. Орсини был каноником церкви Сан Джованни ин Латерано, коллекционером древностей, специалистом по эпиграфике и нумизматике, автором книги «Изображение и восхваление знаменитых мужей». При поступлении на службу к кардиналу Фарнезе в его обязанности входило пополнение библиотеки и живописного собрания. Основное ядро друзей Орсини составляли интеллектуалы и эрудиты Рима. В этом кругу Доменико вращался во время пребывания в Риме, наслаждаясь учёными разговорами и академическими построениями, чтением книг из огромной библиотеки Фарнезе, сочинениями классиков и современников на итальянском языке, который, конечно, он совершенствовал за время пребывания в Италии. Надо сказать, что на испанском он говорил и писал с ошибками, так его и не выучив.

Покидая Крит, Эль Греко с самого начала отверг простой образ художника-ремесленника, практичного, жизнерадостного, приветливого и плохо образованного. Движимый амбициями и желанием прославиться, понимая, вероятно, собственное предназначение, он приехал сначала в Италию, а затем в Испанию; но «мадридское фиаско» не дало ему возможности стать художником — придворным, гуманистически образованным дворянином по манерам, грации, элегантности, поглощённым творческой деятельностью, погружённым в жизнь двора и признанным знатью почти равным. Он выбрал, а скорее сформировал собственный тип художника, «экстравагантного гения, достойного внимания и почтения, однако всегда сохраняющего дистанцию; при этом любознательность и желание учиться приближали его к типу художника-эрудита, погружённого в мир размышлений, сначала углубившегося в комментарии к жизнеописаниям Вазари и трактатам Витрувия, а затем расширившего круг своих интересов» 1. И только в Толедо ему удалось воплотить эту идею.

Тем не менее, изначальные легенды об Эль Греко, созданные во многом им самим, впоследствии приобрели совершенно другие черты.

И произошло это не только благодаря судьбе эмигранта и самобытнейшему творчеству, но и потому, что на протяжении веков его биография служила полем сражения для бьющего через край романтического воображения историков искусства и культуры.

Фернандо Мариас — крупнейший современный исследователь творчества Эль Греко — совершенно справедливо продолжает: «Эль Греко рассматривался — чаще безальтернативно, чем синтетически — как восточный критянин или чистокровный испанец; как пламенный аскет-мистик и римско-латинский католик или как холодный светский прагматик;

как набожный православный грек или как перебежчик из одной религиозной конфессии в другу;

¹ Там же.

кроме того, в нем видели еврея — от русского живописца Хаима Сутина до датского писателя Ральфа Оппенгейма (Испания в зеркале)»¹.

«...Столь же различны его интерпретации как живописца: то экстравагантного, погружённого в поиски оригинальности, выделяющей его в среде современников; то сумасшедшего или по крайне мере физически больного, поскольку его реальное видение предметов искажалось астигматизмом, то преданного и набожного представителя разных религий и культур Европы XVI века, для которого личное самовыражение не имело значения, то любознательного и экспрессивного, даже экспрессионистического выразителя своего отречения и мистического экстаза; то спонтанного и неконтролируемого, то философа и теоретика, владеющего интеллектуальными и концептуальными инструментами, которые позволяют ему абсолютно рационально объяснить собственное искусство, иногда очевидно метаживописное; попадаются и книги, в которых живописец, как известно, с трудом владевший испанским языком, превращается вместо Мигеля Сервантеса в тайного автора «Дон Кихота Ламнчаского»².

И Мальро, и Кокто рассматривают самого Эль Греко и его творчество — Кокто совершенно не разделяет эти вещи, — в рамках одной или нескольких из перечисленных Мариасом ипостасей. Но, в основном, как «экспрессионистического выразителя» своего отречения от мира, художника, находящегося в «мистическом экстазе», сплетающего лианы лишённых плоти тел в коллонны, устремлённые к Божественному свету, имеющему нетварную природу, но соединённому с огненной энергией молний и гроз.

Интересно, что оба произведения написаны примерно в одно время. «Миф об Эль Греко» Кокто вышел в 1943 году, когда ещё не была окончена война, что тоже очень показательно. В конце эссе, цитируя собственное стихотворение, он пишет:

«Расстрепанные ангелы ломали в отчаяньи руки, А им кричали: "Хватит вам корчить рожи!" (Ангелы впрямь были уже на людей не похожи) Ступени за прутья клетки они принимала в испуге. Пламя, ангелы. Остролист. Воедино слились. Пронзены лучами...

Я написал эти стихи, вошедшие в книгу "Аллегории" в 1938 году. В 1943 посреди великих бедствий и самолётов, которые загораются и взрываются в ночном небе, мне кажется, эти строки были прославлением Греко. Мне кажется, что всё огнедышащее, смерть и молитва по праву принадлежат этому художнику»³.

«Художественное творчество» — третья часть «Голосов безмолвия» — вышла в 1948 году. Оба текста имеют форму эссе. Но текст Кокто это отдельное законченное литературное произведение, текст Мальро — входит в ткань большого многочастного эссе, посвящённого философии

¹Там же.

² Там же.

³ Кокто, с.393-405

Эль Греко. Изгнание торгующих из храма. 1600. Национальная галерея. Лондон;

искусства. Кокто, как почти всегда в своей прозе, достигает концентрата поэтического произведения, где за каждым словосочетанием стоит бесконечность смыслов и культурных пластов, относящихся не только к герою его эссе. Мальро безусловно более нарративен, развивает повествование по горизонтали, заканчивая рассуждениями о творчестве Тинторетто — художника в гораздо большей степени повлиявшего на сложение стиля Эль Греко, чем Тициан. Интересно, что Мальро это делает в обратной последовательно. Вместе с тем, мини-эссе о Греко органично вписывается в общий строй шестой главы.

В других частях «Голосов безмолвия» он более сорока раз возвращается к имени Эль Греко, характеризуя его двумя-тремя необходимыми ему для контекста фразами. Иногда очень точными.

За несколько страниц до начала анализа работ Эль Греко, Мальро делает очень точное, с нашей точки зрения, замечание «о любви к биографиям», которое совершенно современно и сейчас. «Свой вкус к биографиям наша эпоха объясняет тем, что она-де является эпохой осознания истории: но часто причины куда менее благовидны. Помимо современной романтики (смеси театра и кабаре), которой биографам редко удаётся избежать, они потакают ещё и вере в примитивный детерминизм. Средневековье не знало о художнике ничего, даже имени; Возрождение взялось изучать его так же, как и других знаменитостей: искусство и личность оставались разделены. На смену раз-

делению пришла связь между талантом и поиском тайны: хотя никто ещё не объясняет тактику Итальянского похода (Наполеона) интрижкой Жозефины, а уточнение уравнения Масквелла — любовным приключением Эйнштейна, но только ленивый не ищет в связи Гойи с герцогиней Альбой ключ к его живописи! Наша эпоха верит в раскрытие тайн. Во-первых, потому что стесняется своего восхищения, а во вторых, потому что надеется отыскать среди этих тайн главную — тайну гениальности...»¹

Кокто видит разрушение тайны в другом, он восстаёт против формального анализа картин Греко, превращая художника практически в невесомое существо, находящееся в мире, отличном от реалий мира живых:

«Отныне он — добыча тайного мира утопленников, висельников, мертвецов, застигнутых в своих последних позах магниевыми вспышками катастроф... Подхваченные вихрем развеваемых бурей знамён, они жаждут достичь тех областей света, где ангелы и боги парят в безумном вихре юбок и звуковых волн. Это безмолвный крик Эль Греко (какая корреляция с названием «Голоса безмолвия»!) не подходит под правила, которые навязывают ему специалисты. Меня воспитывали те, кто покрывал его картины калькой, стремясь выявить скрытые геометрические построения, лежащие в основе его картин. И находили, и радовались, и разлагали на части тайну...»²

И даже там, где можно было бы вполне рационально и отчасти биографически объяснить некоторое вещи — например, перемещение критского мастера в пространстве Средиземноморья и Адриатики, они наоборот накрывают его плотным пологом своей восхитительной прозы, создавая символ, образ, миф, окончательно затмевающий реальность:

«И разве не на Крите, родине мифа, — пишет Кокто, — родился он, там, где человек с бычьей головой бился курчавым лбом о стены лабиринта? И раз миф о художнике допускает самые дерзкие предположения, не приятнее ли нам будет, представить себе его рождающимся из лабиринта, вытягивающимся, подобно собственной тени, чтобы бежать из своей геометрической темницы к небу, с его беспорядочным соединением крыльев, извивающихся и разорванных линий и лучей света.

Он покидает Критский лабиринт, этот прообраз плана Толедо, для того, чтобы попасть в лабиринт Венеции, вытянутые, преломленные водой линии, которые будут для него, возможно, плодотворнее, чем уроки Тициана и Тинторетто»³.

Мальро более традиционен. Он пытается проследить путь Эль Греко, указывая на то, что его «историческая близость... даёт нам достаточное представление о его работах (!!!!) и позволяет с известной точностью представить себе его помыслы и направления поисков.

В то же время он свободен от нашей эпохи и тех иллюзий, которые она нам внушает.

¹ Malreaux, Andre. Le voix du silence. Gallimard, 1951,2004. Цит. по: Андре Мальро. Голоса Безмолвия.Спб, Наука,2012, сс.482-512

² Кокто, с.393-405

³ Там же.

При этом Мальро строит свой близкий к искусствоведческому анализ на очень субъективном ряду произведений Эль Греко. Он не пишет практически ни об одном, как бы мы сказали, highlight'е из творческого наследия мастера. Он почти ничего не говорит об абсолютном шедевре «Эсполио» из Толедского Собора — только о фигуре, сверлящей дырки, «Похороны графа Оргаса» удостаиваются лишь сравнения графа Оргаса со священным скарабеем в руках священников, а ангелов в небе над ним с саранчой; он не обращает внимания ни на один портрет Эль Греко, хотя мы с вами знаем, что Греко был гениальным портретистом, и наверное это лучшее, что он на самом деле вывез из Венеции; он не удостаивает внимания ни один из апосталадосов Эль Греко, лучший из которых находится в музее в Толедо; его не занимают варианты «Моления о чаше»...

Выбранные Мальро произведения полностью посвящены его идее об Эль Греко, его романтическому осмыслению творчества мастера. Поэтому следом за ранними «Изгнаниями торгующих из храма», он переходит к позднему варианту, указывая на то, как Эль Греко очистил композицию от ранних венецианских подражательных и отчасти неумелых композиционных наслоений: лишних женских фигур и предметов.

Затем он упоминает позднюю «Встречу Марии и Елизаветы» с исчезнувшими лицами, обратившимися в серые остовы окаменевших драпировок, и к поздней «вздыбленной» Тайной вечере, сравнивая ее и с оплывшим витражом, и с сезанновским портретом садовника... Он пишет о том, что когда Эль Греко внутренне борется с «Италией» в себе, он стремится, прежде всего, не к удлинённости пропорций (а нам всегда казалось, что именно к ней, и не меньшую дань которой отдали маньеристы и Тинторетто), а к беспримерной системе объёмов, «которую нам было бы трудно охарактеризовать, если бы нас к ней не приучил Сезанн... объёмов, освещаемых барочными вспышками...», а мы полагали, что это восходит к византийским корням искусства критянина.

Мальро считает, что силу своего искусства Эль Греко осознал в 1580 году, создавая небо луврского «Распятия», которое больше похоже на мрамор, чем на грозу, и открывает за фигурами не безмерную мощь, не бездну, а плоскость. И эта плоскость сохранится во всех его дальнейших произведениях. Он как будто специально не замечает, что все большие алтарные композиции Греко имеют средневековую композиционную схему по регистрам, где сосуществуют несколько перспектив «рыбьей кости», которые он укрепляет сильными «венецианскими» ракурсами и их построение похоже на многорядовые византийские образцы!

И все это Мальро делает для того, чтобы прийти к изначально заданным им самим выводам:

«Бог существовал для Эль Греко не так, как для шартрских скульпторов, которым он был даден, а так, как для неистовых сектантов, святых и еретиков, — в таинственном присутствии»¹.

 $^{^1}$ Malreaux, Andre. Le voix du silence. Gallimard, 1951,2004. Цит. по: Андре Мальро. Голоса Безмолвия.СПб, Наука,2012, сс.482-512

Эль Греко. Вид Толедо в грозу.1597-1599. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

«Эль Греко ищет — не христианское изображение, он ищет и находит — христианский стиль»¹.

«Его давние соперники в Венеции стремились развернуть свое искусство как можно шире — ему же напротив нужна была глубина, к тому же не пространственная, а внутренняя. В одиночестве своего сгоревшего сада, которое он кропотливо обустраивал за увитой мавританским плющом оградой, Эль Греко писал теперь (не считая прекрасных портретов, дававших ему средства на жизнь, и изображений близких) только то, что не видел: персонажей Ветхого Завета, святых, пророков. Немногочисленные доспехи, драпировки, ослепительные цветы в Благовещениях и своё каменное небо»².

Не заметив «Лаокоона» и «Снятия пятой печати», Мальро заканчивает свою подглаву об Эль Греко необычайно лиричным и поэтическим куском о Толедо в грозу.

¹Там же

² Там же

Он пишет о том, что мы воспринимаем его поздние картины как завещание. Потому что последним произведением любого художника смерть передаёт свою бесконечно обманчивую перспективу; она не сообщает нам ничего нового по сравнению с «Видом Толедо в грозу». Сначала он помещал донаторов ниже Христа. Потом по одну сторону от Распятия, по другую сторону от которого появился Толедо. Потом донаторы исчезли. Наконец исчез и Христос, и остался только Толедо знаменитого пейзажа из Музея Метрополитен... Можно ли сомневаться, что он увидел Толедо не перед собой, а в своём гении живописца? Звон испанских колоколов, от которого под рыжими сводами башен соседней церкви дрожали цепи рабов, избавленных от берберского ига, пронзительная пестрота красок, душа, которой триста лет спустя (Эль Греко был надолго забыт!) откроется через него западной живописи — всё это для него несущественно! В стенах мастерской с занавешенной чёрными портьерами окнами, — вот где он в конце концов распял Толедо. Но теперь из этого Толедо, замаячившего однажды позади Распятия, он сумел изгнать Христа.

Впрочем, изображённый или нет, Христос отныне присутствует там всегда. Он стал могущественным орудием его живописи; однако их преданность друг другу обоюдна. Стиль, Христос и город неразделимы: Эль Греко создал первый христианский пейзаж»¹.

Какой неожиданный и потрясающий финал! Магия мифа свершается. Ведь именно в этот момент становится совершенно неинтересно действительные подробности создания «Вида Толедо в грозу», как, и для кого, и зачем он был написан. Не хочется никаких формальных анализов, выражаясь словами Кокто, «накладывания искусствоведческих калек» на этот пейзаж. Потому что Мальро удается открыть совершенно другое измерение, глубинную ипостась искусства, увидеть его истинный смысл и значение в христианской культуре.

«Греко — это зов, Греко — это молитва, Греко — это вопль, Греко — это взгляд узника сквозь зарешеченное окно тюрьмы, Греко — это ныряльщик за жемчугом, и если его отстроверхие фигуры в каменных георгинах испанских воротников склоняются к телу графа Оргаса, то очень скоро они примут прежнюю позу и, словно подсолнухи, опять вытянутся навстречу солнцу»², так ошеломительно заканчивает свой миф Кокто, миф, который до сих пор владеет умами наиболее утонченных любителей искусства.

¹Там же

² Там же

РУССКИЕ ПО МИРУ

© Художник Андрей Карапетян

Наталия Захарьят (Латвия, Рига)

Директор международного фестиваля дипломных спектаклей театральных вузов Stanislavsky.lv. Журналист, продюсер. Лауреат международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово».

Родилась в Риге в 1970 году. Окончила Латвийский Государственный Университет (филологический факультет, отделение журналистики).

В 90-е годы жила в Москве, сотрудничала как внештатный корреспондент с газетами «Вечерний Клуб», «Вечерняя Москва», «МК» и руководила литературной частью Российского Национального Драматического театра при театре им. М. Ермоловой. По возвращении в Ригу в разные годы заведовала отделом культуры в крупнейших русскоязычных изданиях («Вечерняя Рига», «МК-Латвия», «Суббота»). Руководила Рижским театральным сообществом православной молодёжи при Рижской духовной семинарии и выпускала как редактор православное приложение «Воскресный день» к еженедельнику «Суббота».

Несвятые святые Латвии: жил на свете монах Агафангел...

15 августа 2019 года завершился земной путь одного из самых мудрых и любимых народом православных подвижников Латвии схиархимандрита Агафангела (Савченко). В первую годовщину его смерти в крохотный городок Илуксте (где на обычном городском кладбище похоронили старца) приехало более сотни человек из самых разных уголков страны. Среди них — духовные чада батюшки из Германии и других стран Евросоюза. И это несмотря на пандемию и все ковидные ограничения! Нет сомнений, что если бы схиархимандрит Агафангел был похоронен в Риге (как он был того достоин) или, как минимум, существовала бы прямая транспортная связь между Ригой и Илуксте, то из-за людского потока пришлось бы перекрывать улицы.

Схиархимандрит Агафангел (или как многие привыкли его называть — игумен Амвросий) — батюшка с удивительной судьбой. Его жизнь, полная тяжёлых испытаний и уникальных событий, достойна отдельной книги.

Он был одним из самых успешных инженеров-строителей бывшего СССР. Имел более пятидесяти опубликованных в России научных работ. В Латвии он спроектировал и построил вычислительный центр Рижского железнодорожного вокзала, железнодорожный мост между Вентспилсом и Лиепаей, Мадонский вокзал, Яундубултскую железнодорожную станцию.

На пике своей карьеры стал тайным монахом и продолжал трудиться в долж-

ности главного инженера Управления Прибалтийского железной дороги. Восемнадцать лет был иподиаконом у главы Латвийской Православной Церкви Леонида (Полякова). Первым стал восстанавливать Рижский кафедральный собор Рождества Христова после возвращения его Латвийской Православной церкви.

Его любили все — дети, старики и молодёжь, интеллектуалы и простые работяги, журналисты, артисты, чиновники, педагоги, врачи. Священнослужители и монашествующие. Благочестивые прихожане, атечсты, представители других религий. Для каждого батюшка находил доброе и нужное слово, каждого окутывал своей любовью, каждого встречал, как самого дорогого гостя.

Он любил всё живое — птичек, мышек, рыбок, кошек, собак. Где бы ни жил — везде размещал кормушки для братьев наших меньших. Обнимал деревья и разговаривал с ними. Радовался, как ребёнок, солнцу, дождю, снегу. Всегда улыбался. Всегда шутил, и прежде всего в свой адрес. Всегда был бодр, лёгок, стремителен (невзирая на перенесённые пять инсультов, диабет и проблемы со зрением). И обладал какой-то действительно неземной добротой.

«Я не хочу долгой жизни, я хочу вечной жизни. Об этом и молюсь», — говорил отец Агафангел незадолго до смерти. В молитве батюшка и скончался: в своей монашеской келье, в полном схимническом облачении, преклонив колени перед святыми образами. Его земная жизнь закончилась в 92 года...

Переживший Голодомор и войну. Путь к священству

Схиархимандрит Агафангел, в миру Георгий Тихонович Савченко, родился 25 марта 1927 года на Украине, в селе Глинск Сумской области. Его детство пришлось на голодные 30-е годы, на Голодомор.

«В первый раз я попробовал сахар, когда мне было двенадцать лет, а хлеб — в четырнадцать. В основном мы ели сушеную траву и варили сахарную свёклу. Ребёнком я смотрел в окно и постоянно видел, как носят гробы. В селе не было ни мышей, ни крыс, ни кошек, ни собак — всех съели. А в соседних сёлах ели детей. Наше село Бог миловал» — вспоминал батюшка.

Он очень рано остался без отца. Когда началась коллективизация, изза невинной шутки Тихону Савченко грозил арест, и он вынужден был уехать первым попавшимся поездом. В родное село так и не вернулся, а позже погиб на фронте.

Когда пришла война, отцу Агафангелу было 14 лет, и он сразу стал активным участником партизанского сопротивления. В 1944-м был призван в Советскую армию и ушел на фронт. На прощанье мать передала ему поясок с молитвами «Живый в помощи Вышняго....» и «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» и велела всегда носить на себе. Этот поясок батюшка хранил всю жизнь. А ещё он очень дорожил своими военными наградами — у него был орден Великой Отечественной войны и 16 медалей. Одна из них — за освобождение его родного города Киева.

После возвращения с войны Георгий окончил с отличием Глинский индустриальный техникум, затем Всесоюзный инженерно-строительный институт в Москве, после окончания которого по распределению приехал в Воронеж, где практически сразу был назначен главным инженером строительного объединения «Стройматериалы» — самого крупного в СССР, имевшего в подчинении шестнадцать заводов.

«Меня хотели сделать заместителем директора, но я не был членом партии. А потом, когда узнали, что я верующий — начали меня клевать, шпионов подсылали. Подходил ко мне, например, главный механик и спрашивал: «Что такое праздник Покрова?» Я начинал ему рассказывать, а потом меня за пропаганду на рабочем месте наказывали. Психушкой грозили. А какое страшное было первое собрание, на котором меня разбирали и требовали отказаться от веры...», — вспоминал батюшка.

Несмотря на беспартийность, молодого талантливого инженера-строителя приглашали работать на высокие должности в Белгород и Рязань. Но он подумал-подумал и решил переехать в Латвию — к сестре. Переезд состоялся в 1973 году, где вплоть до 1988 года батюшка работал в Риге сначала в химической промышленности, а затем в Управлении Прибалтийской железной дороги...

В 80-е годы Георгий Тихонович познакомился с Митрополитом Рижским и всея Латвии Леонидом (Поляковым). И это знакомство стало ключевым в его жизни. 18 мая 1989 года в Спасо-Преображенской пустыни под Елгавой по благословению владыки Леонида, Георгий Тихонович был пострижен в мантию с именем Амвросий, 2 июля того же года монах Амвросий рукополагается в сан иеродиакона, а в конце того же месяца над ним совершается священническая хиротония.

Как советский инженер был тайным монахом. Из воспоминаний батюшки Агафангела

«Владыка Леонид как-то сказал: "Всё, надо тебе готовиться к рукоположению!". Я поехал к отцу Тавриону, к которому всегда обращался за советом и помощью. Великий был старец и подвижник в нашей Спасо-Преображенской пустыни под Елгавой. Я никогда первым ни о чем его не спрашивал, он сам всегда первым предчувствовал мою проблему и начинал говорить. А в этот раз он заходит в алтарь, где я ему прислуживал, поворачивается и произносит: "Знаешь, Георгий, ты видишь, как тут у нас тесно, мы еле-еле тут крутимся — не заходи, постой там немножко, а потом зайдёшь" Я сразу всё понял, приехал к владыке — думаю, что он на это скажет? А владыка мне говорит: "Знаешь, сейчас ничего не получится. Давай попозже".

Владыка Леонид очень меня любил, и я его тоже очень любил. А сколько я видел чудес с ним связанных! Он святой человек был. Я это знаю. Он благословил меня записывать свои проповеди, вечерами их перепечатывал. Он был невероятно умный архипастырь...

Потом я стал тайным монахом — имел тайный постриг. Работал в светском учреждении, и никто об этом не знал. Владыка мне сказал: "Георгий, это очень высокий подвиг быть тайным монахом. Об этом должны знать только трое — тот, кого постригали, тот, кто постригал и Господь Бог".

Знаете, когда я уходил с должности главного инженера Прибалтийской железной дороги, меня считали чокнутым. Думали, что я сошёл с ума. Говорили: его приглашают работать в министерство, в Москву, а он всё бросает и уходит в монастырь. Некоторые советовали обратиться к психиатру. Помню, один сказал: "Слушай, у меня есть хороший врач, я тебе дам его телефон. Он тебя приведет в порядок!" Я ответил: "Хорошо, давай, позвоню!" А сам — в Киево-Печерскую лавру. Там тоже гоняли. Один раз остановил милиционер, проверил паспорт и сказал: "Давай отсюда, ещё раз тут увижу, сообщу на работу!" И пригрозил, что отберёт паспорт и отошлёт моему начальству. Но я всё равно не унимался...

И каково приходилось тайному монаху в миру? На работе часто случалось: "А давайте-ка скинемся по рублю на бутылочку!" Я скидывался! Но, конечно, не пил. У нас был очень хороший коллектив — 36 человек. У каждого день рождения праздновали, плюс все советские праздники. В месяц приходилось по 2-3 праздника отмечали. Я садился за стол (а там же и колбаса, и сало), ничего толком не ел, а только нахваливал: "Какая хорошая колбаса! Какое красивое сало!".

Потом, когда уже позже мы с бывшими коллегами встречались, они вспоминали те годы и поражались: "Ты же всегда нахваливал наш стол!". Да, нахваливал, а про себя молился: "Господи, помоги, чтобы никто ничего странного в моем поведении не заметил!"

И когда в храме уже служил, братия долго не знала, что я монах. Потом владыка Леонид меня благословил открыться. Пришел на

службу, надел на меня монашеские облачения, а отцы в недоумении: "Иподиаканам нельзя клоубук надевать!". Потом всё поняли, спрашивают: "Как зовут тебя, отче? Амвросий? Был иеромонахом, а служил как иерей"...

Слава Богу за все! Я всегда говорю — я не самый счастливый, но срели самых счастливых!»

Страницы жизни. Из Риги в Илуксте

Сразу после рукоположения в сан иеромонаха в 1989 году и до самого конца 1991 года отец Амвросий служил в Рижской Благовещенской церкви, а в январе 1992 года был назначен настоятелем Рижского кафедрального собора Рождества Христова. Кроме того, с ноября 1989 года по июль 1998 отец Амвросий был настоятелем храма святителя Николая в городе Тукумсе.

Время служения в Христорождественском соборе совпало с самым трудным этапом его возрождения. Для возрождения нормальной церковно-приходской жизни было необходимо провести огромный объем работ по демонтажу старых перекрытий, по восстановлению собора в прежнем благолепии. Все эти труды легли на плечи отца Амвросия и были отмечены рядом церковных наград — в 1993 году батюшка был возведен в сан игумена, а в 1997 году удостоен права ношения креста с украшениями.

В 2000 году отец Амвросий был назначен настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в городе Илуксте, где ранее существовала женская обитель. Отцу Амвросию было дано благословение на возобновление иноческой жизни в стенах Илукстского монастыря.

Для храма Рождества Пресвятой Богородицы в Илуксте батюшка спроектировал колокольню с компьютерным управлением. Когда колокольню установили, весь город сбежался смотреть на это чудо.

На строительство колокольни батюшка пожертвовал половину своей рижской квартиры. «А что, я уже старый, и нет никого наследников», говорил он.

Служение батюшки в Илукстской обители было отмечено многими церковными орденами и медалями: в 2001 году орденом прп. Сергия Радонежского III степени, в 2007 году орденом прп. Сергия Радонежского II степени, в 2012 году отец Амвросий был удостоен медали святого священномученика Иоанна, Архиепископа Рижского и Латвийского.

О чудесах и не только. Из воспоминаний батюшки Агафангела

«Почему я переехал из Риги в маленький провинциальный городок? Я очень болел — левая нога начала атрофироваться. Ходил на костылях

и меня даже шутя называли Карлом XII. Подал владыке Митрополиту прошение отправить меня на покой. В итоге он меня вызвал к себе, говорит: «Давай, мы лучше тебя не на покой отправим, а на полгода в Илуксте — по субботам и воскресеньям будешь служить в храме, а всю неделю отдыхать».

Я согласился и уже наутро уехал. Честно говоря, даже не знал, где Илуксте находится. Думал, что на будние дни смогу уезжать в Псково-Печерский монастырь, который, как мне казалось, находится где-то рядом. А оказалось, что от Илуксте до Пскова дальше, чем от Риги... Но уже через полтора года я просил владыку меня в Илуксте оставить. Тем более, там сто гектаров земельных угодий — и лес, и болото, и луга. Работы было много. Не меньше, чем в свое время в Христорождественском соборе.

А забыл рассказать, чем закончилась история с моей больной ногой! Это была костная язва. Я уже не верил в избавление от неё. Но когда в Риге пребывала чудотворная Тихвинская икона Пресвятой Богородицы, у меня произошло от неё чудесное исцеление. Я стоял перед иконой, смотрел на неё и думал, какое же раньше было красивое письмо. Потом перед глазами у меня вся моя жизнь пронеслась. Я подошёл к образу ближе, приложился, и слёзы из глаз полились. Встал перед иконой на колени, долго-долго молился. Пришёл домой, разбинтовал ногу, и там, где была оголенная кость, увидел что-то белое, увидел нарастающую плоть. А ещё через день у меня полностью язва зажила... Когда хирургу сказал, он не поверил, что за четыре дня такое могло произойти...»

Страницы жизни. Путь к схиме

В 2013 году отец Амвросий был пострижен в великую схиму с именем Агафангел и стал первым схимником возрождённой Екабпилсской обители. С этого времени он исполнял послушание духовника Екабпилсского Свято-Духова монастыря и Даугавпилсско-Резекненской епархии Латвийской Православной Церкви. В 2017 году был возведен в сан схиархимандрита.

«Схима связана со многими ограничениями. Не каждый к ним готов. А так я монах. Это от слова "моно". То есть один. С миром связи поддерживаются, но самые минимальные. Хотя это не значит, что я никуда не могу выйти. По благословению нашего митрополита Александра я даже проходил оздоровительный курс в юрмальском санатории Управления делами президента России "Янтарный берег".

Да, есть у нас определенные стеснения. И в питании, и в проживании. А когда монах берет схиму, то все еще больше усугубляется. Скажем, я уже около полувека не ем мясо. Совсем. Но в целом с годами здоровье, конечно, уходит», — рассказывал отец Агафангел.

Об обретении веры. Из воспоминаний батюшки Агафангела

«Когда я родился, моя бабушка купила служебник за 1,50 рубля — это была чуть ли не цена коровы. Невероятные деньги! Особенно в те голодные годы.

— А ничего, — говорила бабушка — это будет наследство моему внуку...

По этому служебнику я по сей день служу... Бабушка и мама у меня были очень верующими. Но когда я подрос и пошел в армию — забылись все молитвы. Правда, "Живые помощи Вышняго" я всегда носил с собой, мама дала.

Когда учился в школе, потом в техникуме и институте, нам говорили, что души у человека нет. А после смерти тело просто разлагается и переходит в другие виды материи. С этим я никак не мог согласиться и был уверен, что у человека есть душа. Кроме того, я никак не мог поверить, что из одной клетки могли выйти и лягушка, и человек, и дерево, и цветок. И всё время искал ответа. Я слушал лекции по атеизму, где цитировали Евангелие, и ловил себя на мысли, что нам говорят не то, что там написано. Много перечитал, доставал книги, которые нельзя было доставать. Изучал веды, йогу, кабалу. Всё сравнивал, анализировал. И однажды, читая Евангелие, почувствовал сердцем, где истинная вера и Бог. Понимаете? Почувствовал! Это невозможно передать словами. По-

нял, что это то, что я искал всю свою жизнь!»

«Сколько Вам лет, батюшка?», — поинтересовалась однажды у отца Агафангела одна из прихожанок. «Сколько лет мне осталось жить? — с юмором ушёл от вопроса батюшка. И добавил: — Это как Господь устроит!»

Батюшка знал день своего ухода. Он должен был лечь в больницу на ежемесячную плановую процедуру, но отказался. Умер ночью в 4 часа, стоя на коленях перед иконами в полном парадном облачении. Обычно батюшка переоблачался сразу после службы, а в этот раз не стал...

Мира вам, люди! Из наставлений батюшки Агафангела

«Прежде всего я желаю всем мира в душе. Это самое главное. С чего рождается наш собственный мир? С наших отношений в семье, с наших отношений с соседями, с коллегами по работе. А все беды начинаются от того, что кто-то возомнил себя лучше другого. Когда человек говорит, что кто-то его хуже — это ведёт к войне.

Ко мне приходят на исповедь все, в том числе и монахи. Я учу каждого прежде всего бороться с помыслами. Самое высокое чувство, когда мир наступает в душе. Недаром Господь, когда приходил к своим ученикам, говорил: "Мир вам!" В этом и заключается счастье человека.

Правда, иногда под миром понимают не радость, а веселье. Но веселье не даёт успокоения душе. Нужно, чтобы на душе была пасхальная, душевная радость. Когда её чувствуешь, то хочется весь мир обнять. Любого. Увидел на улице хромого или пьяного, хочется подойти и его обнять, поцеловать. Хочется ему сказать: "Что я могу тебе сделать?" А иногда достаточно человеку протянуть руку, пожать ее, чтобы передать это ощущение мира. Я стараюсь всеми силами удержать в своей душе этот мир. Какие бы печали и скорби меня ни одолевали. Да, бывают и такие минуты. Если нет мирного настроя, я даже не захожу в келью. Буду ходить до тех пор, пока не утихомирюсь и не почувствую благословение Господа! Мира вам в душе, дорогие люди!»

Ремарка

Мне выпала радость общаться с батюшкой Агафангелом в последние десять-двенадцать лет его жизни. Иногда мы встречались 2-3 раза в месяц. Иногда раз в год. Иногда я включала диктофон и записывала его рассказы, мысли, наставления. Подражала таким образом самому батюшке, который 18 лет записывал все сказанное за своим любимым владыкой Леонидом (Поляковым) и считал его святым. Мне тоже всегда казалось, а сейчас я в этом уверена, что батюшка Агафангел святой и сейчас молится о нас с вами в Царствии Божьем.

Свято-Духов монастырь в Екабпилсе

Рита Трошкина (Латвия, Рига)

Журналист, редактор. Живёт в Риге. Закончила филологический факультет ЛГУ. Работала главным редактором журнала «Балтийский сезон», заместителем гл.редактора латвийского еженедельника «Суббота». Дважды лауреат литературного конкурса «Янтарное перо». Автор сборника стихов «Luno momento». В данный момент — соавтор и ведущая радиопрограммы «Зелёная лампа» (программа «Зелёная лампа» была лауреатом VI Международного фестиваля телерадиопрограмм и интернет-проектов «Интеграция»).

Обратная сторона Задорнова

(Маленькие штрихи из рижской жизни известного писателя-сатирика)

Задорнов любил стоять вниз головой. И это вовсе не фигура речи — до последних своих дней (и после 60-летнего юбилея) он частенько ходил по сцене на руках. Зрители были поражены. А сатирик смеялся: «Иногда нужно просто встать на голову, чтобы посмотреть на происходящее с другой точки зрения». Это свое видение с той, другой точки он доносил до миллионов людей..

У входа в юрмальскую дачу Михаила Николаевича стояло чучело, наряженное в брендовые одежды. Периодически хозяева его переодевали, меняя костюмчик от Гуччи на какое-нибудь Дольче&Габбано... «Это самое гламурное чучело во всей Балтии», — уверял сатирик с серьёзнейшим видом. Это вполне вписывалось в его систему ценностей. К гламуру он относился иронично. Всему своё место. Ему больше нравилось дру-

гое. С моря он притаскивал в дом необычные коряги и ветки, которые потом становились торшерами, полками или креслами. На поляне у дома возвышалась пирамида, построенная по всем правилам, и лично Задорнов делал чертежи. Там он часто спал до наступления холодов. А рядом было устроено место для костра. Кто только не собирался у этого задорновского огня. Засиживались до рассвета, спорили, мечтали, пекли картошку... Здесь рождались идеи новых книг, статей, сценариев, концертов. Нет уже этого костра, но огоньки его греют до сих пор...

Мне и моим коллегам судьба сделала чудесный подарок — много лет мы сотрудничали с Михаилом Задорновым сначала в латвийском еженедельнике, потом на радио. У нас вышли сотни его интервью о политике и жизни, по которым легко можно было восстановить новейшую историю современной России, а также эссе и комментариев обо всём на свете — от русского языка до сказок, футбола и медицины. Не говоря уже о сатирических зарисовках, конкурсах и «задорнизмах». Было сделано немало необычных проектов по его идеям — от установки в Юрмале памятника Одуванчику как «символу доброты» (он и сейчас стоит возле концертного зала) до художественных выставок и литературных конкурсов для школьников на лучшее знание классики.

Задорнов был очень необычным человеком. Точнее — неформатным. Ему нравилось это слово — «неформат». Потому, что сам он точно ни в какие рамочки не укладывался. И всё время, во всех смыслах, нарушал границы. Частенько во время одного интервью он умудрялся «наехать» сразу на все страны — на Америку, Россию, Латвию, Украину. Но высмеивались не сами страны, конечно, а маразм, абсурд, цинизм, происходивший в них, независимо от географии. Мы смеялись: «Единственное место, которое вы не критиковали — Луна. Вас же скоро не впустят

никуда, что будете делать?» — «Придётся лететь на Луну», — задумчиво отвечал он. И однажды к юбилею мы, посовещавшись в редакции, подарили ему участок на Луне. С паспортом, картой и сертификатом — как положено. Вот иногда думаю, а вдруг сейчас он там? Где-нибудь на обратной стороне Луны...

«Нас не оцифруешь!»

Задорнов ушёл от нас три года назад, 10 ноября 2017 года. И сразу образовалась пустота. Потому что незаменимые люди есть. В сегодняшнем нарастающем хаосе остро не хватает его едких, умных, ироничных комментариев. Но вот случайно наткнёшься в ютубе на записи давних выступлений и вдруг понимаешь, что многое, сказанное со сцены годы назад, кажется написанным сегодня.

«Какое разводилово, Боже мой. Эти люди носят марлевые повязки и всерьёз думают, что это их спасёт. Это потрясающе. Какое количество лохов на белом свете! Хочется сказать: ребята, вы посмотрите под микроскопом на диаметр вируса и на дырку в марле. Вирус и маска — как комар и форточка», — это было сказано, на минуточку, еще в 2011 году по поводу какого-то предыдущего злодейского вируса. Или вот, к примеру, зачитанное со сцены объявление из районной больницы: «Больных, нарушающих режим, утром не закапывать» — нет, он это не придумывал, просто там, где сто человек прошли бы, глазом не моргнув, Задорнов тормозил и вытаскивал блокнот. А потом делился. Сатирики видят реальность пронзительнее. Они — увеличительное стекло, проявляющее то, о чём мы едва успеваем подумать в своей суете.

«Но больше всего эпидемии гриппа обрадовались наши представители шоу-бизнеса. Те, кто поёт под фонограмму. В маске вообще можно рот не открывать. Кстати, после масок, защищающих от гриппа, в России придумали средство, защищающее от взяток — варежки без большого пальца» — это тоже из Задорнова начала 2000-х. И разве что-то изменилось?

Смех в зрительном зале на его выступлениях был неподдельный. Потому что можно заставить человека плакать или сердиться, но заставить смеяться — нельзя, если он сам не испытывает этих эмоций.

Прекрасно он умел шутить и над собой и вообще был несовместим ни с каким пафосом. Бывало, что смех у зрителей переходил в гомерический хохот, а сатирик сам так от этого заряжался, что концерты его затягивались до 4-5-6 часов, и — невиданное дело! — никто не покидал зал. Ударная доза сатиры помогала людям жить и выживать, сохраняя чувство собственного достоинства. Когда смешно, тогда не страшно это тоже задорновский лозунг.

Не случайно один из концертов Задорнова назывался «Нас не оцифруешь!» Он всеми силами боролся с тенденцией превратить живых людей в роботов, лишив их права быть собой. Подчеркивая, насколько важны образование, интеллект и чистота русского языка. В самые нелепые и трагичные времена, когда не за что было зацепиться, Задорнов формировал шкалу мировоззренческих ценностей, в основе которой была не фальшиво-пафосная, а искренняя любовь к родине. Объездив все уголки России, он с горящими глазами рассказывал о красоте Алтая, Дальнего Востока и Коктебеля. Он и сам жил по этой шкале. Может, потому у самого популярного в стране сатирика никогда не было никаких правительственных наград. Только любовь зрителей — по их количеству он был, безусловно, миллионером.

Елена, его жена, уверена, что будь он сегодня с нами, обязательно поиронизировал бы над паническими реакциями в обществе: «Он что-то придумал бы. Потому что самая примитивная реакция — это страх, паника. Надо же как-то из этого выбираться. Искренний смех спасает».

Как стать счастливым?

«Но самое главное, — подчёркивает Елена, — он обязательно участвовал бы в благотворительности. Потому что в трудные времена людям особенно нужна поддержка».

Эту задорновскую «обратную сторону Луны» знают далеко не все. Однажды сатирик сформулировал для себя важное понятие: «Хочешь стать счастливым — сделай доброе дело». Таких дел у него было много. Ещё в смутных 90-х он перечислял материальную помощь своим стареньким школьных учителям, оставшимся на обочине жизни, и помог им выжить. Привозил подарки для подшефных детей детского фонда в

Москве. Помогал детскому хоспису в Санкт-Петербурге и детскому дому в Латвии. Устраивал ребятам из латвийской глубинки поездки на детские мероприятия. Поддерживал юные таланты — их вокруг него всегда клубилось много. Сатирик оплатил обучение группы актёров рижского молодёжного театра ОСА в ярославском театральном институте им. Волкова и лично опекал театр. Да и не сосчитать, скольким дарованиям он помог выйти на сцену. Он был очень щедрым человеком — во всех смыслах.

В марте 2016 года, когда в Риге в рамках театрального фестиваля Stanislavsky.lv побывали студенты ГИТИСа, актёры театра Дмитрия Певцова и Ольги Дроздовой, сатирик пригласил их к себе на дачу, посидеть у знаменитого костра. «Певцовцы» рассказали ему, что готовят спектакль по Шукшину, и Задорнов загорелся отвезти всех на Алтай, на родину Шукшина. Но не успел...

О многом мы узнали только после того, как он ушёл. «Помню, во время акции для хосписа он на своих интернет-страничках выложил список пожеланий ребят. Я решила подарить больному ребёнку красный компьютер, о котором он мечтал. И думала, что просто отправлю деньги. Но Михаил сказал: "Нет. Ты должна все сделать сама. Найти, купить и отвезти. Это важно"», — вспоминает Елена. Он считал, что хорошие дела нужно делать лично, без третьих лиц. Тогда всё получается правильно.

В марте 2016 года, когда мы ещё не знали о его болезни, Михаил Задорнов был гостем нашей благотворительной радиопрограммы «Зелёная лампа». В тот день сатирик был неожиданно серьёзен. «Счастливым стать очень просто. Нужно сделать что-то хорошее, помочь кому-то просто так. И ты сразу все поймёшь...», — сказал он тогда в эфире. Сразу

после передачи мы отправились открывать фотовыставку Елены Бомбиной, на которой были собраны её снимки из путешествий — от Сахалина до острова Пасхи — где они побывали вместе с Михаилом Николаевичем. Выставку они тоже сделали благотворительной. Собранные средства пошли на оплату дорогих ортезов для маленькой латышской девочки Орнеллы, чтобы она могла ходить.

Немногие знают, что он был большим лириком в душе. «Михаил уже был тяжело болен, когда мы нашли закрытый на коды портфель, и он разрешил нам его открыть. В "секретном" портфеле хранились собранные им за годы детские вещи нашей дочери — её первые рисунки, локоны, перчатки... Мы были потрясены...», — вспоминает Елена.

И жена, и дочь сегодня делают все, чтобы сохранить память о главном человеке в своей жизни. Обе они — красавицы. Обеих зовут Еленами. И мама у него была Елена. По этому поводу Михаил Николаевич частенько посмеивался: «Да я же просто — Ленин».

Как все-таки пройти в библиотеку?

Когда Михаил Николаевич придумал открыть в Риге русскую библиотеку и посвятить её своему отцу, мало кто верил, что это получится. Уж больно масштабный замысел был. Но она открылась в 2009 году, к 100-летию писателя Николая Задорнова в одном из самых красивых зданий Риги, на улице Альберта, в квартале югендстиля. Очень быстро это место стало культовым: здесь проходили художественные выставки и концерты, устраивались творческие встречи с режиссёрами, писателями, актёрами и видеосеансы (фильмы для бесплатной видеотеки сатирик отбирал лично, и это был золотой фонд кино — с начала XX века до современности).

Библиотека была удивительная. Мебель изготовили по эскизам Михаила Николаевича, не без художественных изысков: торшер из искривлённого ствола дерева, журнальный столик — лесной пенёк на колесиках. В кабинете Задорнова хранились настоящие сокровища: например, рукописное прижизненное издание записок императрицы Екатерины II и подаренные ему артефакты с раскопок, на которых он побывал: ваза из Триполья, медные предметы из Аркаима.

У входа был установлен особый «Розовый шкаф», символизирующий «апофеоз пошлости». В шкафу за стеклом стояла гламурная розовая туфелька с помпоном и лежали стопки книг откровенно пошлого содержания. Всеё сигнализировало: «Это не читать!». Он считал важным бороться за вкус читателя.

Ну а библиотечный фонд был сформирован из качественной литературы. Первые книги собирали мы в редакции латвийского еженедельника — своё любимое приносили в дар читатели. Очень много книг подарили библиотеке московские издательства. Правда, Задорнову пришлось

поломать голову, как всё это богатство перевезти в Ригу. «Книги-то для нас были бесплатные. Но цена пошлины за перевозку, которую мне огласили чиновники, была около 17 тысяч евро. Многое пришлось доставлять «контрабандой» и не за один раз, — смеялся сатирик. Он был очень благодарен тем таможенникам, которые отворачивались в сторону, «не замечая» огромные упаковки новеньких изданий. Друзья и писатели, приезжавшие на гастроли в Ригу, привозили в подарок как собственные, так и свои любимые книги — всё это богатство выставлялось на их персональных, с портретами, полках. Среди них: Никита Михалков, Сергей Соловьёв, Юрий Поляков, Михаил Веллер, Лион Измайлов, Евгений Евтушенко, Максим Галкин. Актер Сергей Безруков, например, привез роскошные издания Гоголя, Пушкина, Булгакова, собрание Высоцкого. И, разумеется, книги Есенина и о Есенине.

Целая стена была отдана под автографы известных людей. Писатели радовались, как дети, когда, вооружившись фломастерами, залезали на лесенку и разрисовывали белоснежную стенку. «Это удивительный дом живой жизни, несмотря ни на что!» — размашисто написал режиссёр Сергей Соловьёв. Безруков оставил графический автограф: берёзка, человечек и два символа из личного гороскопа — Весы и Бык. Ну а Веллер отчеканил: «Пока читают книги, есть надежда».

Поток читателей не прекращался, и среди них было много детей. В этом смысле библиотека Задорнова — абсолютно народная. Фактически это был элитный читательский клуб, доступный абсолютно каждому.

Очень немаленькие расходы на содержание библиотеки более семи лет оплачивал сам сатирик из своих концертных гонораров. В год это составляло пятизначные цифры. Когда Задорнов начал сильно болеть,

библиотеку пришлось закрыть, а помещение продать. Книги уехали на склад, часть взяли на хранение постоянные читатели. Казалось, очередной очаг русской культуры в центре Риги угас.

Но 22 мая 2018 года библиотека открылась вновь — на этот раз в помещениях рижского культурно-делового центра «Дом Москвы», при поддержке московского правительства. Теперь она носит имя сразу двух Задорновых — Николая Павловича и Михаила Николаевича, отца и сына. Места у библиотеки теперь поменьше, всё выглядит скромнее. Но здесь уютно и светло. Сотрудники всё так же приветливы и доброжелательны. И главное — сохранились добрые традиции задорновской библиотеки — за всем этим следят сестра сатирика Людмила Николаевна и его племянник Алексей, ставший директором на общественных началах. Читателей здесь более семи тысяч, и они приходят не просто за книгами, но и пообщаться, послушать выступления интересных людей. А книжный фонд составляет более 70 000 экземпляров. Так что эта народная тропка не заросла. А «настенные автографы» гостей перенесены сюда же.

«Задорный микрофон»

Параллельно работа по сохранению архивов и идей писателя началась и в Москве. После ухода Михаила Николаевича стараниями его жены Елены на здании МАИ, где Задорнов когда-то учился и делал первые шаги на сцене вместе с командой КВН, установили памятную доску. «Мне очень хотелось, чтобы в Москве был музей Задорнова, в котором проводились бы фестивали современной сатиры и юмора. Но это пока не

получилось, — рассказала Елена. — Владимир Мединский, тогдашний министр культуры, предложил дать статус Задорновской одной из московских библиотек, чтобы можно было представить там все направления юмора, демонстрировать тематические фильмы, проводить встречи с сатириками. Мы вместе с руководителем сети московских библиотек объехали несколько мест, и когда попали в библиотеку N 225 в Мневниках и встретились с её директором, сразу поняли: это то, что надо. Сейчас на основе этой библиотеки действует Центр сатиры и юмора. Такой Задорный клуб, где могут общаться и экспериментировать его друзья, коллеги, молодые юмористы. Для меня было важно сохранить дух, атмосферу и традиции, которые Михаил так старался привить в библиотеке имени своего отца».

Елена передала туда свой уникальный архив: афиши и статьи, собранные за 25 лет, детские рисунки Задорнова, лампу, под которой он работал, кресло, столик, памятные вещи писателя, его фотографии с выставки. Сокурсники по МАИ (Московский авиационный институт) подарили фотоархив с гастролей по БАМу.

Представьте просторный читательский зал на сто человек. На большом экране — улыбающийся Задорнов. Каждый час на пять минут включается запись его голоса и создаётся полный эффект присутствия. Почти сразу же в этом зале начались встречи и вечера. Первым стал творческий вечер, который провели его друзья по МАИ, собравшиеся по первому зову. Потом состоялся «Задорный микрофон», где выступили друзья и коллеги Михаила Николаевича: юморист Сергей Дроботенко, талантливые КВН-щики, преподаватели литературы. Дочка сатирика Елена читала свои стихи. Ну а затем такие мероприятия проходили каждый месяц-полтора с участием режиссёров, музыкантов, писателей, историков.

Что сейчас? Во время карантинного периода читательный зал, естественно, не работал. В ожидании лучших времён, библиотека работает над онлайн-форматом. Ну а статус имени Михаила Задорнова она (по регламенту) получит через два года.

«Люди, которые не знают своего прошлого, плюют в будущее», — эту фразу Михаил Николаевич повторял особенно часто. Изучение истории и корней он считал исключительно важным делом. Особенной его любовью была Арина Родионовна. По его инициативе и на его средства были открыты три памятника этой русской женщине, простой и великой одновременно, навсегда оставшейся в нашей литературе рядом со своим гениальным воспитанником. 27 мая 2010 года был открыт памятник на ее родине — в селе Воскресенское Ленинградской области. Еще два установлены в селе Большое Болдино Нижегородской области (2009 г.) и в парке Этномир Калужской области (2008 г.).

«Нет, мы не безнадежны...»

Геннадий Хазанов когда-то сказал, что невозможно пародировать Задорнова, потому что невозможно пародировать энергию. Отвечая на вопрос, откуда в вас такой неиссякаемый источник, Задорнов смеялся: «В детстве был случай. Когда мне было четыре года, в комнату залетела шаровая молния. Все замерли, а она, обогнув вокруг меня, вылетела в форточку, не причинив вреда. Мне очень хотелось её потрогать, я помню это». Наверное, всё-таки ему это удалось — потрогать молнию и зарядиться. В общем-то он сам был источником какой-то бесконечной энергии.

Во время интервью с ним ломались все диктофоны, приходилось включать сразу два или три. Память у него была феноменальной. И ещё в его присутствии постоянно случались маленькие чудеса. А уж какие праздники!

Эту историю я очень люблю и часто её рассказываю. Однажды к юбилею Задорнова наша газета устроила сюрприз, установив прямо на юрмальском пляже два вагона с номерами «9». Намечался праздник

«Золотые пески», куда должны были съехаться читатели. Но с утра разразился сильный дождь. Мы позвонили сатирику с печальной вестью: «Всё пропало!», но он успокоил: «Да бросьте вы! Я тут уже с рассвета разгоняю тучи». И ведь разогнал. За полчаса до начала тучи разбежались, а на небо выкатилось солнце, осветив и оба девятых вагона, и удивлённых нас...

Праздник получился. А в самом конце мы с огромной толпой людей запустили в воздух картонную фигуру Задорнова, прикрепив её к воздушным шарам.

Взлёт удался. Но потом фигура зацепилась

за верхушку высокого дерева. Десятки людей немедленно ринулись к дереву — спасать сатирика. Мужчина, опередивший других (это был обычный рижский таксист), стал героем дня и весь день ходил по Юрмале с «Задорновым» под мышкой.

Эти смешные эпизоды подтверждают, как искренне его любили зрители. Ну что ещё может заставить взрослого человека, обдирая ладони и пачкая костюм, лезть на сосну? А бесконечные письма и комментарии в соцсетях, которые до сих получает его жена Елена, показывают, как его не хватает и сегодня.

А ещё «беспощадный сатирик» очень любил поэзию. «Когда у общества нет надежд, кумирами становятся сатирики. Когда надежды есть, востребованы поэты. Сатирики учат людей тому, что не надо любить. А поэты тому — что надо», — любил повторять Задорнов. Именно он восемнадцать лет назад, в 2002 году, привёз в Юрмалу с концертом Евгения Евтушенко, вызвав его аж из Оклахомы после большого перерыва «невостребованности». Чем он его тогда убедил, история умалчивает. В Латвии никто не верил, что удастся собрать огромный зал «на стихи» — после сумбурных-то 90-х, когда востребована была попса. Но Задорнов рискнул. И да, он победил.

Билеты на тот концерт уходили по символической цене. Основные расходы он взял на себя. И прийти на концерт смогли многие не самые обеспеченные слои населения — студенты, учителя, творческая интеллигенция. Представьте себе: лето, жара, концертный зал «Дзинтари». Евтушенко очень нервничает, выходит на сцену, начинает читать «Идут белые снеги...» — и переполненный зал встает и взрывается овациями.

Люди буквально выпрямились и подняли головы. А сатирик тогда, махнув рукой, констатировал: «Нет, мы не безнадежны».

С этого момента и началось одно из самых важных дел Задорнова: он привозил в Ригу поэтов, писателей, режиссёров, устраивал творческие вечера и дискуссии в своей библиотеке, и всё это давало возможность людям в смутные времена вдохнуть чистого воздуха русской культуры. Потом он ещё не раз приглашал Евтушенко в Ригу, а своё любимое стихотворение прочитал в видеоклипе, снятом незадолго до того, как он ушёл от нас после тяжёлой болезни: «Жить и жить бы на свете, да, наверно, нельзя...»

***

Планов у него было на несколько жизней: сценарии, исторические фильмы, книги. Очень многое осталось незавершённым. Михаил Николаевич похоронен рядом с отцом, в Юрмале — в городе, в котором он родился и где ему так хорошо работалось на берегу Балтийского моря. Так замкнулся круг. Сейчас у него всегда можно увидеть охапки цветов и еще какую-нибудь записочку от руки: «Дядя Миша, нам тебя не хватает».

часто вспоминаем его совет: «Счастливым стать просто... Если тебе плохо, если у тебя проблемы — делай что-то хорошее. Просто так». И очень четко понимаем, что сам он был счастливым. И пока мы эти его слова помним, никому нас не оцифровать.

БЕСЕДЫ

© Художник Андрей Карапетян

Галина Карпусь (Россия, Уфа)

Журналистка Галина Карпусь родилась 13.11.1953 года, живёт в России, в городе Уфе. Будучи школьницей, занималась в творческом объединении «Тропинка», писала стихи. Благодаря этому, после окончания факультета журналистики Московского Государственного университета (1980), попала сначала в молодёжную, а затем и в главную газету своего региона— «Республика Башкортостан». Долгие годы работала там заведующей отделом культуры, а затем и заместителем редактора этого издания. После выхода на пенсию Галина продолжает сотрудничать с родной газетой. У неё есть свой круг читателей, которые с интересом ждут новых публикаций опытного журналиста.

Вилфред Ромоли: «Он был диктатором, но паинек не признавал»

етство и юность всемирно известного танцовщика Рудольфа Нуреева, которого кто-то назвал однажды «летающим татарином», прошли в российском городе Уфе — столице Башкирской республики.

Здесь гордятся своим знаменитым земляком. Хореографическое училище, где учился маленький Руди, сегодня носит его имя. В Башкирском театре оперы и балета, на сцене которого танцевал молодой Нуреев, создан музей его имени. В честь танцовщика в городе названа улица, установлены мемориальная доска и барельеф. А в ближайшее время планируется открыть памятник. Более четверти века в Уфе проходит Международный фестиваль балетного искусства имени прославленного земляка.

Я работала в газете, когда по редакции пронеслась новость: в Уфу впервые за двадцать шесть лет отсутствия на родине приезжает теперь уже звезда мирового балета. Артисту позволили навестить больную мать, которая, по словам Рудольфа, так и не узнала его. В поездке Нуреева сопровождал наш коллега — фотокорреспондент Виктор Воног. Ему удалось сделать очень выразительные снимки «секретного» гостя, многие из которых сегодня можно назвать лучшими в портфолио артиста. Но никаких интервью и встреч журналистов с мировой знаменитостью предусмотрено не было. Это вообще являлось закрытой темой в ту пору. Только огромные связи Нуреева с сильными мира сего помогли ему вообще приехать в Россию.

Узнавать что-либо о жизни и творчестве мастера стало реальным с наступлением перестройки. Именно поэтому, будучи на стажировке в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, я не могла не воспользоваться возможностью побывать в парижской Опере. Встречу организовал пресс-атташе этой всемирной организации Владимир Сергеев. Так я познакомилась с ведущим солистом театра Вилфредом Ромоли.

Общение с ним получилось необычайно интересным.

Сопровождавший нас работник «Гранд Опера» уже после интервью сказал, пыталась сгладить впечатление от резких высказываний моего собеседника — мол, наши журналисты не любят разговаривать с артистами Рудольфа Нуреева из-за жёстких характеристик в его адрес. Местная пресса защищает и превозносит великого танцовщика, составившего славу в том числе и французского балета. «Ну что вы! — пришлось успокоить француза. — Такого объемного характера, какой буквально штрихами обрисовал в разговоре любимый исполнитель патрона, мне не доводилось встречать ни в одном из воспоминаний о нашем знаменитом земляке!»

Но сначала несколько слов о самом Вилфреде. «Вилфред Ромоли, — писала в ту пору французская пресса, — один из самых мощных столпов парижской Оперы. Без него нельзя обойтись ни в одной программе. Он достиг полного мастерства в своём деле благодаря неустанной работе. К его балетному искусству, полному мужского начала, добавляются уникальные актёрские способности. Если бы его не было — такого нужно было бы придумать.»

Ученик Нуреева танцевал на лучших сценах мира, участвовал в крупнейших балетных акциях, а также в турне "Нуреев и друзья" по городам Италии и Америки. Снялся в трёх балетных фильмах, работал с такими крупнейшими постановщиками, как Жорж Баланчин, Патрис Барт, Морис Бежар. Исполнял главные партии практически во всех знаковых спектаклях родного театра.

На беседу Вилфред пришел перед репетицией "Казановы". Она проходила под куполом Оперы — именно там Рудольф Нуреев организовал в свое время танцевальный класс. Поинтересовался, где находится Уфа, поделился планами устроить большой концерт в память об Учителе. И начал рассказывать о том, как выпало в его жизни жить и учиться рядом с большим Мастером, необыкновенно ярким человеком.

Казалось, Вилфред не говорит, а танцует — так выразительны были его жесты, так хотелось ему всем телом, более привычным для танцовщика языком, изобразить непростую, необыкновенно насыщенную и важную для него пору жизни.

В.Р.: Танцевать я начал в девять лет. В шестнадцать попал в кордебалет. В 1979-м году жизнь свела меня с Рудольфом Нуреевым. Он занимался с нами своим ремеслом в парижской Опере. У него была совершенно особая манера. Только сейчас я в полной мере могу оценить, какой огромный вклад он как исполнитель мужских ролей внёс в развитие мужского танца. Рудольф учил нас таким сложным техническим приёмам, которых мы либо не знали, либо очень мало использовали прежде. Для него очень важен был сам процесс — путь, который танцовщик проходит, достигая результата. Танец затмевал всё в его сознании. При этом абсолютно равнодушен он был к тому, имеет ли это действие успех. Бывало — что-то не получалось у нас,

срывалось в техническом плане. Но он подходил и говорил: молодец, хорошо. Если чувствовал, что ты готов честно работать и идти по тому пути, который он указал. Рудольф знал: пусть сейчас не выходит, но необходимый результат будет достигнут обязательно. У него бытовало выражение, которое он постоянно повторял в процессе обучения: «Не врите!», «Врёте!» Его оценка всегда была очень важна для нас.

Г.К.: Получалось, что собственным примером Нуреев давал понять вам, — необходимо быть индивидуальностью....

В.Р. Действительно, это было очень важно — дать нам школу своей личности. Те, кто прошли её, превратились в поколение блестящих танцовщиков. Повторив его путь, овладев его великолепной техникой, мы, его ученики, сегодня более чем востребованы. Мы танцуем! Именно он заложил эту сверхпрочную основу. Рудольф буквально вбил нам в голову и в тело жёсткую требовательность к себе, обязательность, честность, научил работать. Это дает нам возможность учиться дальше, достигать уже чего-то самим. Самодисциплина — вот тот краеугольный камень, который держал всю конструкцию и его личный успех.

Г.К.: Действительно, о требовательности Нуреева ходят легенды...

В.Р.: Иногда она была даже излишней. Порой нам трудно было найти объяснение его поведению. Он был человеком очень сильным, жёстким и даже жестоким. Буквально давил своей мощью. И этот каждодневный пресс было очень сложно переносить. Я даже готов был уже бросить все. Если бы он остался ещё на какое-то время, то я бы ушел. Такие взаимоотношения можно сравнить с тем, когда из-за жёсткого отца ребёнок хочет покинуть дом.

Г.К.: *И что, по-вашему, стояло за этим?.*

В.Р.: Нам, его воспитанникам, было непросто общаться с ним потому, что у него была совершенно другая манера думать. У нас были разный жизненный опыт, разная культура. Он пережил в жизни то, чего мы элементарно не в состоянии были понять. Я читал позже его воспоминания. Мама Рудольфа, например, подожгла как-то одеяло для того, чтобы отпугнуть волков. Он был человеком-революционером, не покорённым никакими жизненными обстоятельствами. В то же время сам не терпел, чтобы кто-то спорил с ним — непокорства духа в других не признавал. Со временем я смог как-то оправдать его: при такой мощной личности ему выпало столь сложное испытание — жить в советской системе, которая пыталась полностью подавить его. Иногда приходилось даже конфликтовать с ним, но потом отступать, уступать. Рудольф часто упрекал меня, что, мол, я не так с ним разговариваю, отношусь без должного почтения. Но, наверное, будь я паинькой, то не смог бы стать учеником такого бунтаря. Он был слишком суров, и я часто просто не осмеливался подойти, чтобы что-то уточнить, выяснить у него.

Спрашивать же о чем-то вообще было сложно, а не спрашивать — значило демонстрировать равнодушие к своему делу, к делу, которым он жил и дышал. Он на это очень плохо реагировал и считал: ученик просто не хочет знать его мнение. Мою воспитанность принимал за холодность и отсутствие интереса к танцу, принимал за неуважение к нему, как к педагогу, мастеру. Очень непросто было найти в общении с ним золотую середину. С одной стороны, он шёл, как танк, не допуская личностных проявлений. С другой — требовал именно этого.

Психологически я был почти раздавлен. Однажды сказал ему: «Наша проблема в том, что мой отец был ещё жёстче, чем вы — я прошёл хорошую школу сопротивления. Поэтому я поступаю именно так.» На что он ответил без обиняков: «Тогда ты просто дурак!»

Г.К.: Жизненные обстоятельства всё расставили по своим местам — с уходом Нуреева вы получили свободу.

В.Р.: Действительно, критическая масса готова была взорваться. Воспитание, диктат в определенной степени — это хорошо. Но в какой-то момент хочется ощутить свободу, глотнуть свежего воздуха, почувствовать себя самим собой.

Когда Рудольф ушёл из Оперы, поколение, которое он готовил, буквально расцвело. Мы получили великолепную технику, научились, несмотря ни на что, работать на износ. И ко всему этому добавилась ещё и свобода! Благодаря этому жизненному комплексу личность в каждом раскрылась в полной мере. Как будто, научив всему, у нас сняли наконец-то гири с ног. Я всегда пытался взять у Рудольфа всё, что можно, и при этом сохранить себя.

Г.К.: Эти отношения: робкий ученик и диктатор-учитель сохранялись у вас и в дальнейшем?

В.Р.: Вновь вернувшись в театр, Рудольф однажды подошёл ко мне после спектакля и спросил: «Что с тобой?» Я удивился: «Что-нибудь не так?» «Ты был так зажат прежде, а теперь такое ощущение, что принял слабительное.» «Просто расслабился и стал свободным, потому что вы ушли», — пошутил я в ответ. Интересно, что когда в 1979-м году Нуреев впервые увидел меня, то заметил кому-то из коллег: «Это плохой танцовщик». Через три года он стал моим руководителем, художественным директором и дал кучу ролей. Он полностью поменял своё мнение обо мне. Видел, что я работаю, что у меня есть мозги, что я внимателен. Одному журналисту Рудольф сказал: «Вилфреду я никогда помогать не буду, но никогда не буду и мешать». Через десять лет он дал мне главную роль в «Баядерке». Он менялся. Все видел, всё замечал. Был честен. У него никогда не было личной неприязни в работе. Если человек работал, добивался чего-то, он давал ему главные роли.

Г.К.: Новое появление Нуреева в Опере вернуло всё на круги своя?

В.Р.: О, нет! Когда Рудольф вернулся хореографом-постановщиком, мы познали уже совершенно другой уровень. Наша творческая встреча была потрясающей! Возникли совсем другие отношения: мастер вырастил

себе достойных партнёров, с которыми мог разговаривать теперь на одном наречии. Мы были уже одна команда, где каждый понимал друг друга с полуслова и гораздо больше стало тогда иных чувств.

Мы просто любили друг друга. Это было необыкновенно, как будто познали благодаря своему учителю совершенно другой язык и заговорили наконец с ним на равных. Работали без устали. Пошли большие постановки, исчезли комплексы, стерлось грань между мастером и учеником. Для меня это была огромная победа. Я доказал, что могу все. Когда, уже незадолго до смерти, он появлялся иногда на репетициях "Баядерки", участники постановки, зная, что дни мастера сочтены, хотели доставить ему радость. Потому что все были очень благодарны ему за то, что он дал каждому из нас.

Г.К.: Вам посчастливилось видеть, как таниевал Рудольф Нуреев в расцвете сил.

В.Р.: Ничего более красивого в танце я не встречал. Он владел всеми элементами. Ему под силу были и классический, и характерный, и современный танец, танец-модерн. И все это он очень гармонично связывал между собой. Умел выверить каждый миллиметр движения, каждую партию оттачивал до совершенства. У него к танцу в прямом смысле слова был научный подход — как в данный момент чувствует себя тело, как оно поворачивается, почему ведёт себя так, а не иначе. Все это было изумительно вдохновенно.

Г.К.: Не будь Нуреева, не было бы и сегодняшней балетной звезды Оперы Вилфреда Ромоли?

В.Р.: Рудольф сказал мне: «Ты должен реализоваться в классическом стиле. Продолжай в этой манере. И тогда добьешься того, что отвечает именно твоей сути». Я признаю теперь, что он оказался прав.

Правда, потребовалось много времени, чтобы понять это. Все классические роли, которые мы проходили, я делал очень хорошо. Справлялся со сложнейшими партиями. Когда однажды Рудольфа долго не было в Париже и он узнал позднее, что я станцевал де Грийе в «Манон», то удивился: «Ты сделал это?» А потом вернулся через пять минут и сказал: «Я очень рад за тебя!» Я знал, что получил эту роль только благодаря его выучке — именно поэтому я мог наиболее точно выразить суть этой партии.

Г.К.: Расскажите подробнее: каким он был в жизни?

В.Р.: Мне приходилось подолгу беседовать с ним, когда он лежал больной и у него уже не было сил. Многое высвечивалось тогда совершенно в другом ключе. Он очень взрывной был, очень авторитарный. Много требовал, но и сам всегда работал, как вол — из последних сил, до последней минуты. В какой-то мере даже портил этим свой образ больной человек не имел уже необходимой для полноценного творчества энергии. Его сильный характер контрастировал с такой, например, слабостью, как боязнь самолётов. Во время перелётов Рудольф, чтобы

заглушить страх, очень сильно напивался. Он мог пригласить в дом, но гостями не занимался. Играл на пианино и, по-моему, ему было наплевать на всех.

Мне кажется, Рудольф был очень одинок и безмерно страдал от этого. Хотел, чтобы вокруг было как можно больше людей, чтобы все говорили, общались между собой. В то же время жить с ним под одной крышей было просто невозможно. Я лично не мог долго находиться рядом. Человек он был действительно уникальный и вся жизнь его такая особая, неповторимая. Вспоминаю очень трогательный момент. Ему разрешили побывать в России, в родном городе Уфе — повидать больную мать. Он очень боялся этой поездки. Мы приехали попрощаться к самолёту, подбадривали: «Давай, держись, начальник!» А когда вернулся, спросили: «Ну, как мама?» Он сказал: «Она меня не узнала». И засмеялся. Хотя на самом деле это был смех сквозь слёзы. Часто Рудольф не понимал наших поступков. Мы не знали, что такое голод, Сталин, что такое война. Нуреев имел очень непростой жизненный опыт, большое мужество и огромный талант.

Г.К.: Если всё повернуть вспять, то к кому теперь вы бы пошли в обучение?

В.Р.: Я повторил бы свой путь! — Вилфред рассмеялся и добавил: — Всем желаю встретить в своей жизни такого Мастера, каким был Рудольф Нуреев. И пусть ещё такой человек появится на свете. Это будет счастьем для всего мира.

(Уфа-Париж, 2003 год.)

Наталья Черных (Россия, Москва)

Поэт, певица, продюсер международных музыкально-поэтических фестивалей. Постоянная ведущая программ «Звёзды русского мира», «Арт-диалог» и «Голоса русского зарубежья» Телерадиокомпании «Русский Мир». Автор восьми книг стихов и прозы. Член-корреспондент Европейской академии Искусств и Литературы. Президент ассоциации деятелей культуры «Открытый Арт-диалог».

«Поэзия — дело тихое…» Памяти Валерия Фёдоровича Дударева (1965-2019), поэта, Главного редактора журнала «ЮНОСТЬ»

Валерий Дударев был необычным главным редактором, может быть, чересчур демократичным. В кабинете застать его было трудно. Руководил коллективом незаметно, на полутонах. При нём журнал открывал новых авторов, благородно сохранял дружбу со стариками. Но... встраиваться в систему Дударев, по большому счёту, не желал. Свою несовременность нес искренне и не отступал от неё ни в стихах, ни в жизни. Незадолго до своего ухода вместе со Светланой Николаевной Дубровиной (зав. отделом по связям с общественностью Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына) был гостем студии Телерадиокомпании «Русский мир» Эту беседу я и предлагаю вашему вниманию..

Черных Н.: Здравствуйте, уважаемые гости! И первый вопрос у меня к вам, Валерий Фёдорович. Какова сегодня судьба толстых журналов, в частности — журнала «Юность»? Прошло более 25 лет с развала Союза, а ведь многие поколения на него равнялись. Как сегодня вам живётся?

Дударев В.Ф.: Мы живём так же, как жили все вот эти последние 25 лет. Мы живём вопреки, по крайней мере, до недавнего времени так было. Сейчас, я надеюсь, что что-то может измениться. Потому что в 90-е годы государственная политика по отношению к толстым журналам была выражена в следующем предложении: «если на Западе литературных журналов нет, то и в России их быть не должно». Вот и весь принцип.

Черных Н.: ?!?

Дударев В.Ф.: Но самое интересное, что на Западе-то они есть. На Западе есть и университетские издания, просто они для западного человека. Для обывателя европейского, американского, канадского, австралийского они представляют какую-то странную такую субстанцию, с которой не понятно, что делать. Литературный журнал на Западе — это локальное явление, которое объединяет каких-то людей, сумасшедших любителей словесности, которые занимаются поэтическими опытами или опытами в прозе. Если вы заметили, современная поэзия на Западе в основном связана с верлибром.

Допустим, есть языки, которые тяготеют к рифме, например, тот же французский или польский. Но верлибристы захватили всё, они читают стихи друг другу, этим они и счастливы. А что такое верлибр сегодня, в Западной Европе, например? Вот я был на фестивале в Швейцарии прошлым летом — это в основном высказывание той или иной мысли. А вот Бэлла Ахмадулина говорила, что поэзия — не есть мысль, не есть чувство, это что-то вообще особенное. Юрий Ряшенцев, который в «Юности» работал у нас в отделе поэзии, замечательный поэт, он когдато говорил, что поэзия — это вообще волшебство.

Сейчас я перейду к журналам, просто мне нужно обозначить, что происходило. Если мы не будем понимать контекста эпохи, мы не поймём в каком состоянии сегодня находятся толстые журналы. А в контекст эпохи журналы не вписывались в 90-е годы никак! Они стали существовать как трава, как небо, как дерево, как, собственно, русский язык в художественном понимании этого слова. И журналы должны были исчезнуть из нашей жизни. Если мы пройдёмся сегодня по Москве — везде вывески: то ювелирный, то какие-то магазины... Всё связано с получением удовольствий, такого, так скажем, телесного плана. А издательства?

Всё время что-то строится: дворовые храмы, ещё что-то, одни новоделы. Зачем это и для чего? Только для отмывания денег, наверное. А журнал вообще в русской культуре, в русской традиции — это особенное явление, если мы вспомним.

Черных Н.: Без сомнения, да.

Дударев В.Ф.: И практически у каждого знакового, значимого литератора, ну если своего журнала не было, то по крайней мере, он участвовал в этом журнальном процессе. Журнальный процесс в России был всегда. Поэтому журнал в России, — перефразируя Евгения Евтушенко, — Журнал в России — больше, чем журнал, это действительно явление. И в нашу защиту, в оправдание нашего существования, я скажу, что мы ни разу не закрывались. У нас сквозной номер, вот я сейчас держу первый номер журнала «Юность» за 2015 год, здесь вот у нас № 708 — это сквозной номер с 1955 года. Первый номер журнала «Юность» вышел 10 июня 1955 года. В этом году — 60 лет.

Черных Н.: Валерий Фёдорович, кто ваша целевая аудитория? Предполагаю, что она очень широка.

Дударев В.Ф.: Мы даже не можем её обозначить, потому что «Юность» (есть такое детское словечко, Корней Чуковский его любил — «Всехний журнал».) Это всехний журнал. Мы проводили опрос лет 5, по-моему, назад. И вот оказалось, что самый юный наш читатель живёт в Белгородской области, ему 10 лет было тогда. А самый мудрый наш читатель, дай Бог ему здоровья, дай Бог, чтобы он был жив, ему исполнилось тогда 91 год. Поэтому аудитория широка. Бабушки приводят внуков, родители — детей.

Однажды мы выступали в детской аудитории в Москве, это была библиотека им. Н.Г. Чернышевского на Новокузнецкой, там были ребята

12-13 лет. Мы им рассказывали о журнале, читали стихи, говорили о прозе, спрашивали у них: «Хотите ли вы быть поколением "Пепси"? И вдруг встаёт мальчишка, говорит: «А почему я этого журнала не могу купить в киосках?» Это было лет 5 назад. — «Почему не могу? Почему вы, взрослые, лишили нас этого журнала?» И сегодня я спрашиваю: кто дал право государству лишать аудиторию журнала «Юность»? Ведь дело-то не в нас, а в том, чтобы сохранить для будущих поколений такое явление как литературнохудожественный и общественно-публицистический журнал «Юность»!

Черных Н.: Какой тираж сегодня у журнала?

Дударев В.Ф.: Тираж у нас сейчас подписной около 6500, плюс розница по регионам России где-то ещё 3000.

Черных Н.: *Ну, по теперешним временам это совсем немало.*

Дударев В.Ф.: Да, вы знаете, по теперешним временам это даже очень хорошо. Вот я бы здесь нашёл бы дерево, я постучал бы по дереву. Слава Богу. И дело не в том, что не хотят читать журналы, а в том, что не знают, что они существуют. То есть, государство отрезало журналы от аудитории. Если бы хоть раз в месяц была какая-нибудь программа на радио, на телевидении, я думаю, что 100000 экземпляров по стране мы бы обрели. Вот в этом вся проблема. Мы часто ездим по стране творческими группам и выступаем. Только что из Ярославля приехал, вот буквально позавчера. И везде спрашивают: «А где взять ваш журнал? Где можно подписаться? Где купить?» Мы сами развиваем сейчас розницу. В Петербурге со следующего номера мы ещё прибавили в розницу 700 экземпляров. Это много.

Черных Н.: Это много.

Дударев В.Ф.: Но какими силами нам это даётся, я здесь рассказывать не буду, потому что государственной поддержки мы не имеем. Я вам скажу откровенно, журнал — это не просто литература, это не просто слова на компьютере набрал и куда-то там в Интернет выложил, это совсем другое. Так вот единственный человек, который понимает, для чего нужны литературные журналы, это Владимир Ильич Толстой, который поднял Ясную Поляну. Это человек, который пришёл во власть — советник Президента Российской Федерации, и тогда я впервые услышал какую-то здравую речь.

Нам в прошлом году оказали помощь государственную, там ведь огромные деньги под Год литературы выделяются, нам в прошлом году дали 200 000 рублей. Рублей! А что можно выпустить на 200 000 рублей? Однажды я говорил, ещё был Лужков, с его администратором, царство ему небесное, такой был хороший человек. Однажды они нам собирались помочь. И вот этот администратор стал спрашивать, сколько нам даёт государство помощи на федеральный журнал. И тогда Валентин Распутин, великий русский писатель, к нему можно было идти с условным вопросом: как жить? Больше в России я такого писателя не знаю сегодня. Вот в этом трагедия, у нас нет такого писателя.

И вот тогда Распутин поговорил с Путиным, и нам стали выделять не 600 000, а 1 200 000. Один год такое было всего лишь. И вот я отвечаю:

«Ну вот 1 200 000 нам на год.» Была пауза, и этот администратор Лужкова (тогда чиновник), напрягся и сказал: «1 200 000 долларов в год на федеральный журнал?!» Повисла пауза. Я её выдержал и сказал: «Рублей». Он осёкся. Это была гоголевская сцена. Понимаете? То есть мы живём в разных совершенно мирах.

Черных Н.: Скажите мне, пожалуйста, «Новый мир», «Звезда», «Знамя» — у них такая же ситуация?

Дударев В.Ф.: У каждого журнала есть свой читатель. И, допустим, «Дружба народов» и «Знамя» примерно ситуация такая, у них тиражи — 2 000, ну, 3 000 максимум, «Новый мир» — 5000-6000; «Наш современник», это около 10 тысяч, это было на прошлый-позапрошлый год. Все журналы сейчас пытаются как-то объединиться и создать ассоциацию толстых журналов. Но я не знаю, получится ли, потому что всерьёз государство толстыми журналами не занимается. А мы бы имели другую духовную атмосферу в обществе..

Черных Н.: Вы знаете о том, что книжная выставка «Книги России», которая всегда бывает в марте, в этом году не набрала желающих поучаствовать? Это впервые...

Дударев В.Ф.: Мы заявлялись, как всегда, и на «Нон-фикшн», и на другие книжные выставки. Есть такое понятие как общий стенд литературных журналов, а организаторы отказались, им этого не нужно. Раньше мы складывались, и этот общий стенд был. Сейчас этого не нужно и такая тенденция странная не потому, что люди не хотят читать, а потому, что чиновники, к сожалению, приходят в культуру. На среднем уровне они приходят с единственной целью — набить собственный карман и куданибудь смыться... Я вот назвал единственного человека, который заботился о памяти своего великого предка и который действительно системно мыслит на уровне журналов литературных и процесса литературного. Я впервые такого человека встретил. А в глазах у чиновников совсем другие проблемы.

Черных Н.: Серьёзные культурологи говорят, что только около 5% населения России востребуют культуру и сами являются её носителями. При всех режимах, при всех революциях, дефолтах и т.д. Во все времена примерно 5%. Это очень жёсткая цифра, но тем не менее... Как вы полагаете, меняется ли за последние двадцать с небольшим лет эта цифра или она так и крутится около этих 5%?

Дударев В.Ф.: Это живые люди, но мне кажется, в обществе должны быть какие-то... какие-то маяки духовные, на которых можно ориентироваться. Я приведу пример. От нас ушёл Распутин, ведь мы же обеднели. Мы духовно обеднели. Понимаете? Можно построить много таких, простите, «одноразовых» храмов непонятных, где даже нет представления о том, что храм строится на каком-то особом месте. А вот ушёл Распутин или Андрей Вознесенский...

Вот когда были похороны Андрея Вознесенского, которого я знал и последний год с ним особенно общался — это был удивительный

человек! Сейчас не говорю, как о поэте, а именно как о человеке, могу долго о нём рассказывать. И вот я увидел, какой-то дядечка, оказалось из Подмосковья, Электростали, он стоял и просто плакал. Я подошёл: «Что же вы так плачете? Вы знали лично Андрея Андреевича?» Он говорит: «Нет.» — «А что с вами? Почему?» Он говорит: «А потому что я жил себе в своей этой Электростали, где всё было мрачно, где рушилось то, что мне было дорого с детства, всё это разрушалось, всё менялось, но стихи Вознесенского меня спасали и я просто знал, что в России живёт поэт Андрей Вознесенский и мне было от этого тепло, светло и хорошо. Теперь, когда он ушёл, у меня не осталось вот такого пристанища.» Понимаете?

В Молдавии мы выступали... вот, кстати, мы ездили по линии Дома русского зарубежья в Молдавию и там на вопрос: «К кому нужно идти с этим вопросом: как жить?» Кто-то выкрикнул: «Нужно идти в церковь!» Я говорю: «В церковь надо идти». Но, если всё-таки основная миссия у священника — это служение Богу, да, Господу, то журналы — они объединяют общество, потому что независимо от взглядов, независимо от верований, журнал объединяет всех.

Мы печатаем, допустим, такую странную, не корректную, но это настоящий писатель — Валерию Нарбикову. И молодого, совершенно необузданного человека, который участвует, вернее даже не участвует, а смотрит, что происходит во всех революциях на постсоветском пространстве — это Ильдар Абузяров. Мы печатаем авторов с православной тематикой, то есть, мы объединяем всех. Площадка журнала «Юность» объединяет всех. И вот люди, эти 5%, они же будут растворяться в остальном обществе, если они не будут иметь поддержки таких столпов, как Распутин, как Вознесенский, как Солженицын в своё время. Потому что, когда страна теряет таких мэтров, таких писателей знаковых, всё общество теряет ориентиры.

Черных Н.: А «Катаевский самовар» существует ещё?

Дударев В.Ф.: О! «Катаевский самовар» — это великое дело. Я с этого начинаю обычно рассказ о журнале, потому что Катаев — писатель, которого недооценили до сих пор. Хотя я думаю, что открытие Катаева ещё впереди. И вот эта история, которую надо, наверное, напомнить, а кто не знает, рассказать вновь. О том, как Катаев, открывая журнал «Юность», собрал весь коллектив и стал задавать вопрос: что же главное в журнале? Мы открываем новый журнал, что же главное? Естественно, каждый отстаивал свою профессию, свою специальность, свою значимость: это и редактор, и корректор, и художник, и автор. «Всё это понятно», — сказал Катаев, — но самое главное в журнале, — это самовар! Это самовар, потому что он — символ того, что журнал открывает свои двери для пишущих людей. Вы понимаете, если на Дальнем Востоке или в Калининграде мальчик или девочка написали 2-3 строчки, куда их можно отправить? Где тебя хотя бы оценят...

Черных Н.: Да, вот у вас на сайте написано, что если что-то вы написали — присылайте.

Дударев В.Ф.: Да-да, это можно. Поэтому мы печатаем очень много людей из разных областей и регионов страны, и из ближнего зарубежья

как это теперь называется. Жители этих новых, так называемых, стран присылают нам в «Юность» свои произведения, и я хочу маленький пример, ну очень важный вам привести. Мы сейчас печатаем с первого номера Станислава Осеева.

Станислав Осеев живёт в Макеевке. Произведения, которые он нам прислал, написаны под бомбёжкой. Это Донбасс. И он просил: «Вы мне както отвечайте по Интернету, потому что мобильной связи нет.» Этому парню 24 года. Нам интересно, ведь мы потеряли это поколение. Этих ребят. Их объединили с помощью каких-то американских советников, в какие-то группы, сделали из них бандеровцев, хотя многие из них Бандеру и не читали никогда. Допустим, его работу 1953 года «С русским языком нам не по пути». Да любую работу. Они его не знают. Но их объединили, их заставили думать, что Россия — это враг. А Станислав Осеев — чем он интересен? Он прислал этот роман. Он окончил философский факультет Донецкого университета, отделение религиоведение. И у него — взгляд философа, юного, молодого философа на события, которые происходят на Украине. Это по почте всё пришло.

Черных Н.: Это будет?

Дударев В.Ф.: Это печатается уже сейчас с первого по шестой номер. И ещё один момент, это важно сказать, простите, без этого мы не поймём, что там происходит, это лучше любой какой-то рекламы и ангажированности. Станислав Осеев написал: «Я пойду воевать. Ну вы, наверное, со мной не будете разговаривать, если я скажу, что пойду воевать на стороне батальонов «Айдар», «Азов», а совсем не ополченцев?» Я говорю: «Да почему же не буду разговаривать? Разговаривать надо со всеми. Но почему у вас такой выбор?» — «Ну, ополченцев я знаю с детства, я с ними живу, я представляю, что это за люди.» Тогда спрашиваю: «А какова же главная идея? Почему вы пойдёте в эти батальоны? Даже не украинская армия, а эти батальоны?» — «Ну, потому, что я за целостность Украины. Вот нам в университете, в школе нам говорили, что целостность Украины — это самая главная вещь на свете, а Россия — там живут алкоголики, там живут медведи.» Я говорю: «Ну вы же пишите в журнал "Юность"?»

И этот Станислав Осеев пошёл в один из этих батальонов. Я даже не просил его называть, в какой, потому что человек может из-за этого лишиться жизни. Через 3 недели он оттуда вернулся, написал мне письмо: «Сходил я. Сбежал оттуда. Потому что то, что я там увидел, никакого отношения к идеям, вообще к мысли не имеет, это обычные бандиты, которые грабят местное население.» Вот Станислав Осеев — это одна из судеб, которые связаны с журналом «Юность».

Черных Н.: Перед тем, как мы перейдём к очень важной теме, которая называется «Программа книжной помощи», я бы хотела попросить вас, Валерий Фёдорович, всё-таки стихи почитать.

Дударев В.Ф.: Ведь стихов не печатает никто.

Дубровина С.Н.: Я хотела как раз спросить: книги поэзии издают?

Черных Н.: Сами поэты издают.

Дударев В.Ф.: Поэзия в 90-е годы пала первой. Есть эта волна людей, которые хотят что-то издать, хотят проверить свой талант, которые даже не думают, есть ли у них вербальный слух, как говорит Юрий Поляков, или нет вербального слуха? Пастернак, например, отказался идти в музыку, потому что у него не было абсолютного слуха. Вот он долго выбирал, общение со Скрябиным очень многое для выбора дало. А в Интернете любой может разместить всё...

Дубровина С.Н.: Очень сложно судить, сложно выбирать.

Дударев В.Ф.: Это не ругательное слово, но это так называют в нашей литературной среде. Допустим, Стихи.ру — это помойка, это обман населения, потому что они за деньги там устраивают какие-то рейтинги, ещё что-то. Так не бывает! Не бывает тысяч хороших поэтов. Бэлла Ахмадуллина называла это словом «самодеятельность». Когда человек пишет стихи — это неплохо, это очень даже хорошо. Потому что любой гимназист в Российской империи умел писать стихи, он сдавал экзамен по силлаботонике, все это знали. Писали стихи в альбом, и альбомная поэзия существовала. Но никогда гимназист не говорил о том, что «я могу так же, как Ахматова», «я могу так же, как Есенин», никогда! А сейчас — это трагедия современной поэзии, что утрачена школа, и теперь это проблема «саранчи», когда всё захватывается. У поэзии особая роль в литературном пространстве, потому что стихи писать научить нельзя, а учить нужно.

Черных Н.: А слышать? А слушать?

Дударев В.Ф.: Я больше скажу, читать и писать стихи — это вообще одно и то же. На самом деле это — единое пространство, потому что главное в литературе, не кто где учился, а кто кого ввёл в литературу.

Это ещё Вейдле писал в своей замечательной книге «Умирание искусства». А Зинаида Гиппиус, такая рафинированная поэтесса, в эмиграции, раз мы говорим о Доме русского зарубежья, организовала «Зелёную лампу» и всё-таки ввела в литературу того же Поплавского. И эти связи — они очень важны для литературы.

Черных Н.: Критерии должны быть...

Дударев В.Ф.: Должны быть критерии. И кто кого ввёл, конечно. Потому что даже с Вознесенским, когда мы говорили, когда он спрашивал: «Зачем вам редсовет?» . Я просто тогда разозлился на Андрея Андреевича и говорю: «Ну вот вас в литературу вводил Пастернак, Ахмадуллину — Антакольский, Евгушенко сам пришёл, его нельзя было не заметить, хотя ему помогал Слуцкий. А что после вас, шестидесятников останется?» И тогда Вознесенский — я думал, он меня пошлёт после таких слов — а он сказал: «Я согласен войти в редсовет.» Понимаете? А те 5%, на самом деле их, наверное, больше, потому что у нас ушло понятие "рабочая интеллигенция". У нас вообще люди в 90-е пытались как-то выжить и, может быть, им было не до стихов, хотя многие понимают, что стихи важны как хлеб. Ведь не зря Бродский в Америке... Сейчас я стихи почитаю, просто важно сказать. Вот Бродский, у него был такой проект в Америке....

Черных Н.: Чтобы в супермаркетах стихи продавались.

Дударев В.Ф.: Да. Он пытался продавать стихи рядом с хлебом. Но не вышло. Ну, это не их. А у нас, может, и вышло бы. Вот Брюсов много писал о том, что такое поэтическая книга и вообще поэт. В истории русской поэзии, ну издаёт поэт 2-3-5 книг — это максимум. Вспомним, сколько книг издал Фет, а Мандельштам вообще только две, «Камень» он переиздал второй раз. Потому что книга создаётся из плоти и крови, из души. Ты должен дозреть до этой книги. И поэтому поэтической книге надо бы памятник установить в Москве! Потому что она сложнее, чем прозаическая. Вот лучшая книга Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец» вышла уже после его смерти.

Я прочитаю такое стихотворение, которое мне казалось ушедшим в прошлое, а тут я выступаю в Прибалтике, в Вильнюсе и вдруг меня просят почитать эти стихи. Я очень удивился. В них — трагедия распада империи. Написаны они в начале 90-х годов, когда об этом мало кто думал, была эйфория. Вообще мне больше нравится читать чужие стихи... А свои читать... (Смеётся.)

Черных Н.: И всё-таки ваши стихи, пожалуйста....

Дударев В.Ф.: Сгорают звёзды, люди, царства...

Испепеляющий конец! — И нет на свете государства, В котором умер мой отец.

И словно он в сороковые И не выигрывал войну — Так быстро справили живые Себе отдельную страну.

И словно не было державы, Свалившей гордого врага. И там, где город русской славы, Теперь чужие берега. И там, где время сохранило Могилы русских казаков, Теперь степная правит сила Чужих очей, чужих подков.

И там теперь чужие страны, Где гибли русские полки, А горстку русских ветеранов Добьют латышские стрелки...

Черных Н.: Светлана Николаевна, и вопрос теперь у меня к вам. Самая известная и знаменитая программа книжной помощи, что это такое?

Дубровина С.Н.: Программа книжной помощи Дома русского зарубежья ведётся нами с самого момента основания Дома, с 1995 года, а если быть более точным, то ещё раньше — с 1990-1991 годов, когда состоялись первые выставки парижского русского издательства «ИМКА-Пресс». И после этого Дом ежегодно дарит книги ведущих российских издательств в библиотеки: в региональные библиотеки России, а также в библиотеки университетские славистических центров за рубежом, в национальные библиотеки. Ежегодно эта программа перечисляет 30-50 тысяч книг в разные библиотеки России и зарубежья. Церемония передачи книг проходит обычно очень интересно, участвуют и поэты, писатели. Вот Валерий Фёдорович давний друг нашего Дома, он принимает участие в церемониях передачи книжных даров.

Черных Н.: Кому адресованы книги в первую очередь?

Дубровина С.Н.: Я хотела как раз об этом Валерия Фёдоровича спросить: кому вообще сейчас русская книга интересна? Потому что это вопрос на самом деле непростой. Понятно, что в зарубежье, особенно в Восточной Европе, целая традиция существует изучения русского языка, есть слависты. Сейчас количество этих научных центров уменьшается, количество русистов уменьшается и, тем не менее, мы передаём эти книги. Как принимает аудитория русскую делегацию? Кому сейчас нужны русские книги? Этот вопрос я адресую Валерию Фёдоровичу как участнику этих церемоний.

Дударев В.Ф.: Во-первых, русские книги разные, и надо понимать, что происходит сегодня в тех странах, которые были неразрывно связаны с русской культурой. А практически весь мир был связан с русской культурой и с русским языком, И, если раньше, в советское время, может быть, даже излишне русский язык навязывался, то в 90-е годы мы получили совершенно обратный процесс. В этих близлежащих странах всё русское убиралось, уничтожалось, не признавалось и был такой вакуум. А сегодня вдруг оказалось, что русский язык никуда не делся, русская культура интересна.

И вот новое поколение, которое уже не хочет быть поколением «Пепси», они вдруг поняли: а ведь русский язык и культура, русская цивилизация и Советский Союз — это действительно цивилизация. Это, может быть, ушедшая Атлантида. А что там было? А было не всё так плохо. Вот, допустим, мы делали в журнале интервью с канадскими молодыми физиками, которые приехали работать к нам из Канады, а не наоборот. Об этом никто не говорит. Понимаете? А об этом надо говорить. Вот мы говорим об этом. Люди стали обращаться к культуре, к языку.

И сегодня уже, слава Богу, мы перестали вывозить на выставки людей, которые поливают грязью Россию и её прошлое, ведь это практиковалось в девяностых и в начале нулевых годов. Сегодня всё-таки стали появляться другие писатели, появляться такие организации как «Русский мир»! А когда просто чиновник сидит и заведует русской культурой в той или иной стране, то я думаю, что у чиновника совершенно другие мысли. Он думает, как бы ему сохраниться на этом месте, как бы преуспеть совершенно не в популяризации русского языка и русской культуры.

А вот «Русский мир» — это та первая ласточка, которая, собственно говоря, открыла Россию тем, кто желает её открыть и увидеть. И таких людей много. Это не обязательно филологи и не обязательно это старшее поколение, которое ещё училось в Советском Союзе. Мы были в Словении недавно с заместителем директора Дома русского зарубежья Владимиром Сергеевичем Угаровым. Там старшее поколение настолько радовалось нашему приезду, их чувства давние всколыхнулись, они просто сияли, когда нас принимали. Но аудитория, перед которой мы выступали и дарили эти книги, она была молодая. Это даже не поколение средних лет, а это именно молодые ребята, которые всё воспринимают впервые.

Дубровина С.Н.: То есть, это русскоязычная аудитория, они без перевода слушают?

Дударев В.Ф.: Они слушали без перевода. Когда мы выступали в Белоруссии, там было на 2/3 китайская аудитория — они тоже слушали без перевода. Понимаете? И вот, слава Богу, сегодня мы получили ситуацию, когда к русскому языку, к русской книге пришли люди, которые действительно этого хотят, их никто не заставляет, нет никакой обязаловки. И в этом есть большой смысл, потому что они-то гораздо больше скажут своим ровесникам, своим сверстникам. Это — настоящее понимание России, оно прорастёт. Потому что то, что сейчас представляется на Западе, о том, что такое Россия, это дикий ужас, я не ожидал. Я довольно критически относился и к власти, и к разным ситуациям, которые у нас в стране бывают. Но когда, извините, вот в той же самой Словении, включаешь телевидение, и по немецкому телевидению показывают Путина как Фредди Крюгера, это всё смонтировано, я такого безумия не видел.

Дубровина С.Н.: Это происходит повсеместно.

Дударев В.Ф.: Ну я не ожидал этого, можно критиковать, ну не так же... Это мерзко, вот другого слова и не подберу.

Дубровина С.Н.: И потом, такое впечатление, что им это «Бахом навеяло», кто-то им наговорил, кто-то насвистел. Сначала информации нет, а потом она абсолютно искажённая, она неправильная. И это не только там, где вы говорили, это, к сожалению, повсеместная история. Правдивой информации не принимают.

Дударев В.Ф.: Ну можно что-то не принимать, можно ненавидеть, но врать-то зачем?

Дубровина С.Н.: Врать — это медиа-война, будем называть вещи своими именами

Дударев В.Ф.: Такого не было никогда, издевательства такого... Есть круглые столы, есть общение, можно ругаться, можно спорить. Но это — за гранью, просто в обществе существование людей нельзя такие вещи делать. Меня это очень удивило. И поэтому ещё раз говорю: миссия Дома русского зарубежья настолько актуальна, она архиважная. Понимаете? И вот куда бы мы ни приезжали, тот же Вильнюс, или Таллинн — там не просто принимают книги, это всегда торжество. Книга дарится торжественно.

Черных Н.: Все любят получать подарки. Мы приезжаем и на книжных выставках привозим, распаковываем, оборудуем эти стенды и т.д. Потом мероприятия заканчиваются, люди уезжают и местные говорят «оставьте книги, мы будем их продавать.» В Париже — магазин «Глоб», «ИМКА-Пресс». Мы, естественно, оставляем то, что у нас есть, мы не везём книги обратно. Приезжаем через год, не продано ни одной книги. То есть, это есть какое-то несовпадение нашей русской, российской стремительности и их медлительности...

Дударев В.Ф.: Наташа, да мы сами виноваты во многом. Вот пример: мы приезжаем в Верону выступать, привозим сибирского писателя, ну пусть он мало известен, итальянцы хотят о медведях. О медведях его рассказы, это русские медведи из Сибири. Интересный дядька, никогда он не будет большим писателем, но про медведей он пишет со знанием дела. И вдруг нам

говорят: «Приезжает Улицкая!» — «Ну, приезжает и приезжает Улицкая.» — «Нет, вы не понимаете, это Улицкая!» И мы заходим в книжный магазин и там одно наименование Лермонтова, одно наименование Набокова и 15 наименований Улицкой! Но Улицкая — это далеко не русская литература, по крайней мере не вся русская литература. Но это везде навязывается и людям не разъясняется, что такое Улицкая. Это не значит, что она плохой или хороший писатель, но явление понимать надо. Потому что трагедия сегодняшней литературной ситуации в том, что она лоскутна и людям перестали говорить о литературе. Премию получил, и ты писатель. И процесс этот, он сжат до цифр. Премия сколько? О, да, миллион. Хорошо. Меньше — плохо. То есть вопрос «сколько?» заменил вопрос «как написано?», вопрос о языке. И поэтому то, что делает сегодня Дом Солженицына, мы оценим не сегодня, может быть через 20, через 30, через 100 лет. Эти люди, которые приобщаются к русской литературе, к русской философии, это будут другие люди. Потому что человек, который прочитал Достоевского, Толстого, Чехова — это уже другой человек. И этим занимается Дом русского зарубежья. Ну и мы тоже.

Дубровина С.Н.: Врать — это медиа-война, будем называть вещи своими именами

А В декабре 2014 года мы передали 2500 книг детям Донбасса. Был такой дар совместно с Императорским палестинским обществом.

Черных Н.: Это очень интересная тема — предлагаю её продолжить. А сегодня, друзья, к сожалению, мы должны заканчивать. И предлагаю вашими стихами, Валерий Фёдорович.

Дударев В.Ф.: С удовольствием.

С модернами и канонами, С чёрным стихом и белым Поэзия — дело новое! Старое, в общем, дело! Поэта трясутся рученьки! Дайте ему награду!

Налейте поэту рюмочку! Поэтам много ли надо? Чтобы ходики тикали, Чтобы лампа горела. Поэзия — дело тихое! Громкое, в общем, дело!

Черных Н.: Я сердечно благодарю моих гостей за замечательную беседу и прощаюсь с вами, дорогие читатели, с надеждой на следующую встречу.

ПО СЛЕДАМ НЕМЕРКНУЩИХ СОБЫТИЙ

© Художник Андрей Карапетян

Михаил Коновальчук (Россия, Москва)

Родился: р.п. Заринский Алтайского края, служил в ВМФ, работал грузчиком, формовщиком, литейщиком, в геологоразведке, журналистом, редактором, Главным редактором к/с «Ленфильм». Член Союза кинематографистов России. Автор сценариев к фильмам: «День Ангела», «Духов День», «Время печали еще не пришло», «Цветы календулы», «Путина», «Кома», «День Зверя», «Чистая проба»(8 серий»), «В гавань заходили корабли», «Странник» и др. (около 30-ти).

Автор книг: «День Ангела» (сб. киноповестей, изд. «Коло»), «Инвалид детства» (сб. изд. «Коло»), «Волчьи чары» (сб. киноповестей, изд. «Современная литература»), «Время печали ещё не пришло» (изд. «Аквилон», США), «А.В.Е.» (роман).

Режиссёр фильмов: «В гавань заходили корабли», «День Зверя». Автор киноповестей: «День Ангела», «Время печали», «Духов День», «Фауна по имени Флора», «Тася» (Т. Лаппа), «Батька Чапай», «Гитлерюгенд. День Победы», «Волчьи чары», «Русский отряд короля Ахмед-бея», «Реставратор» (Н. Гоголь «Портрет»), «Золотая лихорадка в Киселевке», «Морской треугольник», «Фармазон», «Имам Шамиль. Ахульго» и др.

Призы и награды: Трижды: «Премия им. Пиотровского за лучший сценарий», «Ника» 1999 г. (за сц. «Цветы календулы»), «Духов День». «Нестыдное кино» (Екатеринбург, лучший сц.), XXIX ММКФ («Путина»), Спецприз ОРКФ(Сочи), Спецприз МКФ (Чикаго), МКФ (Котбус) 3-ий приз, Гран-при (Владивосток), Гран-при «Улыбнись, Россия», МКФ (Канны), «Особый взгляд» номинант.

...и другие призы на отечественных и зарубежных фестивалях.

A. V. E. C Y M A T P A

роман в письмах, стихах и примечаниях

Жизнь напоминает мне не что иное, как лоскутное одеяло, сшитое из разноцветных кусочков.

Ортега-и-Гассет «Эстетика в трамвае»

Предисловие

Основой этого не совсем обычного полудокументального романаэссе стали письма и стихи ныне известного легендарного поэта X.
Назову его Фомой X., потому как ни одно из этих юношеских стихотворений не было опубликовано, они неизвестны никому, даже автор о них забыл, а письма, естественно, никто не читал, так как они адресованы мне, автору этого правдивого повествования. Письма перемежались стихами, а стихи бытовыми подробностями. Трудно догадаться по текстам, что эти стихи принадлежат Фоме X. ещё и потому, что та обстановка, тот уровень культуры и осведомлённости, круг интересов автора, юноши из сибирского рабочего посёлка, кажется, и не предполагали воз-

никновения будущего культового поэта. Вся эта переписка происходила в течение семи-восьми лет, началась со школьных времён, когда нам было по четырнадцать-пятнадцать, с издания рукописного самиздатского журнала «Суматра» (№1 в 1966 году, за ним следовали другие номера, частично утерянные), хотя слова «самиздат» мы и не знали, («Хроника текущих событий» вышла годом позже), была просто потребность в таком предприятии. Мы же подражали авторам и литературным героям, не совсем отделяя авторов от их персонажей.

Переписка продолжилась во времени во все годы наших скитаний, вплоть до исчезновения в ней необходимости. Во время переписки мы сами становились персонажами того или другого литературного произведения и неимоверно подражали ему как в жизни, так и в стилистике писем. Все эти тексты — свидетельства давно ушедшей эпохи, причём для нас серой и невнятной, которая теперь кажется милой, а тогда беспросветным и унылым прозябанием в рабочем посёлке, вдалеке от того, что нам казалось «большой жизнью», и куда мы вскоре отчаянно устремились. А дальше были рабочие общаги, бараки, гостиницы, палатки, казармы, кубрики, съёмные квартиры. Все вещи и книги помещались в одном рюкзаке, там же — письма и записные книжки. Многие не сохранились, стихи потеряны, а всё, что есть, оказалось у меня почти случайно, словно «рукопись, найденная в сундуке». Они чудом нашлись в небольшой потрёпанной папке, сохранённые моей матерью, и я их извлекаю в приблизительной последовательности. Читать такие письма — это как смотреть кино на старой выцветшей плёнке, местами поцарапанной, склеенной как попало в местах порыва нерадивым кинщиком, смотришь, словно стоя на ходовом мостике, вглядываешься в далёкий туманный берег, угадывая за смутными очертаниями знакомые места. Кому как, но я люблю смотреть старое кино. Есть люди, которые живут здесь и сейчас, а есть живущие вчера, сегодня и вечно. Вторые мне нравятся больше.

«Лоскутное одеяло» повествования грубо, на живую нитку сшито из разновеликих текстов. Это:

- 1. подлинные письма X. (Фомы), носящие дневниковый характер, где он обращается к автору на «Вы», как к персонажу, и пишет, пожалуй, их скорей сам себе, а адресат ему нужен как собеседник, который умеет слушать, правильно слушать, с пониманием. И сам Фома предстаёт в этих текстах как персонаж, меняя личины, то кривляясь, то принимая суровые позы юродивого и бахнутого обличителя, то проповедника, а то человека, искренне не понимающего окружающую действительность, доводящую его до мыслей о суициде;
- 2. стихи, которые попадаются и в тексте писем, и просто приложены к письму, никому не известные стихи, полностью забытые автором и друзьями. Почти все они предназначались к публикации в очередном втором, третьем и четвёртом (утеряных) номерах нашего рукописного самиздатовского «нерегулярного литературно-художественного журна-

ла "Sumatra" ("Суматра")». Количества этих текстов хватило бы на толстый томик стихов. Если бы такой томик вышел в свое время (1966-1974 годы), то Фома X ещё до поступления в Литинститут и первых публикаций стал бы знаменитым русским лирическим поэтом. Дело в том, что спустя некоторое время Фома охладел к своему раннему творчеству, а одну из тетрадей («Жёлтая тетрадь») просто выбросил на помойку на моих глазах. И я, автор этого правдивого повествования, голубоглазый блондин высокого роста, полез в мусорный бак и достал её. Фома хмыкнул иронично и вопросительно, а я злобно ответил, что лет через десятьдвадцать, когда он станет достаточно знаменит, я их опубликую под другим именем, например Фома X. Фома же на эту угрозу только глумливо рассмеялся в моё честное открытое лицо. Теперь, будучи человеком последовательным, я это обещание выполняю. Это часть стихов, остальные сохранились в письмах и в приложении к ним;

- 3. историческая справка. Параллельно нашей жизни шла другая жизнь и в СССР, и в мире. Об этих событиях мы мало что знали, так как та жизнь протекала совсем в другом измерении и в другой среде. Потому в тексте повествования приводятся отдельные даты;
- 4. некоторые примечания от лица автора этого ироничного повествования, скрывающегося под разными личинами, то полного отморозка Чёрного, то молодого писателя, то военного журналиста, а то и Чики, отвязного Чикиндролиза, солдата удачи, служившего на Чёрном континенте. В повествовании использована часть этих текстов из давних записных книжек под названием «Фома. Инвалид детства» уже в машинописном виде, перепечатанных и предназначенных для публикации в том же журнале «Sumatra» для небольшого круга друзей. Проводя литературные параллели, Фома всё это называл «Коноваль-Чукокал».

Часть 1. ШКОЛА. (р. п. Заринский. 1967 г.)

(События в мире. Историческая справка)

1967 год — лучший год в поп-музыке. Действительно, в этом году «Биттлз» выпускает «Сержанта Пеппера», Джими Хендрикс дарит миру альбом «Аге You Experienced?», «Пинк Флойд» покоряет Америку. А в Советском Союзе женщины сходят с ума от американского красавчика с гитарой Дина Рида, мужчины — от мини-юбок, молодёжь — от ливерпульской четвёрки. Все танцуют твист и ходят в кино, преимущественно на комедии. Особенно популярны Наталья Варлей из «Кавказской пленницы» и Олег Стриженов, сыгравший лишённого всяческих чувств робота в картине «Его звали Роберт». В Израиле начинается и заканчивается Шестидневная война, председателем КГБ назначен Юрий Андропов, а суббота стала выходным днём.

9 октября 1967 года в Боливии убит латиноамериканский революционер, коммунист, команданте Кубинской революции Эрнесто Че Гевара.

12 октября 1967 года вышел закон «О всеобщей воинской обязанности». «Все мужчины — граждане СССР обязаны проходить военную службу».

4 ноября 1967 года в Москве начал вещание Останкинский телецентр с антенной башней высотой 533,3 метра.

3 ноября 1967 года был пущен в эксплуатацию первый агрегат Красноярской ГЭС — первой электростанции на реке Енисей, которая входит в десятку крупнейших ГЭС мира.

Но всё это происходило словно на другой планете.

Это было много лет назад, как покажется кому-то, а я скажу: нет, не много, это было вчера, или это было в прошлом году, есть много способов отсчета времени от секунды до часа, от часа до года, от года до века. И всё это происходит одновременно, времени как бы нет, есть только необозримое будущее.

***

Электрический ветер завязан пустыми узлами, и на красной земле, если срезать поверхностный слой, корабельные сосны привинчены снизу болтами с покосившейся шляпкой и забившейся глиной резьбой. И как только в окне два ряда отштампованных ёлок пролетят, я увижу: у речки на правом боку в непролазной грязи шевелится рабочий посёлок и кирпичный заводик с малюсенькой дыркой в боку. Что с того, что я не был там только одиннадцать лет. У дороги осенний лесок так же чист и подробен. В нём осталась дыра на том месте, где Колька Жадобин у ночного костра мне отлил из свинца пистолет. Я там умер вчера. И до ужаса слышно мне было, как по твёрдой дороге рабочая лошадь прошла, и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила, лошадиная сила вращалась, как бензопила.

Именно в непролазной грязи шевелился рабочий поселок (р.п. Заринский¹), а через дыру в боку кирпичного заводика мы проникали на свалку металлолома. А зачем нам свалка? Правильно, чтобы найти медные трубочки. А зачем нам медные трубочки? Правильно, чтобы сделать пистолет, именно пистолет, а не пугач, такой, чтобы к нему подходили патроны от мелкокалиберки. А всякие патроны продавались в охотничьем магазине, там продавался и порох, и капсюля, и пыжи, и одностволки, и всё то, что нам было крайне необходимо в возрасте четырнадцати лет.

¹В 1979 году Сорокинский район переименован в Заринский, административный центр перенесён в Заринск (бывший р.п. Заринский).

Заринский район расположен в северо-восточной части края, граничит с Залесовским, Первомайским, Косихинским, Кытмановским и Тогульским районами Алтайского края, а также Кемеровской областью.

По территории района протекает река Чумыш, приток реки Оби. Почвы — чернозёмы, серые лесные. Растут — пихта, ель, кедр, берёза, осина. Обитают — лось, косуля, лиса.

Весна на Заринской улице. Из кино.

В результате прихода весны, в результате гудка парохода изменились системы подхода к тем материям, что не слышны. В оглушённом объёме реки и в параллелепипедах зданий, а систему домашних заданий заменили кормленьем с руки. И на пол перейдя со стены, так легко, как с катода к аноду,

длилась закономерно погода, изменив освещенье комода и его допотопные сны. И рассчитанным точно толчком, как ударом бильярдного шара, всё сместилось,

и выплыл закон, что довольно глазеть из око́н, или сопровождаться хлопком отлетанию шариков пара.

«Суматра» № 5:

«Когда человек рождён, растёт и вырастает в том минимуме, в котором мы росли с приятелями, как и все наши сверстники, чуть лучше, чуть хуже, но предельно просто, то весь остальной мир кажется сказкой, в неё принято верить, но она никак себя не проявляет, разве только в редких просмотренных фильмах, да в прочитанных книгах. А вырастая, он соотносится с окружающими персонажами его детства, и, сравнивая, соотнося себя с ними, начинает определять своё место в этом небольшом мире, а затем уж примеряет его к другими мирами, в том числе иным...

А были ещё радиоточки, никогда не выключающийся радиоприёмник, нет, не с антенной, а подключенный к специально проведённым проводам, которые тянулись по столбам, ниже электрических. С внешним миром мы были связаны именно так: радиоточка, книги, редкое кино. Остальная информация доходила в виде устных рассказов, анекдотов, мифов и легенд. Из этих апокрифов и складывалось представление не только о внешнем мире, но и об истории, о войне, географии, о правильных поступках, о героизме, врагах, родине, любви, сексе, преступлениях и обо всём том, что нас не касалось в нашей обыденной жизни».

***

Быть может, я себя всю жизнь обманывал, упрятав свою душу под засов. Быть может, непроглядными туманами прикован я к бездонию лесов. И пусть мне имя дали ночью зимнею, когда я в жизнь входил, как в новый кадр, в лесу я просто человек без имени и никакой совсем не Александр. Но пусть тогда меня простят луга, леса и травы в мимолетных росах за то, что я им очень долго лгал. Пускай простят, Ведь я же не нарочно.

«Суматра»:

«Хотя кино нас не увлекло, его просто почти не было, до нас доходили те фильмы, которые кто-то отправлял в самые беспросветные районы. А какие, до сих пор вспомнить не могу, тем более мы с приятелями имели обыкновение войти в зал, посмотреть первую часть и, пока перезаряжалась вторая, так как аппарат был один, включался свет, хм, рекламная пауза, когда пацаны швыряли друг в друга шапками, обменивались щелбанами и подзатыльниками, мы покидали зал, не приобщившись к киноискусству. (Хотя в это время в стране где-то были сделаны фильмы, оставившие след в истории кино: Свадьба в Малиновке, Интервенция, В огне брода нет, Седьмая пуля, Ася Клячкина). Это смотрели уже спустя несколько лет...

Кино долго оставалось для нас загадкой, вернее, кино для нас не существовало, кроме некоторых отдельных фильмов: военных, затем, кажется, Гений дзюдо, индийских фильмов, от которых воротило, ни один из них не остался в памяти, так как, лишь выключался свет, в темноте ярче экрана светились коленки подружек, их руки с тонкими пальчиками, их прекрасные светлые лица с сияющими глазами, устремлёнными на экран.

Годам к четырнадцати мы начали как-то самоопределяться, приобретать, вернее, выявлять те черты, которые присущи только тебе одному, и сравнивать их с ровесниками, со взрослыми, родителями, соседями, девочками, девушками, женщинами. А это дело нелёгкое — соотноситься, соприкасаться с другими людьми, потому в этом возрасте все так напряжены и агрессивны, идёт защита самого себя порой от самого себя».

***

Cecmpe T.

Пустынна ночь. И ночь светла. И нужно жить светло и сложно, чтобы возможность

в невозможность, чтоб правда в ложь не перешла. А мысль о лёгкости — как мыс, где ветром выжженные травы, и мы сейчас уже не вправе драпироваться в эту мысль. Она мне с лёгкостью далась, но наслажденье есть иное: чтоб ощущать вот эту власть ежеминутно над собою. Вот эту связь со всем живым и неживым, и очень дальним,

со всем забытым и недавним, и с тем, что будет впереди. Я не себе принадлежу, и снова, снова вечер каждый я всё боюсь, что очень важный какой-то вечер прогляжу. Как мне сейчас... Вопрос не в том. Мне может быть светло и плохо. Но я ни выдохом, ни вдохом не ограничу тот объём, где мы вдвоём, где полумгла нас поучает осторожно, чтобы возможность

в невозможность, чтоб правда в ложь не перешла.

1966 год. ЖУРНАЛ «SUMATRA» («СУМАТРА¹» №1).

Идея издания собственного журнала возникла естественным образом, так как мы в свои четырнадцать лет мнили себя не только литературными персонажами, но и крупными деятелями литературы. Это был у нас самодеятельный театр для самих себя и окружающих. Началось всё с издания газеты, стенгазеты, но не санкционированной, а такой, какую хотели мы. Мы её издали, со стихами и рисунками, шутками и эпиграммами. Это был вызов и выпендрёж. Результат оказался неожиданным, её сорвал со стены сам директор школы, Малышев, пришёл в ярость и вызвал нас к себе в кабинет. Тут я оказался главным ответчиком, и он достаточно убедительно пояснил, что такого рода самоуправство есть не что иное, как караемый законом «самиздат». Знать мы не знали и не хотели об этом. Персонально автора этих строк он справедливо обвинял в хулиганстве, отрицании роли комсомола, а может даже партии. Вот до таких политических претензий нам было очень далеко. Нам ведь было глубоко (далеко) на это плевать. Складывалась ситуация, когда наивные шалости именовали взрослыми намерениями. (Директор, Малышев А.А. прибыл из славного города Ленинграда при совершенно загадочных обстоятельствах. Он был человеком совсем не похожим ни на кого. Седой красавец с военной выправкой, приятной упитанностью, благородными манерами. Симпатичный человек с хорошей домашней библиотекой). Из школы нас не выгнали, дело спустили на тормозах. Но тем не менее страсть к издательству нас не покинула, и вскоре мы стали готовиться к её реализации. Но не было денег на фотоаппарат — какой журнал без иллюстраций? Уже было придумано название «Суматра», литературно-художественный журнал с иллюстрациями и фотографиями. Следовательно, нужен фотоаппарат! Потребовались деньги, и их нужно было заработать...

...добрый человек, кажется, по профессии прораб, Виктор Емельянович, отец приятеля Фомы, подбросил нам работу. Нужно было разгрузить железнодорожную платформу с кирпичом, это стоило 25 рублей (за срочность!). Стояло, жаркое лето 196-лохматого года, нам с товарищем по четырнадцать лет. Я-то был достаточно физически развитым парнишей, в отличие от приятеля Фомы, но дух его был поистине титаническим. Разгрузив только половину платформы, съев хлеба с салом, мы тут же почувствовали, что смертушка подглядывает за нами из-за каждого куста, из-за каждого вагона в тупике, где происходила срочная разгрузка строительных грузов. «Но в нём томительный недуг развил тогда могучий дух его отцов, без жалоб он...». Дальнейшая разргузка была страшной каторжной работой. Приятель буквально ползком подтаскивал кирпичи, а когда оставалась их всего пара сотен, он просто упал и только шевелил ногами и руками, словно продолжая работу. Неимоверными усилиями, не помня себя, я вы-

¹ Сума́тра, индон. Sumatra, малайск. Sumatera, ачех. Ruja, Sumatra — остров в западной части Малайского архипелага, в группе Больших Зондских островов, с прилегающими малыми островами. Является частью Индонезии. Суматра — шестой по величине остров в мире. Название острова происходит от санскритского слова samudra — «океан», или «море»

бросил последнюю сотню кирпичей. Рукавицы, брезентовые «верхонки», стёрлись в лохмотья, и руки у меня, как у палача, были в крови. Я вытер их о штаны и взял ими те 25 рублей у довольного нашей работой прораба, ради которых мы ломались. Теперь фотоаппарат, «Смена 8», будет! И он стал у нас, хотя и пришлось ехать за ним в Барнаул. Вскоре мы приступили к созданию своего журнала под названием «Суматра». Ну, а как ещё назвать? Суматра, это далеко, это в каких-то загадочных эбэнях, а там всё не так, там классно, Суматра — это мечта. Несбыточная и далёкая.

И вот я, лирический герой этого правдивого повествования, открываю старый потёртый дипломатический портфель и извлекаю из него чудом сохранившийся рукописный журнал. Он потрёпан, он даже снимался в документальном фильме Коли Макарова о поэтах-метафористах, но листы его нисколько не пожелтели, он выглядит, словно мы его сделали поза-позавчера. Только он уменьшился в исторической перспективе, подтвердив миф о шагреневой коже.

Первый раздел: «Поэзия», в качестве дебютанта мы представляем Ивана Безена (ударение на первый слог), на самом деле Ваньку Безенчука, которого мы заставили написать стихи, убедив его, что он может стать поэтом, потому что у него нос как у Ахматовой. Стихи никакие, но много, есть куда расти. Вырос в приличного ударника-экскаваторщика, отца пятерых детей.

Следующий тоже горбонос, похож на француза, лет тринадцати, Анатоль Жан (Ажан). В предисловии о нём сообщили следующее: «Предельный лаконизм, острота и живость восприятия — отличительная черта творчества А. Жана как поэта делает его стихи особенно привлекательными. Печатается А. Жан впервые. Сейчас молодой поэт работает над романом в стихах». Ага! Сел по малолетке, но погонялово прилипло: «Ажан».

А вот и стихи самого сопредседателя, со-само-издателя, Фомы.

(Самые первые стихи, написанные сходу, без предварительных ученических проб, а упоминание об «увесистой клади стихов» приведено исключительно для солидности):

***

Я никуда не тороплюсь, мне свет луны, как в горло нож. По тихим улочкам пройдусь, к кому-то загляну в окно. Мне свет луны, как в горло нож, меня ее лучи казнят. Толпа выходит из кино и нет ей дела до меня. По тихим улочкам пройдусь. Пройдусь вдоль жёлтых окон в ряд. Из этих окон мне вослед ничьи глаза не поглядят.

3има

Наступила зима на соседнего дома стропила. Наступила. Наступила на поля и деревья, луга и дома. Наступила. Облетевший кустарник в хрупкий, будто печенье, наст утопила. Наступила. Все бело: на дворе, за двором, на степи ли. Наступила зима.

Разноцветные звёзды

Луна бредёт в изнеможении, роняет свет на города, и средь ветвей нагромождений мигает синяя звезда. За ней, как будто порождение, как продолжение следа, средь облаков нагромождений плывет зелёная звезда. И вновь, когда восток в брожении и пробуждении, тогда, над горизонтом — продолжением выходит красная звезда.

Забытые стихи

Листаю я забытые тетради, моих стихов увесистую кладь, лишь скуки из-за и забавы ради я открываю каждую тетрадь. Читаю я забытые стихи, читаю то, что было только завязь. И вижу я — не так они плохи, и неплохими даже показались. Чуть-чуть, быть может, шевельнется зависть, но я держу увесистую кладь, держу я то, что только — завязь, и кажется, что я сжимаю клад.

***

И не надо мне мыслей высоких, тихо сыплет во мне листопад. Мне бы жить, питаться осокою и смотреть, как горит закат. Я смотрел бы, как солнце раздавливается о подавшийся горизонт, я смотрел бы и тихо радовался под неслышный деревьев звон. И, прижавшись к бидонам тёплым, ощущая коровью плоть, я бы в кузове трясся темном, в бок вбирая коровье тепло. И в подпрыгиваниях и вздрагиваниях ошалевшего грузовика я б смотрел, как на небе разламывается убежавший с цепи закат.

Ночная картинка

Занавеска на окне призрачно и бело. Черный тополь в тишине шепчется несмело. Ночь тепла и глубока, темнотою тлеет. На подоконнике рука синезеленеет. Ветер чуть шевелит на стене узоры, Будто в лунной пыли, призрачные шторы ходят взад и вперёд, словно в разговоре. И большая луна стоит на заборе.

Далее следуют стихи малолетнего Юрки Макусинского про город Нефтеград, куда за длинным рублём уехали его мать и отчим. После сотрудничества с нашим журналом Юра не сел по малолетке, хотя все предпосылки для того были. Детство своё он провёл в дружбе со старшими, Фомой и полным отморозком Чёрным Коном, которые его, как беспризорника, брали с собой в походы и придумывали ему различные испытания, требующие выносливости и смелости, видимо, готовили в космонавты, ведь его Юрой назвали в честь Гагарина. «Дитё песка, он жил ползком», подвергаясь всё новым испытаниям, то на прочность канатной дороги через речку Камышинку, то на эффективность тренажера-пропеллера для тренировки вестибулярного аппарата. Вынес всё и широкую, ясную грудью дорогу пролОжил себе. Трудно поверить, что этот весёлый, большеголовый пацан с серьёзными грустными глазами начнёт извергать спустя много лет, забыв все беды и несчастья детства, такие тексты:

Чтобы было и мне, и со мной интересно, я пишу для друзей бесконечные песни. И доносы пишу, увлечённо и много, о друзьях и товарищах — Господу Богу. Мне так велено было — подробно и честно говорить о забытых, больных, неизвестных, о далеких и близких, о добрых и строгих — обо всех. Непременно торжественным слогом. Мне уютно с друзьями в реальности тесной и любить, и молиться, и строить совместный восхитительный космос, в квартирке убогой, подводя не придуманной жизни итоги. Я в друзьях растворюсь и умру. И воскресну. Но пока поживу ещё с ними немного.

А за стихами Юрки пошел Бей-Булат, псевдоним, взятый Фомой изза недостатка авторов (на фото: Фома с нарисованой сажей бородой), для придания журналу солидности и национального колорита.

***

Хочу в стихах сказать, чего хочу во мною ненаписанных стихах.

Хочу в стихах — полуденную тишь, хочу в стихах из-под колёс дорогу.

Хочу в стихах несбыточный Париж, индейскую проворную пирогу.

Хочу в стихах гуденье проводов, полночных струн негромкое рыданье, чтоб всколыхнулось разом мирозданье, помолодев на тысячу годов.

Хочу в стихах полуденную тишь.

Хочу в стихах неясную тревогу, но ясную и четкую дорогу и голубой, несбыточный Париж.

Далее: отдел «Проза»

Поль Стивенсон «Открытие с последствиями». Тоже дебют Фомы в прозе, подражание каким-то велеречивым авторам, по сути — пародия. На фото: воображаемый автор с сигарой и «Юманите» (газета на французском языке продавалась в Барнауле, куда мы ездили на электричке за фотоаппаратом «Смена-8», проезжая станцию «Алтайская», где бродил будущий известный поэт-метафорист Ваня Жданов¹, но о его существовании мы не догадывались)...

Далее: Фотоконкурс «Эврика».

Далее: Стихотворные подборки: Василий Казанцев, Тамара Горбачёва, Людмила Хлебникова, Леонид Мерзликин.

Далее: Стефан Цанев (он же Фома.):

¹ Иван Фёдорович Жданов родился 16 января 1948 года в селе Усть-Тулатинка Чарышского района Алтайского края, одиннадцатый ребёнок в семье крестьянина, раскулаченного и сосланного на Алтай. Когда Ивану было 12 лет, семья переехала в Барнаул, и в 16 лет Иван Жданов пошёл работать на завод «Трансмаш». Окончил вечернюю школу, первая публикация — в 1967 году в газете «Молодёжь Алтая». Далее учился на факультете журналистики МГУ, был исключён. Активно участвовал в неофициальной литературной жизни Москвы, начиная с 1975 года (совместное выступление в ЦДРИ Ивана Жданова, Александра Ерёменко и Алексея Парщикова)

Первая книга «Портрет» принесла Жданову всесоюзную славу, вышла в 1982 году.

***

Она озябла, в автобусе холодно. Она спешит, отрывая билетики. И выйти нельзя ей, она по проходу проходит, как птичка, в автобусной клетке. А пассажиры все незнакомые, в окна глядят равнодушные лица. И только шофер сидит, как дома, она поближе к нему садится.

Не пренебрегали мы и написанием глубоких философских трактатов, в одном из них, опубликованном на страницах «Суматры», исследовали важнейшую по тем временам «Роль стула в жизни человека»:

«Трудно найти что-либо в жизни человека, что по своей необходимости, по своей исключительной важности, могло бы сравниться со стулом. Роль стула в нашей жизни поистине безмерна. Много ли найдется у нас в России домов, в которых не нашлось хотя бы одного стула?»

И далее всесторонне обозревался стул как предмет. Как абсолют, рассматриваемый вне связи с бытовой и общественно-политической жизнью, который нужно познать. Только спустя много лет, присутствуя на лекциях по «современной философии» у непревзойденного Мераба Константиновича Мамардашвили¹, нашего преподавателя (ВГИК), внимая ему, когда он рассказывал об «Эпифанической ситуации» (Эпифания есть вневременный «процесс», при котором Абсолют — Единое, чистое Бытие — проявляет себя во всё более и более конкретных формах. Это переход от интеллигибельного единого к феноменальному многому, от абстрактного бытия к бытию конкретному, от непознаваемого Абсолюта к познанному. Бесконечный процесс эпифании порождает неисчислимые градации бытия. Но эти различные градации можно свести к нескольким главным, универсальным уровням. Наиболее распространёнными схемами таких уровней являются две — трёхчленная и пятичленная. Указанные уровни, или миры, часто обозначаются и следующим рядом арабских терминов: хахут, лахут, джабарут, малакут, насут. Все эти уровни объединяются в «совершенном человеке», учение о котором занимает видное место в философских построениях мыслителей суфизма), я вспоминал, радостно улыбаясь, глядя на Мамардашвили, Фому, разглаголящего о функциях, о роли стула в жизни человека.

Первый номер нерегулярного литературно-художественного журнала вышел в единственном рукописном экземпляре. Для второго номера мы готовили новые материалы и стали искать машинку. Следует сказать, что в те времена былинные любой множительный аппарат стоял на учёте

 $^{^1}$ Мамардашвили Мераб Константинович (15 сентября 1930 года, Гори, Грузинская ССР, СССР — 25 ноября 1990 года, Москва) — советский философ, доктор философских наук (1970), профессор МГУ.

в милиции, на самом деле в КГБ, даже в нашем краю, в краю непуганых попугаев. Советская власть бдительно следила за распространением любой информации, не прошедшей цензурной проверки. С любой пишущей машинки брали образец шрифта, записывали её серийный номер, и эта информация отдавалась специальному человеку. Такая практика существовала вплоть до исчезновения (падения, уничтожения, аннигиляции?) советской власти-матушки, ё! Но первую машинку мы добыли... Казалось, откуда можно было добыть пишущую машинку в занесённом снегом рабочем посёлке? Но нашлась, нашлась у немца, Вильмана, хоть и был он из волжских, сосланных, но неистребимую любовь к механизмам пронёс с собой через страшную жизнь, любовь к философии, чистоте и часовым механизмам. И потому оказалась у него старинная пишущая машинка, в которой не хватало букв: АПРОЛЕНГМИТЬ, тех букв, на которые приходится большее количество тычков. Но что это, по сравнению с тем чувством, когда можно было со значительным видом сесть за машинку и задумчиво отстукать: уа...дж..у вс..з д.бр. сыч. ушл.э, дырбулщир какое-нибудь и вставить затем недостающие буквы ручкой. Ради этого, исключительно для красоты картинки мы стали с Фомой курить трубку, хотя до того не курили вовсе. Мы же к этому времени прочитали все книжки не только в школьной библиотеке, но и в районной, где, среди прочих книг, открыли и книги Эренбурга, а тот, как известно, с трубкой не только не расставался, но многие герои его тоже, а кроме того, им был написан целый цикл рассказов под названием «13 трубок». Таким образом мы становились маститыми писателями местного значения.

Из «Фома. Инвалид детства» (написано для одного из номеров «Суматры» о том времени):

«Ж и г а, потомок польских повстанцев, сосланных в Сибирь в 186-каком-то году, отличался уравновешенным характером, мягким юмором, способностями к точным наукам, был он светел, с польским раздвоенным подбородком и внимательными голубыми глазами. Дома у него говорили по-польски, но эта речь носила какой-то очень интимный характер, вряд ли кто-то знал, что у них дома была своя маленькая Польша, впрочем как и у Ц в е г и (Цвенгера) была дома своя маленькая Германия с идеальной чистотой и ковриками на стенках, на которых были записаны сентенции готическим шрифтом, типа гот мит унз, как и у Ч у м ы (Чумаченко) дома стоял щебет Оксаны на мови з матусей, смех со слезой, запах браги, чеснока и сала, у Фомы, вязаные половики, аккуратно сложенные книжки старшей сестры- студентки и всегда доброжелательная речь его родителей. Фома писал стихи и рисовал, и, видимо от сестры, которая училась в НГУ, он знал о внешнем мире несколько больше, чем остальные, особенно больше К о н а, которого звали Чёрным за цыганистую наружность, парня, как считали многие, безо всяких способностей и потому способным на всё. Старший брат Кона к тому времени мотал второй срок после срока по малолетке, был известен в

криминальных кругах с погоняловом Жора. Жора промышлял разбоем, сел в своё время за вооружённый грабёж — в основном брали машины "Связь", которые перевозили деньги из посёлков в районный банк, так производили нерегулярную инкассацию.

Скоро Жора должен был откинуться, как сообщали серьёзные люди, которые появлялись вечером в доме Кона в сапогах, ватниках, а через пару дней уезжали в хороших костюмах, модных пальто и обуви. Это были каторжане, сидевшие большие срока по серьёзным уголовным статьям, цеховики, медвежатники, ну и просто, кто их знает, мошенники. Они поселялись ненадолго в доме Кона, люди деликатные, образованные, непьющие или очень малопьющие, и вечерами разговаривали с отцом Кона о политике, исключительно все разговоры были о политике, истории и литературе.

В доме Чёрного Кона был просто салон Анны Паловны Шерер!

Жига и Фома приходили к Чёрному потрепаться, так это и называлось, "пойдём к Чёрному потрепаться", и трепались они, ох, как трепались, казалось ни о чём, но о чём, это отдельная тема. Дело в том, что то, о чём они трепались, стало вскоре реализовываться, и чем дальше, тем больше, чем больше они планировали и фантазировали тогда, тем реальнее оно стало позже».

Фома во время этого трёпа занимал, как всегда, ироническую и независимую позицию, он играл Печорина, нет, он тайно играл Лермонтова, демонстрируя замашки Печорина, конечно же, тут были и пресыщенность жизнью, и разочарование в любви, и отчаянная храбрость, что проявлялось больше в игре в футбол, но уши Лермонтова виделись во многом: и в рисунках, которые он набрасывал в записной книжечке, и в стихах, отрывочных строчках, зачеркнутых-перечеркнутых.

Стоит мне, блондину, лирическому герою, протянуть руку и достать эту коричневую записную книжку, как я выхвачу наугад строчки, вот сейчас: «...когда сомнение придёт, когда отчаянье придет, себя сумейте пересилить, сумейте карандаш не бросить, пишите, будете правы...». Вот такие строчки, помеченые 8 мая 1966 года.

***

Мы большие и маленькие. Мы качаемся плавно. Мы не люди. Мы маятники. Это самое главное. Мы живём ощущением необычного мига — прохождение линии, понимания мира. Мы живём не из корысти, наша участь известная,

мы проходим на скорости наслажденье отвесное. Мы не славим молчания измеренья четвёртого. В мёртвых точках качания мы действительно мёртвые. Мы качаемся, странствуем, ограничены крайне. Мы стремимся из крайности в неизбежную крайность. Предвкушенье фиктивное к необычному ринуться, суждено нам фиксировать только плюсы и минусы. Только точки молчания. И об этом рассказывать. А момент понимания

суждено нам проскальзывать. А момент равновесия удивительно маленький. Нам живётся невесело мы не люди, мы — маятники. Запасемся терпением, ночи зимние длинные. Мы живём ощущением продолжения линии. Мы её догоняем, объясняем, стараемся. А когда затихаем, с ней зачем-то сливаемся. Мы большие и маленькие, мы качаемся плавно. Мы не люди, мы — маятники. Это самое главное.

«Чёрный Кон имел свою комнату с видом на шоссейную дорогу, ведущую, кажется, к Чуйскому тракту, а за дорогой было картофельное поле, за ним согра, болотце с багульником, куда прилетала тьма уток, дальше взгорок, а за ним речка Камышинка, тоненькая, но с обрывистыми крутыми берегами, мы там находили свинцовые пули с оболочкой, в этом месте красные расстреливали белых, а когда власть менялась, белые расстреливали красных. Был случай, кода дядька расстрелял племяша, а через некоторое время другой племяш пристрелил его и утопил в проруби».

А мы там с Фомой, Коном и Жигой ловили окуней, а чуть выше, под мостом, где речка разливается по камешкам, ловили щучек, накалывая их вилками, как острогой. Дальше за Камышенкой, за мостом был татарский аул, на самом деле не татарский, а жили там алтайцы¹, спустившиеся с гор зачем-то, очень добродушные, пьющие парни и мужики, бабки в цветастых нарядах курили длинные трубки и доверчивые девочки, наивные, дружелюбные, легко прощающие обиду и обман. Там дневал и ночевал Чика, любитель первозданных любовных утех и времяпрепровождения.

Камышинка впадала в Чумыш, вытекающий из Салаирского кряжа, нагорья, туда, туда были устремлены наши очи, что там? Нас манили эти названия, эти имена, прислушайся: Са-ла-ирский кряж, или: Ига-р-ка, Ма-ма, Бука-чача, Ду-динка, так же манили как у любимого Джека Лондона: Ориноко, или: Техас, Калифорния, Массачусетс, ходит из края в край, есть деньги — ол-райт, нет денег — ол райт!

¹Алтайцы (южноалт. алтайлар, алтай-кижи) — тюркоязычный коренной народ Алтая, включающий в себя также такие этнические группы как: телеуты, теленгиты (телесы), кумандинцы и тубалары. Проживают главным образом в Республике Алтай. Делятся на две группы, каждый из которых говорит на своем языке и отличается культурой и антропологией. Численность около 70 тысяч человек. Говорят на южноалтайском и североалтайском языках.

***

Я маленький Колумб, малюсенький колумбик. О, я совсем не глуп, я величайший умник. Что толку на мели загнуться в океане? Америки мои вмещаются в кармане! Смотрите: я велик, но вы меня простите, мне скромность не велит носить высокий титул. Смотрите я какой, зажав под мышкой берег, свободною рукой распахиваю двери! Зову из тёплых ванн в открытый и блестящий,

я открываю вам безумно настоящий. Входите, о-ля-ля! шикарная премьера. Инкогнито земля, неведомая терра! Что толку на мели загнуться в океане? Америки мои вмещаются в кармане. Я их наоткрывал за столько лет немало, но только с покрывал срывая покрывала. (Я думал: открывал, а вышло, вот беда-то, переименовал открытые когда-то).

А Чумыш¹ впадал (и впадает! до сих пор) в Обь, а там Барнаул, Барнаул, большой аул, там город, там театры, кинотеатры, вокзал, аэропорт, и достаточно, это уже край земли, это уже большой мир, дальше не поедем, думали мы, там нам делать нечего.

Однажды наш класс за хорошее поведение повезли в Барн-аул на культурную (!) встречу, встречу с кинематографистами. Никакого такого пиетета никто не испытывал, в том числе я, а особенно Кон, он завязался языком с каким-то шоферюгой, а я пялился глазами на тётку, которая была в шляпе, этого я не видел по жизни, тётке было лет тридцать, пожившая тётка вела себя, словно она ещё не перешла в среднюю школу, застряла между восьмым и девятым по слабости здоровья, она делала странные жесты и гримасничала, словно её что-то корёжило внутри, но оказалось, так и надо было: тётенька работала артисткой. Затем, когда нас запустили в зал, на сцене сидела она же, с ней человек пять мужиков в кожаных пиджаках, седых, солидных, важных, а сбоку-припёку сидел, опустив голову, тот, как бы шоферюга, сжав между колен жилистые руки и чувствуя себя явно не в своей тарелке, оно и понятно.

Спустя годы после этих событий я, лирический герой этого правдивого повествования, я, голубоглазый блондин, прошедший огни, воды и медные трубы, повидавший в том числе и всех кинематографистов не только родной страны, но и дальнего зарубежья, никогда больше не встречал этих важных

¹ Чумыш — река, длина 644 км. Берёт начало на Салаирском кряже двумя истоками: Кара-Чумыш и Томь-Чумыш. Впадает в Обь в 88 км ниже города Барнаула. В основном протекает по Бийско-Чумышской возвышенности. Правобережную часть бассейна занимает юго-западная часть Салаирского кряжа и Предсалаирская равнина.

седых мужиков в коже, встречал похожих, как не встретил ни их, ни артистку нигде, а вот шоферюга-то оказался непрост, правильно прилип к нему Кон, почувствовал родную мятежную душу. Это был Шукшин, недаром тётки шептались: А Вася, Вася-то с ними! Это может понять не всякий, а кто правильно понимает, тот, следовательно, правильно толкует и чувствует известное: нет пророка в своём отечестве. Это не касается тех, кто там не жил, а там, это в России. Эта тоска и боль только у нас, болезных, у нас только с детства заниженная самооценка, потому как мать в детстве ушибла, ну не мать, да кто-нибудь да ушиб пыльным мешком по голове, нарочно или ненароком.

***

Как тишина зализывает краски большого города, где все не наяву! Где фонари, витрины, словно маски, где вечера не преданы огласке где я мечтой пронзительной живу. Туда, где тень и свет роняет звуки, и лица повторяются в словах, беги, отринув мнимые заслуги, и темноты невидимые слуги, пусть под вуаль дапируют дома. Бери на выбор письма листопада, и, разобрав их медленную вязь, постигни смысл теории распада времен и душ, чья вечная лампада в один светильник разума влилась. Бульвары спят с открытыми глазами витрин, остекленелых на ветру, все то, что камни здесь пересказали, вдруг оживёт страницами сказаний, благословив пера нелёгкий труд. Его мосты чугунными прыжками настигли берега иных забав, и, сжатое железными тисками, тугие кольца смысла распуская, упало время каплями со лба. Театр жеста, лёгкий и прозрачный под балаганом рваных облаков, сметая рухлядь декораций мрачных, ты жизнь играл! И темы равнозначной не сыщешь в мифологии богов. Чуть смежив веки, остывают рампы, сорвались с крыш виденья сладких снов, усталые распахивает рамы мой город, осмеявший дифирамбы и скучную напыщенность основ.

Но я не о Барн-ауле, леший с ним, там мой дальний родственник, дед Кузьма, работая извозчиком, ноги потерял, отморозил, и отрезали ему их по колени, туда едут пацаны учиться в ПТУ, затем возвращаются, приблатнённые, на муху падла говорят, на сало бацилла, не о том я направлении, не о Западном. О нем будет потом, а пока о Восточном.

И куда же ты пошел, такой вот, косолапый, одной ногою на Восток, а другой на Запад...

Брату Юре. Громы

В белых нежился подушках Тарамбах — весёлый гром, до обеда, а потом целый час палил из пушки, колошматил в колотушки, лес подергал за верхушки, и за речкой, на опушке, над берёзовой верхушкой, раскололся пополам на Бабах и Тарарам. Тарарам из лесу вышел, влез на дом, скатился с крыши, через поле и бугры, натолкнулся на обрыв,

натолкнулся, оглянулся и опять помчался в лес. Не пробился, отразился и на облако залез. А Бабах пошел туда, где гудели провода. Докатился до дороги, по дороге до села, где работала пила. А потом устали ноги, на пороге посидел, на дорогу поглядел. Звякнул стеклами в окне и растаял в вышине.

Из «Суматры», номер утерян

- «...Не говорите мне о Москве, которая нам являлась по утрам, в шесть часов, независимо от времени года с бодрым голосом:
- Говорит Москва! Доброе утро, товарищи. Начинаем производственную гимнастику! Ноги на ширине плеч, руки в стороны, и-и- начали, p-pas! —

И вся многомиллионная Россия охреневала. Выползали под эту бодрую музыку из забоя чёрные шахтёры, доярки, уже давно закончившие дойку, торопились домой, трясти похмельных мужиков, кормить детей, рыбаки, выбрав дель, забивали до жвака трюма живым серебром, на кораблях играли подъём, и сотни ног в тяжёлых ботинках грохотали по стальной палубе, зэки, ёжась и матерясь, становились на перекличку... Страна, не проспавшись, начинала свой тяжелый рабочий день, "когда выходит на работу с похмелья яростный народ".

А из Москвы неслось радостное, бодрое, счастливое:

— Е-щё раз! И переходим к водным процедурам.

Ну никто, убей, не знал, что такое водные процедуры! Умывались, конечно, зубы чистили. Ну, не все, но водные процедуры, это было что-

то особое, как бы медицинское, виделись шланги какие-то, как в медпункте, и всех там, в Москве, промывают, для здоровья, для здорового образа жизни. Нам это как бы до фени, мы просто живём, а им нужно. Они все как бы правительство или при правительстве. И когда в школу по распределению из Дубны, ну, Москва, прибыла учителка (Людмила Федоровна) с мужем-физруком, это было шапито-шоу, на них смотрели, как на редких благородных цирковых животных, которые ещё и говорят, но решили, нормально, пусть, так надо. Когда же стали высылать тунеядцев (дармоедов)¹, то народ поимел культурный шок.

Особенно лютовала Бедариха, та, про которую Федька Чика, Чикиндролиз сочинил частушку: «Самолёт летит из Америки, Бедариха сидит, вяжет веники!». Так вот она кричала, что привезли из Москвы яуреев, втуне-ядцев, прямо с телегами и лошадями, детьми и бабами, свалили их в Уляхин лог, и они там теперь будут жить.

Из «Суматры»

«Яростный и неподкупный авантюрист Кон, Чёрный, сблатовал нас с Фомой сходить вечером к ним и посмотреть, что за народ такой, чем живёт, познакомиться. На всякий случай взяли кастеты, засунули по финке с наборной ручкой в сапог, приоделись в ватники с нашитой изнутри жестянкой (прообраз бронежилета) и покендюхали.

Первым на разведку пошёл Чёрный, он соврал, что его предок был наказным атаманом и большим специалистом по переговорам с турками и ляхами, поэтому наказал нам подождать с полчаса, он прикинет пятку к носу, подготовит почву и даст знак. В тишине, наполненной бесшумной жизнью, вдруг послышался звук лопнувшей струны.

— Басовая, — сказал Фома.

Спустя некоторое время раздались выкрики множества мужских голосов на непонятном языке, звонком, словно кто-то бил стеклянную посуду, стеклянную, оловянную, деревянную, а затем словно кто-то разбил чугунный котёл, и все стихло.

- Санскрит, сказал Фома.
- Что санскрит? спросил я его, полыхнув, словно угольком из костра, своим глазом героя, осветив лицо Фомы, что это значит?
  - Санскрит это праязык индо-европейских народов.
- Ты не путаешь? не желая ударить в грязь ничем перед заносчивым Фомой, спросил я иронично, а не идиш? не иврит, например?

Но спора не получилось, с Фомой спорить, что вшей набираться, не получилось потому, что из кустов вывалился Чёрный, у которого одежда и так всегда в дырках, словно он по ночам бегал по кустам, а тут вообще была в лохмотья. Губы у него раздулись, как разваренные пельмени, покусанные до того пчёлами, глаза превратились в щёлочки, что роднило его с парнями из соседней, алтайской деревни, а в правой руке, распух-

¹Интересно, что в Советском Союзе всем лицам, обвинённым в тунеядстве,(ст. 209) присваивали аббревиатуру «БОРЗ», которая расшифровывалась как «без определенного рода занятий». Впоследствии в обиходе появился жаргонизм «борзой».

шей до синевы, намертво врос кастет. Он попытался его снять, дул на него, потом поплевал, но вместо полноценного плевка у него получился звук, словно он запрягал лошадь: тпррру.

Он протянул нам с Фомой руку, чтобы мы поплевали, но Фома с омерзением отвернулся, и плевать стал я.

Этого было недостаточно, кастет все глубже уходил в распухшие пальцы, казалось, что он на глазах врастал в руку, как врастает ствол дерева в кладбищенскую решётку.

- Так и ходи, съязвил Фома, скажешь, что родился с кастетом.
- Давай, не обращая внимание на иронию приятеля, сказал он мне.
- А сам? Что сам не можешь?
- Я уже, показал Чёрный глазами на мокрые штаны.

Я посмотрел по сторонам, не видит ли кто этого позора, заметил, что Фома незаметно исчез, ничего никому не сказав, что для него было характерно.

Он любил так: появиться неожиданно со всезнающим глубокомысленным видом, помолчать или что-нибудь значительное сказать, а затем так же исчезнуть, показывая своим видом, что он совершенно независимый человек, и вообще, человек ли он? он как бы представлял из себя в это время печального демона, духа сомнений, летающего над грешной землёй.

Короче, он исчез, а кастет, соответственно смочив мочевиной, мы благополучно сняли. Чёрный, положив правую руку на левую, прижав к сердцу, как носят ребёнка женщины (потом, спустя годы, так ему пришлось носить автомат), настороженно отдыхал, что-то соображая.

И мы пошли тропой Хошимина, в полной темноте, полагаясь только на звериное чутье Чёрного. Издалека доносились звуки, словно журчал ручей или творил молитву мусульманин, неясно, неясно чужому слуху, о чём.

Но через некоторое время послышались в этом бормотании отдельные слова, которые вскоре уже стали объединяться в отдельные словосочетания, а затем и в целые фразы:

***

Презрев запрет сверкающих зеркал, я к вам пришёл из глубины зеркальной, где много лет безмолвно и фатально я издыхал, как будто отдыхал. О, я для вас древней, чем бронтозавр, с печальною улыбкой фантазёра, меня вы называйте бронтозёром, я отзовусь на кличку фантозавр. Меня зовут неразделимый бог, в моём боку отверстие, мне больно, я улыбаюсь, зажимая бок божественною белою ладонью.

Понемногу стал виден маленький гаснущий костерок и отдельные освещёные им фрагменты тел, лица, высветленные снизу, кажется, состоящие из одних губ, щёк и глаз, ушей, запутавшихся в чёрных волосах, руки, кисти

рук, удлинённые, словно у пришельцев, пальцы, босые ноги и лодыжки, всё это, казалась, существовало по отдельности и шевелилось само по себе.

> Меня убить непросто будет вам, я в вас, во всех, заложен от рожденья. Ведь я сказал, я только отраженье, какой же смысл стрелять по зеркалам?

Голос смолк, части тел пришли в движение, ладони стали порхать, словно встревоженные птицы, сверкали угольки глаз, глаз оказалось много, и создавалось впечатление, что кто-то пнул нечаянно в темноте пень со светлячками и они брызнули в разные стороны, как это бывает, когда идёшь ночью по тайге.

Мы с Чёрным подползли поближе, но однохренственно виднее не стало. Только тут мы заметили затаившегося Чику, который подглядывал за другим костерком, у которого собрались молодые яурейки, они болтали и тихонько посмеивались.

Было ясно видно одно: яуреи плотно сидели у костра, образуя концентрические круги вокруг Фомы, как и положено в такого рода ритуалах, а то, что это ритуал жёлтой мессы, сомнений у меня не было, мой дед Кузя, Кузьма Иваныч, ещё не такие ритуалы видывал, когда был извозчиком в Барнауле и много чего об этом рассказывал.

Говорили они между собой явно на праязыке, санскрите, хотя иногда прорывалось ептвоюмать, тухес, портомолето, впрочем, кто его знает, на самом деле что достоверного в этом, мало ли кто кого не епт в исторической обратной перспективе.

После некоторой паузы, пока из рук в руки передавалась чаша, сделанная наподобие черепа Горгозы Медуны, а может на самом деле это был и настоящий её череп, опять голос забормотал, причём с интонациями Фомы, Чёрный глянул на меня, при отражённом свете костра я видел его глаза и понял, что и он смекнул это.

***

Схватили парня и зажали рот, и вывернули руки, и покуда сбегался, улюлюкая, народ, всегда до зрелищ падкий и покуда искали гвозди, волокли пилу, покуда, где-то, спрятавшись в углу, монеты пересчитывал иуда, покуда, озверев от торжества, под ним толпа гудела, напирая, любовь росла, вздымалась, выпирала, и приняла размеры божества. А сам не бог, а человек из плоти, с губой, разбитой в кровь под бородой,

улыбку мучил, сильный, молодой, не смерть была страшна, был страшен плотник, с размаху гвоздь вгоняющий в ладонь, —

читал наизусть текст Фома притихшим яуреям, и только пощёлкивание в костре, словно работал счётчик Гейгера, выдавало напряжение у собравшихся.

- Оба-на, прошептал Чика, отползая, уносим ноги.
- Чего так? спросил я его,
- Не переношу всякую чертовщину, ну ее в пэнь! и стал полегоньку отползать.
- Да ты просто стихов не любишь, не понимаешь, потому что ты тупой, сказал я ему, придерживая за ногу, чтобы он не уполз.
  - Почему это я не понимаю? почему это я не люблю?
- Да ты ни одного стишка наизусть не помнишь, не смог выучить, сколько нам ни задавали.
- Да, бля, я выучивал, но сразу забывал, потом вспоминал, неожиданно, да не в том месте, например, в женской бане.
  - Ты ходишь в женскую баню?
- Да, а что? Хожу, что в этом удивительного, спросил Чика. Ой, вспомнил, вспомнил его стих, он мне написал на день рождения в открытке, Чика закатил глаза и велеречиво произнес:

***

Храни нас бьющих путь по бездорожью дыханье облекающих в слова храни нас бог навеки от безбожья неверие храни от божества вдохни нам жар в заснеженные очи храни нас снег от жаркого огня храни нас день от затемненья ночи храни нас ночь от ослепленья дня храни нас свет, храни нас свет от тени храни нас тень от полной чистоты храни азарт от пустоты и лени храни нас лень от праздной суеты.

Загрустил вдруг Чика и отполз в кусты, в темноту.

У костра произошло лёгкое замешательство, по кругу пошёл гулять ковшик, который обычно используют в бане, чтобы плеснуть воды на раскалённые камни, часто, зачерпнув воды, отхлёбываешь жадно пару глотков, чтобы унять внутренний жар, а затем уже используешь его по назначению. Тут же ковшик служил круговой чашей, все по очереди, начиная с Фомы, стали отхлёбывать по глотку по кругу, пройдя один круг, ковшик возвращался обратно к Фоме, тот отпивал, скосоеблившись, и

передавал на слудующий круг. До меня с Чёрным донёсся запах одеколона, но марка его мне была неведома, и я предположил вслух, что одеколон французский, на что Чёрный возразил, что вряд ли, скорей всего, нашкуляли пузырьков, слили в один тазик и теперь запузыривают, ё-моё, дальше некуда, вот и шмонит на всю округу.

Дальше сидеть в темноте не было смысла, и мы оба-два свалили оттуда, пока не были обнаружены и не получили ещё, как говорится, по первое число, неясно почему по первое, а не по второе или третье, но мы ночными змеями уползли из Уляхиного лога и вышли к людям, к свету и цивилизации местного значения. В её обличии снова оказался Чика, мерзейший из нашего ближнего круга тип, но терпеть его всё-таки приходилось всем, потому как он занимал своё прочное законное место, нишу в экологическом балансе нашей стаи.

Обозначить, что именно значил Чика для всех нас, было трудно, но если попытаться, то можно нарисовать абрис следующего содержания: всё, что было связано в окружающем мире со взаимоотношением полов, размножением, особенно человеческих особей, всё это напрямую касалось Чики, всё это он замечал, фиксировал, объяснял, пропагандировал, размышлял над этим и стремился всегда к этому. Кто-то родился с музыкальным слухом, становился гармонистом, а то и в перспективе в переходах играл на гитаре за деньги, кто-то, как Фома, мог говорить стихами, как только родился и у него пошли первые слова, причём такие слова, что он и сам не понимал их смысла и значения, единственно, что он понимал, что сии слова что-то значат, и не просто значат, а значат многое и пришли к нему не просто так, а с определённой трансцендентной или трансцедентальной целью, трудно не перепутать эти определения, но примерно так, и он внимательно относился к тому, что ему было сказано этими словами, иначе как же? А вот Чика родился с совсем иным даром, причём ярко выраженным, не менее чем у Фомы, может, поэтому они как-то тянулись друг к другу и понимали один другого. Часто их можно было заметить гуляющими вместе, причём Чика говорил про одно, а Фома про другое, а в результате оказывалось, что они говорят про одно и тоже, но только сокровенное...

...Вот идут Фома с Чикой, а по обочине сопровождает их пёс Миха, бредут они в своих кирзовых сапогах из-за непролазной осенней грязи, а мостки, деревянные мостовые появятся только весной, когда будет половодье, когда раставший снег превратится в огромые лужи, лывы, и добраться до магазина, школы, работы станет невозможно, все будут ходить по ним, быстро и грубо сколоченным, затем к лету плахи и горбыль разберут на хозяйственные нужды жители. А по осени же все улицы представляли из себя перепаханное пьяным пахарем поле.

Вот бредёт Фома, Чика матерится, Миха лает на трещащих сорок, а он бредёт и читает Чике стишок, стараясь не застрять в колдобине и не потерять сапоги, читает текст, который имеет отдалённое, на первый взгляд, отношение к происходящему:

***

Это пес Михаил, и под запахом псиным нераскрытой души его плыл махаон. Это пес Михаил, это есть патефон, а куда подевать эту странную силу? Что исходит от вас, удивительный пёс? Вы идёте, когтями по доскам стуча, мы так здорово вместе умеем молчать, чёрт возьми, неужели всё это всерьёз? Посмотри на меня, это я неудачник, ты, конечно, умён, просто ты незнаком с этим миром, а в нём каждый третий — собачник с отвратительным чёрным крюком. Ваши грустные песни летят до луны. Человеком не стать, ваша песенка спета... Я не знаю, дельфины, возможно, умны, но они — технари, а собаки — поэты.

- Так вот я и говорю, только мы с ней решили, Чика фразу не окончил, так как сзади послышались шлепки босых ног по осенней грязи, мимо них, срезая поворот, нёсся Иван Абрамович, школьный учитель по кличке Максвелл, в закатаных до колен штанах с закатанными вместе кальсонами, так что казалось будто он обут в высокие ботфорты. Он уже вошёл в период осенне-змних штормов и бежал догнаться брагой к доброму татарину Хусаинову, который никак не мог выгнать из неё чимергес, косоротовку, так как не успевала она дозреть из-за доброты его душевной и неспособности отказать другу своему, учителю физики и математики, умнейшему человеку на ближайшие десять километров, вплоть до райцентра.
- И что вы с ней решили? грозно уставился на Чику Иван Абрамович, вытирая тыльной стороной ладони мокрые губы, — Ну да, вы решили с ней, а вот знаете ли вы с ней об электромагнитной природе чувств? Электромагнитную теорию сформулировал кто? Правильно, Максвел, Джеймс Клерк, а её же, цвето-волновую, в области взаимоотношения полов, кто? Правильно, я, Иван Абрамович, не веришь? А ты подумай, подумай сам своей башкой, — высокий Иван Абрамович склонился над Чикой, положив на его голову мощную лапу. — От ультра-красного, невидимого, тревожащего первого чувства к оранжевому, жёлтому, зелёному, радостному, голубому, счастливому, синему, ровному, равнодушному и фиолетовому, ультра-фиолетовому, невидимому, ушедшему навсегда, но оставившему в душе неизгладимый след. Вот тебе и радуга, вот тебе и семь цветных карандашей! Думай, завтра на уроке спрошу! — и Максвелл помчался дальше к покосившейся калитке своего друга, который уже выглядывал его из-за занавесочки, укоризненно покачивая головой. Друг его был учителем его дочки и неимоверно её домагался, другой бы сказал, что учитель был безответно влюблён в неё, но слово л ю б о в ь —

слово опереточное, перешедшее в лексикон наодеколоненного обывателя, деликатный народ это чувство старается не обозначать прямо, в семье у Чумы было выражение: вин ии жалие, старославянское, он её жалеет, желает, жалеет и жалит, сколько смыслов в этом и широты с глубинной.

***

В стране семи цветных карандашей, где лунный свет тонюсенький, как волос, мы ловим зарождающийся голос отверзнутыми ранами ушей. В стране семи цветных карандашей, где лунный свет тонюсенький, как волос, где застывает капельками голос, сережками на кончиках ушей. В стране семи, в стране семи цветных карандашей, в стране карандашиной, забрызганные известью машины летят сквозь разлинованный цветник. А у мышей стеклянные глаза. Пристреливая загнанную лошадь, мы выбегаем радостно на площадь, а площадь нам бросается в глаза пустынностью. Полно было людей, и надпись вдруг нас углубиться просит на площадь, именуемую: «Площадь Всех загнаных на свете лошадей». И тени лошадей бредут по кругу. Безмолвный, отрешённый карнавал. И мы в глаза не поглядим друг другу, поглубже гильзы спрячем мы в карман. И жаром задохнувшийся цветник. И небо из тугого крепдешина в стране семи, в стране семи цветных карандашей. В стране карандашиной.

— Ага, — сказал Чика, проводив завистливым всглядом Ивана Абрамовича, — Ага! — дело с том, что по какой-то причине Чика никак не мог подобрать слова, что он хотел выразить, да и особо не пытался, ему хватало жестов для обозначения тех действий, которые происходят между мужским и женским началом, между Инем и Яном у всех видов живых существ, от букашек до людей, просто человекообразных обезьян, по мнению Чики. Мало того, следы этой деятельности он находил и в явлениях природы, ураганах, бурях и катаклизмах, что поднимало его мироощущение до беспредельных высот, в отличие от философов конца XX века, его мировоззрение из себя представляло целостный характер. Всё учение он мог описать тремя буквами. Щелканье указательным

палцем правой руки по большому пальцу левой всегда сопровождалось словами трата-та, он комбинировал буквы т, р, а, на разные лады из этих трёх букв складывалось всё то, что он хотел выразить.

Трата-та мышь, ратат-та гнида, трата-та северный олень, тра-та соседка Степанида, а так же все, кому не лень.

Так он мог описать всё, что происходит в кино¹, театре, опере, балете, особенно, конечно, в балете.

Спустя некоторое время мы, в поисках Фомы, выбрались к крутому склону Уляхина лога, с другой стороны, ближе к дороге, где начинался обрыв с обнажённой структурой синклиналей и антиклиналей, нашему взору, иначе не скажешь, стоя на краю бездны, глубже этого оврага никто никогда в жизни не видел, взору открылась чудовищная картинка брошенного лагеря яуреев. Везде валялись остатки их пребывания здесь: бесхозные кибитки без колёс, отдельно валяющиеся колёса, обломки музыкальных инструментов, виденных нами впервые, таких как клавесин, мятые медные трубы, орган, гитара, бубны, жалейки и тромбон, — всё говорило о том, что они в спешке покинули эту стоянку, взяв только необходимое, остальное переломали, чтобы никому не досталось, но можно было подумать, что просто это всё они взять не смогли, потому что их самих взяли, кто его знает, что творится в таких местах, особенно поздно ночью или очень рано утром.

С трудом мы спустились по обрывистой стене оврага, цепляясь за корни багульника и рискуя свалиться вместе с почвой, именуемой алювием или делювием, смотря по обстоятельствам, но неважно, падение с такой высоты радости никогда не приносит, хотя откуда только падать ни приходилось в ту пору, в ранней юности, самое простое — с обрыва.

Чика сновал среди обломков быта, выискивая что-то, разглядывал брошенные вещи, рылся в обгоревших книжках. Видимо, книжками яуреи растапливали костёр, предпочитая их бересте и щепе, но почему некоторые частично только обгорели, было загадкой, похоже всё же, что они попытались сжечь их. Мало того, что написаны они были совершенно на непонятном языке, да на языке ли? Просто на пожелтелых листах рядами расположились значки, напоминающие буквы, но ни одной знакомой не было, некоторые книги были написаны цифрами, а многие вообще, вместо букв имели дырочки, предназначенные явно для слепого чтения. Это наталкивало на мысль, что яуреи были чернокнижниками и не только от того, что корочки книг почернели от копоти, книги, читанные при свете

¹(Кстати о кино): И «Анна Каренина», «В огне брода нет», «Война и мир»,«Его звали Роберт», «Женя, Женечка и "катюша"», «Зелёная карета», «История Аси Клячиной», «Комиссар»,«Майор Вихрь», «Свадьба в Малиновке», «Седьмой спутник», «Три тополя на Плющихе», «Фокусник», «Хроника пикирующего бомбардировщика», — всё это было на экранах страны, но этого мы не видели и журналов про кино не читали в нашем краю вечнозелёных помидоров.

костра, при свете свечи темнеют, особенно если у них переплёт сделан из кожи, но дело не в тёмном цвете книги, а в её содержании. От всех этих книг веяло кладбищенской вечностью и ночными кошмарами.

Чика собрал всё, что мог собрать, что представляло для него какой-то интерес, и мы пошли с этими вещдоками к Чёрному Кону. Тот, выросший в криминальной среде, умел разобраться в таких вещах, о которых мы понятия не имели. Чёрный делал первые успехи на этом поприще и, по всему видать, связывал свои дальнейшие жизненные планы с этой деятельностью. Это проявлялось во всём, все его повадки выдавали в нем будущего криминального лидера. Всегда создавалось впечатление, что он знает несколько больше, чем остальные, но знает не из области прогрессивных наук, ведущих человечество к счастливому будущему, а просто, по бытовухе, стоит ему сообщить, что кто-то ночью обнёс киоск с керосином, и хотя урон был небольшим, унесли мелочь деньгами, да топорик, как он понимающе кивал, и ещё Черный обладал совершенно непонятным качеством, его никогда никто не хотел отметелить, даже просто так, по ходу дела или между прочим, с ним не хотели в этом смыле связываться, от него веяло чем-то таким, что любая бочка катилась мимо него, а брагой дышали совершенно в другую сторону.

Школа была закончена. Черный Кон яростно запустил в кусты ненавистный учебник математики. Это было, пожалуй, самым примечательным событием дня.

А в это время в разных местах родились ныне известные деятели, тогда младенцы, горький плач которых можно было бы услышать, приведись случайно оказаться в месте их рождения:

Рената Литвинова, российская актриса. Олег Куваев, мультипликатор, режиссёр, создатель сериалов «Масяня».

Евгений Гришковец, российский драматург, режиссёр, артист. Богдан Титомир (Олег Титоренко), поп-певец.

Дмитрий Нагиев, российский актёр, телеведущий. Шерил Ли, американская актриса (Лора Палмер в сериале «Twin Peaks»).

Виллем-Александр, король Нидерландов с 2014 года. Филипп Киркоров, российский эстрадный певец, продюсер.

Федор Бондарчук, российский режиссёр, актёр. Мария Шукшина, российская актриса.

Елена Воробей (Лебенбаум), российская артистка эстрады. Николь Кидман, австралийская киноактриса.

Рихард Цвен Круспе, немецкий музыкант, гитарист группы «Rammstein».

Памела Андерсон, канадско-американская актриса. Жанна Агузарова (Иванна Андерс), российская певица.

Вин Дизель (Марк Синклер Винсент), американский актёр, сценарист, режиссёр, продюсер.

Тимур Кизяков, российский телеведущий. Джулия Робертс, американская актриса.

Франсуа Озон, французский сценарист, кинорежиссёр.

Анна Николь Смит (Вики Линн Маршалл), американская модель, актриса.

Дмитрий Львович Быков (Зильбельтруд), российский поэт, писатель. Михаил Саакашвили, президент Грузии (2004-2007, 2008-2013).

Им ещё нужно было научиться ходить, говорить, потом пойти в школу и прожить в её стенах целую жизнь, стать там двоечником, троечником или отличницей, подружиться на всю жизнь с кем-то, а с кем-то ненадолго стать врагом, много-много чего им придется испытать, а у нас всё это было уже позади. Впереди была неизвестная жизнь. Некоторые решили поступать в институты и даже в университеты. Многим это удалось, например Жиге, кажется, на физмат, Тамаре, сестре Фомы, на какой-то затейливый факультет, в названии которого присутствовало загадочное слово «лингвистика», Фома вдруг вдохновился словом «архитектура» и ринулся в Энск, сдавать экзамены. Остальные же, Чика, Чёрный Кон и автор этого правдивого повествования, и многие другие отдались жизни такой, какая есть, перспективе обычной для парня тех сказочных мест: если не успеют посадить в тюрьму, то тогда заберут в армию, а там уж можно начинать жить.

(продолжение в следующем номере)

© Художник Андрей Карапетян

Рита Трошкина (Латвия, Рига)

Мастер Амаркорда

...Воздух. Это такая легкая вещь, Которая вокруг твоей головы. И которая становится светлее, Когда ты улыбаешься...

Тонино Гуэрра

Столетие Тонино Гуэрры выпало на тяжёлый во всех смыслах и богатый на встряски год. «Из-за этого коронавируса юбилей Тонино происходит прежде всего в сердцах людей. Но всё-таки это — самое главное. Люди помнят», — сказала Лора Гуэрра, муза и жена уникального поэта, сценариста, скульптора, философа, Мастера, равного по таланту гениям эпохи Возрождения.

Его фамилия в переводе с итальянского означает «война». Но трудно найти человека, чьи мысли, стихи и картины более ярко воспевали бы мир в его лучших проявлениях. Одним из официальных статусов Гуэрры в провинции Римини, где он жил в крошечном городе Пеннабилли, был такой: «первый защитник красоты». Теперь её почти некому защищать. Но мы же помним, как говорил Тонино, улыбаясь в свои густые усы: «Не забывайте, всегда есть надежда. Что бы ни случилось, а жизнь прекрасна».

***

...Сегодня в его волшебном саду Забытых фруктов осень. Если долго молчать, обязательно услышишь, как падают листья на траву. Они о чём-то шепчутся, сталкиваясь на лету и медленно планируя. И если совсем сильно вслушаться, остановив внутреннюю суету, то услышишь вот это: «В детстве мы уже были бессмертны. Значит, самые главные смыслы мы уже знали и можем их опознавать».

Это слова Тонино Гуэрры, человека, который преобразовывал пространство. Всё, что видел, он превращал в произведение искусства: площади, улицы, сады, фонтаны, камины, комоды... На стульях и подушках в его доме — яркие бабочки. На стенах — клоуны. Даже таблички на зданиях города, сделанные им, украшены посвящениями простым людям, живущим рядом, — садовнику, булочнику, парикмахеру... Его любили все. Имя Тонино было верным пропуском в любую дверь и в любую сказку.

Как же рассказать о нём в нескольких словах? Три «Оскара», восемь (!) каннских «Золотых пальмовых ветвей». Больше ста сценариев, по которым снимали кино Феллини, Антониони, Джузеппе де Сантис, Витто-

© Фото Елены Ихильчик

рио де Сика, Тео Ангелопулос, Бертолуччи, Франческо Рози... «Амаркорд», «И корабль плывёт», «Идентификация женщины», «Джинджер и Фред», «Репетиция оркестра», «Казанова», «Брак по-итальянски» — это только малая часть списка. Плюс «Ностальгия», которую он придумал для Андрея Тарковского. Золотой фонд мирового кино. По его сценариям снимались София Лорен, Джульетта Мазина, Марчелло Мастроянни. Более того — это были его близкие друзья. В 2004 году Европейской киноакадемией Гуэрре было присвоено звание «Лучший сценарист Европы».

А может быть, о нём лучше так? Его собственными словами? «Видно, неспроста существует поверье, будто звук, порой даже целое слово, не умирает, а продолжает жить в тишине забытого мира. Звуки как бы растворены в воздухе, но иногда удаётся собрать их воедино...»

Тонино, как никто, умел собирать эти растворённые звуки. И передавать их в стихах и картинах. Это был великий сказочник и самый настоящий волшебник. Наверное, последний волшебник на нашей Земле. Он и ушёл в 2012 году, выбрав для этого 21 марта — Международный день поэзии. Очень символично этот день подчёркивает главную его суть. Во всём, что Тонино делал, он в первую очередь был Поэтом. А стихи его переведены на все европейские языки (в том числе на русский — его другом Беллой Ахмадуллиной). И, конечно же, его книги тоже звучат по-русски, благодаря любимой женщине Лоре Гуэрра.

По следам Забытых фруктов

Свой сад Забытых фруктов Гуэрра разбил на месте старой городской свалки, собрав со всех уголков Италии редкие и практически исчезнувшие виды деревьев и растений. Фрукты и овощи с необычным вкусом, упоминания о некоторых встречаются еще в трактатах времен Екатерины Медичи. С тех пор ежегодно на праздник Забытых фруктов в городок Пеннабилли со всей Италии съезжаются учёные, академики, селекционеры, крестьяне, журналисты и писатели. В местном театре читают лекции, проходят встречи. Обязательно устраивают выставку невиданных плодов, чудом сохранивших свой вкус через века. Эдакая скатертьсамобранка, где виноград из Калабрии выглядит, как черника, груши с Сицилии напоминают шиповник, яблоки из Апулии похожи на дыни. А аромат белого персика просто сводит с ума. Попросту говоря — Дары. Праздник имеет свой глубинный смысл. Он про то, что сохранилось в природе в первозданном виде — не привитое, не выведенное, не модифицированное.

Тонино всегда руководил процессом. Сейчас это происходит уже без него. Это своеобразное послание, которое он разослал по всей Италии, люди приняли и запомнили. Без прошлого нет будущего.

Там же, в саду Забытых фруктов, он из обломков разрушенных церквей построил часовню Андрея Тарковского, с надписью: «Посвящается великому режиссёру Андрею Тарковскому, который в своей короткой жизни дышал воздухом этой долины». Установил арку Неизвестного героя. Каждый, кто проходит через неё, должен почувствовать, что незначительных людей в мире нет. Рядом растёт дуб, посаженный Далай-ламой, который был гостем Гуэрры. На стенах — лики Мадонн, спасённые мастером из разрушенных церквей.

Русский итальянец и Рубикон

А по большому счёту здесь, в центре сада, Тонино зашифровал свой ответ для всех, кто пытается разгадать секрет любви. Вот они — солнечные часы, придуманные Гуэррой в память своих друзей — Федерико Феллини и Джульетты Мазины. Две бронзовые птички сидят на бронзовых ветвях. Когда в полдень на них попадает солнце, птички отбрасывают тень на маленький овал из каррарского мрамора — в виде точёных профилей Феллини и Мазины. А дальше... следом за солнечными лучами профили их сближаются. «Именно тенью отделяется прошлое от будущего», — говорил Тонино.

Гуэрра и Феллини были близкими друзьями. «Когда мы жили в Риме, — рассказывала нам Лора, русская жена и муза Гуэрры, — Федерико каждое утро звонил Тонино — в шесть тридцать, не позже. Они разгова-

Лора. © Фото Риты Трошкиной

ривали минут сорок. А я, прижавшись к подушке, слушала беседу этих великих людей. И думала, как же я счастлива...»

Чтобы понять, какая она, Лора, нужно прочитать строчки из книги Тонино «Дождь над всемирным потопом». Вот они: «Снег повалил редкими хлопьями... Лора окутывает тюльпаны газетной бумагой. Едва мы устроились у камина, она вдруг забеспокоилась — бесконечные газетные сообщения о повсеместных войнах могут повредить цветам. Бросается в сад и срывает с тюльпанов газетные страницы...»

Тонино встретил Лору в 1975 году во время поездки на кинофестиваль в Москву. Влюбился и увез ее в Италию. Свидетелями на их свадьбе были Андрей Тарковский и Микеланджело Антониони. Тонино дарил ей необычные подарки, такие, как может только поэт — пустую клетку без птицы, заполненную записками, античный черепок, воздух, аромат, слова... Он навсегда полюбил Москву, снег и Россию. И называл себя русским итальянцем. Лора звала его Тониночка. В их доме вольно жили десятки кошек и добрейший золотистый ретривер по имени Баба, подарок Энрики, жены Антониони (она увлекалась восточными практиками, отсюда — имя ретривера).

А ещё этот дом заполнен бабочками (в разных религиях мира это символ души, полёта) и клоунами, Гуэрра рисовал их — на стенах, окнах, стульях, скатертях, подушках. Их сад заполнен диковинными деревьями и цветами. Из окон дома видны горы и нереальной красоты изумрудная долина. Весной здесь расцветает миндаль, целые облака миндальных лепестков делают всё ещё более сказочным, чем оно есть.

Внизу протекает речка Мареккья. Гуэрра мечтал раскрасить её берега во все цвета радуги — засадив склоны сиреневой лавандой, красными маками, желтым рапсом, белым клевером... А на курортных пляжах в самую жару вместо музыки в репродукторы передавать шум дождя.

Людей должна окружать красота, сказка, считал Гуэрра. Он так бескомпромиссно боролся за чистоту реки и экологию родных мест, что получил ещё одно звание — президента реки Мареккья. Без шуток. «Вообще-то в древние времена эта речка называлась Рубикон, — уточнила Лора. — Точнее, один из рукавов Мареккьи. Тот самый, именно здесь его когда-то переходил Цезарь». Тонино очень советовал не упускать шанса её перейти. Сам-то он делал это многократно. Во всех смыслах.

Поговорим о любви

Ему уже было 90, когда мы с друзьями попали в гости в этот удивительный дом. Это получилось случайно. Мы, латвийские журналисты, просто позвонили: «Бонджорно! Как бы нам с вами встретиться?» И услышали в ответ искреннее: «Приезжайте! Ждём!». Ну что сказать? Истинная интеллигентность человека проявляется в том, что он не делает различия в отношении — знакомый-незнакомый, известный-неизвестный. Долго мы не раздумывали. И эта встреча в Пиннабилли перевернула всю привычную жизнь.

Нас приняли, как лучших друзей. Тонино говорил по-итальянски, Лора переводила. Мы замирали, потеряв дар речи от восхищения и пиетета. Но у Тонино было потрясающее чувство юмора. Долго зависать в эйфории он никому не дал. «Ну задавайте свои вопросы» — вдруг сказал он по-русски. И, хитро улыбнувшись, добавил: — А вы знаете, что интервью с женщиной — повод для поцелуя?»

Конечно, все засмеялись. И мы, сами себе удивляясь, вместо десятков подготовленных умных вопросов, вдруг попросили: «Расскажите о любви...» Это оказалось самым главным. Тонино искоса посмотрел на Лору, а потом медленно и серьёзно продолжил: «Сейчас я уже стар. Но я люблю мою жену. Очень люблю... Любовь гораздо более сильна с возрастом. Она более волшебная. Потому что отпадают многие мелочи, и любовь становится силой, которая помогает вместе идти, не боясь смерти».

Мы сидели, притихшие. Со стен и полок на нас смотрели цветы, бабочки, маски, клоуны, керамические улитки и книги, книги, книги... А

Лора, которая несла к столу угощение, неожиданно выронив из рук итальянские сыры, только рукой махнула: «Сыры опадают. Скоро осень...»

«Здесь всё Тониночкино, всё его руками сделано... И ещё разные подарки. Вот эту картинку Рустам Хамдамов рисовал, когда у нас гостил. А там наверху — две последние картины Антониони, рисунок Вима Вендерса, великого режиссёра. А там — солнечные часы, у нас по всему городу разбросаны солнечные часы. Тонино сказал: пусть люди смотрят время по солнечным часам. Они должны знать: Солнце делает время», — объяснила Лора.

В общем, дело такое. Если кому-то нужно самое верное доказательство того, что любовь есть, то она и сейчас живёт здесь — в маленьком Пеннабилли.

Правда, сейчас туда не попасть по причине известных всем событий. Но, во-первых, это не навечно. А во-вторых, можно же позвонить Лоре.

Она настоящая жена Волшебника. Невероятные лазурные глаза, рыжая копна волос. Энергия, бьющая через край. Такой мы её увидели, словно в окружении облака радости. И никакого возраста не существует... Это вообще ни при чём. Сейчас ей грустно и трудно. Но Тонино всё равно всегда рядом с ней, это мы знаем точно. Просто он, как сам предупреждал, «перешёл в другую комнату».

Лора Гуэрра: мы забыли о красоте

В день нашего телефонного разговора с Лорой по каналу «Культура» прошёл фильм Владимира Макарихина «Окно в детство мира», посвященный Тонино Гуэрре. Фильм чудесный. Лора была взволнована.

- Сегодня вот какая мысль пришла мне в голову. Почему на нас напала эта беда, этот вирус? Вместо того, чтобы созидать красоту, развивать нравственность и мышление, люди делали бомбы и вирусы. Чтобы мир выздоровел, мы все должны просить прощения у эпохи Возрождения за то, что забыли о красоте. Чтобы мир выздоровел, нужна нежность. Очень много нежности... Вот сейчас и по телевизору про это говорили... Сегодня я пошла в сад, к огромному клёну, лежала там на траве у скалы Тонино и молилась за мир.
- Из-за пандемии многие юбилейные планы были нарушены. Что всё-таки удалось сделать?
- Всё-таки события происходили. В Грузии, несмотря ни на что, прошли дни Тонино Гуэрры. Скоро там будут высажены присланные из Италии двадцать три дерева из серии «Забытых фруктов». Это будет Аллея, посвящённая итальянским и грузинским людям, нашим друзьям, в своей жизни созидавшим красоту.

Ещё мне очень радостно, что в центре Москвы, в Аптекарском огороде Ботанического сада, сейчас создан такой оазис культуры. Там тоже

будут посажены «забытые» деревья и заложен фонтан, сделанный по эскизам Тонино. Уже и место отведено. А в Суздале будет восстановлен музей Тонино. В «Палатах» Владимиро-Суздальского музея-заповедника прошла выставка, на которой представлены его работы и личные вещи.

В июле я была в Ровенне, на фестивале, который основала Кристина Мути, жена Рикардо Мути. Там прошёл вечер памяти Тонино. А в конце сентября ездила на кинофестиваль в Венецию. Он на этот раз был скромный, почти виртуальный. 26 сентября в рамках фестиваля тоже прошёл день Гуэрры. И показывали анимационный фильм, который сделал наш друг кинорежиссёр Андрей Хржановский на основании рисунков Федерико Феллини.

- А ваш праздник Забытых фруктов? Есть продолжение?
- Он состоялся недавно. Работал Открытый театр. И в этот раз на праздник приехали потрясающие люди. Среди них Карлин Петрини, автор движения «Slow Food» и грандиозного форума «Мать-Земля». По этому проекту предполагается посадить в Италии 60 миллионов деревьев. По дереву на каждого жителя страны. Выступал и великолепный архитектор Эмилио Амбас, один из основателей «зелёной архитектуры», который строит дома с садами на крышах. Гостьей праздника была поэт и мой друг Татьяна Абрамова, которая написала книгу о Тонино. Андрей Хржановский тоже готовит книгу воспоминаний, где будут опубликованы рассказы более ста человек, в том числе Рустама Хамдамова, Резо Габриадзе, ушедшего Георгия Данелии и других людей, с которыми мы дружили, работали и которых любили.

Мы все тоскуем сегодня по утраченному. По нормальным человеческим отношениям. Хочется всех обнять. Но, очевидно, пришла другая эпоха. От этого у нас нет никакого иммунитета... Но всё равно мне кажется, всё идёт так, как хотел бы Тонино. Я всё время думаю, а что сказал бы он про сегодняшнюю ситуацию? С моей точки зрения, он сказал бы так: в момент когда у человечества сложности, нужно делать что-то конкретное: сажать деревья, писать стихи, любить и помогать. В этом празднование столетия. И ни в чем другом.

Тонино Гуэрра о нежности:

«Даже не могу объяснить. Это как будто вас погладила бабочка или присела к вам на плечо».

Усатый ангел

До последних своих дней великий поэт и сценарист Гуэрра сохранил в себе мальчишку и фантазёра, он любил похулиганить, а к 90-летию, например, выпустил книжку «Камасутра» со своими иллюстрациями. Он совершенно никого не боялся. За свои принципы сражался, не глядя на авторитеты.

© Фото Риты Трошкиной

На грандиозном праздновании своего 90-летия, получая награды и слушая торжественные речи президентов и министров разных стран, он честно терпел, но потом вдруг вздохнул и громко сказал, обращаясь к Лоре: «Боюсь, все соскучились уже. Наверное, устали они тут сидеть...» Тут же из зала вышла грузинская певица Манана, друг семьи, и начала петь что-то такое пронзительное, переворачивающее душу, что совершенно смирило юбиляра с официальной программой. Тонино всегда ломал рамочки. И друзей себе выбирал таких же.

А когда мэр итальянского городка Чезенатико объявил, что дарит Гуэрре старинный дом на море, юбиляр сначала придирчиво покрутил бумаги («А подписи там есть?»). Затем крикнул жене, сидящей в зале: «Лора! Переведи-ка моим русским друзьям, что у нас теперь есть дом на море. Пусть приезжают!» Вот такой он был. Человек, не признающий пафоса.

К мэру города Сантарканджело (а Тонино именно в этом городе родился) он при всём народе обратился с предложением: «А почему нам бы не сделать из города один большой театр?» Мэр подумал-подумал и сказал: «В принципе, можно».

«Можно, не можно... — проворчал тогда Тонино. — Надо просто заложить в сознание людей мысль, что такое реально. А ещё напишем об этом письмо и пошлём его всем двумстам мэрам итальянских городов. Пусть вся Италия будет театром. Слушайте меня! Надо формулировать

свою мечту и запускать её в небо, в космос. А потом она вернётся оттуда — к нам. Уже проросшая. И вы удивитесь тому, как чудесно всё сбывается. Особенно если при этом думать о том, как сделать людей более счастливыми».

Ну недаром же он был «первым защитником красоты» и «президентом реки». Он так и сделал. Написал. Отправил мечты в космос. Кто знает, сколько пройдёт времени до возвращения этого желания на Землю... Но разве мы удивимся, если время вдруг развернётся вспять, какие-то параллели сольются, зацветёт миндаль в саду? И каждая площадь страны станет живым театром. А потом, глядишь, и весь мир подтянется...

Так что мы будем верить не в коронавирус, а Гуэрре. И не спрашивайте — почему. Потому что. Когда у знаменитого академика Александра Коновалова, много лет назад делавшего Тонино операцию на мозге и фактически спасшего его от смерти, интересовались: «Что ты видел там, во время операции?» — он на это отвечал: «Там большими буквами написано: "Гений".

Неподалеку от своего дома в небольшой часовне Тонино открыл Музей усатого ангела. Там такой немного нелепый, очень нетипичный ангел сидит в окружении птичек. Тонино и притчу придумал: как один ангел спускался на землю и приносил зерно чучелам птиц. Над ним все смеялись, крутили пальцем у виска, а он все равно упрямо их кормил. И однажды эти птицы расправили крылья и взлетели...

Если мечтать и иметь творческое воображение, то оживут даже чучела птиц, считал Гуэрра. Конечно же, этот усатый ангел из часовни напоминает его собственный портрет.

Место Гуэрры в мире искусства после его ухода так никем и не заполнено... А красота пока что осталась без защитника. Но ничто не зря. Не случайно «Амаркорд» в переводе с одного из итальянских диалектов значит — «я помню» (mi ricordo).

Мы помним.

ПОЭТИЧЕСКИЙ НЕВОД «ГЛАГОЛА»

© Художник Андрей Карапетян

Наши лауреаты Международного литературного конкурса «Кубок Мира по русской поэзии — 2019» на портале Stihi.lv.

Виктория Беркович, Санкт-Петербург (Россия)

Курица

Курица — нелетучая птица. Курица даже в руке синицей не приживётся, не примостится — слишком мала ладонь. Курица только на то и гожа, (будь она с кожей или без кожи) чтобы её было жарить можно, или варить бульон.

Курица яйца несёт исправно. Ей недосуг быть какой-то павой, ей и мечтать о подобной славе повода вроде нет. Курицу кормят, лелеют, холят, чтоб размножалась она в неволе, или росла, превращаясь в бройлер... Мясо — всегда в цене!

Доля куриная — жить до срока, несовершенным куриным оком видеть соседок, сидящих сбоку, яйца нести и ждать. Строго назначенной крайней даты, злыми людьми в грязно-белых халатах... Видимо, в чём-то она виновата... Может плохая мать?

Курица — дура, имеет душу, может стать умной, оставшись клушей, с верой — теперь не посмеют скушать, те, кто желал мяска. Сколько таких полоумных куриц бродит среди многолюдных улиц? Ждут, чтоб Улисс... ну, хотя бы Улисс их подержал в руках.

Лана Почапская, Киев (Украина)

Яблочко

То, что снаружи — крест, то изнутри — окно

И.Жданов

Сказочно нелегкая рука, Данность до десятого колена— В первый раз закинутый в века Невод полон пластика и пены.

И — вода! В великий океан Просочится всё, что не прольётся. Время цедит мерно, на стакан, Всю бездонность ближнего болотца, Пруд прудит адептам глуби, НО Осенив себя знаменьем крестным, В каждого (!) смотрящего в окно Вглядывается оттуда бездна. Заинтересованно, в упор – Этот ли в глазу её заметит Яблочко, катящееся по Пластиком надкушенной планете?

Августа медовые уста... Яблочко в просторах заоконных... Спас один на всех. На всех спасенных Позолотой рыбьего хвоста.

Юрий Октябрёв, Курск (Россия)

Ворон ворону

Ворон ворону глаз не выклюет, Если нечего им делить. Если порознь жить привыкли мы, То и гнезд нам уже не вить.

> Оба сильные, оба зоркие, Оба видящие насквозь, Мы не будем делиться корками, Если мякиш клевали врозь.

Что нам серые, что нам черные — Все равно мы чернее их, Если двое друг другу вороны, То и мир вокруг на двоих.

> В нем давно уже все поделено, Здесь — мое, ну а там — твоё. Мы себе вроде мягко стелем, но Пробивает сквозь пух жнивьё.

Так и чертим пути границами, Не желая носить кольцо. Вряд ли стоит родиться птицами, Чтобы нянчить чужих птенцов.

Арсений Журавлев-Сильянов, Санкт-Петербург (Россия)

Памяти С.Г.

Умирает, — пишет, — сказал бы ей пару тёплых. Ей осталось-то десять прогулок в парке. Не скупись на слова, не чужая какая тётя. У могилы-то все горазды под стук лопаты.

Я молчу. Продолжает: Да ты ублюдок. Неужели не понимаешь? Ей это очень нужно. Посмотри — все пишут ей, ибо — л ю д и. У тебя что ли сердца нет? Что же ты, как чинуша.

> Я молчу. Пишет: А если бы я вот так же заболела? Молчал бы? Какая ж сволочь! От тебя я такого не ожидала. Страшно. Так вот и познаются. Знай, ты ещё попомнишь.

Я молчу. Утираю слёзы. Готовлю ужин. Выхожу на прогулку. Вдыхаю бензин и копоть. Если вдруг у меня обнаружат рак или что похуже, ради бога, оставьте меня в покое.

Людмила Шабалина, Киров (Россия)

Бабушке

сгущается вечерний колорит до теней травостоя вдоль дороги. на краешке земли звезда горит, далёко — не сорвать и не потрогать, так не сорвать стоп-кран издалека в пустом вагоне с девочкой нарядной. в заплечье груз прощального гудка, а путеводная ведёт обратно в давно забытые людьми места, где каждый вздох и глубже и острее. и бабушка по внучкиным следам идёт и плачет... видимо, стареет.

Галина Магола, Санкт-Петербург (Россия)

В изменённом сознании дня

в изменённом сознании дня растревожить

ночь зацепер на крыше вагона (со)камерность ритмами

суета толкотня перегон отстучать

кто заметит меня

кто догонит телеграфность ключа по-оккамовски бритвенна

фонарями прикормлена сталь

на плече светофора всплакнуть

по обочинам осень березится листопадами

вызревает янтарь на зиму скорыми

вытечь каплей листа сигарету стрельнуть

оборваться

отрезаться притянуться к окну

пятки дней щекоча приросли к полотну

недоспавшим ночам корни

Елена Наильевна, Самара (Россия)

Лети!

Горбата и мешковата, и лишнего в ширину, а ты говоришь: «Крылата! Расправь же, расправь же, ну!

Чего же ты их сложила? Крылатая, полетай!» Но сжата во мне пружина: не будет меж нами тайн.

Не спорю с тобой, не ною, ведь мною любуясь, горд. Но там, за моей спиною, не крылья, не крылья — горб!

И что же такое было, и чья-то виной волшба ты не замечаешь, милый, в упор моего горба.

Ты не справедлив от жажды, но лжи не люблю до рвот, и даже к тебе однажды спиной повернулась: вот,

надежды на взлёт напрасны. Ты тронул мой горб, потом ответил: «Они прекрасны и сложены, как бутон!»

А знаешь, я всё же прыгну (и господи приюти), когда подтолкнёшь к обрыву, на ушко шепнув: «Лети!»

Мама велит надевать потеплее шапку

Дёрнуться — больно, придвинуться ближе — жарко, вырваться — а,

погуляешь да и придёшь. Мама велит надевать потеплее шапку, вечером — дождь.

Сыро на станции,

лавки цветут лоскутно, пахнет дымком и шпалами поперёк. Кто-то приехал

в наш городок к кому-то пить кофеёк.

Сонно смотреть

на мокрых ворон да куриц, разнообразия не замечать в меню, «Кэмел» курить,

как ты безмятежно куришь сто раз на дню.

Вот он идёт с обмотанным чемоданом, и чемодан похрамывает слегка. Да, мам, я в шапке,

я просто гуляю, да, мам. Ладно, пока.

Голуби, голуби,

вежливый полицейский, люди в жилетках оранжевых, поезда. Дёрнуться, двинуться,

спрыгнуть, сорваться с лески... Как и куда?

Александр Шведов, Москва (Россия)

Портрет отца

был май вблизи Садового кольца в колонне без начала и конца я нес портрет погибшего отца отставив дачу а рядом шли такие же как я ИХ возвращая из небытия и мне казалось будто мы семья идём и плачем

вдруг грянул ливень всё равно идём своим давно намеченным путём ещё плотней ещё к плечу плечом промокли кеды а иностранцы смотрят не поймут что это за живительный маршрут сейчас дойдём и гитлерукапут в наш день победы

потом уже на даче у крыльца посыпались вопросы от юнца зачем ношу портрет я мертвеца мой милый мальчик пойми простую вещь ты наконец пока его несу он не мертвец пока несу его он не мертвец и как иначе

Александр Рашковский, Ставангер (Норвегия)

Неудивительно

неудивительно, что богу не снятся сны, зачем их снить? из ничего, из чувства долга он длит прядущуюся нить, стучит секундами по жести, скрипит пером веретено, сплетая персть и клочья шерсти, войну и мир и днем и но — но чью испуганную душу он держит бережно в горсти и как любимую игрушку сейчас пытается спрясти?

Светлана Андроник, Сокиряны (Украина)

Ветреное

Б.П. от О.И.

пока ты усмиряешь сквозняки, ловлю тебя заботами простыми. окно починишь? на, пальто на-кинь, простынешь.

какая роскошь, господи, одни. ты мой несвоевременный, но поздний... у нас врасплох кончаются то-дни, то гвозди.

а дыму сигаретному сквозняк ровняет разметавшиеся кудри. ты бросить обещал ещё на-днях, но куришь.

смотри, как город сумраком обвит, как ветер пьяно путается в вязе. он знает всё о нашей не-люб-ви, но связи.

нам с рук сходила не одна зима, сойдёт и эта... небо узловато... а я во всём, как водится, са-ма не виновата

умру от смеха, ты такой чудной стоишь в ушанке, свет фонарный застя... спасибо за украденно-е,-но счастье...

давай оставим сквознякам проём, нам — ветреным теряться проще в гуле, не врозь, но врозь, вдвоём, но-не-вдво-ём, и пожелать грядущее своё, кому, скажи мне, другу ли, врагу ли?

Валерий Поланд, Волжский (Россия)

В Санкт-Петербурге двадцать

В Санкт-Петербурге двадцать, плюс двадцать два в столице, можно и тут расстаться, можно и там проститься.

Кажется, шаг до бегства в прежний уют локаций, есть в арсенале средства быстрых коммуникаций.

Дело же не в погоде, лишь по одной причине «страсть к перемене родин» станет неизлечимой.

Вдруг доживем до вдоха будущих отношений, не находя подвоха в правильности решений.

Завербовав идею больше не расставаться, там, где чуть-чуть теплее, выйти...
И потеряться.

Дмитрий Шунин, Богородск (Россия)

Остановка

Веселись, дегустатор женщин! Веселись, прожигатель жизни! В чемодане сложились вещи, Всё, что ценное — где-то снизу.

Там, где ветер рождает звуки, Там, где солнце рождает тени Я кладу обречённо руки На родные твои колени. Между тем, что ещё случится, И уже никогда не будет, Я смотрю на твои ресницы, Как смотреть не умеют люди.

Я смотрю: облака и вечер, Стаи птиц улетают греться. Скоро будет трамвай и вечность. Ухожу. Остановка. Сердце.

Анна Горелова, Нижний Новгород (Россия)

Мальчик

они говорят, не зови его цыпой и зайчиком нюни да слюни, слушать невыносимо ведь есть же какое-то имя у этого мальчика? скажи нам, скажи нам, пожалуйста, его имя

они говорят, от «мыканья» скулы сводит: «мы сели», «мы встали», «мы плохо поели гречу» ну дай, наконец, ребёнку чуть-чуть свободы ползи к нам, ползи к нам, детёночек человечий

они говорят, когда ты откроешь двери? какие, к чертям, инфекции и простуды? никто докторам в наше время уже не верит впусти нас, впусти нас

выпусти нас отсюда и мы будем звать его цыпой и маленьким зайчиком наварим овсянки и двери на ключ закроем мы вывернемся наизнанку для нашего мальчика только бы не догадался, что мы такое

Андрей Медведев, Железнодорожный (Россия)

Пальто

Как Питер Пэн сижу без тени, макаю в тёплый чай печенье, продлив себя на коридор. Там у двери пальто рябое ведёт беседу со стеною про дождь, про снег, про триколор.

Я точно помню, что в кармане, как в недочитанном романе лежит счастливейший билет и проездной на электричку, и дырка в небо, как обычно, и за подкладкой звон монет.

Родился, умер, поженился и как бывает пригодился, на все находится хештег.

Во сне мерещится свобода, когда себя роняешь в воду — почти дыхательный рефлекс.

Вся жизнь в кармане поместилась: конфеты, телефон, бахилы, записка с кодом от неё, зарядка, зажигалка, паспорт во внутреннем, уже потаскан, но он тебя переживёт.

Чего там в общем только нету от флешки и до сигареты, как от резинки, до небес. Но, что за счастье слышать голос в дверях на языке глагола с простым плащом наперевес.

Анатолий Столетов, Уфа (Россия)

Сон о дожде

Мне снился дождь. Как он меня чинил. Как он ложился мелкими мазками На жухлую траву, могильный камень Бетонных стен, асфальтовый винил. Выстукивал свой SOS мне по плечам, Разглаживал морщины лба и шеи. И если что-то понимал вообще я, Меня как будто в чем он уличал.

Вставляя в мир кусочки витража, Он бился злой кривой кардиограммы И мой портрет во тьме оконной рамы, Как в зеркале кривом, отображал. Мне снился дождь: как он меня чинил, Выращивал во мне тугую завязь И, февраля совсем не дожидаясь, Всё подливал в подлунный мир чернил.

Сквозь пленку сна просвечивал мой век. Дождь затихал, как будто все исправил. А я застрял на грани сна и яви, Ржавея, как Железный Дровосек.

Наши лауреаты XXXIV Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад»

Кира Скиба, Санкт-Петербург (Россия)

De Pālīs

1

Вот такое пространство: редкая суша, В основном же — повсюду стоит вода. Закричать бы, да горло сделалось уже, Убежать бы, да как — по воде, куда.

Иногда заплывут случайные лодки, Но пока осмелеешь — их след простыл. Горизонт прорисован линией плотной, И маршруты к нему, как всегда, — просты,

И к нему устремились вечные струи. Только солнце не выглянет ни на миг. Не случилось оставить местность сырую, Не пришлось тосковать о себе самих.

И догадка мелькнёт, что эта промозглость Есть одна из причин изменений тел: Кто себя ощущал сонливым, громоздким — Тот становится странным: насквозь «не тем».

На каком берегу бы мы ни лежали — Так похожи на чудищ из старых книг: У меня под одеждой выросли жабры, У тебя, полагаю, растёт плавник.

Мы тихонько сползаем к кромке безвестной, Всё ловчей и свободней за разом раз. Это место такое, гиблое место, Все здесь сгинут, как водится, — кроме нас.

2

Долготерпеньем, любовью, обманом, войнами Без мечей — Как территория эта была освоена И зачем?

Кто без ошибки не суше придал значение — A воде? Местный таинственный морок тобой, кочевником, Овладел.

Ты сомневаешься: снова идти на поиски — Есть ли смысл? Только откуда (так быстро, что даже боязно) Ни возьмись

Боль по груди разливается — здесь и выше. То Есть судьба. Необходимым становится что-то вышептать Из себя.

Ходишь по кромке замёрзшей воды рассеянно, Ищешь ритм. Что существует снаружи ландшафтом северным — То внутри:

Острые камни у берега, сосны-выскочки, Лес-гротеск... Скоро найдётся — на внутренних скалах высечен — Верный текст;

Скоро покажется невероятной прежняя Немота. Каждое слово как будто всё так же режется — Но не так.

Это пространство звучит бесконечной жалобой Неспроста: Не оставляй меня, не оставляй, пожалуйста, Не оста...

***

Как многозначна эта темнота: Она одновременно — наказанье И дар; немилосердна и добра. Вот застаёшь себя внезапно там, Где вовсе и не думал оказаться, — В особой точке, где нельзя соврать.

Я озираюсь: пересохший грунт, Тоскливая, огромная равнина, Куда ни глянь — погасшие костры. И смоляная темнота вокруг Тревожна, но, конечно, не сравнима С той темнотой, что у меня внутри.

С той темнотой, что не щадит тела, Густой, лиловой, вязкой, как чернила, Предельно обостряющей чутьё; К чему б она меня ни подвела И что б она со мной ни учинила — Я обязуюсь вышептать её.

Сначала это словоблудье, но Потом — словопоток, с которым больно Справляться, не утрачивая суть; Потом — всё чётче русло, и оно, Заполненное подлинным тобою, И есть — единственно возможный путь.

Шепчи, шепчи чернильные слова: Из чрева, через меру, через силу, Вычерпывай, части и отчуждай. И голос-то пока что — слабоват, И дышишь-то — неровно, некрасиво, И в выдержке-то — вечная нужда,

Однако, нет опасней ничего, Чем перестать звучать. Спроси иначе — Что есть определенье тишины? Целебное, чудное вещество, Что возникает между слов, а значит — Слова должны быть произнесены.

Всё прочее — безмолвие. Его Непросто изживать, и это вправду — Преодоленье и искусство сметь, А с ними очевиднее всего Сопряжена мучительная радость, Которая оспаривает смерть.

Виктор Шендрик, Бахмут (Украина)

Сбитый лётчик

Всё дотошней, преснее, чётче Шорох дней и постылей быт. Хорохорится сбитый лётчик, Он не знает ещё, что сбит.

Он заходит в кафе напротив, Капучино пьёт под суфле И уверен, что он в полёте, Просто временно — на земле.

И уверен, и верит в небыль, Где безмолвствует суд людской, Где за небом есть только небо, А до Бога — подать рукой.

Ох, избита сия реприза! Он напрасно ей занемог. Непростительна к Богу близость — Панибратства не любит Бог.

Пусть же вера ему зачтётся, Пусть легко его отзнобит В час урочный, когда очнётся И узнает о том, что сбит.

Сбит он, сбит и уже не сможет Над бетонкой убрать шасси... Будь к нему милосерден, Боже, Покарай его! И спаси!

***

Были яркие дни невпопад, На дворе — предвкушение лета. Ваше лёгкое платье — до пят, Но на голое тело надето. Я сигару курил «Partagas», В алкоголе на редкость умерен, Говорил: «Что касается вас, То, увы, я ни в чём не уверен». Вы, обиду умело тая, Улыбались — а что ещё надо? И клеймили бокала края Вызывающе яркой помадой. Вы юна, да и я вам под стать. Как бездушно быстры

наши годы!..

И видавшая виды кровать Рокотала любовные оды. Увлекающе медленный взгляд И гудки электричек ночами... Ваше платье спадало до пят От любого движенья плечами. Сиротливо дымил «Partagas», Рдел бокал ваш,

должно быть, смущаясь. И, конечно, я выдумал вас, Но и был ли я сам —

сомневаюсь...

***

Иду, ещё труднее — не идти,
По улицам, по хитрым переулкам,
По лужам, по траве, по конфетти,
По экскрементам, Господи прости!
По лезвию, по бабам, по окуркам,
По холодку, по следу, по стезе,
По кругу, по инстанциям, по барам,
По льду, — о эти штампы! — по росе
И даже — вот забыл! — по тротуарам.
Иду, ещё беспечней — не идти,
На стрелку, на таран, напропалую,
К друзьям, к чертям, к знакомой травести,
К концу иду — попробуй обойди!

Иду ва-банк, а повезёт — в пивную, Под знак, под барабаны, под статью, Иду на вы и просто так гуляю. Иду — курю, иду — под нос пою. Шагал бы в ногу — знаю, засбою. Вот и иду, как шёл: иду по краю. Иду, а ну попробуйте-ка вы! Сквозь очереди к тюрьмам и погостам, Сквозь липкое брюзжание молвы, Сквозь ржанье оттянувшейся братвы, Сквозь тернии, но далеко не к звёздам, Сквозь подворотни старых городов, Сквозь свалки, сквозь толпу, сквозь расставанья, Сквозь оклики цветочниц и ментов... Ещё сквозь строй. Сквозь вечный строй годов Иду, иду и, думаю, готов Упиться терпкой мукой наказанья.

Кира Марченкова, Сельцо (Россия)

О людях и деревьях

1

Являешься на свет, и в этом суть Житейская, простая, но однажды Перерастаешь собственный сосуд — Убогий, типовой, малометражный,

И вот уже коснулись потолка Твоих ветвей изломы и изгибы, Как будто есть резон его толкать И выбираться, на свою погибель.

А все же выпрямляешься, растешь, За новый мир цепляешься корнями, И облака роняют тёплый дождь, Задев тебя косматыми краями.

2

С каждым днём и часом обрастая, Словно ствол побегами, людьми, Чувствуешь себя

не зверем в стае — Деревом, возросшим в нелюбви.

Старым дубом в зарослях осоки На пустынном дальнем берегу, В чистом поле ивой одинокой, Круто изогнувшейся в дугу.

Дни отдельно прожитого века На воспоминания дробя, Кем угодно, но не человеком Почему-то чувствуешь себя. Скрипучая вселенская спираль Пойдёт очередной виток раскручивать. И вот, из-под Господнего пера —

Отточенного, тонкого, летучего —

3

Возникнет мир — уже в который раз — В окошке, паутиной занавешенном, И защебечут кто во что горазд На тонких ветках

птицы счастья вешнего.

И поредеет прошлогодний снег, И вырастут леса многоэтажные. А дерево проснётся по весне, Как ни крути, а все-таки не каждое.

Софья Швец, Москва (Россия)

Пехорка. Июнь

Полдня таскать бы солнце на закорках С песчаной кручи, наперегонки, Туда, где мелководная Пехорка Ныряет под горбатые мостки,

Напитаны смолой и земляникой Младенческие дёсны берегов... Быть на изломе, на ребре, на стыке, Быть на кресте простых и страшных слов.

Где медяками звякает орешник, И тянут лапы кверху камыши, Песком, надеждой, страхом вперемешку Пересыпать бы отмели души.

Не славу — Трисвятое бы пропели Под гулким куполочком цвета льна Когда в шершавой заводи шинели Замрёт солоноватая волна.

Когда речная тишь наполнит фляжку, Прильнёт к груди с доверчивостью пса, Как некогда, спасительно и тяжко, Девчонки расплетённая коса.

***

По городу слонялась бездомная Луна... И. Бабель

Бездомным иногда быть проще. Ты размагничен и бессрочен, Тебя за краешек полощет Тоска в худом корыте ночи.

Неполным иногда быть слаще. Ты — просто скол чужого счастья, Ты сгинешь без вести пропавшим В очередной кошачьей пасти,

Тебя не видно и не жалко. Приходит день, глухой и глупый, Клюют асфальтовые галки Рябины сохнущие струпы.

Соловей

Не плачь, мой соловей, не плачь, не плачь, Когда бежит веснушчатый палач За нежностью немой и легкоплавкой.

Теснится в перламутровом зобу Похожее на лепет и мольбу Слюдой морозной, солнечной булавкой.

Горошинка на блюдце золотом, Бумажный профиль с обожженным ртом, Гусиным криком вспорота перина.

Свободного заменит заводной. Тебе осталось на своей одной, Закрыв глаза, брести тропой звериной.

В прозрачной скорлупе недолог сон. Смотри на тех, кто тайно был крещён Соленой пеной, языком отваги.

Смотри, как отплывают корабли. Как прячет небо в пряничной пыли Под кожей черепичной Копенгаген.

ОТРАЖЕНИЯ

© Художник Андрей Карапетян

Вера Бортник (Франция, Париж)

Родилась в Москве. Закончила МГПИИЯ им. М.Тореза, работала преподавателем в МГИМО. В 1990 г. уехала во Францию, закончила факультет французской литературы в Сорбонне и Высшую школу переводчиков. Фотографией занимаюсь с 2010 г. Хотелось поделиться увиденным. Стараюсь остановить прекрасные мгновения, себе на память и людям на радость...

Церкви, мыши и коты. Память об одном путешествии

По городу слонялась бездомная Луна...

И. Бабель

Всегодняшние карантинные времена, когда наша свобода перемещения сжалась, будто шагреневая кожа, я благодарна судьбе за то, что за последние годы она дала мне шанс посетить столько дальних и ближних стран, избороздить столько морей и океанов.

Как я была права, что не поддалась на советы некоторых близких сбавить обороты и отложить путешествия на потом, дабы не скучать на пенсии. И вот теперь, долгими зимними вечерами, когда за окном «бушует» комендантский час, я плыву по волнам моей памяти, в виртуальном мире, перелистывая электронные фотоальбомы.

Внезапно в этом красочном калейдоскопе экзотических пейзажей, голубых лагун, пингвинов, кенгуру, пальм, кокосов, ананасов и рябчиков перед моими глазами возникают до боли знакомые и родные, но такие сейчас далекие волжские просторы. Именно там, на берегах Волги, в детстве, и зародилась моя любовь к путешествиям по воде.

Дедушка с бабушкой всю жизнь проработали на реке и самые лучшие мои летние каникулы проходили на теплоходе, возившем пассажиров от Москвы до Астрахани. Три года назад мне посчастливилось вновь пройти по Волге от Москвы до Нижнего Новгорода. Я поняла, что круг замкнулся, «корабль» вернулся в родную гавань, к своим истокам. «Морской волк» в итоге оказался речным.

Снимала я в тот раз мало, по сравнению с поездками по заморским царствам-государствам. Не ощущала потребности, ведь всё и так уже давно сфотографировано глазами, отпечатано в памяти и хранится в глубине души. Правда, увековечивала котов, но их, как известно, мало не бывает!

И вот сейчас, так неожиданно, посреди моей виртуальной экзотической реальности, возникли маковки церквей, деревянные домишки и те самые местные коты. А может, они и вправду учёные, там у волжского лукоморья, вернее лукоречья? Может быть, стоит поднабраться у них ума разума? Пенсия-то уже не за горами! Греются они на солнышке, на берегах великой русской реки, и не нужны им никакие Таити. Тем более, когда рядом славный волжский город Мышкин, мировая мышиная столица с единственным в мире музеем Мыши! Такая вот вдруг открылась мне народная кошачья мудрость, информация к размышлению на фоне актуальной ныне переоценки ценностей...

Сказала мать: «Бывает всё сынок. Быть может, ты устанешь от дорог. Когда придёшь домой в конце пути, Свои ладони в Волгу опусти...»

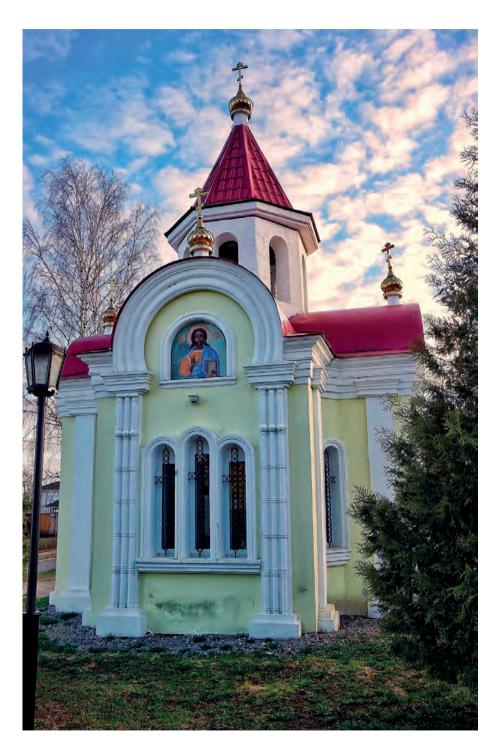

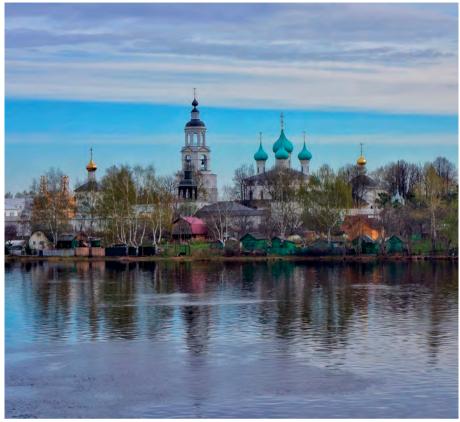

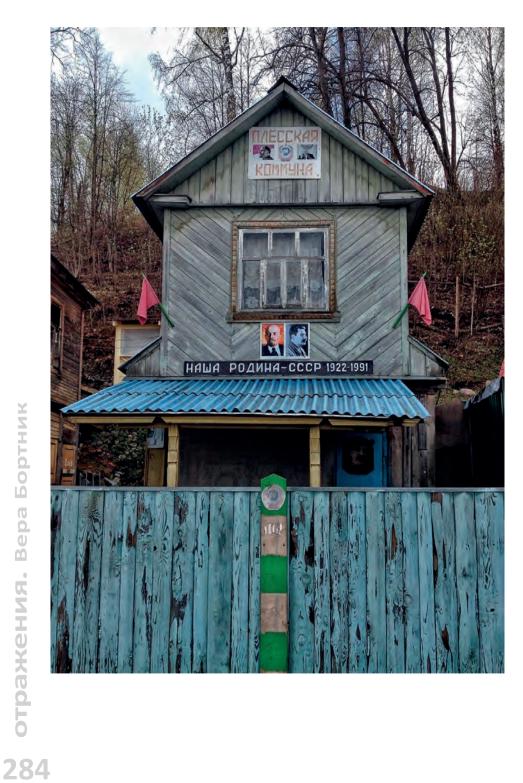

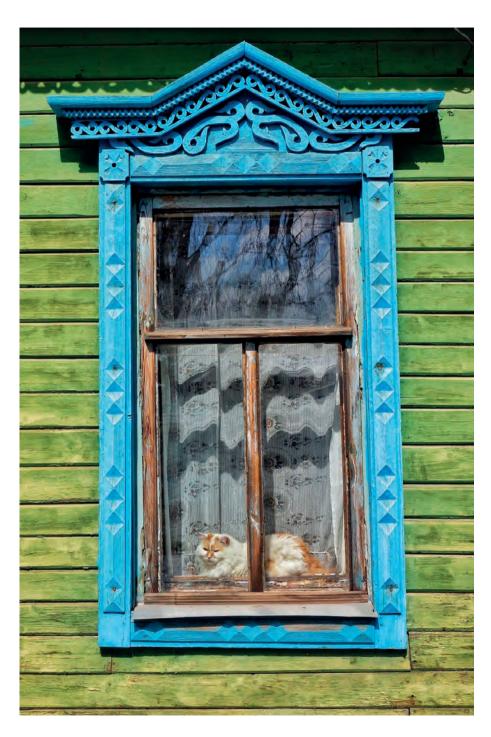

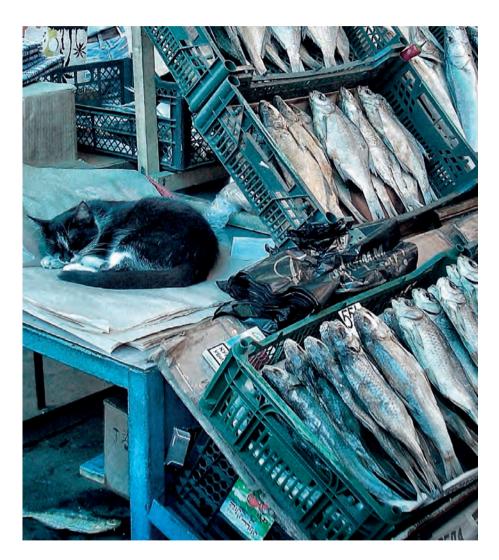

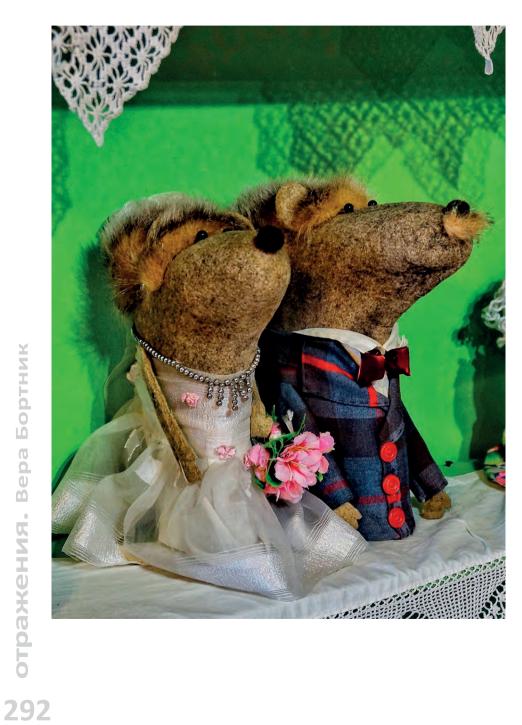

Владимир Сергеев (Россия/Франция)

Президент Ассоциации в поддержку русской культуры во Франции «Глаголъ», член редсовета одноимённого литературного альманаха. Филолог по образованию (диплом МГУ), журналист по профессии — многие годы работал в Агентстве печати «Новости» (Москва) и региональным пресс-атташе ЮНЕСКО (Париж). Увлекается переводом французской прозы, в частности, театральных пьес на русский язык, а также поэтическим переводом на французский русской поэзии (Пушкин, Лермонтов, Есенин, Окуджава, Евтушенко), песен и романсов.

Женщины в небе войны. Ночные ведьмы, дневные фурии. Советские летчицы в 1941-1945-е годы

(перевод с французского книги писательницы Мартин Гэй)

Эта книга — волнующее признание подвига советских лётчиц 17-25 лет во время Великой Отечественной войны. Их называли — «Ночные ведьмы», «Чертовки», «Дневные фурии», иногда — «сестрички»... Три женских авиаполка, созданных по инициативе и под командованием Марины Расковой, сражались бок о бок с мужчинами. Это искренний и эмоциональный рассказ о мужестве, самоотверженности и тонкости женской души в условиях войны, не знающей пощады.

Об авторе

Мартин Гей — увлекается полётами и написанием книг. Она ездила в Москву, чтобы познакомиться и побеседовать с замечательными женщинами — начальником штаба 558-го полка ночных бомбардировщиков подполковником Ириной Ракобольской и штурманом 586-го полка пикирующих бомбардировщиков капитаном Галиной Бельцовой. Это были сердечные встречи женщин, говорящих на одном языке, языке тех, кто любит авиацию и любит жизнь.

Мартин Гей — постоянная участница авиаралли «Тулуза (Франция) — Сен Луи (Сенегал)», дипломированный психолог, софролог, специалист по развитию личности, автор многих публикаций в области медицины и авиации.

«Автор этой книги смогла очень точно подчеркнуть важный момент — их инновационные методы ведения боя, освоенные и проявленные в истребительной и бомбардировочной авиации.»

Генерал Валери Андре

Памяти великой женщины — подполковника Ирины Ракобольской, начальника штаба 588-го (46-го гвардейского Таманского) полка ночных бомбардировщиков («ночных ведьм»). Замечательной женщине капитану Галине Брок-Бельцовой, штурману 587-го полка пикирующих бомбардировщиков-125-го гвардейского Борисовского («дневных фурий»)

Всем тем в мире, кого не знаю

«Даже в эпицентре варварства всегда находились мужчины и женщины, которые совершали чудеса во имя общего блага, пока другие бежали и прятались. Это люди с сильным характером и необыкновенной харизмой, они не могут оставаться в стороне от общей беды. Эти настоящие герои, зачастую неизвестные, оставаясь в тени, своим мужественным участием отстаивают идеалы человечества. В этих строках, воздающим им должное, они узнают себя».

***

В приведённых ниже беседах и свидетельствах, на основе различных документов и собственного лётного опыта я пытаюсь понять психоло-

гию, чувства и убеждения этих «девочек», как они сами себя иронически и дружески называли. Что подвигло этих молодых женщин откликнуться на призыв, когда сотни их отправлялись добровольно на фронт? Что за этим стоит, кроме понятия Родины и защиты своих близких? Может, порыв души? Вера в идеалы? Глубокая убеждённость и вера в жизнь? Может, они думали, что тем самым они отстоят право для своих детей жить на русской земле под мирным небом? Или же это было стремление победить какие-то свои внутренние страхи?..

Во время моих поездок в Россию мне посчастливилось встретиться с двумя великими женщинами. Первая из них — Ирина Вячеславовна Ракобольская, ей было девяносто шесть с половиной лет.

Подполковник Ирина Ракобольская

Меня встретила в своей квартире в доме преподавателей МГУ женщина с очень живыми, искрящимися глазами. Подполковник Ракобольская

с юности витала в облаках и звездах, любила поэзию. А специальность — физика была необходимостью: «Жизнь — это работа, — говорит она, — Пока живу буду работать». Эта великая женщина, действительно, родилась под счастливой звездой.

Вехи:

1919 г. — родилась в г. Данкове.

1938 г. — физический факультет МГУ.

1941 г. — уходит осенью добровольцем на фронт.

1942 г. — направлена в феврале в 588-й авиаполк ночных бомбардировщиков, который немцы называли «Ночными ведьмами».

В мае авиаполк отправлен на фронт, командиры экипажа и штурманы воюют на У-2 (По-2). В июне назначена начальником штаба полка.

Мартин Гэй перед встречей с Ириной Ракобольской

Подполковник Ирина Ракобольская

1943 г. — ее полк удостоен почетного звания «46-й гвардейский Таманский полк».

1945 г. — демобилизация в октябре, возвращение на физический факультет МГУ.

1946 г. — выходит замуж за Дмитрия Павловича Линде. В их браке рождаются два сына и дочь.

1949 г. — получение диплома, начало научной деятельности как специалиста по физике космических лучей физического факультета МГУ.

2005 г. — кончина мужа.

Она вспоминает: «22 июня 1941 года мы только сдали все экзамены за третий курс. В этот

день мы сидели с моей подружкой Леной, и кто-то рядом сказал: «Девочки, включите радио. Молотов говорит. Думаю, началась война с Германией». Я тут же заплакала, потому что была очень эмоциональной. Прослушав выступление Молотова, мы сразу поехали в университет. Там уже были комсомольцы и много людей со всех факультетов, говорили все сразу. В итоге решили, что вузком обратится к комсомольцам, и мы все пойдём туда, куда нас направит правительство...»

По её словам, не у всех девушек получалось пойти добровольцами на фронт: «Туда брали прежде всего врачей, медсестёр или радисток. Нам было нужно срочно получить дипломы медсестёр. И вдруг 9 октября 1941 года из ЦК ВЛКСМ по телефону пришло сообщение о наборе в армию девушек. Нам предложили собрать 12 девушек-добровольцев. Я обзвонила разные факультеты и собрала всех желающих уже на следующий день в 10 утра. Девочек пришло больше, чем требовалось. Я, кстати, обратила внимание на то, что добровольцев среди моих друзей пришло немного, а было неожиданно много девушек, на которых я не рассчитывала. Потом у нас с друзьями был спор по поводу записи добровольцами на фронт: были ли родители против? Были ли они репрессированы? Вспоминаю девушку с биологического факультета Евгению Варгас, дочку известного экономиста, академика, директора Института мирового хозяйства и мировой политики. Она не могла пойти на фронт просто потому, что у нее фамилия была нерусская. Ну и были те, кто просто не хотел воевать...»

«...Нам дали форму, шинели, сапоги, противогазы, каски. Ужас в том, что ничего женского не было: мужские брюки, мужские шинели больших размеров, самый маленький размер сапог — сорок третий!

Мы думали, что нас сразу отправят на фронт, нас посадили сначала в грузовик, потом на поезд, который отправился в г. Энгельс, где находилось военно-авиационное училище. Добирались мы туда почти неделю... Нас везли в товарных вагонах с двухэтажными спальными полками и импровизированными матрасами, и между ними тоже были лежаки, а для естественных потребностей — ведро с крышкой и бидоны с водой по соседству. Тогда у нас появилось выражение — «Пойду схожу к Серёже».

Наконец рано утром мы приехали в Энгельс, немытые-нечёсаные, в этих огромных шинелях и сапогах, отчего походка у нас была довольно странная, и выглядели мы не лучше. Первый приказ звучал так: «Волосы — до пол-уха!» И у всех наших девочек прическа была мальчишеская. Тем, у кого были большие косы, требовалось личное разрешение Марины Расковой! Но кто ж осмелился бы обращаться к ней за таким разрешением?

Нас, курсантов, разделили на группы, и началась боевая подготовка будущих военных лётчиц. Во время учёбы мы сдружились, много смеялись и шутили. Три девочки собрались в редсовет и выпускали настенную газету «Крокодилы», в которой мы помещали свои заметки и рисунки. Эти «Крокодилы» вместе с нами были и всю войну.

«Крокодилы». История нашего полка в стихах и рисунках

«Посмотрите, Мартина, это наши настенные сатирические газеты "Крокодилы", которые постоянно выпускали во время войны три девочки из моего полка — штурман, Герой Советского Союза Руфина Гашева, пилот и мастер спорта, совершившая 600 прыжков с парашютом Надежда Тропаревская и штурман, Герой России Татьяна Сумарокова. Ирина уточняет: "Первый номер вышел больше семидесяти лет назад!" Удивительно, как сохранились рисунки, краски и стихи! "Командир нашего авиаполка Бершанская хранит первые три выпуска, — продолжает Ирина, — её дочь после смерти матери передала их мне, а другие выпуски были подарены музею. Я эти первые номера добавила в свой сборник "Память в стихах и фотографиях", изданный в 2013 году. Эти уникальные рисунки и стихи посвящены набору девушек в авиаполк осенью 1941-го года и отдельным страницам истории полка «ночных ведьм"».

Тексты из стенгазеты «Крокодилы»

О, Швейк, дорогой, далеко ты отстал, Ты формы такой никогда не видал: В сапог можно всунуть полдюжины ног, А брюки, а ремень! Прости же нас, бог, Что нового Швейка воинственный вид И даже, конечно, тебя удивит! И дрожь проходила по телу, как ток, И к двери заветной сходился поток.

***

Тяжела ты, Мономаха шапка, Котелок, рюкзак и фляжка Перевесят вдруг назад, О, несчастье, это ад! Сапоги свой ход имеют И шинель, как балахон, И не веришь, что не надо Выбирать тебе фасон. Не надо слез, не надо плакать, Хоть и теряешь ты красу, Последний вздох... Упали косы Пушистые, густые... Смазливый, шустрый паренек Предстал из девушки с мехмата.

Формирование полков

Первый женский полк — 586-й — готовился как истребительный, второй — 587-й — бомбардировочный, для атаки днем в пике, а третий — 588-й — для ночных бомбардировок.

Ирина: «Я была такой активной и энергичной, что меня сразу назначили командиром...

Мне каждый раз приходится очень сложно, я просто не знаю, как быть. Дело в том, что все мои подруги в моей группе, и я их командир, поскольку я являюсь замполка. Я должна всем им сказать, что делать и как, например, что они должны встать, когда я вхожу. Им, это, конечно, не нравится! Катя Рябова говорит мне: "Знаете, мне не нравится, что вы на меня кричите". Я ей говорю: "Я готова с вами шутить, как и раньше, но я в то же время должна и отдавать вам приказы, которые вы обязаны выполнять!"»

Ахиллесова пята По-2

«Мы летаем над кукурузным полем на наших По-2, названных так по имени конструктора Поликарпова... В начале войны их использовали для транспортировки раненых и для связи с партизанами. По-2 летает медленно и почти бесшумно, если выключить огни во время полета, он станет невидимым. Если нужно приземлиться, то он сядет и в лесу, и на деревенской улице, где угодно... Ему не нужна длинная посадочная полоса, скорость очень небольшая. Если он за что-то зацепился, ну, будет дырка, ничего больше. Чтобы его всерьёз уничтожить нужна... зажигалка. Вот тут он сгорит моментально. По-2 сделан из дерева, и это его Ахиллесова пята!»...

Сестры-сестрички

Многие нам говорили, что немцы считали преступным использовать женщин для осуществления авиабомбардировок. Они называли нас «ночными ведьмами» и «дневными чертовками». В это время наши летчики уже не называли нас «дунькин полк», а стали говорить «сестры». Пехота нас называла «наши Маруси». Это уже было признание.

После войны один испанский журналист спросил меня: «Почему вы рвались в бой? Вы ведь не были обязаны воевать? Кого вы защищали? Сталина?» Я ему сказала: «Нет, мы воевали не за Сталина. Мы никогда не носили с собой его портрет, никогда — в самолете. Когда мы были в Восточной Пруссии, мы видели солдат, которые с собой носили адреса тех немцев, которые пришли в их дом, насиловали их дочерей и убивали их жен. Но наш лозунг был "Мы не мстители!" Другими словами, нас призывали отомстить, но... мы в первый раз там, в Восточной Пруссии никого не встретили, жители города исчезли. Я там видела маленькие деревни с хорошо оборудованными домами. В одном из них я впервые в жизни увидела холодильник, в1945 году! И над каждой кроватью видела репродукцию Девы Марии с младенцем. Это были знаки другой жизни, но людей не было. По дорогам мы видели брошенные детские коляски, плюшевые игрушки, одежду... видно было, что жители спешили бежать вместе с детьми, в том числе и с грудными. В горах мы видели большие стада чёрно-белых коров, которые умирали от того, что их не доили. В одной деревне я увидела немецкую женщину, но она была мертва. Позже мне приходилось видеть на чердаках домов детей, повешенных их бабушками, которые затем покончили с собой сами из страха попасть в руки советских солдат, убивавших и насиловавших. Я не думала о мести, к тому же я увидела тысячи немцев только в Данцигском коридоре уже после 1945 года...

...Мы дошли до Восточной Пруссии, увидели концлагеря, где были наши солдаты. Когда их выпускали оттуда, это были скелеты, которые плакали от радости! Они дожили до того дня, когда увидели русские лица своих освободителей! И что было потом? Их посадили в вагоны и повезли в наши, советские лагеря, где многие и погибли. Вот почему у нас нет иллюзий по поводу решений, принимавшихся в то время советским руководством. Потому что мы многое видели собственными глазами. Мы были на фронте, не чтобы убивать, а чтобы спасти других людей...»

Меня очень тронули такие качества Ирины, как прямота, мудрый взгляд на события и скромность. Она, несомненно, одна из крупных советских учёных, никогда не боялась выражать свои чувства, подполковник могла легко сказать «я не знаю», «я боюсь», не скрывала слёз!..

Подполковник Ирина Ракобольская делает мне царский подарок: свой поэтический сборник с посвящением: «Мартина, дарю вам частички своей души».

Поэзия побеждает любые материальные преграды. Она уводит в мир мечты. Чтобы выжить в ужасных условиях сталинских лагерей, заключённые читали стихи. Поэзия была в почёте и у лётчиц женских авиаполков, она придавала им сил и уверенности перед боем и после. Поэзия — это освобождение, которое помогает найти путь к духовности и возвыситься над бренным бытом.

Подполковник Ирина Ракобольская страстно, как и её отец, любила поэзию. Она укрепляла славянскую душу всех этих военных авиаторш, музыка и пение помогали им преодолеть страх и укрепить дух. Каждое стихотворение с помощью слов распространяет аромат, неподвластный нашему пониманию, но гармонично резонирующий с позитивными флюидами Вселенной.

Она ушла из жизни осенью, 22 сентября 2016 года...

А я пожить еще хочу

А я пожить еще хочу, Когда идет весна, И просыпается кругом Природа ото сна.

А я пожить еще хочу, Еще увидеть всех. Скворцы в стекло мне постучат, Растает мокрый снег.

А я пожить еще хочу, Хочу увидеть сад, И одуванчиков цветы В окошко поглядят. Я передать еще хочу Всем близким и родным, Что я пока еще живу И улыбаюсь им.

А я пожить еще хочу, Хотя мне много лет. Но если скажете: «Пора», Я засмеюсь в ответ.

А я пожить еще хочу И видеть все вокруг, Когда голубки прилетят, Чтоб поклевать из рук.

Ирина Ракобольская

Капитан Галина Брок-Бельцова

Правда, правда, ничего кроме правды! *Галина Бельцова*

Госпожа Брок-Бельцова Галина Павловна, которой перевалило за 91 год, полна энергии и желания общаться. Капитан авиации встретила меня очень тепло в своём загородном доме, куда меня привезла её дочь Татьяна на такси (полтора часа езды от центра Москвы).

Хозяйка дома была одета в красное платье с белоснежным шарфом. А как же — праздник! На столе вишни, шоколад... Наша беседа проходит под тосты: три с красным крымским вином, два — с коньяком! Должна признаться, свой обратный путь на такси помню смутно.

В гостях у Галины

Дипломированный историк Галина многое делает для сохранения памяти о последней войне, и делает это увлечённо.

Капитан Бельцова служила в 587-м полку пикирующих бомбардировщиков (125-й женский Гвардейский бомбардировочный Борисовский полк имени Героя Советского Союза Марины Расковой).

После долгих представлений, шуток, смеха и обмена подарками началась наша беседа. Галина первой задала мне вопрос: «Почему вы хотите написать эту книгу?»

Слава Богу, подумала я, что её друзья говорят по-французски. И ответила так: «Россия меня интересовала очень давно, как и скрипка. А двадцать пять лет назад я прочитала замечательную книгу о вашей истории, переведённую с английского. Два же года назад я неожиданно захотела написать книгу о русских лётчицах. О вас так мало знают во Франции. Благодаря одному другу я смогла попасть в российское посольство, где меня тепло приняли и помогли подготовить будущие встречи в России. Считаю, что эта книга наполнена моими собственными чувствами и искренней симпатией.»

- Вы профессиональная журналистка?
- Нет, но я написала несколько книг. Настоящая причина, если говорить честно, это желание рассказать о подвиге советских лётчиц во время Великой Отечественной войны. Вас называли «ночными ведьмами», «дневными фуриями», «чертовками… » Историки о вас писали незаслуженно мало. Лётчицы, штурманы своим мужеством, патриотизмом, упорством, молодостью, завоевали сердца миллионов людей и заслужили уважение противника.

Галина отвечает улыбкой на мои слова и настаивает:

- А почему всё-таки вас интересует история авиации?
- Да просто потому, что я сама авиаторша.
- Неужели?!
- Да-да, я летаю на самолёте в авиаклубе и принимаю участие в авиаралли заграницей.

Тут эта красивая дама в красном платье расхохоталась. Я продолжала:

— Вы-то наверняка знаете, что советские авиаторши были первыми в мире женщинами, принимавшими участие в авиационных боевых действиях во время войны 1941-1945 годов. Им посвящено немало книг, — на русском и на английском языках... но о вас ещё никогда не писала французская лётчица!

«Очень вас прошу, постарайтесь познакомить с нашей историей молодёжь», — серьёзно сказала Галина.

Дорогая Галина, вы для меня — воплощение радости и энергии. Мы вместе столько смеялись, когда встретились у вас в гостях под Москвой! Надеюсь, что ваши рассказы и предоставленные документы помогут мне описать невероятную историю вашего авиаполка.

Галина Павловна Брок вспоминает: «Мне тогда едва исполнилось семнадцать, но я считала, что не могу оставаться в стороне в это военное время. И я записалась в училище метеорологии и навигации, чтобы потом поступить в полк пикирующих бомбардировщиков. Мой папа был генералом, и мы в семье готовились к войне и к победе. Училась я в Йошкар-Оле, в резервном авиаполку».

Добавлю, что Галина была одной из лучших на своём курсе.

«Мы учились основным навыкам пилотирования и управления боевым вооружением истребителей-бомбардировщиков. Мы не сразу привыкли к полётам, многие в воздухе испытывали "морскую болезнь". А потом пришло время нам прыгать с парашютом. Честно скажу, особого желания прыгать у нас не было. Нас однако сразу предупредили: "Кто не сделает минимум два прыжка с парашютом, на фронт отправлен не будет". Этот аргумент подействовал безотказно, и мы все прыгнули по два раза в этот день».

На фронт Галина прибыла 1-го марта 1944 года. Она особо подчеркнула: «Летчики-мужчины с восторгом смотрели на летчиц, уже имевших боевые вылеты. "Старики", так их называли, принимали нас тепло и сердечно. Женские экипажи бли сформированы так: Тоня Пицына и Лена Малютина, Тома Маслова и Нина Малкова, Тамара Мелашвили и Маша Тарасенко, Тамара Русакова и маша Погорелова...»

Галина продолжает свой рассаказ: «Нас, молодых, на боевые задания посылали не сразу. Сначала мы изучалирайон боевых действий, проходили всякие проверки, делали тренировочные полеты, одним словом, привыкали к военной службе. Очень скоро подржились с новыми однополчанками.

И вот наконец, 23 июня нас послали выполнить первое боевое задание: уничтожить войска и вооружение врага, сконцентрированные под Ригой. Я вдруг обнаруживаю, что то, что на карте помечено как линия

фронта, для меня сверху выглядит, как широкая полоса черных шляп. Это были разрывы зенитных снарядов. Они отвлекли наше внимание и мы не очень внимательно смотрели вокруг. Как только мы выполнили задание — сбросили бомбы, мы почувствовали как наш самолет тряхнуло. Так началась наша боевая жизнь.

Во время боя нам помогали опытные военные лётчицы. Мы делились с ними впечатлениями о первых вылетах. Когда бывали расстроены неудачами, они нас успокаивали: "Не волнуйтесь, привыкнете! Мы начинали точно так же!" После нескольких вылетов мы чувствовали себя уже гораздо спокойнее и быстрее могли оценивать сложившуюся ситуацию и в воздухе, и на земле. А потом уже наши молодёжные экипажи показывали примеры мужества и отваги.

С июня 1943 года в течение десяти месяцев я в составе девяти женских экипажей проходила обучение на бомбардировщиках Пе-2. После ускоренной подготовки нас послали в 125-й бомбардировочный авиаполк для завершения нашего обучения».

Они учились и технике пилотирования и её применения в боевых условиях. Попав на фронт, их через небольшое время уже отправляли на боевые задания. С 1944-го по 1945 год полк принимал участие в боевых действиях на Белорусском фронте в составе 16-й воздушной армии. Тогда особенно отличились экипажи Тамары Русаковой (2 500 часов в воздухе на По-2), Лены Малютиной (1 800), а также экипажи Марии Погореловой и Марии Тарасенко. Это подразделение, вошедшее в состав авиаполка, не имело во всех проведённых боях никаких потерь. Тамара Русакова отличалась виртуозной техникой пилотирования, настойчивостью и дисциплиной. Она продолжила карьеру военной лётчицы и после войны.

Уровень подготовки женщин-пилотов 125-го авиаполка был очень высок, их водил на боевые задания сам командир полка Марков, а также некоторые командиры эскадрилий. Случалось, что их сопровождали лётчики-истребители авиаполка «Нормандия-Неман», которые не скрывали своего восхищения советскими военными лётчицами.

Галина вспоминает: «24 июля 1944 года я запомнила на всю жизнь. Это был день двойного подвига. Было выполнено боевое задание и были спасены два экипажа. Первый экипаж — Лена Малютина и Лена Юшина, обе отважные личности. Лена Малютина — молодой командир корабля, худенькая, с живыми серыми глазами, чуткая, внимательная, всех привлекала, как магнит. Лена Юшина — спокойная в любых обстоятельствах — и воздухе, и на земле. Они прекрасно дополняли друг друга».

Вы сейчас поймёте, насколько пилот и штурман составляют единую команду: «В этот летний день наш полк принимал участие в освобождении Латвии. Бомбардировщики идут в небе в грозном боевом строю, приближаются к цели. Мы замечаем из кабины нашего Пе-2 концентрацию фашистских танков в районе Обелье. И тут вдруг немецкие зенитки откры-

вают по нам яростный огонь. Лётчицы, не теряя времени, немедленно занимают боевую позицию.

За несколько секунд до вражеской цели командир экипажа Лена Малютина получает ранение в живот осколком снаряда. Превозмогая боль, она сжимает рычаги управления, поддерживая скорость и высоту полёта. Неожиданно силы покидают её, она истекает кровью, но не отпускает рычаги. И вот они над целью, штурман сбрасывает бомбы. И только тогда Лена разжимает руки и почти теряет сознание! Пе-2 теряет скорость и высоту. Бомбардировщик теряет остойчивость, ещё чуть-чуть, и он войдет в штопор!

Как быть? Штурман Лена хватает пузырёк с нашатырём и протягивает лётчице. Та нюхает, приходит в себя и своими

Капитан Галина Брок-Бельцова

маленькими, но крепкими руками отчаянно вцепляется в руль, но перед глазами всё плывет и темнеет... боль в животе мучительная, невыносимая. Она понимает, что сейчас может умереть...

Лишь бы долететь до своих! Лишь бы спасти самолёт! Спасти экипаж! Каждая секунда кажется вечностью. Но вот уже и линия фронта. Видны наши позиции!

— Штурман, где запасной аэродром? Будем садиться!

Видит небольшую взлётно-посадочную полосу, но сама снова почти теряет сознание. Слышит слова штурмана: "Леночка, держись! Во-от она, полоса — видишь? Возьми левее... теперь прямо... сейчас сядем..."

Юшина трясет Малютину за плечо, последние минуты полёта кажутся нескончаемыми. Обе напряжены до предела! Лена из последних сил старается посадить самолёт... И когда он, наконец, остановился на ВПП, теряет сознание окончательно.

Потом в госпитале она вспоминала: "Как я добралась до аэродрома? Сама не знаю. Мне кажется, что я летела просто силой воли, стремлением выполнить задание и спасти самолет".

Командир нашего дивизиона пришёл к ней в госпиталь и, сняв с себя орден Красного знамени, повесил ей на грудь. Штурман Лена Юшина тоже была удостоена награды. После месячного лечения Елена Малютина вернулась в полк.

В этот же день самолёт Тамары Масловой и Лены Азаркиной быт подбит. Штурман Азаркина получила ранения в голову, руку и ногу, вражеский снаряд вывел из строя левый мотор. Было необходимо садиться на

ближайший аэродром. У девушки штурмана была открытая рана, и она неимоверно страдала от боли.

Командир экипажа Тамара Маслова вела самолет и следила за состоянием Лены, непрерывно с ней говорила, чтобы та не потеряла сознания:

"Леночка, держись! Потерпи, родная! Вон уже скоро будет линия фронта!"

Раненой штурману было невероятно трудно поддерживать курс полёта и искать ближайший аэродром. Нужно было ещё и внимательно следить за окружающей обстановкой, чтобы избежать неожиданного столкновения. Наконец Пе-2 приземлился, и только тогда Лена разрешила себя расслабиться и тут же потеряла сознание.

Тамара оказала ей первую медицинскую помощь и оставила свою боевую подругу, лишь когда убедилась, что жизнь её вне опасности».

Все экипажи были очень слажены и дружны. Мне кажется, что на боевом задании они просто забывают и о боли и о страхе. В тоже время они очень хотели выжить и очень в это верили.

Большая любовь

«Когда мы познакомились, моему будущему мужу Георгию было двадцать пять лет, а мне — семнадцать. Я ему сразу понравилась, но ни о каких признаниях и обниманиях во время учёбы не могло быть и речи, мы готовили себя для военной службы, для фронта. Георгий Бельцов был моим инструктором, я с ним часто летала, я была гораздо моложе него. Он меня защищал и не спускал с меня глаз. Однажды он пригласил меня на танцы в ангаре, но я отказалась, потому что там было слишком темно...

Поженились мы в 1946-м году. Сегодня мне его очень нехватает. Через полгода после свадьбы его отправили в командировку, родилась дочка Надежда, которой сегодня 70 лет. У меня ещё был сын и дочка Татьяна, которой уже 57 лет...

Десять лет с 1945 года я работала в КГБ и одновременно сопровождала мужа в его командировках, что было связано с переездами по крайней мере в дюжину городов России. Потом я стала читать лекции по истории.

В 2005 году мой дорогой Юрий скончался, после шестидесяти лет нашей совместной жизни».

Весной 2016 года я спрашиваю Галину: «В этом аду войны были ли у вас хоть какие-то просветы? »

Она отвечает довольно жёстко: «Насколько помню, для радости не было места. На всех фотографиях наши женщины выглядят грустными и серьёзными. Сколько уже писали о тяжелейших условиях труда и постоянной усталости наших граждан во время войны. Когда мы улетали на боевое задание, то часто видели место гибели экипажей, взлетавших перед нами, мы видели вокруг много смерти. Конечно, у женщин на фронте были тайные романы.

Это чувствовалось в жесте, взгляде, неожиданной мягкости характера. Девушкам хотелось выглядеть красивыми, на какое-то время наши сердца и души получали передышку перед очередным вылетом!

Одни выходили замуж за военных, встреченных на фронте, другие страдали от разлуки. Было такое выражение — «фронтовой дружок». Не было улыбок, смеха, только грустные песни и романсы...»

Впечатления штурмана Кашириной, воевавшей в 588-м полку ночных бомбардировщиков: «Конечно, девочки есть девочки. В нелётную погоду мы сидели рядом с ВПП, ждали метеосводки и что-то шили, вышивали, танцевали, даже рассказывали сказки, пели. Мы выпускали рукописные литературные сборники, устраивали лекции и концерты. Война стала частью нашей жизни. Мы очень переживали гибель друзей, они оставались в наших сердцах. Мы любили поэзию, она полна жизни, и нас она вдохновляла жить дальше. При этом мы воевали, мёрзли, знали, что такое страх».

Урок скромности

Эти гранд-дамы авиации оказали мне самый сердечный приём, они были рады поговорить с француженкой на общем языке — языке авиации, отваги и жизнелюбия. Для меня это тоже были уроки скромности. Как мне повезло их встретить на жизненном пути и постараться изложить на бумаге их уникальный военный опыт.

Гвардейский марш

На фронте встать в ряды передовые Была для нас задача нелегка. Боритесь, девушки, подруги боевые За славу женского гвардейского полка!

Припев:

Вперед лети с огнем в груди. Пусть знамя Гвардии алеет впереди! Врага найди, в цель попади — Фашистским гадам от расплаты не уйти!

Никто из нас усталости не знает, Мы бъем врага с заката до зари. Гвардейцы-девушки в бою не подкачают. Вперед, орлы, вперед, богатыри!

Припев.

Врага найдем и в бури и в туманы, Нам нет преград на боевом пути —

Громи, кроши налетом ураганным, Спеши от гвардии подарок отвезти!

Припев.

Гвардейцы с честью выполнят заданье, Отыщут, выслядят, разведкой донесут. Никто к врагу не знает состраданья — На зуб попался, знай — тебе капут!

Наталья Меклин

Свидетельства мужества некоторых в честь всех остальных. Герой Советского Союза капитан Надежда Васильевна Попова

Герой Советского Союза капитан Попова (1921-2013) из полка «Ночных ведьм» (46-й гвардейский Таманский), имеет на своём счету 852 боевых вылета. «Меня трижды награждали Орденом Красного Знамени. Первый получила в 1942 году за авиаразведку над Сальскими степями, когда наши войска отступали и ситуация резко менялась. Мы должны были определить линию фронта. Немецкие танки двигались на восток, враг имел явное преимущество. Ведение авиаразведки на По-2 днём — задача крайне трудная и опасная, но для её выполнения требуется именно такой тип самолёта. Я лечу на низкой высоте, веду наблюдение за передвижением войск, время от времени совершаю посадку, чтобы опросить местное население для уточнения данных, затем полученную информацию заношу на мою штурманскую карту. В какой-то момент я увидела танки и решила сесть для получения более подробных данных. Делаю круг для захода на посадку, и тут почувствовала, как машину сильно тряхнуло.

Я смотрю назад и вижу — "мессер"!

Эти "мессершмитты" охотились за гражданским населением, расстреливали его из пулемётов. Я читала приказ немецким лётчикам уничтожать как можно больше людей, по возможности оставляя в живых только крепких мужчин. Это просто ужасный приказ! Мы, однако, переживали один из самых тяжёлых периодов войны. После обстрела "мессера", от которого тряхнуло мой самолёт, я постаралась уйти от преследования как можно быстрее, менять курс, ложась на крыло в глиссаду, я летела очень низко, как можно ближе к земле. По-2 не имеет возможности защищаться. Единственная возможность спастись — лететь чуть ли не касаясь земли. Однако немецкий истребитель продолжал меня преследовать, ещё длинная пулеметная очередь, и я вижу, что мой самолет загорелся, пламя распространилось очень быстро. Необходимо было срочно садиться и покинуть самолёт как можно скорее.

После вынужденной посадки я выпрыгиваю из кабины и бегу, прячусь в кустах. Нервы на пределе, сердце выскакивает из груди, воздуха не хватает. Неужели "мессер" вернётся? Но немецкий пилот увидел, что самолёт горел, и не вернулся.

Я ещё долго не двигалась, дрожа от страха, потом постепенно пришла в себя. Слава тебе, Господи, что уберёг! Мне нужно было добраться до расположения полка как можно скорее, чтобы передать командованию важные сведения. В моей сумке был карта со всеми пометками: немецкие артиллерийские батареи, танки... даже место, где меня атаковали. Я искала вокруг какой-нибудь транспорт — машину или телегу... Мне повезло: самолёт с красным крестом остановился неподалёку. Однако я убедилась, что фашистов ничто не останавливало, они стреляли и по санитарным машинам.

После войны я спрашивала майора Бершанскую: "За что ты меня так не любишь? За что посылаешь после ночного задания в разведку? Это же верная смерть!" А она мне с мягкой улыбкой отвечала: «Надя, я получила приказ командования послать в разведку самую опытную лётчицу. Ну а ты ведь настоящий профессионал!"»

Гвардии лейтенант, старший летчик Антонина Григорьевна Бондарева

«Представьте себе, — говорит она, — я видела приземление самолёта в 1936 году! Тогда это было событие! В то время повсюду висели призывы: "Девушки и юноши — на самолёты!" Естественно, как комсомолка, я была в первых рядах. Я тут же записалась в аэроклуб. Отец был против, потому что все в семье были из поколения в поколение рабочими-металлругами, плавили в домнах сталь».

Забавно! Отец Антонины был не против, чтобы она плавила сталь, но против того, чтобы летала на самолёте!

«Руководитель аэроклуба знал об этом и разрешил мне подняться в небо вместе с отцом, устроить ему "воздушное крещение". Что и было сделано, и с тех пор отец уже не возражал».

Она получила диплом с отличием.

«Я ещё и с парашютом прыгала. До войны успела выйти замуж и родить дочку».

На фронт Антонина отправилась не сразу.

«Мужчин-инструкторов мобилизовали первыми, а их заменили мы, женщины. Мы проводили занятия, работали с утра до вечера. Мне нужно было ещё и заниматься дочкой, а мы ведь всё время жили в полевых лагерях. Утром я её закрывала на ключ, оставив на столе кашу. С четырёх утра начинались полёты, возвращалась я только вечером. Не знаю, ела дочка или нет, но всегда меня встречала перемазанная кашей. Этой куколке было три годика.

В конце 1941 года я получила похоронку — муж погиб под Москвой. Он был лётчиком, командиром эскадрильи. Я отвезла дочку к своим родителям. А сама просила направить меня на фронт...»

Тамара Памятных, лётчик-истребитель. «Я только об этом и мечтала!»

Когда началась война, Тамаре было 22 года и она уже была профессиональным пилотом и авиаинструктором в своём родном Екатеринбурге на Урале. Вместе с другими отобранными девушками она отправляется в военный учебный центр на авиабазе в Энгельсе. По окончании обучения её направили в 586-й истребительный полк.

«Я только об этом и мечтала, — говорит Тамара, — летать на истребителе ЯК-1, который тогда считался одним из лучших самолётов, было настоящим счастьем для меня. В конце января с авиазавода в Саратове к нам поступили 24 новеньких белых Як-1. С учётом зимнего сезона он был оборудован лыжами. По мне, это был просто уникальный самолёт: скорость 580 км/ч, пушка и два пулемёта, под кабиной можно было поместить шесть ракет!

586-й авиаполк прибывает в Амисовку в мае 1942 года, первая боевая база, потом с февраля 1943 года наш полк перевели в Придачу под Воронежем.

По ночам пилоты спали 3-4 часа. Ночи были длинными и тёмными. Полёты начинались с заходом солнца и заканчивались с восходом. Порой девочки ждали вылета в кабине всю ночь. Чтобы не заснуть, мы пили чай и ели шоколад».

Ополоснуть лицо водой, немного крема, если он есть; у некоторых в меховых комбинезонах пряталась драгоценная губная помада... их женственность проявлялась в очень редкий подходящий момент. Всё остальное время от них требовались постоянные физические, нервные и умственные усилия, выносливость, внимание и концентрация — вокруг была война...

Сколько нужно было времени, чтобы подготовить самолёт к новому взлёту?

Тамара: «Не больше десяти минут. Наши эскадрильи соревновались между собой — кто больше выполнит заданий».

Одно из таких заданий запомнилось особо. Это было 19 марта 1943 года около железнодорожного узла Касторная. Весь лётный состав полка поднялся в воздух для атаки, на земле остался тревожный патруль — Рая Сурначевская и Тамара Памятных.

«Вдруг мы видим сигнал зелёной ракеты — приказ о немедленном взлёте. С постов наблюдения пришла информация о самолёте-разведчике, направляющемся сюда на высоте 4 000 метров. Мы тут же взлетели, на ВПП не осталось больше ни одного самолёта. Направляясь в сектор нахождения самолёта-разведчика, я вдруг увидела целую армаду бомбардировщиков Ю-88 и До-215. Я не успела их сосчитать, потом выяснилось, что их было 42. Против них были только два наших самолёта, и ждать помощи, совета или приказа было неоткуда. Не задумываясь, инстинктивно было принято решение атаковать. Так же инстинктивно я повела патруль

вверх, к солнцу. Мы атаковали их в лоб в небольшом пике, вели огонь по ведущим машинам. В первой же атаке нам повезло — и Рая, и я сбили по "юнкерсу".

Пройдя под группой, мы атаковали часть строя снизу и сзади. И вот ещё два бомбардировщика с длинными шлейфами чёрного дыма падают вниз. Мы резко свернули в сторону, чтобы набрать высоту. Немецкое авиаподразделение рассыпалось. Я уже веду огонь неприцельно, главное — их полностью дезорганизовать и сбить с курса, отвлечь их от выполнения задания. Боезапас у меня кончился, и я решила срезать хвост одному из бомбардировщиков своим винтом. Когда я к нему приблизилась, моёлевое крыло было разорвано пулемётной очередью. Машину стало раскручивать, спасти её я уже не могла. Я с трудом отстегнулась от кресла, и уже через секунду меня резко выбросило из самолёта. Когда парашют раскрылся, я почувствовала свежесть утреннего воздуха и тёплую струю крови, текущую по лицу. Бой для меня был закончен. Я тогда не знала, что Рая в это время продолжала атаковать немецкие бомбардировщики, и противник стал кое-как сбрасывать вниз свой смертоносный груз, что мы этот бой выиграли.

Когда я с парашютом приземлилась, ко мне подбежали люди, смотревшие за нашим воздушным боем. Они окружили меня, помогли подняться и собрать парашют. Потом протянули стакан с водкой, я отказалась, и они этому очень удивились. Они были очень удивлены, не могли поверить, что этот храбрый лётчик, сражавшийся с целым отрядом самолётов, отказывается подкрепить силы водкой... Я уже стала приходить в себя после всего, что пережила, стащила с головы шлем... и тут все они были просто поражены!

Эти крестьяне даже вначале не поняли, что перед ними стоит девушка. Через несколько часов к моей огромной радости я увидела Раю живой и невредимой. В последней атаке на немцев её самолёт тоже получил повреждения, но она сумела его посадить "на брюхо". Местные жители помогли ей выбраться, потом нашли машину, на которой её доставили на наблюдательный пункт неподалёку. Мы были счастливы, что остались в живых! Тем более, что, оказывается, немцы сбрасывали бомбы совсем рядом. Рая очень переживала за меня, потому что видела, что мой самолёт рухнул, но парашюта не видела!»

И КОНЕЧНО — ФАНТАСТИКА!

© Художник Андрей Карапетян

Елена Арифуллина (Россия, Ростов-на-Дону)

Я родилась на юге России. Много лет прожила на Дальнем Востоке. Почти двадцать лет проработала врачом-психиатром. Сейчас занимаюсь консалтинговым бизнесом. Наряду с этим пишу прозу, книги для детей, стихи. Метод выбора — магический реализм. Мои первые рассказы отобрал для публикации Б. Н. Стругацкий. Олег Ладыженский и Дмитрий Громов (ака Генри Лайон Олди) рекомендовали в печать роман «Взгляд сквозь пальцы». Детская повесть «Жилбыл такс» попала в лонг-лист «Книгуру», затем в призовую тройку конкурса «Новая сказка — 2015» и шорт-лист конкурса «Книга года: выбирают дети» Повесть вышла в издательстве «Аквилегия-М».

Издательство «АСТ» опубликовало роман «Взгляд сквозь пальцы» (2019 г, переиздание) и детскую повесть «Кощеева дочка и бабушкина внучка» (2020 г.)

Пополнение

үорошая была терция. Удачливая.

Но рано или поздно кончается всё — и удача тоже.

Дитриха засыпали опавшими листьями кое-как, словно передумали прятать. Вальтер приподнял носком сапога его откинутую руку, зло выругался и пошел в лагерь. А Дитрих продолжал улыбаться ему вслед широкой — от уха до уха — улыбкой, полумесяцем зиявшей под самым подбородком.

Никто не знал, почему капитан Альварадо называл свой отряд терцией. Но спорить с ним не решались: кулак у испанца был тяжелый, шпагой он орудовал, как сам дьявол, и слов на ветер не бросал. Выслушав доклад Вальтера, капитан проронил:

— Ну что ж, будем ждать пополнения. Ступай на пост. Смена как обычно.

Вальтер исчез в чаще, и вслед, повинуясь жесту Альварадо, отправился Такэда — бесшумный, как призрак. Остальные молча переглянулись.

— Чего встали? Продолжаем!

Манчино сделал обманный выпад, но те времена, когда Гуго Парижанин ловился на такой финт, давно прошли.

— Проклятый содомит... — беззлобно проворчал он и ринулся в контратаку. Лезвие его рапиры мелькало так, что взгляд не успевал за движениями, только воздух свистел, как разрываемый шелк.

На другом углу поляны Джон с трудом держался против Цвайхандера. На этот раз немец выбрал алебарду, а не давший ему прозвище меч, и долговязому приходилось туго.

Капитан следил за каждым движением бойцов. Его отрывистые выкрики походили на карканье одного из тех воронов, которые испокон веку вьются над полем битвы.

— Мартин, атакуй! Добивай его! Гуго, слева! Всё, ты убит! Отдыхаем!

До ужина успели еще не раз поменяться в парах, а потом в поединке сошлись победители. Выиграл Гуго, и капитан долго дразнил его неуловимо быстрыми уколами — до тех пор, пока не покончил дело одним молниеносным выпадом.

Котел с похлебкой появился как всегда — после заката. Ели молча, поглядывая на пустую миску Дитриха. Джон проглотил свою порцию первым: ему пора было на пост. Манчино вынул стаканчик с костями и приглашающе потряс им в воздухе. Никто не отозвался. Все смотрели в темноту, которая начиналась на границе поляны — там, куда не падали отсветы костра. Ждали.

Только капитан Альварадо вынул из тощей походной сумки потрепанную книгу и погрузился в чтение.

В темноте захрустели сучья. Кто-то шел на свет костра, не умея бесшумно передвигаться по ночному лесу.

Манчино положил стаканчик и подобрался, как кот перед прыжком. Цвай-хандер гулко вздохнул. Костлявое лицо капитана оставалось неподвижным.

Новичок вышел из темноты и замер на месте, глядя на сидящих у костра и сжимая странную аркебузу с примкнутым багинетом. За спиной у него маячил похожий на призрак Такэда.

Лицо у новичка исказилось, он вскинул аркебузу и нажал на спусковой крючок.

Ничего не произошло.

Капитан стукнул кулаком о кулак. Такэда прыгнул — бесшумный и неотвратимый, как Судьба. Новичок рухнул лицом вниз и был мгновенно связан. Пара пинков подняла его на ноги. Спотыкаясь, с трудом переступая, он брёл к костру, а Такэда придерживал свободный конец веревки, стянувшей за спиной руки новичка.

Терция молча рассматривала очередное пополнение. Высокий крепкий парень лет двадцати с небольшим. Одет в серо-зеленую куртку и штаны, заправленные в сапоги с короткими голенищами. На голове странная шапка, похожая на сложенный вдвое блин. Всё грязное и поношенное, не сравнить с великолепными шароварами-плудерхозе Цвайхандера или плащом Парижанина, сшитым из епископской ризы. Правда, кожаный колет Альварадо тоже потрепан, истерт кирасой и весь в пятнах, но на поясе у капитана толедская шпага, цена которой сразу ясна знатоку.

Новичок таким знатоком явно не был. На ремне у него болтался тесак в грубых ножнах — и только. Ни меча, ни сабли. Даже алебарды, и той нет. Нищеброд...

Парень смотрел на сидящих у костра с таким ужасом, словно увидел восставших из могил мертвецов.

По правде сказать, при виде гиганта Цвайхандера или Долговязого Джона испугался бы кто угодно. Да и Манчино: левый профиль — как у античной статуи, правый — как у той же статуи, но изуродованной молотом фанатика. Вытекший глаз, заросшая диким мясом глазница, раз-

рубленная, неправильно сросшаяся орбита и сверху — копна черных кудрей... Блики от костра смешивали воедино красоту и уродство, наделяя флорентийца ликом Медузы.

- Кто ты такой? голос капитана разрезал тишину, как хлыст.
- Рядовой Белов, тысяча шестьсот пятьдесят первый пехотный полк.
- Не ври. Таких названий не бывает.
- Я не вру!
- Врёшь. Только зря: никто тебе не поверит. Чей полк? Кто командир?
- Полковник Барышев.
- Странная фамилия. Ладно... Теперь ты в нашей терции. Я капитан Диего де Альварадо. Мои приказы не обсуждаются, и дважды я их не повторяю. Понял?

Новичок молчал. Капитан щелкнул пальцами. Такэда сделал неуловимое движение, и парень рухнул наземь, замычав от боли.

- Встать! Теперь понял?
- Да! выплюнул новичок, с трудом поднявшись на ноги.
- Назовитесь, пусть знает, с кем имеет дело. По одному, слева направо начали.
  - Мартин Мюллер, по прозвищу Цвайхандер.
  - Джон Джексон из Кента.
  - Луиджи Манчино, флорентиец.
  - ... и содомит, как все они! вставил Цвайхандер.
  - Заткнись, пивная рожа! Не верь ему, я не содомит, а содомитище! Терция взорвалась хохотом.
- Тихо! процедил сквозь зубы Альварадо, и смех умолк. Цвай-хандер, сегодня ты без выпивки. Джон, ступай на пост. Следующий!
  - Гуго Парижанин.
- Такэда Нобунори, недостойный ронин. Грубый тип нижайше молит о снисхождении. самурай коротко поклонился.

Новичок дико озирался. Глаза у него были сумасшедшие.

— Пусть посидит до утра, — сказал капитан. — Потом видно будет.

Новичка привязали к дереву, и вечер пошел своим чередом. Котел исчез, появился жбан с выпивкой. Первым налил себе Альварадо, потом Такэда. Вернулся с поста Вальтер, глянул мельком на привязанного, пробурчал себе под нос: «А, новенький…» и устроился у огня с миской на коленях. Манчино с Парижанином резались в кости, Цвайхандер в сотый раз бубнил про то, как брали Магдебург…

- У тебя кости со свинцом, флорентийский пес!
- Можно подумать, ты об этом не знаешь!
- ... и тогда я перерезал ему глотку...

Истертые монеты переходили из рук в руки под ругань и божбу. По неподвижному лицу Такэды скользили отсветы огня, в его руке струились четки. Капитан продолжал читать, а новенький не сводил с него угрюмого взгляда, и никто не мог бы сказать, замечает испанец этот взгляд или нет.

Рассвет выдался серым и промозглым. Вот-вот должен появиться котел с похлебкой, пора менять часовых...

— Отвяжи его, Такэда. Отведи к ручью, пусть перемоет миски.

Ронин поклонился и отправился выполнять приказание.

Новенький мыть посуду отказался. Били его всей терцией, умело и аккуратно: чтобы проучить, но не искалечить. Новичок оказался человеком опытным: свернулся в клубок, прикрывая голову руками. Альварадо молча наблюдал и наконец вмешался:

— Все, хватит. Привяжите опять. Сегодня его не кормить.

Когда похлебку съели, Такэда принялся за свои ежедневные упражнения с мечом. Парижанин ушел на пост, остальные разделились по жребию на две партии.

— Оружие не выбираем! — предупредил Альварадо.

Новичок сидел на привязи и безмолвно наблюдал, как Цвайхандер с Вальтером, встав спина к спине, обороняются от Манчино — копье и алебарда против длинной пики. Флорентиец носился вокруг них, верткий как угорь, и двум гигантам приходилась туго.

— А-а-а! Проклятый гаденыш!

Правая рука Вальтера бессильно повисла, по куртке расползалось кровавое пятно.

- Давай, покажи им! Давай! крикнул капитан.
- Пришибу, как крысу, пробурчал в рыжую бороду Цвайхандер.

Манчино чудом увернулся от его алебарды и не устоял на ногах, поскользнувшись на мокрой траве. Подняться он не успел: копье вошло ему между лопаток. Приколотый к земле, как жук на булавке, флорентиец выл, плюясь кровью и проклятиями.

- На, добей. Альварадо протянул новичку дагу. Отвяжи его, Мартин. Белов сжал резную рукоятку и пошел к раненому так, словно у него на каждом шаге подгибались колени.
  - Не тяни! голос капитана прозвучал, как выстрел.

Новичок воткнул дагу под челюсть флорентийцу, тот дернулся и обмяк, уткнувшись лицом в лужу крови.

— Так. Вытри. Дай сюда. Оттащи его в кусты и возвращайся.

Неподвижное лицо новичка было таким же серым, как низко нависшее над поляной небо. Он ухватил труп за щиколотки и поволок в заросли. Голова Манчино подпрыгивала на кочках, оставляя кровавую дорожку. Вслед никто не посмотрел.

Вернувшись, новичок молча вытянулся перед Альварадо.

— Если не будешь дурить, вечером тебя накормят. Займись им, Такэда. Продолжаем. Не кривись, Вальтер, в бою поблажки не дадут.

К вечеру новичок походил на привидение. Ронин загонял его до полусмерти, но похвастаться было нечем. Сильный, высокий, с длинными руками и ногами, Белов ничего не умел. Никогда не держал в руках меч, копье или алебарду. Не мог натянуть тетиву. В настоящем бою против любого из терции не продержался бы и минуты. Только на то и годился, что-

бы орудовать аркебузой с примкнутым багинетом. Да ещё оказался неплох в рукопашной, хотя Такэда убил бы его без малейшего труда. Всем остальным для этого просто потребовалось бы чуть больше времени.

- Главнокомандующий нас не любит, подытожил капитан, выслушав доклад ронина.
  - Карма, отозвался Такэда.
- Сделаем его арбалетчиком. Может, хоть на это сгодится... Что там, за ручьём?
  - Готовятся. Наверно, уже получили приказ.
  - Времени мало, по-твоему?

Ронин пожал плечами.

— Мы сделаем всё, что сможем. Карма.

Вечернюю похлебку съели быстро. Новичок получил миску Дитриха и ел так, словно голодал неделю. Котел уже исчез. Жбан со спиртным ожидал своей очереди, но сегодня предстояло редкое развлечение.

— Кто мы такие, ты уже знаешь. Теперь расскажи, кто ты и откуда, — голос капитана был резок и сух.

Новичок не успел ответить. Из кустов на краю поляны прозвучал другой голос, пронзительный, как крик ночной птицы:

— Что, ублюдки, заждались?

Манчино шел к костру, щурясь от света.

Со сдавленным воплем новичок шарахнулся от воскресшего мертвеца, запнулся о кочку и упал. Грянул хохот. Флорентиец закатил единственный глаз, высунул язык и оскалился, добавляя всем веселья.

— Если сожрали мою порцию, поотрываю всем яйца, клянусь святой Репаратой!

Терция гоготала. Только молчаливый Такэда не изменился в лице.

- Белов, ты что, забыл, что своих приказов я не повторяю? Встань и рассказывай. Кто ты и откуда?
  - Я из Москвы, студент.

То ли отсвет костра блеснул в глазах капитана, то ли искра интереса.

- Московит, что ли? Ври больше, сказал Парижанин. У них собачьи головы. А после Рождества они зарываются в снег и спят до весны.
- Один дурак сказал, другой поверил, пренебрежительно бросил Вальтер.
- Что-о-о-о? ощетинился Парижанин. Со мной служил один из Бремена, он бывал в Московии, сам видел!
  - Кого видел? Псоглавцев? Это надо было столько выпить...
- Белофф? задумчиво пробасил Цвайхандер. У нас в Люнебурге есть такие: Бюлоффы, Густлоффы...
  - —Тихо! сказал капитан, и наступила тишина. Продолжай.
  - Я в ополчение пошел, добровольцем.
- Ополченец... в голосе Цвайхандера прозвучала издевка. Мы таких резали, как скот. Горожане: булочники, портные, торгаши. Какие это сол-

даты? Заплати по стольку-то с рыла, выкупи свою грошовую жизнь, поставь выпивку и помалкивай, когда твоим девкам подол задирают.

- Ополченцы это мясо, согласился Вальтер.
- Охранники в лагере тоже так говорили, непонятно сказал Белов.
- Что ты несешь, парень? Какие в лагере охранники? Вот маркитанты там есть, да. И шлюхи тоже.
  - Я в окружение попал под Вязьмой. Потом плен, лагерь.
- Опять врёшь. Ты что, рыцарь, чтобы тебя в плен брать? Кто за тебя выкуп платить станет? Глотку пополам и пожалуйте гнить без сапог в канаве.
- А жалованье у тебя какое было? полюбопытствовал прижимистый Гуго.
  - Не знаю. Я ни разу не получил. Не успел.
- Да ты совсем щенок, парень,— с презрением сказал Цвайхандер.— Вот я, например доппельзольднер. У нас ребята получали в месяц столько, сколько мужик за год зарабатывает и то, если год урожайный выдаётся. А я получал вдвое больше, понял?
- И где твои денежки, пивная рожа? хохотнул Манчино, облизывая ложку.
  - Заткнись, содомит!
- Сколько раз тебе повторять? Не содомит, а содомитище! И не трудись, ты мне всё равно не нравишься!

Цвайхандер зарычал и двинулся на флорентийца, словно осадная башня.

— Прекратить! — негромко сказал капитан.

Ландскнехт остановился, пробормотал какое-то богохульство и вернулся на своё место у костра.

- Не злись, старина, примирительно сказал Манчино, Я тоже мечтал разбогатеть или стать герцогом, как Федерико да Монтефельтро. И что? Только окривел, как он, вот и всё сходство. Ничего не поделаешь, такова солдатская жизнь.
- Тебе хорошо говорить, буркнул Цвайхандер, а я уже и трактир было присмотрел...
  - Плюнь! В кости сыграем?
  - Лучше в карты. Сдавай, что ли, чертов шулер...
- Послушай, Белов, негромко сказал капитан. Ты правда студент? Какого университета?
- Не университета института. Философии, литературы и истории. Коротко ИФЛИ. голос Белова дрогнул.
- Не слышал о таком. Я учился в Саламанке, но недолго. Ладно, ступай. Эй, вы там! Скоро отбой!
  - Не раньше, чем я оставлю его без штанов! откликнулся Манчино.
- Да зачем они тебе, недоносок? Ты в одной моей штанине спрячешься! пророкотал ландскнехт.
  - Хочу полюбоваться на твою голую задницу!
  - Содомит! рявкнул Цвайхандер и замахнулся.

Такэда возник рядом, как бесплотный дух, и ландскнехт сложился пополам от удара в живот.

- Три дня без выпивки. Обоим. бесстрастно сказал капитан. Разливай, Парижанин. Новичку тоже.
  - У тебя опять эта кислятина? полюбопытствовал Вальтер.
  - Божоле как божоле, Гуго вытер усы рукавом.
  - Старый ты пьяница...
  - Не зевай, сегодня две порции лишние!
- Пиво лишним не бывает! нравоучительно заметил швейцарец и наполнил свою кружку.

Белов глотнул и закашлялся.

- Это же водка... пробормотал он изумленно.
- Каждому своё, бросил Альварадо. Отбой, ребята.

Побои пошли новичку впрок: наутро он беспрекословно отправился мыть посуду. Глядя на исчезающую в зарослях фигуру в серо-зеленом, капитан сказал:

— Это не солдат — пустое место. Скажи Джону, чтобы с ним не церемонился. Пусть делает что хочет, но к вечеру парень должен орудовать арбалетом так же, как ложкой за ужином. Пока от него проку ни на грош. Такого рекрута я выгнал бы до первого боя.

Ронин молча поклонился.

Долговязый Джексон искренне презирал арбалеты и ни во что не ставил арбалетчиков.

- Разве это стрелки? Любого торгаша научить можно за пару дней! А лучник Такэда, ты же сам знаешь, кто это такой!
- Я знаю. Ты тоже знаешь, и нам этого достаточно. Двух дней у тебя нет. Вечером покажешь капитану, чему смог научить парня.

Джексон посмотрел на новичка с отвращением.

— Пошли, недоносок. Оружейная вон там, в шалаше.

День шел своим чередом: в лязге оружия, ругани и божбе. Альварадо гонял своих бойцов так, словно завтра им предстояло встретиться с самим дьяволом. Время от времени капитан поглядывал туда, где Джексон обтёсывал новичка.

— Промажешь ещё раз, и три дня без жратвы тебе обеспечены, клянусь святым Этельредом! Смотри сюда, олух! Вот так надо!

Вечером новичок был весь в синяках. Всадив несколько стрел в мишень и дождавшись одобрительного кивка от Альварадо, он вытянулся, зачем-то приложил руку к голове и сказал:

— Господин капитан, разрешите обратиться!

Альварадо прищурился и кивнул.

- Где мы, господин капитан? Что здесь происходит? Какой сейчас год?
- Ты задаёшь слишком много вопросов. Мы в Сером лесу. И это всё, что тебе надо знать.
  - Где этот лес находится?

- Лес сам по себе.
- Почему винтовка здесь не стреляет? Я вас всех мог с одной обоймы положить...
  - Ты меня не понял? Слишком много вопросов. Здесь так. И всё.
- Поэтому здесь мертвецы воскресают? голос у Белова сорвался. Я этому кривому нож прямо в сонную артерию засадил, а у него даже шрама не осталось!
- Повторяю последний раз. Здесь так. Завтра ты должен стрелять куда быстрее: три раза, пока прочтешь «Отче наш». Понял?

Под немигающим взглядом Альварадо новичок ссутулился и пробормотап:

- Так точно... Только я молитв не знаю.
- Язычник, что ли? равнодушно спросил капитан и добавил, не дожидаясь ответа. Научи его, Джон. Пусть вызубрит.

Альварадо повернулся на каблуках и пошёл прочь — к костру.

- Нехристь... процедил Джексон. Был у нас один такой. Как там его... Торбьёрн Рыжий, вот. И правда рыжий, как лис. Грива чуть не до пояса, борода во всю грудь. А серебра на нём было эх, попался бы мне такой в своё время... Секирой орудовал загляденье. Сначала всё твердил: «Где мясо вепря, где мёд, где светловолосые красавицы?» Не то, говорит, обещал ты, ярл, когда звал меня в набег. Разобрался, что да как, и по-другому заговорил: мол, всё бы отдал, лишь бы хоть одному жрецу, что нам про пиршественные чертоги втирал, башку снести.
  - А что с ним потом было? спросил новичок.
- А потом снял кольчугу, запел что-то и попёр прямиком на копья. Почти всех секирой покрошил, пока самого стрелами не утыкали. Ладно, слушай: патэр ностэр, кви эс ин чэлис...
  - Это по-латыни?
- Заткнись и запоминай! Санктифи... санктифичэтур номэн туум... Повторяй!
  - Патэр ностэр... эхом отозвался новичок.

На пожелтевшую страницу упала тень, и Альварадо оторвался от чтения.

- Разрешите обратиться, господин капитан? спросил Белов и, дождавшись кивка в ответ, продолжил: Что вы читаете?
  - Творение величайшего лжеца.
  - Кто это такой?
  - Ты слышал о Данте Алигьери?

Белов сглотнул и ответил изменившимся голосом:

- Я читал «Божественную комедию»... в переводе. Но почему вы называете его лжецом?
- Он писал всякую чушь: про полный кипящей крови ров, про лучников-кентавров. Оглянись вокруг: где всё это? Лучник у нас один Джон Джексон. Что, похож он на кентавра? Если во рву кипит кровь, значит, там тепло. А здесь сырость пробирает до костей, постоянно мозжат старые раны.

- Но ведь всё это выдумки, осмелился возразить новичок.
- Выдумки! в голосе капитана звенела ярость. Люди верили, что флорентийский лжец побывал в Аду и вернулся, а он их не разубеждал. Дурачьё: из Ада не возвращаются. Наоборот, возвращаются в Ад снова и снова.
- Господин капитан, я исполнил ваш приказ, выучил молитву. Завтра снова буду стрелять из арбалета. Прежде я был плохим солдатом... наверно. Чтобы стать хорошим солдатом, надо понимать свою задачу. Объясните: где противник? Кто он? И кто вы все такие?
- Мы наёмники, парень. Против нас точно такие же наёмники. В Сером лесу других людей нет.
  - А где этот Серый лес находится?
- Ты ещё не понял? В Аду. Седьмой круг, первый пояс тот, что называется Флегетон. Там, где несут свою кару грабители и разбойники.
- Не может быть... пробормотал Белов. Помолчал и повторил севшим голосом. Не может быть. Такого не бывает.
  - А бывает так, чтобы воскрес покойник?
  - Н-н-нет...
- В Сером лесу бывает. Здесь нет зверей и птиц: только люди, которые куда хуже зверей. Здесь нет пушек, бесполезны мушкеты и аркебузы, потому что не взрывается порох. Но раны к вечеру исцеляются, а те, кого убили днём, воскресают и приходят к лагерному костру к своему, если убили свои.
  - А убитые чужими ну, врагом? Противником?
  - Тогда к другому костру, где-то далеко. Обратно уже не вернутся.
  - Я-то как здесь оказался? Я что, тоже убит там, на Земле?
  - Конечно. Это был первый раз. Привыкай, парень.

Белов умолк и стиснул челюсти так, что на скулах вздулись желваки.

- Двум смертям не бывать... сказал он, помолчав.
- Бывать-бывать, отозвался капитан. В конце концов привыкнешь.
- За что это? глухо спросил Белов. Мне, вам, всем?
- Раньше я думал, что за грехи. Скольких я убил? С семнадцати лет на войне, а мне тридцать три... было. А сейчас не знаю. Одно знаю: отсюда выхода нет только к другому костру, в другой отряд, а там всё сначала. Такэда говорит: карма. Но не объясняет, что это такое.
  - Кто наши противники?
  - Такие же ублюдки, как и мы.
  - А из-за чего мы воюем?
- Кто-то получает приказ и нападает на соседний отряд. Пока не получили приказа, готовимся. Вот и всё.
  - А кто отдаёт этот приказ?
- Главнокомандующий, Альварадо показал вверх в черное ночное небо.

- Почему?
- Думаешь, он перед нами отчитывается? Главнокомандующий не сообщает о своих планах. Ты был солдатом и что, тебе объясняли, почему нужно умирать? Почему нужно захватить ту деревню или эту крепость? Тебе приказывали, и всё. Здесь точно так же.

Белов надолго замолчал. Потом спросил:

- Господин капитан, а почему вы мне отвечаете? Недавно вы сказали, что я задаю слишком много вопросов.
  - Потому что ты спросил, что я читаю. Иди.

Белов приложил руку к виску, повернулся и ушел.

В этот вечер новичок молча, остервенело напивался. Он уже не удивлялся тому, что пойло в жбане для каждого своё: виски, вино, саке... Пьянел он быстро. Когда начались неизбежные, знакомые до последнего слова рассказы о былых кампаниях, понёс такую чушь про летающие колесницы и бронированные повозки с пушками, что даже болтун Манчино не выдержал.

- Ври больше, пустобрех! Да вся армия разбежалась бы!
- Некому было бежать! огрызнулся Белов. Двое осталось от нашей роты: я и Валька. Два активных штыка, бога в душу мать... ничего уже не было, кроме штыков. А те прут и прут...

На скулах у него выступили красные пятна. Осушив кружку, новичок принялся выкрикивать высоким лающим голосом:

— Учись, солдат, свой труп носить, Учись дышать в петле, Учись свой кофе кипятить На узком фитиле,

Учись не помнить черных глаз, Учись не ждать небес — Тогда ты встретишь смертный час, Как свой Бирнамский лес.

- Где-то я слышал про этот лес... проронил Альварадо.
- Только безумцев нам здесь не хватало. поневоле трезвый, Цвайхандер злился на всё окружающее.
  - Я не безумец! Я солдат! А вы наёмники! Псы войны, вот вы кто!
- Да, псы, неожиданно согласился ландскнехт. Слыхал про боевых псов с теленка величиной и одетых в кольчуги? Не всякий рыцарь отобъётся от этой собачки. Вот и мы такие. А ты щенок. Заткнись, надоел.
  - Щенок? глаза новичка налились кровью.
  - Уймись, парень, голос капитана звучал совершенно спокойно.
- Ты не щенок. Ты пушечное мясо, как говорил один толстяк.
  - Такое же пушечное мясо, как вы все!
- Нет. Мы мясо высшего разбора. Заткнись наконец и вспомни, что приказов я не повторяю.

Из темноты появился и подошел к костру Такэда. Его взгляд встретился с взглядом Альварадо. Ронин сжал правый кулак и выставил из

него два пальца: средний и указательный. Помедлил и опустил большой палец. Капитан кивнул и не смог сдержать довольной улыбки.

- Да вы хоть знаете, что мы все в Аду? выкрикнул новичок.
- А когда мы там не были? спросил Парижанин. Всю жизнь на войне, другого я и не помню почти. Домишко на окраине вот-вот завалится, торф в очаге дымит, а не греет, брюхо к спине прилипло с голодухи... Тоже Ад, изо дня в день. Потом в отряд нанялся, так хоть досыта поел.
  - Прямо досыта? съехидничал Цвайхандер.
  - Ну, не всегда, конечно. Как повезёт.
- Точно! Ад Аду рознь, приятель. Этот ещё ничего. Ни тебе чертей с вилами, ни раскалённых сковородок...
- Ага! Й червя неусыпающего тоже нет. Но огонь неугасающий есть вон он горит. И котёл есть правильный котёл, с похлёбкой. Хорошая похлёбка: наваристая, густая. Не то что раньше, с ворюгами-интендантами.
  - Что за интендант, если он не ворует?
  - А вместо дьявола капитан Альварадо, ввернул Манчино.
- Альварадо, он нашего брата понимает. Сам из таких. У нас был капитан так просто ублюдок, иначе не назовёшь.
  - Какой Ад? Лагерь как лагерь, сказал рассудительный Вальтер.
- Вот бабы теперь не требуются, это да. Так оно и к лучшему.
- Рябая Марта ни гроша не уступала, чертова сука, подтвердил Цвайхандер. Либо плати всё вперёд, либо давай заклад. Ребята ей мечи закладывали. Бывало, по три-четыре пояса от этих самых мечей носила... Когда померла от гнилой лихорадки, так должники её перепились на радостях. Ну сдавай, что ли, содомит.
  - Когда ты уже запомнишь? Не содомит, а содомитище!
  - Ладно, не кипятись. Спорим, я сегодня всех уделаю.

Сгорбленный как старик, Белов сидел у костра с пустой кружкой в руках, уставившись на огонь.

Утро пришло — хмурое и сырое, как всегда в Сером лесу. Терция просыпалась вразброд: вздыхая, всхрапывая напоследок, зевая. Проигравшийся в пух и прах Цвайхандер быстро нашёл, на ком сорвать зло:

— Эй, Щенок, миски помыты?

Новичок не повернул головы.

- Ты что, оглох?
- Прекратить! голос Альварадо выбора не оставлял. Поставлю вас в пару, тогда гоняй парня как хочешь. А сейчас замолчи.

Уходящего в секрет ронина новичок догнал на границе непролазных зарослей у края поляны.

- Господин Такэда! Господин Такэда! Разрешите обратиться! Поклонившись в ответ на безмолвный кивок, новичок выпалил:
- Что такое карма?
- Сознание того, что твои действия определяют твою судьбу. Настоящее вырастает из прошлого.
  - А я думал, что карма это наказание...

- Если ты опрокинул на себя жаровню, разве горящие угли наказывают тебя за это ожогами?
  - Нет, конечно... Огонь жжёт потому, что не может не жечь.
- Ты понял! Огню нет до тебя никакого дела. Ты сам дал ему возможность тебя обжечь.
  - Капитану вы этого не говорили?
  - Он не спрашивал. Мне пора.
  - Вы знаете, что отсюда нет выхода?
  - Это моя карма.

Новичок поклонился и побрёл в лагерь.

- Патэр ностэр, заряжай! Джексон отстукивал ритм носком сапога. Кви эс ин чэлис целься! Санктифичэтур номэн стреляй! Всё пока! Иди, принеси павезу!
  - Что это такое?
  - Надо прибавлять «сэр»! Повтори!
  - Что это такое, сэр?
- Щит, олух ты царя небесного! Без павезы арбалетчик сделает только один выстрел, а до следующего не доживёт. Возьми в оружейной голубую, с нарисованным драконом. Живо: одна нога здесь, другая там!

Новичка Джексон не дождался. В шалаше-оружейной Белов нашел стилет поострее и воткнул его себе в грудь — под шестое ребро слева.

- Проклятый дезертир! лучник от души пнул мертвеца и пошел доложить капитану.
- Оттащи его в заросли и займись своим делом, Альварадо вытер пот со лба и махнул Вальтеру. Продолжаем!

Лязгнули столкнувшиеся клинки. Джексон шепотом помянул черта и отправился выполнять приказание.

К вечеру капитан был мрачнее тучи. Такэда принёс плохие новости: атаки можно ждать со дня на день. Когда к костру притащился воскресший Белов, Альварадо бросил ему через плечо: «За мной!» и пошел к опушке. Испанцу не нужно было оборачиваться: он и так знал, что новичок бредёт следом, провожаемый угрюмыми взглядами остальных. Терция не любила дезертиров.

— Плохое время ты выбрал для побега, — сказал капитан, остановившись на краю поляны.

Темнота подступала снаружи, тянулась к кругу отброшенного костром света, прощупывала слабые места в обороне.

- Арбалетчик из тебя как христианин из маррана. Сгодится, если нет ничего получше. Из-за твоей трусости потерян день занятий. Следующего дня может не быть. Что скажешь в своё оправдание?
- Почему вы меня не предупредили? ответил вопросом на вопрос новичок.
- Ты забыл, что вопросы здесь задаю я, Альварадо сбил его с ног жестоким ударом в челюсть. Встань и отвечай.

Новичок поднялся, утёр кровь с разбитой губы и ответил:

- Потому что не хочу оставаться здесь навечно.
- Ты ещё не понял, что выхода отсюда нет? Главнокомандующий посчитал, что нельзя оставлять эту лазейку.
  - Теперь понял.
- Это хорошо. Тогда я отвечу на твой вопрос. Я не предупредил тебя, потому что ты должен был испытать это на своей шкуре. Вот только время выбрал неудачное. Ну что, каково умирать?
  - Больно. И страшно.
- Ты прав. Все мы умирали, знаем. Такэда говорит, что каждый из нас умрёт столько раз, сколько людей убил, и освободится, когда счет сравняется. Но кто может это знать?
  - Никто, тихо сказал новичок.
- Человек может вынести куда больше, чем обозный мул. Я видел мулов, исхлестанных до того, что казались освежеванными заживо. Куда им до нас!
  - Правда... глаза новичка смотрели вперёд невидящим взглядом.
- Было сказано: участь сынам человека и участь скоту одна и та же им участь: как тому умирать, так умирать и этим, и одно дыханье у всех, и не лучше скота человек. Оба лучше всего понимают боль и страх.
- A еще голод и холод, новичок помолчал и добавил. Господин капитан, вы дьявол.
  - Нет, парень. Я Вергилий, твой проводник в Аду.

Глаза Белова вспыхнули огоньком сумасшедшей надежды.

- Господин капитан, а если замириться с противником?
- Тогда не будут кормить. Котел не появится, вот и всё. Ты, видно, ни разу не голодал.

Белов издал странный горловой звук, будто подавился.

- Воевать и умирать за жратву?
- В конце концов воюют всё равно из-за жратвы. Только жратва для всех разная. Для короля паштет с жаворонками, для генерала жареная курица, для солдата каша из затхлой крупы. Умирать больно и страшно. Голодать мучительно. Тяжело оказаться в другом отряде, среди неведомых людей. Мы давно держимся вместе. Но Дитриха убили, а вместо него появился ты, Щенок! Там дезертиров и предателей вешали, а здесь...

Новичок глухо застонал и рухнул на колени перед капитаном.

- Я не мог иначе, не мог! Мы с голоду мерли, каждый день по нескольку покойников в любом бараке. Траву кругом всю съели: земля черная, ни одной травинки. Вот тогда вербовщики и приехали. От генерала Власова... Валька уже стоять не мог, его ребята под руки держали. Выхожу из строя, а он мне в спину шепчет: «Куда? Назад! Стой, сука!»
- Завербоваться что в этом такого? Каждый из нас это делал, и не один раз.

- Так я против своих воевать завербовался. Не хотел с голоду подыхать. А Валька умер через два дня. Вы говорите, что здесь Седьмой круг? Тогда мне нужно в Девятый: предатели родины и единомышленников это там.
- Я тебе не судья, сказал Альварадо, помолчав. Как там сказано? «Учись, солдат, свой груз носить...» так, что ли?
  - Не совсем, новичок утер лицо рукавом.
  - Неси свой груз сам. За мной!

Альварадо быстро шёл в густеющей темноте, прикидывал, когда можно ожидать атаки, и слышал, как за спиной бормочет новичок:

— Учись идти, считая шаг, Учись не чуять дрожь, Не знать, что за спиною враг, Когда вперед идешь...

- Ты это сам сочинил? бросил через плечо капитан.
- Нет. Я только дописал немного.
- Глупы те, кто говорит, будто солдат не может владеть пером и словом. Дон Хорхе был великим воином и хорошо сказал о жизни:

Приходя в нее, мы плачем, И горьки с ней расставанья Поневоле; Путь наш муками оплачен, Долгий век — одно названье Долгой боли.

— Здорово... — прошептал Белов.

Из темноты возник силуэт. Альварадо выхватил шпагу, но это оказался Такэда. Он торопливо поклонился, подошел ближе и что-то вполголоса сказал.

— Иди в лагерь, — приказал капитан.

Белов побрёл прочь, оступаясь и бормоча на ходу:

— Вот где причина того, что бедствия так долговечны... Как там дальше? Кто бы стал терпеть... когда кинжала лишь один удар — и он свободен. Ага, как же... Всё предусмотрел, фашист, сволочь проклятая.

Терция встретила новичка неприязненным молчанием. Он ещё не доел свою похлебку, когда к костру вышли капитан и Такэда.

- Сегодня ночью, объявил Альварадо. Оружие держать под рукой. Дальний пост не выставляем. Первая стража: Гуго и Вальтер. Вторая Цвайхандер и Манчино. Стрелки, приготовиться.
  - Пошли, нехристь, Джексон тяжело поднялся на ноги.
  - Куда? спросил Белов и чудом увернулся от оплеухи.
  - Надо добавлять «сэр»! Повтори!
  - Куда мы идём, сэр?
- В оружейную, Щенок. Нас ожидает веселая ночь, и не все доживут до рассвета.

- Кто собирается напасть, сэр?
- Наверно те, с Кривого ручья.
- Из-за чего?
- Ты что, совсем дурак? Или тебя в первый раз убили?
- Ну да там, на Земле...
- А-а... Ну, значит, так. Кому нападать, решает Главнокомандующий. Нападают, чтобы захватить котел. Он на рассвете появляется, как только солнце взойдёт. Если продержимся до его появления, останемся здесь кроме убитых, конечно. Они уходят в Резерв. И противник тоже: убитые и живые все. Если котел захватят в Резерв уходим мы.
  - А я еще думал: куда исчезает котел и откуда берётся...
- Нечего тут думать. Не твоего ума это дело. Доставай павезы: голубую с драконом и красную с лилией.
- $--\dots$ и костер сам по себе горит, дрова не надо собирать, костровой не нужен.
- Заткнись и пошевеливайся. Джексон подхватил лук и несколько пучков стрел. Еще поспать надо, от сна глаз зорче. Арбалет бери тот самый, пристрелянный. Болтов побольше...
  - А что такое Резерв? Сэр... поспешно добавил новичок.
- Это... В общем, когда здесь тебя убьют, оказываешься в чаще и бредёшь, пока не выйдешь к какому-нибудь костру. Холодно, тоска, жрать охота. А потом в отряде все чужие, не с кем словом перемолвиться. Пока ещё обживёшься. Здесь у нас хорошо. Известно, кто на что годится, кто какой фортель может выкинуть. Манчино с Мартином знаешь сколько уже лаются? Я и не помню, когда их здесь не было. Он шулер, конечно, Манчино, ну и что? Всё равно монеты истерлись, не разобрать, какая дороже. Играют так, чтобы время провести... Стой, зачем тебе это?

Но Белов уже вскинул на плечо свою странную аркебузу.

— Пригодится.

Во сне новичок плакал: давился сухими бесслёзными рыданиями. Звал мать и какую-то Лиду. Бормотал про улицу, аптеку и фонарь, нёс чушь о бане с пауками, пока Вальтер не ткнул его в спину.

— Заткнись, без тебя тошно! Утри сопли!

Белов умолк. Но никто из лежащих вокруг костра не уснул в эту ночь по-настоящему.

Терцию поднял на ноги крик: «К оружию!» Из предрассветной мглы на свет костра лезли тени, и их напор с трудом сдерживали Манчино с Цвайхандером.

- По местам! Альварадо был уже в шлеме и кирасе.
- Ставь щиты, нехристь! рявкнул Джексон, натягивая тетиву.

Первая стрела ушла в темноту, и один из нападающих рухнул навзничь. Согнувшись вдвое, Джексон метнулся под защиту павез, и тут же в раскрашенное дерево впились две ответные стрелы.

— Заряжай! Целься им в брюхо, стреляем по очереди — давай!

Новичок орудовал рычагом, как заправский арбалетчик.

Смерть гуляла на поляне, сидела на острие двуручного меча Цвайхандера, плясала между сталкивающихся алебард и копий. Во второй линии обороны плечом к плечу стояли капитан с обоеруким Такэдой, и два меча ронина, свистя, вычерчивали лежащую восьмерку — символ Вечности.

Стрелы из темноты полетели гуще, залпами. Упал Гуго Парижанин, Цвайхандер застыл на полушаге и рухнул, словно подорванная саперами крепостная башня.

— Быстрее, недоносок! Ох, не успел я тебе ума вложить!

Тетива пела в руках Джексона, стрела за стрелой уносилась в темноту.

— Давай, парень! Давай! Смотри, вон небо уже светлеет! Нам до рассвета продержаться надо...

Тяжелая стрела упала сверху и вонзилась Джексону за ключицу. Лучник повалился навзничь. Изо рта у него хлынула кровь.

— Навесным шпарят, гады, — сказал сквозь зубы Щенок и перезарядил арбалет.

В бледном утреннем свете он увидел, что глаза Джексона остановились. Такэда и Альварадо стояли спина к спине, и правая рука Такэды висела плетью. Трое копейщиков взяли их в кольцо. Неподалеку отмахивался алебардой от наседавшего противника Вальтер. Манчино лежал ничком на вытоптанной, залитой кровью траве, и было видно, какой он худой и маленький — как подросток.

Арбалетные болты закончились. Стрел было еще много, вот только из лука стрелять Щенок не умел.

Он оскалился по-волчьи. Проверил, хорошо ли примкнут багинет. Взглянул вверх, где за путаницей ветвей пряталось светлеющее небо. Подхватил свою нелепую аркебузу и выскочил из-за щита, держа её наперевес.

— Смерти нет, ребята! — закричал он во весь голос.

Те трое, от которых отбивались Такэда и капитан, оглянулись. Новичок мчался прямо на них, и было ясно, что ничто его не остановит.

- За Родину! Ура-а-а-а!
- О будда Амида... прошептал ронин.

Новичок бежал уже не по земле — по воздуху, словно взбегал на невидимый пологий склон, уходящий в небо. Выше и выше... Вот беззвучно полыхнуло ослепительное сияние, и Щенок растворился в нём.

В этот миг окончательно взошло солнце.

Нападавшие исчезли. Альварадо осел на траву и закрыл глаза. Такэда вытер меч о рукав. Вальтер ковылял к ним, опираясь на алебарду.

- Неужели всё? спросил капитан, обращаясь неизвестно к кому.
- Где он теперь? пробормотал Такэда, глядя вверх.
- Где бы он ни был, ему лучше, чем нам, ответил Альварадо.

Литературно-художественное издание Γ ЛА Γ ОЛ Γ Ь литературный альманах № 13

ISBN 978-598673-210-7 Издательство «ООО Андрей Буровский КИФ»

Подписано в печать 10.02.2020 г. Формат 70x100/16. Печ. л. 20,5 Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Группа МИД» почтовый адрес: Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 12, бизнес центр «Т4» тел./факс: (812) 458-43-69

Надеясь на великое «авось», бредёшь в толпе. Как все. Один из многих. Расходятся дороги вкривь и вкось. Но дураки страшнее, чем дороги. Здесь время паутинится давно – застывшим руслом, трещиной в цементе. И, по большому счёту, всё равно, кто именно сейчас на постаменте. Не знаешь, где «чужие», где «свои». Привычные теряются значенья. Не выпрытнуть из этой колеи. Гребёшь, как все – куда несёт теченье. На новый шат всегда найдётся «но»... И кажется, мы топчемся на месте, а главное проходит стороной. Махнуть от безнадёги граммов двести... Поверить бы авансом, просто так – однажды всё окупится сторицей... (Ну, а не веришь, значит – сам дурак. И некого винить, как говорится). Нет никаких «зачем» и «почему». И Бот уставший смотрит безучастно на коре, соразмерное уму. (Хоть и оно встречается нечасто). Молчит, сжимая солнце в кулаке. О будущем пока ещё – ни звука. И кто на постаменте вдалеке – пока не видно. Время близоруко...

